Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/polnoesobranesoc03alis

Полное Собраніе Сочиненій

П. Ѳ. АЛИСОВА

2-е Изданіе

Исправленное и дополненное

Вошли статьи не бывшія въ печати

КНИГА III

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Цѣна 6 фр.

Ницца

Типографія Я. Е. Клейдмана, 7, rue Cotta

1910

Гамлетъ

—

Генрихъ Гейне, въ письмахъ объ Англіи, произнесъ, ему одному доступную фразу: „Провидѣніе лишило Великобританію солнца, и въ замѣнъ, дало ей Шекспира". Съ благоговѣніемъ, чуть не мистическимъ, я изучалъ великобританское солнце, на мой взглядъ, оно во многомъ превосходитъ солнце вселенной, оно не охлаждается, но напротивъ съ вѣками, становится все горячѣе, лучезарнѣе, оно не закатывается и на немъ нѣтъ пятенъ. Оно свѣтитъ намъ ночью ярче, чѣмъ днемъ. Въ безчисленныхъ театрахъ оно чудесно согрѣваетъ, дивно оживляетъ утомившіяся сѣрой прозой, души; оно ослѣпляетъ насъ причудливыми образами, осыпаетъ въ зимнюю стужу полными аромата, южными цвѣтами; раскрываетъ передъ нами, въ душномъ театрѣ, цѣлое, свѣтозарное небо, съ пламенѣющими звѣздами.

Шекспиръ растетъ съ вѣками. Чѣмъ мы болѣе развиваемся, тѣмъ начинаемъ болѣе цѣнить его. Чтобы постигнуть гигантскіе размѣры, сіяющаго ослѣпительными снѣгами, Монъ Блана, всю ширь его, искрящихся на солнцѣ голубыми огнями, ледниковъ, нужно подняться на Brevent; только съ десяти тысячъ футовъ высоты выступаетъ настоящая величина Монъ-Блана,— съ низу онъ не поражаетъ, все сокращается.

Я старался изучать Шекспира на всѣхъ сценахъ Европы, и долженъ, со всею искренностью, сказать, что великіе итальянскіе артисты, въ пластичности, внѣшней выразительности, могутъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ на міровой сценѣ. Эмануэль, Томазо Сальвини громадны въ Отелло. Одинъ Кинъ чудовищной,

внутренней мощью, превосходилъ Эмануэля въ „Королѣ Лирѣ“. Великіе характеры, универсальные типы вставали во всей поражающей жизненности, но, къ сожалѣнію, я до настоящей минуты не видѣлъ одного типа Шекспира, самаго общечеловѣческаго, болѣе близкаго намъ, чѣмъ вѣкамъ минувшимъ — принца Гамлета.

До настоящей минуты Гамлетъ является образомъ фантастическимъ, романтичнымъ: съ худымъ тѣломъ, мертвенно блѣднымъ лицомъ, съ грустнымъ, порой вдумчивымъ, порой загадочно блуждающимъ взоромъ. Артисты изображаютъ его мощно чувствующимъ, поэтично страдающимъ; монологи выходятъ изъ сильной души, ослѣпляютъ не однимъ наружнымъ блескомъ, но и сердечностью.

Но я, рискуя вооружить противъ себя великихъ артистовъ, скажу, что въ театральномъ, эфектномъ образѣ все ложно: отъ оболочки, до духа. Въ нездоровомъ тѣлѣ Гамлета нездоровая душа, онъ не только не худъ, онъ хуже, чѣмъ толстъ: онъ жиренъ и страдаетъ одышкою. Въ седьмой сценѣ 5-го акта, мать его говоритъ:

„Онъ жиренъ, онъ задыхается“.

Сдѣлавъ Гамлета жирнымъ, Шекспиръ инстинктомъ генія угадалъ позднѣйшіе выводы не только психологіи, но и психіатріи. Психопаты, неврастеники, словомъ, всѣ люди безвольные, вырождающіеся, склонны къ сильному ожирѣнію. Шекспиръ вкладываетъ въ уста-Юлія Цезаря знаменательную характеристику:

„Я бы хотѣлъ имѣть
Вокругъ себя людей безпечныхъ, тучныхъ,
Которые бы спали ночью... Кассій
Такъ худощавъ и голоденъ на видъ;
Онъ слишкомъ много думаетъ... опасны
Такіе люди...
Когда-бъ онъ былъ
Потолще....“

Гамлетъ, по темпераменту, меланхолическій флегматикъ. Какъ всѣ люди развинченные, безвольные, онъ не только не великъ, но мелокъ душой; его патетизмъ, энтузіазмъ, болѣзненно страстные порывы — не сердечные, но головные. Онъ чувствуетъ поверхностью кожи, кровь его волнуется въ волосныхъ сосудахъ; жировой пластъ спасаетъ его отъ душевныхъ ударовъ

лучше, чѣмъ нѣкогда — стальной панцырь отъ физическихъ... Онъ необыкновенный адвокатъ, въ пяти актахъ старающійся блистательно, тонко, артистично оправдать свою душевную немощь.

Чѣмъ глубже Гамлетъ сознаетъ свою душевную дряблость, тѣмъ болѣе возвышается его адвокатскій лиризмъ.

Истинно сильное, душевное движеніе, въ силу своей интенсивности, неизбѣжно переходитъ въ дѣйствіе.

Въ моей краткой статьѣ, я, короткими выписками, постараюсь доказать правдивость моего мнѣнія. Я напомню отношеніе Гамлета къ Полонію, Офеліи, въ нихъ наглядно выступаютъ: жестокость, холодность его души, замаскированныя фейерверкомъ сарказмовъ, капризными двусмысленностями, разящими каламбурами.

Но сдѣлаемъ маленькое отступленіе. Мы посовѣтуемъ артистамъ радикально измѣнить сцену съ призракомъ: она немилосердно смѣшна, жалка; она была написана, а вѣрнѣе — прибавлена для грубо суевѣрной, невѣжественной публики, отдѣленной отъ насъ тремя столѣтіями. Смѣшно, дико видѣть на рубежѣ XX вѣка Гамлета-философа, скептика, свободнаго мыслителя, бесѣдующаго серьезно, съ невыносимыми кривляньями, криками, захлестываньями, съ какимъ то здоровеннымъ, нелѣпымъ пугаломъ, въ сіяющемъ шлемѣ и латахъ... Гамлетъ, болѣзненно нервный, могъ страдать галлюцинаціями. Съ другой стороны: онъ могъ разыгрывать, что видитъ призракъ отца, слышитъ его, обличающій преступленье, страшный голосъ для того, чтобы окончательно увѣрить окружающихъ въ правдивости носящихся всюду слуховъ объ отравѣ. Призракъ былъ необходимъ, какъ завязка грозной драмы. Сцена будетъ неизмѣримо эфектнѣе — не говорю уже натуральнѣе — если Гамлетъ, взволнованный, съ блуждающимъ взоромъ будетъ говорить, съ видимымъ, ему одному, призракомъ. Онъ долженъ находиться во власти галлюцинацій зрѣнія и слуха... Вспомните четвертую сцену третьяго акта, гдѣ карикатурный призракъ перваго акта становится галлюцинаціей. Королева говоритъ:

„О чемъ думаешь ты,
Устремляя очи въ пустоту, обращаясь
Со словами къ призраку несуществующему?

Величайшій въ мірѣ геній не могъ себѣ противорѣчить такъ грубо. Во всеоружіи громадное пугало въ первомъ актѣ, — пустота, галлюцинація въ третьемъ.

Призывъ „клянитесь“, конечно, долженъ быть слышимъ однимъ Гамлетомъ. На вопросъ, слышатъ ли окружающіе его, они должны отвѣчать съ испугомъ, что слышатъ: людей вѣрящихъ въ чудесное, очень легко увѣрить въ чемъ угодно, — безчисленными примѣрами полна жизнь. Отъ чудесъ, видѣній, къ стыду нашему, не избавились до настоящаго времени католическія страны.

Имѣй Гамлетъ великое сердце, онъ узнавъ роковую тайну смерти отца, отомстилъ бы съ спокойною неумолимостью; рѣчи были бы такъ же просты, величавы, какъ рѣчи Брута, въ Юліи Цезарѣ“. Рыхлое, обросшее жиромъ сердце Гамлета ежеминутно нуждается въ подогрѣваньяхъ, возбужденьяхъ, софизмахъ, самобичеваньяхъ... Неприкрашенный онъ — весь въ словахъ:

„Я презрѣнный, малодушный рабъ,
Я дѣла чуждъ, въ мечтаньяхъ безплодныхъ...
. . . . . .
Глупецъ, глупецъ! Куда какъ я отваженъ
Сынъ милаго, убитаго отца.
На мщенье вызванный и небесами,
И тартаромъ, я расточаю сердце
Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги,
Какъ женщина весь изливаюсь въ клятвахъ!

Послѣ окончательнаго, безповоротнаго удостовѣренія въ преступленіи короля, онъ застаетъ его при необыкновенной обстановкѣ для мести, стоило только поднять шпагу и разить, и въ эту исключительную минуту, онъ позорно отступаетъ, и душевную немощь силится прикрыть нелѣпой, жалкой въ его устахъ тирадой:

„Теперь бы могъ легко свершить...
Онъ молится... теперь я совершу,
И духъ его пойдетъ на небеса...
. . . . . .
Нѣтъ, то была-бъ награда, а не месть.
. . . . . .
„Нѣтъ, мечъ въ ножны... Ты будешь обнаженъ
Ужаснѣе.. когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ сладострастныхъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ.
Тогда рази... Чтобы пятами къ небу,
Онъ въ тартаръ полетѣлъ душею черной“.

На мой взглядъ, эта сцена — ключъ къ раскрытію всей души Гамлета. Артистъ долженъ показать публикѣ, что Гамлетъ не разитъ короля не потому, что не хочетъ, а потому, что не можетъ. Игрою лица, опусканіемъ шпаги въ ножны, онъ долженъ ясно обнаружить печальное, трагическое безсиліе, показать, что въ немъ недостаточно сильной любви къ отравленному отцу и недостаточно ненависти къ свершившему ужасное преступленіе... Въ монологѣ, произнесенномъ имъ, должны слышаться „слова, слова, слова“. Эта колизія, между рѣшеньемъ ума и рѣшеньемъ сердца, возбудитъ въ публикѣ трогательное состраданье къ Гамлету, она познаетъ въ немъ глубоко несчастнаго человѣка, больного человѣка, — больного вѣка, Гамлета, бѣднаго брата нашего.

Вдумайтесь въ противорѣчіе: философъ, скептикъ, изъ устъ котораго вылился монологъ: „Быть или не быть“, рѣчь къ черепу Іорика, каламбуры по поводу Цезаря, передъ которымъ весь міръ дрожалъ и которымъ замазываютъ щели; поразительные, въ духѣ Бюхнера, Молешота, сарказмы по поводу короля, путемъ круговращенья матеріи, очутившагося въ кишкахъ нищаго, вдругъ, начинаетъ заявлять, что убитый имъ, во время молитвы, король пойдетъ въ рай, а убитый во время оргіи — прямехонько въ адъ „пятами къ небу“. Онъ, сомнѣвающійся даже въ томъ, что загробный сонъ „видѣнья посѣтятъ“, толкуетъ о чудовищно нелѣпомъ, христіанскомъ адѣ, съ неугасимымъ огнемъ, сѣрою, вертелами, разнообразными поджариваньями... Вспомните, что Гамлетъ умираетъ атеистомъ; онъ не проранивает звука о богѣ, загробномъ мірѣ, покаяніи, священникѣ. Онъ просто разсказываетъ свою грустную исторію. О смерти упоминаетъ вскользъ, какъ истинный философъ.

Смерть — сержантъ проворный
Вмигъ беретъ подъ стражу“.

Возбужденный до крайней степени разговоромъ съ матерью, онъ, неожиданно, слышитъ шорохъ за ковромъ двери. Какъ всѣ люди безхарактерные, онъ, подъ вліяніемъ, мгновенно охватившей, ослѣпившей, какъ молнія, мысли, съ крикомъ: „король, король“, ударяетъ шпагою въ коверъ, убиваетъ, спрятавшагося за нимъ,

Полонія. Знай онъ нѣсколькими часами ранѣе, что за ковромъ дѣйствительно будетъ скрываться король, онъ, конечно, не пронзилъ бы его шпагою. Драма обогатилась бы еще однимъ удивительнымъ, самобичующимъ монологомъ.

Увидавъ Полонія, холодный эгоистъ начинаетъ издѣваться надъ трупомъ невиннаго старика, забывъ, что онъ отецъ любящей его Офеліи... Онъ вымѣщаетъ на трупѣ злобу неудачи: въ моментъ удара, онъ вообразилъ, что отдѣлался невзначай, быстро. Хотя мать и говоритъ, что онъ оплакиваетъ Полонія, но дальнѣйшіе, рѣжущіе сарказмы, пикантные каламбуы противорѣчатъ показанію. На вопросъ короля: „Гдѣ Полоній?“, онъ отвѣчаетъ:

„За ужиномъ. Только онъ не кушаетъ, а его кушаютъ!
Конгресъ политическихъ червей только что за него принялся... А что касается до съѣстнаго, такъ этакой червячишка единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ только различныя кушанья, два блюда для одного стола“.
„Дѣло возможное: удить червякомъ, который ѣлъ короля, и скушать потомъ рыбу, проглотившую червяка, король можетъ прогуляться по кишкамъ нищаго“.

Онъ представляется сумасшедшимъ, чтобы безнаказанно осыпать короля молніеносными остротами, желчными двусмысленностями.

Къ нѣжно любящей его Офеліи онъ относится съ холодною жестокостью. Артистамъ, конечно, извѣстно, что нужно подразумѣвать подъ словами: „Иди въ монастырь“, въ подлинникѣ стоитъ настоящее слово,— не для дѣвицъ. Шекспиръ не понималъ галантерейнаго обращенья, часто влагалъ въ уста своихъ героевъ выраженья, библейски нагія, откровенныя... Въ разговорѣ съ Полоніемъ, онъ, съ циничною жестокостью, отзывается о виновной лишь въ любви къ нему, бѣдной Офеліи:

„Не пускай ее на солнце, плодородіе благодатно, но если такая благодать достанется въ удѣлъ твоей дочери, берегись, дружекъ!“

На могилѣ Офеліи, Гамлетъ патетически восклицаетъ: „Я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ“. Но, увы, знаменитая фраза поразн-

тельно расходится съ поступками; въ ней звучитъ напыщенная реторика. Спрыгнувъ въ могилу, онъ кричитъ:

Скажи, на что готовъ ты? плакать? драться?
Постить? терзать себя? Пить острый ядъ?? —
Я то же сдѣлаю... Ты, выть, пришелъ,
Ты мнѣ на зло спрыгнулъ въ могилу?
Ты хочешь съ ней зарытымъ быть? Я тоже.
Ты говоришь о высяхъ горъ? Такъ пусть же
На насъ навалятъ милліонъ холмовъ,
Чтобъ ихъ глава страны огня коснулась,
И Осса передъ нимъ была-бъ песчинкой".

Итальянскій переводчикъ выпустилъ въ концѣ одну строку, въ которой вырысовывается Гамлетъ.

„Я разглогольствовать умѣю, какъ и ты!"

Итальянскіе артисты, въ сценахъ съ Офеліей, стараются смягчить ледяную циничность выраженій глубиной внутренняго страданья. Но въ правдивой, какъ сама жизнь, драмѣ нѣтъ этого глубокаго страданья; всѣ душевныя движенья Гамлета рѣзки, болѣзненны, его веселость, въ своемъ родѣ, яркіе, южные цвѣты, покрытые черною вуалью.

Въ послѣдней сценѣ онъ убиваетъ короля, въ состояніи души близкой къ экстазу. Событія доростаютъ до такихъ колоссально кровавыхъ размѣровъ, что онъ дѣйствуетъ въ состояніи невмѣняемости. Случайный обмѣнъ шпагъ, неожиданное пробужденіе совѣсти, сознаніе въ отравѣ шпаги, кубокъ съ ядомъ, нечаянно выпитый королевою, ужасающе естественно толкаютъ руку Гамлета на убійство короля. Онъ — слѣпое орудіе фатально сплетающихся событій.

Не только великіе писатели-сердцевѣдцы, но и врачи-психіатры знаютъ превосходно, что люди безвольные всегда дѣйствуютъ подъ вліяньемъ неожиданно захватывающихъ, потрясающихъ впечатлѣній, только — на поверхностный взглядъ — рѣшительно. Черезъ какой нибудь часъ, послѣ необыкновеннаго поступка, они, придя въ себя, никакъ не могутъ понять, какимъ чудомъ могли его свершить. Во время революціонныхъ движеній, истинные герои, съ сердцемъ „изъ золота и стали" силою всепобѣдной любви къ человѣчеству, мощью стра-

сти увлекаютъ тысячи безхарактерныхъ людей; подъ обояніемъ дивнаго гипноза, они на мигъ становятся героями, исполинами, свершаютъ подвиги, о которыхъ ранѣе не имѣли представленія.

Въ политическихъ движеніяхъ такіе люди, послѣ продолжительныхъ испытаній, часто искренно каются и, озлобившись на своихъ великихъ, полныхъ благихъ чаръ повелителей, становятся ренегатами.

Не трудно предсказать, что артистъ, рѣшившійся возсоздать настоящаго Гамлета, свершитъ революцію въ театральномъ мірѣ... Гамлетъ жирный, съ одышкою во время душевныхъ волненій, Гамлетъ несознательный необычайно умный фразеръ, у котораго кинжалы „на словахъ, а не на дѣлѣ", встанетъ передъ нами живой, возбудитъ въ насъ состраданье, участье, удивленье, и передъ нимъ въ тѣнь отодвинется Гамлетъ призрачный, передѣланный артистами, на свой рутинный манеръ.

* * *

Величайшій артистъ Италіи, Ермете Новелли, прочтя мою статью „Гамлетъ" въ „Rivista Moderna", (ноябрь 98 года, Флоренція) написалъ мнѣ слѣдующее:

„Многоуважаемый Сеньоръ,

„Съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочелъ вашъ этюдъ „о Гамлетѣ. Вы смотрите на Гамлета совершенно такъ „же, какъ и я. Но такое, глубоко правдивое исполненіе „Гамлета, вслѣдствіи рѣзкаго расхожденія съ укоренив„шимися понятіями публики, рискуетъ быть встрѣчено „неблагопріятно. Надо поступать, какъ медикъ съ боль„нымъ: давать маленькія дозы, чтобы постепенно убѣ„дить его, что лекарство полезно и вкусно. И то, и „другое я стараюсь дѣлать, и надѣюсь, и вѣрю твердо въ „возможность оцѣненія публикой настоящаго Гамлета, „котораго вы такъ глубоко изучили и котораго я по„нимаю такъ же, какъ и вы.

„Примите, дорогой Сеньоръ, мое глубокое поздрав„леніе и крѣпкое пожатіе руки.

Ermete Novelli

„Римъ, 3 февраля, 99 г."

Шейлокъ

—

Въ наши дни, между любителями сценичной правды, часто слышатся фразы, полныя извращенья правды: „это великій артистъ, но старой школы, онъ преувеличиваетъ, создавая колоссальныя фигуры, съ сверхъестественными страстями, голосомъ, подобнымъ реву бури и раскатамъ грома, съ чудовищной игрой физіономіи; его представленія навѣваютъ кошемары, невыносимо раздражаютъ нервы. Человѣкъ во всѣ времена былъ приблизительно одинъ и тотъ же; имѣлъ страсти, какъ и всѣ мы, тотъ же голосъ, тѣ же силы; чѣмъ обыденнѣе, проще актеръ, тѣмъ натуральнѣе. Для нашего времени не нужны болѣе артисты, съ атлетическимъ сложеньемъ, необычайною грудью, вулканическимъ темпераментомъ, оглушающимъ голосомъ. Намъ не нужны классическія трагедіи, созданья геніевъ давнихъ вѣковъ. Намъ по душѣ авторы, отражающіе въ своихъ драмахъ, комедіяхъ современную жизнь, заставляющіе насъ рѣдко плакать, но за то много смѣяться. Мы готовы позволить, для разнообразія, перемѣны, даже помучить насъ въ театрѣ, но нужно, чтобы душевное страданье не переходило извѣстныхъ границъ“.

Къ этимъ фразамъ прибавлю недавно слышанную: Послѣ представленія Пеццаной „Медеи“, одинъ извѣстный во Флоренціи актеръ и критикъ, замѣтилъ: „Я предпочитаю Пеццану въ „Маршаль“. Онъ не взялъ въ разсчетъ, что „Маршаль“ могутъ хорошо сыграть, по крайней мѣрѣ, десятокъ актрисъ въ Италіи, тогда какъ настоящую Медею, въ нашъ вѣкъ въ Италіи, представили только двѣ: Ристори и Пеццана, а во Франціи

— Рашель. Нужно ли прибавлять, что Ристори, Пеццана, Рашель — чудо XIX вѣка? Что имъ слѣдовало бы воздвигнуть золотыя статуи, такъ какъ онѣ достигли самой вершины искусства, ослѣпляющей дѣвственными снѣгами, съ которой раскрываются свѣтозарные, необъятные горизонты, пропасти, закутанныя синей мглой облаковъ, съ бушующими, исчезающими въ нихъ водопадами.

Артистъ, могущій исполнять только современныя роли, — артистъ неполный, недодѣланный.

Мы съ восторгомъ слушаемъ, заставляющія глубоко призадуматься психологовъ, мощныя драмы Ибсена и ему подобныхъ. Насъ глубоко волнуютъ попытки на „проклятые вопросы дать отвѣты намъ прямые“. Но эти драмы, комедіи отнюдь не должны отодвигать въ тѣнь творенья міровыхъ геніевъ прошлыхъ вѣковъ и начала нынѣшняго.

Жажда зрѣть одно вполнѣ современное искусство— жажда діабетика.

Всюду обнаруживается страсть поставить искусство въ уровень съ нашимъ временемъ, временемъ порнографіи, пошлости, будничности интересовъ; жаждутъ сладенькаго, сальненькаго, наркотическаго, лимфатическаго. Величайшаго генія всѣхъ вѣковъ и народовъ: Шекспира силятся замѣнить широчайшимъ фабрикантомъ драмъ — Сарду, драмы котораго сшиваются быстро, безцеремонно, изъ наворованныхъ кусочковъ изъ всѣхъ литературъ; героевъ, героинь заточаютъ, пытаютъ, казнятъ, убиваютъ не въ силу жизненной правды, естественно развивающихся событій, но для трескучихъ, на мигъ не прекращающихся эфектовъ, изъ угожденья знаменитымъ артистамъ и артисткамъ; для нихъ, зачастую, карикатурно, нелѣпо передѣлываются отъ пятъ до затылка историческія лица, отпускаются въ чрезвычайныхъ дозахъ всевозможныя раздирательныя страсти, съ демонизмомъ на первомъ планѣ.

Мы протестуемъ противъ Прокрустова ложа, обидно смѣшнаго желанія сократить тѣло, душу великаго артиста. Разъ наша душа, тѣло пошли на убыль, мы еще болѣе должны цѣнить артистовъ, не только сохранившихъ ихъ, но и развившихъ.

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Отелло, Макбетъ, Шейлокъ, Брутъ, Лиръ, Ричардъ III, Маркъ Антоній, Коріоланъ, Тимонъ Аѳинскій, Ромео, Клеопатра, Леди Макбетъ, Жульетта и десятки другихъ, вполнѣ реальныхъ лицъ, другихъ геніальныхъ авторовъ, не подходятъ ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ на нашу расу, индиферентную, трусливую, худосочную, съ разслабленными нервами, мозгомъ, истощеннымъ безплоднымъ, раннимъ ученіемъ, безобразными пороками. Не только люди давнихъ временъ, но и прошлаго вѣка, отличаются отъ насъ до боли рѣзко. Сравните титановъ 1793 года съ лилипутами конца XIX вѣка. 21 января 1793 г., съ омерзительными вылизываньями въ Тулонѣ, въ Кронштадтѣ и въ самомъ „городѣ свѣта“ — Парижѣ.

Законы, съ ихъ карами, казнями, до извѣстной степени, отражаютъ характеръ, темпераментъ, нервы, кровь расы. Чтобы сократить насъ — въ большинствѣ случаевъ — достаточно взмаха палки полицейскаго. Чтобы смирить нашихъ отдаленныхъ предковъ, требовались до бѣла раскаленные щипцы, отдиранье трепещущаго мяса отъ костей, расплавленный свинецъ на раны, ломъ костей подъ колесомъ, вытягиванье жилъ, разрываньe на части лошадьми, и не смотря на всю внушительность этихъ полицейско административныхъ пріемовъ, они, зачастую хохотали, глядя въ глаза своихъ лютыхъ палачей. Они умѣли страшно мстить за оскорбленія. Степанъ Разинъ, послѣ пытокъ до того ужасныхъ, что одинъ перечень ихъ можетъ поднять дыбомъ волосы у нервнаго человѣка, заскрежеталъ зубами и выплюнулъ зубы въ лицо пытавшихъ его изверговъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и наше время не исключаетъ чудесъ духа, но то роскошные, какъ греза, оазисы, среди безпредѣльной, сожженной Сахары. И передъ нами прошли люди, не блѣднѣвшіе не только передъ эшафотомъ, но и передъ утонченными пытками, явившіе героизмъ, самоотверженіе по истинѣ, сверхъестественные, затмившіе своими дивными, душевными силами самыя фантастическія легенды сказочныхъ временъ.

Этихъ героевъ, граничащихъ съ миѳологическими образами, мы встрѣчали, увы, не съ трепетнымъ восторгомъ, но чуть не съ улыбкою снисхожденія — въ крайнемъ случаѣ — мы ихъ только оправдывали. Мы па-

даемъ ницъ передъ крестомъ на Голгоѳѣ и чуть не презрительно поварачиваемся спиною къ крестамъ, воздвигаемымъ по всѣмъ городамъ Россійской деспотіи. Изъ ста газетъ — девяносто плевали въ ихъ помертвѣлыя отъ пытокъ лица, на нихъ яро клеветали, ихъ заливали газетными помоями, чуть не вышучивали... Подлые, трясущіеся кастраты преподавали имъ мораль, провожая на мучительную казнь, кричали: „Сойдите со креста! Вы, спасавшіе другихъ, себя спасти не можете!“ Крамскій, въ самый разгаръ несмываемой позорной травли, выставилъ картину—аллегорію: Христа, окруженнаго надругателями... На прозрачно блѣдномъ, вдохновенномъ лицѣ ярко пылаетъ пятно-пощечина фарисея.

Прошу извинить за отступленіе. Перейдемъ снова къ великимъ артистамъ. Они не рѣдко обнаруживаютъ передъ нами нетолько настоящее, но и громадно отдаленное прошлое.

На насъ надвигается отовсюду мутное, сѣрое, нестерпимо обыкновенное. Необходимо, по временамъ раскрывать небо, съ бездонною, сіяющею лазурью, ярко горящими, таинственными мірами.

Геніальный артистъ — существо исключительное; въ его крови, нервной, мозговой субстанціи, дремлятъ дивно задержанныя страсти, чувства временъ давно минувшихъ, для насъ непонятныя, поразительно странныя, — по нашему времени — чудовищныя. Артистъ-геній долженъ, порой, подымать нашу душу на высоту, вызывающую головокруженье и опускать въ тѣ страшныя бездны духа, гдѣ царятъ невѣроятныя желанья, невыразимыя для насъ страсти. Онъ должен, порой, мистическимъ вдохновеніемъ разъяснять намъ самые запутанные, психологическіе феномены. Во время представленія, онъ — царь царей, абсолютный властитель нашихъ душъ, и передъ такимъ полномощнымъ монархомъ, съ восторгомъ, преклонится самый ярый республиканецъ, революціонеръ... Артистъ-геній долженъ заставить насъ понять, прочувствовать вытекающую изъ всемогущей, идеальной любви, ревность Отелло; безпредѣльную, всю сотканную изъ солнечныхъ лучей, любовь Ромео; исполинскую ненависть Шейлока; сатанинское властолюбіе Макбета; фантастически капризную,

знойно причудливую страсть Антонія, холодно желчную свирѣпость Ричарда III; недостягаемую душевную высоту Брута, чудно разумное сумасшествіе Лира; мрачную, какъ туча передъ южною грозою, меланхолію Саула, артистическое безуміе Нерона.

Артистъ, игравшій съ Тальмою, передавалъ, что Тальма, приближаясь къ нему съ кинжаломъ, смертельно блѣднѣлъ, взглядъ становился ужаснымъ, сосредоточеннымъ; губы конвульсивно вздрагивали. Не будь кинжалъ изъ картона, актеръ боялся бы за свою жизнь.

Въ 79 году, въ Неаполѣ, я видѣлъ Томазо Сальвини „въ Саулѣ“. Въ послѣднемъ актѣ, послѣ поразительной сцены смиренья, униженья передъ Еговою, Саулъ, вдругъ чувствуетъ въ себѣ пробужденье прежней властолюбивой гордости, онъ подымаетъ съ земли свою тяжелую, золотую съ зубцами, корону, надѣваетъ ее на сѣдую, косматую голову, и взявъ за остріе короткій, широкій мечъ, ярко сверкающій на рукояткѣ драгоцѣнными камнями, начинаетъ клясть Іегову. Быстро надвигающаяся гроза, зловѣще озарявшая по временамъ театръ, неожиданно разразилась съ всепобѣдною, незнакомою сѣверу силой. Театръ, построенный изъ легкаго дерева, дрожалъ отъ громовыхъ раскатовъ; стеклянный куполъ свѣтился синимъ огнемъ отъ безпрестанныхъ молній, но голосъ Сальвини гремѣлъ сильнѣе голоса разъяренной грозы, молніи его глазъ порожали сильнѣе молній неба. Этотъ споръ земли съ небомъ былъ такъ величаво грозенъ, прекрасенъ, что публика, наэлектризированная грозою и игрою Сальвини, приподнялась разомъ, какъ одинъ человѣкъ, и разразился долго сдерживаемый энтузіазмъ, близкій къ безумію.

Въ нѣсколько минутъ я понялъ все загадочное, таящееся въ словѣ — геній. Исчезла таинственная черта, отдѣляющая громадный талантъ отъ генія.

Нечего и прибавлять, что Сальвини, съ своимъ леденящимъ кровь голосомъ, вздохами льва, разбуженнаго ночью въ пустынѣ, былъ вполнѣ естественъ, онъ былъ настоящій, легендарный Саулъ.

Я наслаждался игрою Эмануэля въ „Лирѣ“. Геній его доходитъ до апогея въ этой трагедіи. Это его самая полная, выдержанная роль; врядъ ли въ цѣломъ мірѣ онъ имѣетъ въ ней серіезнаго соперника. Особен-

но дивенъ онъ въ сценѣ пробужденья во французскомъ лагерѣ, когда узнаетъ Корделію, и, затѣмъ, въ послѣдней, гдѣ восьмидесятичетырехъ лѣтній старикъ, съ рвущими душу воплями, несетъ трупъ убитой Корделіи, затѣмъ, самъ умираетъ въ невыразимо трогательномъ страданіи, обнимая трупъ, слишкомъ поздно понятой, дочери.

Истиннаго Ромео мнѣ пришлось увидѣть въ 72 году, увы, не въ Италіи, а въ Берлинѣ. Въ сценѣ балкона артистъ долженъ показать такую всесильную, неодолимую, фатальную любовь, что его смерть въ послѣднемъ актѣ, станетъ неизбѣжною, логичною. Артистка, играющая Джульетту, должна проявить тѣ же чувства еще ярче. Въ Джульеттѣ чустся страстность Клеопатры, идеализмъ Офеліи, романтизмъ Дездемоны. Если артистъ вздумаетъ объясняться въ любви, какъ это дѣлаютъ въ наше время — никогда не забывающіе кармана — страстные итальянцы, онъ впадетъ въ карикатуру, профанацію. Не могу вспомнить безъ смѣха Тину де Лоренцо въ „Джульеттѣ“ и Андо въ „Ромео“, они, выполнявшіе такъ прекрасно роли въ драмахъ современныхъ, стали смѣшны, жалки, чуть не противны въ потугахъ изобразить страсти, не по нервамъ современнаго человѣка.

Чтобы углубить мою мысль, остановлюсъ на титанической фигурѣ Шейлока. Какъ то давно блуждая по римскимъ храмамъ, я съ благоговеньемъ, смѣшаннымъ чуть не съ ужасомъ, остановился передъ „Моисеемъ“ Микель-Анджело. Косы исполинской бороды обвиваютъ, какъ змѣи, исполинское тѣло; два луча изъ головы, точно рога сатаны. Не помню, кто то сказалъ, что оживи, приподнимись Моисей, и во мгновенье рухнутъ своды храма. Если Моисей дѣйствительно существовалъ, то эта мраморная гипербола — въ смыслѣ духа — неособенно далеко ушла отъ дѣйствительности. Только такое властное, всемогущее страшилище могло провести черезъ пустыню жестоковыйный, необузданный и въ чувственныхъ, и въ душевныхъ порывахъ, народъ іудейскій. Долго я любовался Моисеемъ, и вдругъ, нежданный, незванный предсталъ передо мной другой, не менѣе могущественный, образъ, созданный не изъ глыбы каррарскаго мрамора, не рѣзцомъ, но словомъ, не подъ

палящимъ солнцемъ, но въ сумракѣ тумановъ: образъ Шейлока. Онъ былъ невыразимо грустенъ, кровавыя слезы крупными каплями катились изъ печальныхъ глазъ. Мое сердце заныло: я былъ всегда на сторонѣ терзаемыхъ.

Чѣмъ глубже вы вникаете въ монологи Шейлока, тѣмъ болѣе сознаете, что много правды въ предположеніи, что Шейлокъ — возмущенье противъ христіанства, мощно страстный протестъ противъ лютыхъ, слѣпыхъ гоненій, непрерывающихся болѣе десяти вѣковъ. Кроваво идіотскій фанатизмъ, уцѣлѣвшій до нашихъ временъ, невольно, возбуждаетъ отчаянье — „за чело вѣка страшно“.

Никогда не пересыхающія слезы, нескончаемыя страданья, святое негодованье, удушаемыя въ продолженіи долгихъ вѣковъ выходятъ въ наружу въ Шейлокѣ. Враги его сѣяли вѣтры и пожали въ немъ бурю... Генрихъ Гейне, видѣвшій Кина, пишетъ, что онъ заставлялъ трепетать публику въ роли Шейлока. Въ его глазахъ горѣла ненасытимая ненависть, каждое слово вылетало, какъ отравленная стрѣла; онъ обнаруживалъ въ своей манерѣ игры невиданное, непонятное, божественное и дьявольское могущество. Всѣ чувствовали, что этотъ человѣкъ, съ длинными, черными, какъ воронова крыло, волосами, съ пылающимъ взоромъ, въ одеждѣ на половину черной, на половину красной какъ кровь, способенъ, съ сладострастнымъ упоеніемъ, вырѣзать фунтъ мяса у врага своего народа... Кинъ былъ вполнѣ натураленъ.

Шейлоку трудно досталось богатство. Блестящіе червонцы были куплены мучительными, безсонными ночами, нестерпимыми униженьями. По мѣрѣ роста золотыхъ грудъ, росли невзгоды надъ его головой. Золотой металлъ притягивалъ молніи христіанскаго гнѣва. И этотъ ярый поклонникъ золотого тельца, на секунду не задумываясь, предлагаетъ три тысячи дукатовъ лютѣйшему своему врагу и своего народа, съ правомъ, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, вырѣзать у него изъ тѣла фунтъ мяса...

„Антоніо, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной,
Изъ за моихъ же денегъ и процентовъ,..
Я это все переносилъ

Съ терпѣніемъ, плечами пожимая.
Терпѣнье-жъ — наслѣдственный удѣлъ
Всей націи еврейской... Вы меня
Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
Плевали мнѣ на мой кафтанъ жидовскій
И это все за то лишь, что своимъ
Я пользуюсь... Теперь, какъ видно, помощь
Моя нужна. Ну что-жъ! впередъ, и вы
Приходите ко мнѣ и говорите:
„Шейлокъ, намъ нужны деньги". Это вы
Такъ просите, вы, часто такъ плевавшій
Мнѣ въ бороду, дававшій мнѣ пинки,
Какъ будто псу чужому, что забрался
На вашъ порогъ. Вамъ нужны деньги. Что-жъ
Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить? Не сказать ли:
„Да развѣ же имѣетъ деньги песъ?
Да развѣ же возможно, чтобы собака
Три тысячи червонцевъ вамъ дала?
Иль можетъ быть, я долженъ низко шляпу
Передъ вами снять, и тономъ должника
Едва дыша, вамъ прошептать смиренно:
Почтеннѣйшій, синьоръ мой, на меня
Вы въ среду прошедшую плевали,
Въ такой то день вы дали мнѣ пинька
Въ другой — меня собакой обругали.
И вотъ теперь за ласки эти всѣ,
Я приношу вамъ столько-то и столько".

продолжаетъ:

„Къ нотаріусу мы
Сейчасъ пойдемъ. Вы на простой роспискѣ
Подпишитесь и такъ для шутки въ ней
Напишемъ мы, что если не внесете
Въ такой-то день, въ такомъ то мѣстѣ мнѣ
Ту сумму всю, которая въ роспискѣ
Означится, что неустойкой съ васъ
Фунтъ вашего прекраснѣйшаго мяса
Послужитъ мнѣ — и буду властенъ я
Тамъ вырѣзать его, гдѣ пожелаю".

подъ конецъ прибавляетъ:

„О, отче, Авраамъ!
Вотъ каковы всѣ эти христіане!
Ихъ собственная жосткость учитъ ихъ
Подозрѣвать въ другихъ дурныя мысли".

къ Бассаніо:

„Ну сами вы скажите: если онъ
Въ срокъ не внесетъ. — Изъ этой неустойки
Что пользы мнѣ? Людскаго мяса фунтъ
Вѣдь цѣнится гораздо ниже мяса
Не только что барана, но козла.
Лишь для того ему услугу эту
Я предложилъ, чтобъ пріобрѣсть себѣ
Его пріязнь, согласенъ онъ, — извольте.
Не хочетъ онъ — прощайте и прошу
За дружбу къ вамъ не обвинять Шейлока".

На вопросъ Саларино: На что нужно ему мясо? Онъ отвѣчаетъ каламбуромъ, разящимъ какъ лезвеё отравленнаго ножа: „Прокармливать рыбу... Если оно не насытитъ никого, оно насытитъ мое мщенье... Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полъ милліона. Онъ смѣялся надъ моими потерями, заработками, ругалъ за то, что я жидъ... Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? Развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувства, привязанностей, страстей? Развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? Развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? Лечится не тѣми же средствами? Согрѣвается, знобится, не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колите, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ? А когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомщаемъ? Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиренье? — Къ мщенію... Когда христіанинъ обидитъ жида, къ чему должно прибѣгнуть его терпѣніе? — Ну тоже къ мщенію... Гнусности, которымъ вы меня учите, я примѣню къ дѣлу, и коли не превзойду своихъ учителей, такъ значитъ мнѣ сильно не повезло счастье“.

Передъ сенатомъ, низко, гнусно оскорбляемый всѣми, онъ произноситъ рѣчь, поражающую своей революціонной логикой:

„Я нашею субботою святой
Поклялся въ томъ, что получу уплату
По векселю... Коль захотите вы
Мнѣ отказать — нарушите законы
И вольности республики своей...
Вы спросите, зачѣмъ предпочитаю
Тремъ тысячамъ червонцевъ мяса фунтъ
Негоднаго? На это не желаю
Я отвѣчать, положимъ, что скажу
Таковъ мой вкусъ! Отвѣтъ ли это будетъ?
Представьте вотъ что: крыса завелась
Въ моемъ дому и не даетъ покоя,
И я тому, кто отравитъ ее,
Хочу отдать червонцевъ десять тысячъ,
Достаточенъ ли для васъ такой отвѣтъ?“
. . . . . .
„Когда я правъ, какой мнѣ страшенъ судъ?
Обдумайте вы вотъ что: есть не мало
У васъ рабовъ; а такъ какъ вы себѣ
Купили ихъ, то наравнѣ съ ослами.

Собаками, мулами тѣхъ людей
На рабскія, презрѣнныя работы
Вы гоните... скажи теперь я вамъ:
Пустите ихъ на волю; пожените
Ихъ на своихъ наслѣдницахъ... Зачѣмъ
Подъ ношами, тяжелыми потѣютъ
Несчастные? Пускай постели ихъ,
По мягкости, не уступаютъ вашимъ.
Пусть блюда тѣ, что кушаете вы,
Ихъ неба услаждаютъ. — Вы на это
Сказали-бъ мнѣ: „Рабы всѣ эти намъ
Принадлежатъ“. — Ну такъ, и я отвѣчу.
Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
Я требую, мнѣ очень много стоитъ:
Онъ мой, и я хочу имѣть его,
Откажите — я плюну на законы
Венеціи, въ нихъ значитъ силы нѣтъ.
Я жду суда“.

Кто такъ способенъ безгранично ненавидѣть, способенъ также безгранично любить, — это психологическій законъ.

Можете судить, какою титанической силою должна дышать игра артиста въ подобной роли.

Когда Шейлокъ разбитый адвокатской казуистикой, приговоренный къ потерѣ всего имущества, коварно обманутый, покинутый своею единственною дочерью, всѣми проклинаемый, съ чёрною смертью въ душѣ, сходитъ со сцены, огромное, мучительное состраданье къ нему и ко всей злосчастной расѣ охватываетъ душу... Его жестокость понятна, логична. Онъ не лижетъ, какъ подлая собака, безпощадно бьющую руку, но кусаетъ, оставляя въ ранѣ ядъ своего бѣшеннаго гнѣва... Въ экстазѣ божественной ненависти онъ, какъ Самсонъ, готовъ обрушить колонны подъ пирующими филистимлянами и погибнуть, наслаждаясь мыслью, что съ нимъ сгибнутъ его лютые враги. Онъ послушенъ своему богу: богу знойныхъ пустынь, обожженныхъ, неприступныхъ скалъ, черныхъ, зіяющихъ пропастей, — который грозно повелѣваетъ: „Око за око, зубъ за зубъ“.

Если бы моя несчастнѣйшая родина, вмѣсто трогательно воспѣваемой, замаскированными хамами морали бога-сына, пустила бы полнымъ развертомъ мораль бога-отца, какъ бы живо рухнула распроклятая, ненасытно кровожадная, невѣроятно нелѣпая деспотія!

Гамлетъ, размѣрами своего сердца, безволіемъ, неврастеніей, адвокатскимъ, блистательнымъ краснорѣчіемъ, приближается къ намъ; онъ въ нѣкоторомъ родѣ — герой нашего времени; наша жизнь кишитъ маленькими гамлетиками. Шейлокъ, перенесенный въ венеціанскую республику, представляетъ изъ себя библейскаго исполина.

Въ роляхъ, подобныхъ Шейлоку, преувеличивать не возможно. Чѣмъ ближе подходитъ образъ къ подавляющимъ видѣніямъ Апокалипсиса, тѣмъ онъ натуральнѣе.

Я написалъ эту статью для итальянскихъ артистовъ; самые великіе въ этой роли не только жалки, но и гадки. Передъ вами встаетъ не титанъ іудей, но дряхлый, свирѣпый, пропитанный чеснокомъ жидишка—ростовщикъ... Самой безпощадной критикой ихъ игры, служитъ тотъ фактъ, что публика, послѣ ухода смертельно пораженнаго Шейлока въ послѣдней сценѣ, злобно хохочетъ.

Флоренція 1901 г.

Король Лиръ

I

Критики, разбиравшіе „Короля Лира“, высказывали о немъ мнѣнія, дозволенныя цензурой; постараюсь разобрать его, не соображаясь ни съ какими цензурами, выставить его такимъ, какимъ онъ является въ трагедіи Шекспира. Въ I вомъ дѣйствіи Лиръ—похожъ какъ двѣ капли воды на всѣхъ самодержцевъ, прошедшихъ и настоящихъ; онъ окруженъ, какъ всѣ деспоты, всевозможными, подлипалами, холопами, шутами и нравственными идіотами, которые, прячась за царскую порфиру, ослѣпительную корону, хищнически запускаютъ когтистыя лапы въ народное, наболѣвшее мясо. Уродливый подлый міръ, окружающій Лира, притворно трясущійся отъ маповенія бровей его, коверкаетъ его характеръ; ложно направленныя силы проявляются въ горячечномъ произволѣ. Въ I вомъ дѣйствіи король Британскій Лиръ, если взять сравненіе изъ современной русской жизни — Титъ Титычъ Брусковъ, въ болѣе красивой шкурѣ, въ болѣе блестящей обстановкѣ. Онъ дѣлитъ свое царство между дочерьми, увѣренный, какъ религіозный фанатикъ, въ своей отвлеченной идеѣ, что онъ безъ короны, ея мощныхъ аттрибутовъ, останется тѣмъ же грознымъ Сивою, передъ которымъ будутъ пресмыкаться паріи; обстановка, его окружающая, одурила его до такой степени, что онъ умудрился вообразить себя королемъ даже въ рубищѣ, при его дворѣ въ то время не было поэтовъ вродѣ Марка Твена, способныхъ на-

писать разсказъ „Принцъ и нищій“. Онъ велитъ сказать дочерямъ, какая изъ нихъ его болѣе любитъ; искалѣченный умственно, нравственно, онъ вѣритъ напыщеннымъ словамъ Реганы и Гонериліи и цѣпенѣетъ отъ гнѣва, услышавъ скромно простыя слова любящей Корделіи; принимая всегда за правду льстиво подобострастный шопотъ, зависящихъ отъ него придворныхъ, онъ уже былъ не въ состояніи понять ни умомъ, ни сердцемъ, голосъ истинной, безкорыстной любви. Онъ отдаетъ все царство двумъ дочерямъ, а Корделію изгоняетъ, осыпая проклятіями; король французскій, женихъ Корделіи, сердцемъ угадываетъ въ молчаніи возвышенную любовь, стоящую выше громкихъ фразъ, отверженной, лишенной доли царства, онъ предлагаетъ тронъ Франціи. Кентъ, честный, правдивый человѣкъ, возможный въ частной жизни и идеальный призракъ при дворѣ, вступается за Корделію, но отуманенный гордынею, Лиръ, какъ левъ, разбуженный въ пустынѣ, грозно рычитъ:

„Натянутъ лукъ — не стой передъ стрѣлою.“

Во второмъ актѣ величайшій психіатръ—Шекспиръ перетасовалъ шахматы; онъ насмѣшливо сдернулъ съ Лира божественную корону, драгоцѣнную порфиру, нахлобучилъ на него дурацкій колпакъ съ бубенчиками и напустилъ его, жалкаго мечтателя, на двухъ дочерей, любовное краснорѣчіе которыхъ подарило имъ царство. Первое время Лиръ слѣпо вѣритъ въ свое могущество, но жизнь полная горькой, ни кого не щадящей прозы, разрушаетъ величественную иллюзію. Обѣ сестры, выдержавшія на плечахъ гнетъ деспотизма, затаили злую месть къ самоуправцу Лиру, овладѣвъ властью, онѣ придираются къ нему, обрѣзываютъ его дорогія, царскія прихоти, и въ концѣ концовъ выталкиваютъ его своею черною неблагодарностью за дверь, въ страшную бурю, въ пустыню. Лиръ завладѣвъ трономъ, выгналъ за дверь народъ въ пустыню, обрекши его на голодъ, холодъ, гибель, и та же суровая доля постигла и его; гроза разыгралась надъ его собственной, беззащитной, сѣдой головой. Въ нѣсколько часовъ, онъ постигаетъ во всей глубинѣ всю злую иронію жизни; юпитеровски могущественный, царскій призракъ разле-

тается, какъ мыльный пузырь; мысль, что онъ безъ короны—ничтожный, слабый старикъ, кумирчикъ обреченный на дрова, переворачиваетъ его мозгъ; онъ задыхается въ проклятіяхъ: въ нихъ слышится растоптанная гордость, презрѣніе къ себѣ,ненависть неутолимая къ дочерямъ, разрушившимъ галлюцинацію жизни. Конецъ дѣйствія замыкается, какъ погребальнымъ припѣвомъ, тирадами скомороха, который скептически уменъ, какъ самъ Мефистофель; звеня колокольчиками, онъ осыпаетъ Лира молніеносными сарказмами, сохраняя добродушное, невинное выраженіе, царскаго шута:

„Мало было толку въ твоей лысой маковкѣ,
Когда ты отдалъ съ нея свою золотую шапку.“
„Я дуракъ, а ты нуль безъ цыфры.
Свѣчку отдалъ, въ потьмахъ сиди.“
„Добрая синичка кукушку кормила,
А кукушка птичкѣ голову скусила.“

Въ концѣ втораго акта шутъ выростаетъ до исполина, а король Лиръ падаетъ до карлика-скомороха.

II

Въ третьемъ актѣ, подъ вой бури, подъ потоками дождя, при свѣтѣ безпрерывныхъ молній, въ Лирѣ свершается, бурная реакція — разрушеніе упорной иллюзіи въ старикѣ глубоко естественно кончается помѣшательствомъ; нервы, мозгъ изнемогли подъ массою наплывающихъ, неуспѣвающихъ улегаться сильныхъ ощущеній; Лиръ путаясь въ собственныхъ заклинаніяхъ, проклятіяхъ, сходитъ съ ума, вѣрнѣе входитъ въ умъ, сумасшедшій, онъ становится болѣе человѣкомъ, болѣе трезво умнымъ, чѣмъ Лиръ-король отъ головы до пятокъ, на британскомъ тронѣ; дождь промочилъ его до костей, реакція свершилась и увидѣлъ онъ въ себѣ, черезъ чуръ поздно, жалкое, голое, двуногое животное. Столкнушись, въ грозу, въ пустынѣ съ нагими несчастливцами, онъ прозрѣлъ, очеловѣчился; въ немъ засвѣтилась яркимъ огонькомъ, не успѣвшая совершенно затухнуть во дворцѣ, искорка человѣческой души; онъ вспомнилъ, черезъ чуръ поздно, о народѣ, голомъ, голодномъ, забитомъ, который цѣною рубища

насыщалъ, незнающій пресыщенія дворъ короля Лира; въ немъ забродили глубоко теплыя, трогательныя чувства, которыя не снились ему во дворцѣ, даже въ самыхъ причудливыхъ сновидѣніяхъ; обращаясь къ бѣдному, вѣрному шуту, онъ иронически грустно говоритъ:

„Товарищъ, гдѣ жъ солома?
Нужда — вещь чудная. Пустой предметъ
Безцѣннымъ дѣлаетъ она. Ну что же?
Гдѣ твой шалашъ? Иди дуракъ мой бѣдный,
Иди за мной. Я чувствую, что въ сердцѣ
Моемъ есть жалость: я тебя жалѣю.“

Жалость новое для него чувство! Останавливаясь передъ шалашомъ, онъ пускаетъ впередъ шута.

„Ступай впередъ, бѣдняга,
Голякъ бездомный, ну ступай подъ кровлю,
Я жъ помолюсь и лягу спать ужъ послѣ.
Вы бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую
Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головой?
Кто пріютитъ васъ, бѣдные? Какъ мало
Объ этомъ думалъ я? Учись богачь,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ,
Горюй ихъ горемъ и избытокъ свой
Имъ отдавай, чтобъ оправдать тѣмъ небо.“

Совѣтую тебѣ, читатель, вдуматься въ послѣднюю строку: мы съ тобой въ полномъ умѣ не выдумаемъ такой фразы; безконечно много радикальныхъ поправокъ нужно сдѣлать на нашей проклятой землѣ, чтобы оправдать небо, увѣровать въ Бога. Если такія чувства теплыя, святыя пробуждаются только у свихнувшихъ съума монарховъ, то желаю, отъ всего сердца, съ ума сойти нашему умному монарху, примѣнивши слова сумасшедшаго Лира къ дѣлу, онъ совершитъ то, что не входило въ программу цѣлаго сонмища въ своемъ умѣ находившихся монарховъ. Въ порывахъ сумасшествія мозгъ, нервы Лира стали громадно чутки къ окружающей изнанкѣ жизни, пристально взглядѣвшись въ бѣдняка бездомнаго, онъ грустно говоритъ:

„Неужели это человѣкъ — человѣкъ и ничего больше? Смотрите на него хорошенько: на немъ нѣтъ ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы, ни шелка отъ червя. А мы трое не люди — мы поддѣлка! Вотъ человѣкъ какъ онъ есть—бѣдное, голое, двуногое животное... Прочь съ меня все чужое... (шуту) эй, разстегни здѣсь (рветъ на себѣ платье)...

Ни одинъ самый отчаянный анархистъ, далѣе этаго пойти не можетъ. Снова погребально звучитъ саркастическій припѣвъ скомороха:

„Кумъ не раздѣвайся, здѣсь негдѣ плавать."

При чтеніи перваго акта, ненависть ростетъ къ Лиру при каждомъ новомъ словѣ; на столько каждое слово сумасшедшаго Лира все болѣе, болѣе пробуждаетъ къ нему участіе, глубокое состраданіе, примиряешься съ нимъ вполнѣ. На тронѣ онъ былъ слишкомъ поддѣланъ, встрѣча съ обдѣланнымъ народомъ его чудно преобразила; дикая пустыня, гдѣ онъ метался въ глубокомъ страданіи, бокъ о бокъ съ нищими, была для него тоже, что гора Ѳаворъ для Іисуса. Хищное, тупое животное на тронѣ, онъ является вполнѣ человѣкомъ сумасшедшій, причудливо убранный не драгоцѣнными каменьями, а соломою, въ разодранномъ рубищѣ; ядовито горько говоритъ онъ въ своемъ чудномъ, умномъ безуміи:

„Они меня гладили какъ собачку, они льстили мнѣ, у меня не было волосъ на бородѣ, а они уважали мои сѣдины; на мои слова мнѣ говорили да и нѣтъ въ одно время. А я ихъ понялъ, когда дождь промочилъ меня хорошенько! Когда я дрожалъ отъ студенаго вѣтра, когда громъ не захотѣлъ умолкнуть по моему приказу, тутъ то я ихъ хорошо попялъ! Нѣтъ, льстивымъ рѣчамъ не надо вѣрить. Мнѣ говорили, что я всесиленъ: лихорадка сильнѣе меня."

Читатель долженъ понять изъ моей игры словъ, что Лиръ былъ злостнымъ сумасшедшимъ только на тронѣ, въ порфирѣ, коронѣ; въ рубищѣ, увитый соломой, онъ въ полномъ, здравомъ умѣ, онъ вылѣчился вполнѣ, онъ въ своемъ родѣ геній какъ его понимаетъ Ломброзо. Внѣ всякихъ сомнѣній, что всѣ искренніе цари, короли, по просту, умалишенные; одни страдаютъ тихимъ помѣшательствомъ, другіе буйнымъ. Всѣ дворцы—палаты умалишенныхъ, разница съ обыкновенными—только въ обстановкѣ и присмотрѣ. На простыхъ буйныхъ помѣшанныхъ надѣваютъ обыкновенно горячечную рубашку,

на помазанныхъ—порфиру; простые ходятъ въ желтыхъ халатахъ, дворцовые въ раззолоченныхъ мундирахъ и всевозможныхъ нелѣпыхъ цацкахъ. Нечего и говорить, что дворцовые буйные и тихіе помѣшанные, неизмѣримо опаснѣе простыхъ, вслѣдствіе черезъ чуръ односторонняго присмотра.

Чѣмъ болѣе разыгрывается сумасшествіе Лира, тѣмъ прекраснѣе сплетаются его мысли; подъ конецъ его языкъ — „жало мудрое змѣи.“ Онъ отчеканиваетъ каждое слово съ послѣдовательностью великаго логика:

„Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія, глядя своими ушами? Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ воромъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу на ухо (тихо): перемѣни мѣста, который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаетъ на нищаго?“

Глостеръ. „Да государь!“

Король Лиръ. „И голякъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ отъ собаки! [Собаки

Онъ долженъ слушаться: она власть...
Злой пономарь, ты весь въ крови! прочь руки!
Зачѣмъ сѣчешь развратницу! Скорѣе
Свою подставь ты спину. По душѣ
Ты самъ развратенъ. Ростовщикъ повѣсилъ
Обманщика. Сквозь рубище худое
Порокъ ничтожный ясно видѣнъ глазу:
Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!
Закуй злодѣя въ золото, стальное
Копье закона сломится безвредно,
Одѣнь его въ лохмотья и погибнетъ
Онъ отъ пустой соломинки пигмея.
Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ! нѣтъ! я знаю,
Я заступлюсь за всѣхъ — зажму я рты
Доносчикамъ. Ты это знай, мой другъ,
Купи себѣ стеклянные глаза
И какъ дряхлой политикъ, дѣлай видъ,
Что видишь то, чего не видно.“

Слова Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“ удивительно совпадаютъ съ знаменитою мудрой фразою: „Все понять, другими словами, все простить“. Эту фразу во всемъ ея гуманномъ, всеобъемлющемъ значеніи оцѣнитъ свѣтлое грядущее; наше поколѣніе не доживетъ до счастливаго часа, мы умремъ, задыхаясь въ гнѣвѣ, желчи, окруженные безсмысленнымъ варварствомъ.

Скоро наука безвозвратно разрушитъ гордую, слѣпую, религіей порожденную вѣру въ свободную волю, она докажетъ, что „человѣкъ свободенъ, какъ птица въ клѣткѣ.“ Давно пора человѣческія дѣйствія, порывы, начиная съ величаво-прекрасныхъ, кончая преступными, мрачно грязными, объяснять не запутанно-отвлеченнымъ путемъ, но правдиво естественнымъ; разгадка всего таится не въ надзвѣздныхъ пространствахъ, не въ душахъ, играющихъ на матеріи, а въ окружающей человѣка жизни, въ физіологической наслѣдственности. За безконечною цѣпью причинъ слѣдуетъ такая же цѣпь неизбѣжныхъ послѣдствій, всюду неумолимый законъ „Вины женщинъ, дѣтей, служителей, слабыхъ, бѣдныхъ, невѣжественныхъ это: вины мужей, отцовъ, матерей, сильныхъ, богатыхъ и ученыхъ и такъ далѣе до безконечности.“ Когда каторжные, варварскіе вертепы превратятся въ здоровые, свѣтлые, просторные пріюты для жертвъ ненормально сложившейся жизни, а палачей, прокуроровъ, судей, тюремщиковъ, замѣнятъ врачи, психіатры, вооруженные знаніемъ и самой высокой гуманностью, тогда сбудутся слова развѣнчаннаго, чудно умнаго въ мнимомъ помѣшательствѣ старика Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“

Неаполь. — 1873 г.

Ромео и Джульетта

„Блаженны тѣ, что въ утрѣ дней
Въ послѣднемъ замерли лобзаніи,
Въ тѣни развѣсистыхъ вѣтвей,
Въ вечеръ майскій, при журчаніи
Бѣгущихъ водъ, и соловей
Имъ пѣлъ надгробное рыданіе,
А воронъ тронуть ихъ не смѣлъ
И робко, мимо пролетѣлъ. I

Н. Огаревъ.

Существуетъ потертая фраза, что Шекспира можно глубоко понять, вполнѣ оцѣнить только на сценѣ, но отнюдь не на нашихъ столичныхъ сценахъ, не въ Парижѣ, но только въ Лондонѣ, Берлинѣ. Съ трудомъ я могъ достать мѣсто въ знаменитомъ Шауспильхаузѣ. Декораціи, актеры, все сливалось въ одно прекрасное цѣлое; тутъ не было ни широкоплечихъ, съ бычачьими шеями, дикимъ звѣремъ завывающихъ трагиковъ, ни подозрительно охрипшихъ актрисъ, неизмѣнно играющихъ юныхъ дѣвственницъ, ни тянущихъ горькую великихъ, но совершенно непризнанныхъ талантовъ, ни суровыхъ, таинственно молчаливыхъ лицъ, самоотверженно играющихъ статуй и привидѣній.—Отъ перваго, до послѣдняго замирающаго аккорда драмы иллюзія не прекращалась ни на одно мгновеніе, все поражало глубочайшимъ изученіемъ, необычайною силою выполненія ролей; чтобы выдвинуться, нужно было обладать поистинѣ, геніальнымъ талантомъ. Джульетту играла молоденькая, нѣжной красоты дѣвушка; черные,южные, глаза дивно мѣняли свое выраженіе. Ромео игралъ Роберъ—юнный, великій талантъ; въ каждомъ его движеніи проглядывалъ граціозный веронскій патриціи, необузданно пылкій юноша. Въ первомъ дѣйствіи, въ маскарадѣ, встрѣчаются два красивыхъ существа; и вспыхнула въ нихъ неодолимая страсть; въ молодыхъ сердцахъ накипѣла жажда любви, одной искры было достаточно, чтобы вспыхнуть пожару; они были похожи на два южныхъ роскошныхъ цвѣтка; въ теплое, душистое, майское утро солнце заронило горячій лучъ въ чашечку начинающаго распускаться цвѣтка; согрѣтый

лучемъ, обрызганный росою, онъ мгновенно распустилъ свои лепестки и заблисталъ красотою, испуская нѣжный ароматъ.

Ромео и Джульетта пылкіе дѣти; они радостно, довѣрчиво отдаются набѣжавшему счастью; не анализируютъ чувства. Грозы у нихъ впереди, а пока надъ ними чудное, чарующее, какъ ихъ любовь, небо; ихъ охватилъ порывъ первой жгучей страсти; они непозволительно блаженствуютъ; но Шекспиръ, знавшій жизнь, поставилъ ихъ безумное ликованіе въ зависимость отъ слѣпого, страшнаго по своей безсмысленности, *случая*; тяготѣющій *случай* — идея великая. Шекспиръ, дѣлая его двигателемъ трагедіи, обнаруживаетъ суровый атеизмъ. *Случай* и Богъ несовмѣстимы. Критики Шекспира зажмуриваются на эту глубочайшую, яркую сторону его трагедій, и драмъ. Религія, а за нею и богобоязненные поэты видятъ въ Богѣ мудраго, благонамѣреннаго императора, неусыпно пекущагося о своихъ вѣрноподданныхъ, тогда какъ случай не подводится ни подъ попеченья, ни подъ благонамѣренность; на видъ въ немъ все безобразно перепутано. *Случай* въ переводѣ на современный намъ научный языкъ — природа, съ ея безчисленными законами, комбинація которыхъ, на видъ таинственно запутанная, съ неуловимыми причинами, сбиваетъ съ толку людей непривыкшихъ строго мыслить. Въ случаѣ все участвуетъ: люди съ своими безчисленными столкновеніями, и бездушная, неинтересующаяся нами, природа; случай—не благой Богъ, обязательно наблюдающій за родомъ людскимъ, безгранично награждающій праведныхъ, безгранично карающій злыхъ, случай — природа, которой рѣшительно все равно: утопаетъ ли родъ человѣческій въ блаженствахъ мусульманскаго рая, или судорожно захлебывается въ собственной крови; основа ея — законъ неумолимый, разрушающій, какъ мельничный жерновъ, все препятствующее ему на пути. Случай не пощадилъ Ромео и Джульетты, онъ свелъ ихъ вмѣстѣ, подарилъ имъ безумно-сладкіе часы, безсознательно поднялъ на седьмое небо и безсознательно раздавилъ. Непримиримая вражда ихъ отцевъ — случайность; отъ препятствій, какъ всегда, разгорается ихъ любовь; они лихорадочно, урывками наслаждаются счастьемъ, лун-

ною ночью, среди фонтановъ пахучихъ цвѣтовъ, изливаютъ свою страсть „въ словахъ нѣжныхъ, какъ свѣтъ луны, отрадныхъ, какъ запахъ розы.“ Препятствія заставляютъ Джульетту рѣшиться на отчаянное средство: по совѣту монаха Лоренцо, она принимаетъ напитокъ, погружающій въ летаргію; ее должны опустить въ склепъ и она должна проснуться—сказочная царевна — отъ поцѣлуя юноши. Когда я пишу, я вижу стройную Джульетту, она подняла кубокъ дрожащею рукою, ея щеки лихорадочно пылаютъ, вдохновенные глаза горятъ страстью, рѣшимостью; улыбаясь страшною улыбкою, она говоритъ, ледянящимъ душу голосомъ:

„Но если я проснусь въ моемъ гробу,
Проснуся раньше, чѣмъ придетъ Ромео...
Вотъ страшно что... Да, да, я задохнусь
Подъ сводами могильными, куда
Не входитъ свѣжій воздухъ, и умру
Я прежде, чѣмъ придетъ туда мой милый,
А если и останусь я жива —
Не все ль равно: мечты о смерти, ночь,
Всѣ ужасы могилы, темный склепъ,
Гдѣ нѣсколько сотъ лѣтъ погребены,
Пранрадѣдовъ моихъ хранятся кости,
Гдѣ въ саванѣ лежитъ окровавленъ
Тибальта трупъ, ужъ преданный гніенью,
Гдѣ, говорятъ, въ извѣстный ночи часъ
Выходятъ привидѣнья... Боже! если
Я ранѣе проснусь, окружена
И смрадомъ тѣлъ, и стонами глухими
Похожими на тѣ, что издаетъ
Вдругъ вырванная съ корнемъ Мандрагора.
Отъ нихъ бѣжитъ въ безумномъ страхѣ каждый.
О! если я проснуся раньше!...
Съума сойду я, и въ безуміи буду
Пранрадѣдовъ моихъ играть костями
И вытащу изъ савана Тибальта
И, въ бѣшенствѣ, одной изъ тѣхъ костей
Свой черепъ разобью.....“

Случай помѣшалъ Ромео узнать о планѣ: монахъ посланный съ извѣстіемъ къ нему, былъ задержанъ свирѣпствующей чумою, и все обречено гибели. Распространяться о натуральности, глубинѣ, чудовищной поэзіи Шекспировскихъ трагедій, драмъ было бы слишкомъ истерто. Драма идетъ крещендо; событія ростутъ и наконецъ масса набѣгающихъ событій разрѣшается грандіозною развязкою. Послѣдняя сцена изображаетъ

таинственный, мрачный склепъ съ массивными колоннами; среди склепа, на возвышеніи стоитъ гробъ, обтянутый чернымъ бархатомъ, съ серебромъ; возвышеніе, полъ кругомъ устланы чернымъ бархатомъ, окаймленнымъ серебромъ; по черному фону разсыпаны бѣлыя, пунцовыя розы. Въ театрѣ лампа чуть мерцаетъ; сцена освѣщена блѣдно-синимъ, огнемъ, въ гробу, покрытомъ газомъ, лежитъ красавица — Джульетта; черезъ газъ просвѣчиваютъ ея блѣдное личико, черныя, густыя косы, нѣжныя, бѣлыя плечи, ждущія поцѣлуя губки; въ желѣзныя рѣшетки склепа глядитъ веронская ночь, полная тайны, нѣги; неподвижно темнѣютъ, какъ исполинскіе могильныя стражи, кипарисы; вдали рисуются черныя готическія башни. Въ склепъ входитъ Парисъ — женихъ Джульетты, любящій, но не любимый; огонь факела озарилъ пунцовыя и бѣлыя, розы—вѣнокъ изъ нѣжныхъ цвѣтовъ на головѣ Джульетты, лицо стало блѣднѣе, тѣни около глазъ рѣзче обозначились, бархатъ сталъ еще чернѣе, а серебро блестящѣе. Парисъ цѣлуетъ невѣсту и подавленный скорбью, удаляется въ глубь склепа. Сине-лиловую мглу снова озаряетъ факелъ; къ рѣшеткѣ подходитъ тихо, весь въ черномъ, смертельно блѣдный Ромео, факелъ освѣтилъ его лицо, полное невыразимой муки; въ застывшемъ взглядѣ не было тѣни надежды, обращаясь къ провожавшему его Бальтазару, онъ говоритъ:

„Теперь ступай...
Но если ты дерзнешь сюда вернуться,
Чтобы слѣдить мои дѣянья тайно,
Тогда клянусь, твои суставы всѣ
Сломаю я, и жадное кладбище
Усѣю все твоими я костями,
Мой часъ насталъ, намѣренья мои
Неизмѣнимы, яростны и дики;
Они лютѣе тигра на свободѣ,
Страшнѣе моря въ часъ ужасной бури."

Какъ Самсонъ, желѣзными руками онъ ломаетъ запертую рѣшетку склепа и голосомъ похожимъ на клокотаніе огненной лавы, произноситъ:

„О нѣдра смерти! алчная утроба,
Похитившая лучшій цвѣтъ земли,
Я пасть твою тлетворную открою
И новою тебя насыщу жертвой."

Парисъ идетъ съ ненавистью ему на встрѣчу; они обнажаютъ шпаги. Ромео нечего терять, смерть для него—вѣчный сонъ, забвеніе послѣ безконечной муки. У гроба спящей, сказочно прекрасной Джульетты, въ тишинѣ склепа, при блескѣ факеловъ, блестятъ шпаги, и Парисъ падаетъ мертвый. Изъ глубины души Ромео вырывается горькій смѣхъ; грустно склоняется онъ надъ нимъ, со словами:

„Товарищъ,
Записанъ ты со мною рядомъ въ книгѣ
Таинственныхъ судебъ! такъ дай же руку!
Я схороню въ торжественной могилѣ
Твой юный прахъ! въ могилѣ? нѣтъ въ чертогѣ
Сраженный юноша; да въ ней почіетъ
Джульетты прахъ... и этотъ мрачный склепъ
Краса ея въ чертогъ преобразила.
Лежи здѣсь трунъ, похороненный трупомъ.
Какъ часто люди веселы бываютъ
Въ послѣдній часъ, и это называютъ
Предсмертною зарницей. Какъ же мнѣ
Назвать послѣднія минуты?
Любовь моей души, моя супруга!
Смерть высосавъ до капли жизнь твою,
Надъ красотой твоей еще безвластна
И не совсѣмъ раскинулось надъ ней
Могильной тьмы таинственное знамя.
Зачѣмъ, зачѣмъ ты такъ еще прекрасна,
Неужели смерть, незримый этотъ призракъ
Тобою очарована? Быть можетъ
Чудовище щадитъ тебя затѣмъ,
Чтобъ быть твоимъ любовникомъ во мракѣ?
Но остаюсь я самъ на стражѣ здѣсь
И траурный чертогъ твой не покину,
Не выйду, здѣсь останусь, здѣсь съ червями,
Прислужницами смерти! Да, я здѣсь
Созижду мой покой на вѣкъ—стряхну
Весь грузъ судьбы съ моей усталой плоти.“

Конвульсивно рыдая, со стономъ онъ припадаетъ къ ея груди, душитъ ее безумными поцѣлуями; въ рукѣ его ядъ. Надъ нимъ тяготѣетъ иронический случай: Джульетта опоздала проснуться, а онъ такъ глубоко естественно поспѣшилъ умереть. Онъ выпиваетъ ядъ, какъ гетера кубокъ искрящагося вина, въ послѣдній разъ онъ, болѣзненно ужасно, глядитъ въ ея закрытые глаза; быстро ослабѣвающія руки хватаются за гробъ, тѣло тихо опускается; онъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы заглянуть въ гробъ; холодѣющими устами цѣлуетъ его и мертвый падаетъ на

ступеняхъ возвышенія. Теперь пора проснуться Джульеттѣ.

Смерть, какъ легкое дуновеніе, вѣетъ надъ спящею прелестною головкою; пробужденіе будетъ страшное; газъ зашевелился и прозрачно-блѣдная, съ улыбкою блаженства, приподымается въ гробу Джульетта; она очнулась и Ромео — первая мысль ея пробужденія; жажда наслажденія проснулась въ ожившей душѣ. Она встаетъ и наталкивается на трупъ; у нея вырывается крикъ,отъ котораго заныла моя душа,и мертвящій холодъ пробѣжалъ въ мозгу и нервахъ. Она припадаетъ жаркодышащею грудью къ его колѣнамъ, прислушивается къ навѣки затихшему дыханію; немного словъ вырывается у нея, но они падаютъ на душу, какъ пламя; отыскавши кинжалъ, она, съ улыбкою самозабвенія, вонзаетъ его въ грудь, со словами: „вотъ твои ножны“ наступаетъ миръ смерти... Въ склепъ входитъ отецъ Джульетты и, какъ молніей пораженный, останавливается надъ ея трупомъ; за нимъ отецъ Ромео; за минуту тутъ встрѣтились соперники, а теперь сошлись неумолимые враги. Окруженный свитою, является герцогъ и трогательно говоритъ о примиреніи, и у могилы нѣжно любимыхъ дѣтей два врага, рыдая, подаютъ другъ другу руку. Въ нѣсколько часовъ пронеслась полная страшныхъ событій жизнь. Величественная драма мощно, естественно развернулась; подъ давленіемъ тайныхъ, слѣпыхъ силъ погибли два юныхъ существа, великое преступленіе которыхъ въ томъ, что они умѣли безгранично любить. Послѣдній моментъ драмы полонъ кровавой иронiи: два старика-отца черезъ-чуръ поздно подали, обливаясь слезами другъ другу руку. Дикая вражда отцовъ не предугадала любви дѣтей. Какими ничтожными, быстро, безслѣдно погибающими мошками показались мнѣ наши модные поэтики, временные идольчики, какою жалкою грудою запачканной бумаги ихъ самоновѣйшія драмы, съ свѣженькимъ, направленьицемъ, путаницею замысловатыхъ эфектовъ, съ наидлиннѣйшими ходулями, картонными маріонетками вмѣсто лицъ, дрябленькими, золотушными чувствованьицами вмѣсто чувствъ и съ разнузданною фантазіей, богатою какъ греза, спящей блохи.....

Гіацинта Пеццана

«Въ моей артистической карьерѣ я не встрѣчала никого, кто бы лучше русскихъ могъ понять всѣ движенья моей души».

(Письмо Пеццаны).

Пользуясь долгимъ пребываніемъ въ Италіи, я, съ любовью слѣдилъ за лучшимъ, что есть въ ней: за ея сценой, — за малыми исключеньями — бѣдной, жалкой по своему ансамблю, высокой по отдѣльнымъ талантамъ. Знакомый со многими сценами, я внимательно наблюдалъ ея поучительныя стороны, не зажмуриваясь на темныя и совсѣмъ черныя. Во всей остальной Европѣ лучшія труппы составлены изъ такихъ талантливыхъ, разносторонне образованныхъ артистовъ, что нужно обладать чуть не геніемъ, чтобы очень ярко выдѣлиться изъ труппы... Въ такой богатой обстановкѣ силы, выдающагося артиста удесетеряются; публика наслаждается вполнѣ гармоническимъ зрѣлищемъ.

Въ Итальянскихъ компаніяхъ, даже первоклассныхъ, можно найти рѣдко двухъ, трехъ, очень хорошихъ артистовъ, остальные,—по своему умственному развитію, талантамъ, заставляютъ конфузиться самаго снисходительнаго, полнаго христіанскаго всепрощенья, критика... Указывать на недостатки нельзя на томъ простомъ основаньи, что вся ихъ игра — сплошной недостатокъ, полное недоразумѣнье. Вездѣ существуютъ постоянные

театры; въ Италіи они, въ нѣкоторомъ родѣ: „Juif-errant“ они находятся въ постоянномъ бродяжничествѣ. Богатые антрепренеры мыкаютъ чуть ли не по дикимъ странамъ свои несчастныя труппы, съ плачевными декораціями и... наживаются.

Оправданье печальнаго факта, конечно, нужно искать главнымъ образомъ въ экономическихъ условіяхъ: правительство не поддерживаетъ театровъ; цѣна на мѣста, вслѣдствіе всеобщей бѣдности, незначительна, и, къ усугубленію несчастій, публикѣ прискучило зрѣть маленькій репертуаръ, изъ однѣхъ и тѣхъ же пьесъ, она начала, потихоньку, охлаждаться.

Буржуазная молодежь, быстро вырождающаяся, отдающаяся, чуть не по выходѣ изъ утробы, всевозможнымъ порокамъ, начинаетъ, въ послѣднѣе время, сильно увлекаться парижскою грязною стряпнею — пошленькими пошадами — сфабрикованной на скорую руку, пестрой отъ наворованныхъ отовсюду трескучихъ эфектовъ пряной Сардовщиной. Пошады,обыкновенно мастерятся въ Парижѣ изъ очень подозрительныхъ матеріаловъ. Несмотря на пикантные соусы, съ каенскимъ перцемъ и со всевозможными конфортативами, онѣ вскорѣ начинаютъ вонять, замѣчательно сильно вонять, несетъ чѣмъ-то смѣшаннымъ: тронутой червями рыбой, заплѣсневѣлымъ сыромъ, затхлой человѣчиной.

Благодаря всему этому, дѣла идутъ плохо. Ловкіе антрепренеры, чтобы сильнѣе выгадывать, платятъ очень мало актерамъ, экономятъ на декораціяхъ, — на сценѣ часто городъ волнуется, какъ настоящее море, но зато море, даже въ бурю, незыблемо, какъ пирамиды. Достаточно развитые, не лишенные таланта, люди, въ виду крайне необезпеченнаго, номаднаго будушаго, отказываются отъ сцены; поступаютъ на нее подпорченные алькоолемъ, помятые жизнью посредственности, неудачники, смотрящіе на сцену, какъ на крошечную арену пьянства — для мужчинъ и продажнаго распутства — для женщинъ. Вслѣдствіи низкаго умственнаго уровня, бѣдности интересовъ, начинаютъ развиваться: интриги, зависть, злоба, заѣданья другъ друга, карикатурное самохвальство.

По слухамъ даже въ первоклассныхъ компаніяхъ, часто случается, что антрепренеры, директора, директри-

сы, пользуясь безвыходностью артистовъ, дающихъ имъ огромный доходъ, зачастую, третируютъ ихъ, разыгрываютъ передъ ними крошечныхъ царьковъ, царицъ, устанавливаютъ какое-то почитанье, преклоненье, конечно, не по заслугамъ. Храмъ искуства, при такихъ условіяхъ, постепенно, обращается въ . . . . . Оставляю читателямъ свободу пріискать наединѣ, безъ всякихъ стѣсненій, подходящее сравненье.

Итальянскіе великіе артисты очень любятъ наживаться въ чужихъ странахъ, въ особенности въ Россіи; требуютъ для себя энтузіазма, овацій, а главное — серебра, злата, брилліантовъ. Они играютъ въ чужихъ странахъ на итальянскомъ языкѣ не только шекспировскія пьесы, всѣмъ понятныя, но и своихъ авторовъ, міру очень мало извѣстныхъ. Томазо Сальвини недавно игралъ въ Петербургѣ, на итальянскомъ языкѣ, съ русскими артистами, и пожиналъ лавры и злато. Но попробуй самый геніальный, русскій артистъ явиться на итальянскую сцену, съ своимъ языкомъ, и нѣтъ сомнѣнія, — театръ будетъ пустъ, и всѣ газеты, наперерывъ, начнутъ кричать о дерзкомъ посяганьи на итальянскую сцену, итальянскій карманъ.

Послѣ долгаго вниканья въ итальянскую игру, могу съ увѣренностью сказать: если Томазо Сальвини и превосходитъ многихъ нашихъ великихъ артистовъ въ величіи, красотѣ движеній, игрѣ физіономіи, мощи голоса, то, во всякомъ случаѣ, онъ уступаетъ имъ въ душевной силѣ, въ богатствѣ чувства, сердечности, глубинѣ пониманья. Итальянскіе актеры могутъ быть учителями только во внѣшней сторонѣ игры; у нихъ болѣе искусства, выдержки, законченности, они, почти, всегда играютъ, и только на моменты входятъ въ роль, органически съ нею сливаются. Въ своей внѣшности они, до извѣстной степени, отражаютъ свою картинную природу: обиліе солнечнаго свѣта, волшебную игру красокъ, величавую, недосягаемую красоту своихъ старинныхъ храмовъ, монументовъ, картины, статуи своихъ дивныхъ галлерей.

По моему наблюденью, артисты сѣверной Италіи превосходятъ въ чувствѣ, пониманьи, артистовъ южныхъ — комедіянтовъ по преимуществу. На сѣверѣ родились: Ристори, Пеццана, Дузе, Модена, Эмануэль.

Мы, съ горечью, замѣтимъ, что въ послѣднѣе время все чаще, наглѣе раздаются голоса профанаторовъ истиннаго искусства, растлителей публики. По ихъ мнѣнію, нужно сшвырнуть со сцены созданья міровыхъ геніевъ, замѣнить ихъ сфабрикованными, на всевозможнѣйшія, новѣйшія темы, драмами, а главное — пошадами, ультра порнографическаго характера. Актриса, появляющаяся на сценѣ въ одной рубашкѣ, начинаетъ казаться черезъ чуръ одѣтой, жеманной, щепетильной, цѣломудренной; ложе любви не должно имѣть даже тюлевыхъ занавѣсокъ; фиговый листъ — устарѣлый предразсудокъ. Никому въ голову не приходитъ, какая никому невѣдомая драма должна разыгрываться въ душѣ хорошей дѣвушки, выступившей на сцену съ высокими идеалами и которую жадный, распутный антрепренеръ или директоръ заставляютъ, въ угоду старчески развращенной публики, переходить изъ артистки въ натурщицу. Отказаться она не смѣетъ: контрактъ будетъ порванъ, будущее вконецъ разбито. Пониженная душа публики требуетъ такого же пониженья души отъ артистки. Подъ аплодисменты, хохотъ публики свершается, полное душевное паденье артистки; неслышно канутъ ея горючія слезы.

Если современные писатели съумѣютъ дать намъ равное произведеньямъ прежнихъ геніевъ, мы будемъ ихъ слушать съ душевнымъ трепетомъ; но разъ они не въ силахъ, мы не должны ихъ произведенья, за одну только новизну, ставить на первый планъ и предавать забвенью міровые шедевры, вѣчно новые, которые такъ колоссально много дали и даютъ нашему уму и сердцу.

Если много старыхъ пьесъ, въ свое время, производившихъ эфектъ, сошли со сцены, то только потому, что они были порожденьемъ минуты, капризнаго настроенья, летучей моды. Истинно геніальныя творенья захватываютъ общечеловѣческую жизнь въ самыхъ широкихъ, глубокихъ проявленьяхъ: они вѣчно новы. Гамлетъ — герой нашего времени. Новѣйшихъ пьесъ, вполнѣ достойныхъ сцены не особенно много, и онѣ постепенно входятъ въ репертуаръ знаменитостей.

Мы восторгаемся произведеньями Ибсена, Алексѣя Толстого, Островскаго и десятковъ другихъ, приближающихся къ нимъ талантовъ. Но мы не скрываемъ от-

вращенья къ архипошлой грязи, которая мутными, зловонными волнами, стремится затопить полную благородныхъ, возвышенныхъ, гуманныхъ традицій, европейскую сцену.

Театръ, въ лучшія времена, былъ грандіозной, поэтической, національной кафедрой, онъ облагораживалъ, возвышалъ душу зрителей, на немъ воспитывались цѣлыя поколѣнья... Вспомните „Свадьбу Фигаро“ Бомарше, „Натана Мудраго“ Лессинга, „Заговоръ Фіеско“, „Донъ Карлоса“ Шиллера. То были не представленья, но цѣлыя историческія событія. Въ великихъ произведеніяхъ заключена квинтъ-эссенція геніальныхъ умовъ, все ихъ знанье, всѣ ихъ идеи, идеалы, пророческое ясновидѣнье, вся чудная, исключительная красота ихъ души.

Колоссальное, соціалистическое движеніе, охватившее весь міръ, логично выдвигаетъ театръ, какъ величайшее орудіе пропаганды. Онъ, конечно, скоро замѣнитъ церковь, съ ея отжившею моралью, убивающими разумъ, пышными спектаклями. За ничтожную плату, народъ будетъ наслаждаться лучшими произведеньями прежнихъ временъ и новѣйшими, проникнутыми альтруизмомъ.

Я начну съ феноменальныхъ артистовъ, приближающихся къ совершенству, у которыхъ чувство, пониманье, изученье, дикція, жесты, голосъ, фигура представляютъ собою полную гармонію, которые могутъ назваться славою не только Италіи, но и цѣлаго міра, которые своею плодотворною, гуманною дѣятельностью дали несравненное, эстетическое наслажденье милліонамъ людей, открыли передъ загрязшими въ прозѣ жизни, необозримые, полные мистическихъ тайнъ, небесные горизонты, дали плоть, кровь дивно созданнымъ типамъ, разъяснили самыя запутанныя проблемы психологіи.

Я останавлюсь на величайшей артисткѣ: Гіацинтѣ Пеццанѣ. Нужно владѣть силою Генриха Гейне,—давшаго безсмертныя характеристики Кина, Леметра и чародѣя скрипки — Паганини, страстнымъ краснорѣчіемъ Бѣлинскаго, воспѣвшаго въ поэмѣ-прозѣ Мочалова, чтобы дать приблизительное понятіе объ игрѣ подобныхъ артистовъ. Самый горячій энтузіазмъ будетъ всегда стоять ниже дѣйствительности... Въ природѣ они такое исключительное явленіе, что для нихъ нуженъ исключительный языкъ.

Нѣкоторые критики, въ полной невозможности отыскать малѣйшее несовершенство въ игрѣ Пеццаны, указываютъ на ея года, перешедшіе меридіанъ жизни. Они забываютъ, что великая артистка, далекая отъ настоящей, немощной старости, обладаетъ огромнымъ тактомъ: никогда не беретъ роли, невполнѣ соотвѣтствующей всему ея существу; ея юное, лучезарное сердце волшебно разглаживаетъ морщины на ея лицѣ, зажигаетъ яркимъ огнемъ глаза, даетъ голосу силу грома въ порывахъ страсти, гнѣва, и ноты, подобные шелесту листьевъ, — въ порывѣ любви, материнской нѣжности. Она — пожилая женщина въ „Терезѣ Ракенъ“; величаво красивая, молодая въ „Маріи Стюартъ“. Безъ бѣлилъ и румянъ, антично прекрасная въ „Медеѣ“. Сохранившаяся, моложавая, сердечная въ „Марешальи“ и трогательно симпатичная старушка въ „Эсмеральдѣ“. Она недосягаемо велика и въ трагедіи, и комедіи... Недавно, во Флоренціи, публика, съ восторгомъ слушала ея чтенье „Божественной Комедіи“ Данте; по мнѣнію знатоковъ, она превосходила Томазо Сальвини, Закони въ силѣ и пониманьи.

У Дузе, созданной Пеццаной, есть непростительные недостатки. Я ее видѣлъ во Флоренціи въ „Женѣ Клода“. На меня непріятно подѣйствовалъ ея голосъ въ носъ, быстрая, невсегда отчетливая дикція. Во второмъ актѣ ея игра — гроза оглушающая, ослѣпляющая, но затѣмъ, въ вашемъ воображеніи не уцѣлѣваютъ детали, не остается полнаго, законченнаго образа. Мнѣ показалось, что она ищетъ самыхъ непринужденныхъ позъ, движеній, чего-то необыкновенно натуральнаго; слышалась въ игрѣ нервность, болѣзненная, близкая къ истеризму. И это не сила: не даромъ Дузе такъ несравненно хороша въ роляхъ женщинъ, душевно изломанныхъ, развинченныхъ, затрепанныхъ жизнью, съ рѣзкими до боли переходами: отъ смѣха къ слезамъ, отъ необузданной, звѣрской страсти, къ вялой, чуть не мертвящей холодности; отъ порывистой, безпричинной нѣжности, къ безпричинной жестокости. На мой взглядъ, она нервно больная актриса, нервно больной, распущенной публики. Не знаю, хватило бы у ней пониманья, проникновенія, на шекспировскія, шиллеровскія роли? Типа де Лоренца попробовала сыграть Джульетту, и вышла коробящая пародія, обидная профанація. Прибавлю, что я

слишкомъ мало видѣлъ Дузе, и мое мнѣніе — конечно не окончательное. Только въ геніальныхъ твореньяхъ можетъ вполнѣ обнаружиться геніальная артистка.

Пеццана вполнѣ уравновѣшенная, здоровая тѣломъ и духомъ. У ней очень трудно отыскать недостатки. Я ее видѣлъ въ первый разъ въ „Терезѣ Ракенъ“. Не знающаго содержанья драмы, не видавшаго Пеццаны, она въ концѣ третьяго акта поражаетъ, какъ молніей... Пробужденная шумомъ въ спальнѣ новобрачныхъ, она тихо входитъ, и глубоко любящая мать, страшно неожиданно узнаетъ въ сосватанныхъ ею, любимыхъ новобрачныхъ, убійцъ ея сына... У ней вырывается вопль, — слышавшій его, никогда не забудетъ; она начинаетъ клясть убійцъ, но старческія нервы не выдерживаютъ неожиданнаго, чудовищнаго открытія: ее поражаетъ параличъ; заплетая, обрывая слова, она продолжаетъ клясть, пока не падаетъ замертво... Театръ въ нѣмомъ ужасѣ слушалъ эту сцену — дѣйствительность... Послѣдній актъ проходитъ, какъ кошмаръ: парализированную выкатываютъ на стулѣ; вся ея внутренняя, ужасная жизнь, сосредоточена въ горящихъ дикимъ, безпощаднымъ огнемъ, глазахъ: тѣло неподвижно, нѣмы уста, трясется одна, полная черныхъ думъ, голова. Полумертвая зорко слѣдитъ за готовящимися умереть; видитъ, какъ изъ преступленья, естественно развивается казнь. Она торжествуетъ, видя, какъ задыхаясь отъ злобы, ненависти, взаимныхъ попрековъ, затерзываній, измученные убійцы рѣшаются на самоубійство. Сверхъестественнымъ усиліемъ она сбрасываетъ имъ со стола, подъ ноги, ножъ. Въ моментъ, когда натравившая на преступленье, умирая, проситъ о пощадѣ, Пеццана вдругъ приподнимается, какъ отъ прикосновенія гальваническаго тока, и еще путающимъ языкомъ, сатанински, безпощадно произноситъ:

„Пощады! а вы, вы пощадили моего бѣднаго, бѣднаго сына, котораго я обожала“!... Убѣдившись въ ихъ смерти, она, леденящимъ душу голосомъ, вскрикиваетъ: „Они умерли слишкомъ, слишкомъ рано“! — Мы видѣли настоящую Ракенъ, иллюзія была полная; мы прочувствовали болѣзнь и душу болѣзни.

Я вспомнилъ Закони въ „Призракахъ“ Ибсена. Онъ поразительно вѣрно передаетъ болѣзнь, но не душу

болѣзни; передай онъ душу, его крики; „Мама, мнѣ страшно! страшно“! — доводили бы нервныхъ людей до истерики. Закони забываетъ, что несчастный Освальдъ сознаетъ, прозрѣваетъ тихое опусканіе въ пустое, сѣрое, бездонное... Идетъ двойной процессъ жизни. Въ мукахъ, болѣзняхъ онъ достигаетъ возмужалости, и въ моментъ, когда всѣмъ начинаетъ улыбаться жизнь, молодость, будущее, онъ начинаетъ опускаться, впадать тихо, но неотразимо въ состоянье новорожденнаго... Онъ порой сознаетъ это невыразимо ужасное, неотвратимое нисхожденье, убыванье души...

Въ концѣ пьесы Закони превосходно произноситъ, съ расплывающейся по всему лицу, идіотскою улыбкою:

„Мама, мама, дай мнѣ солнце“! по потому, что несчастнѣйшій изъ несчастныхъ, расплачивающійся за грѣхи родителей, уже болѣе ничего не чувствуетъ, онъ вполнѣ сократился, ушелъ въ сѣрое, въ бездонное, онъ младенецъ-идіотъ.

Въ „Медеи“ игра Дуззаны могущественна до фантастичности; каждое ея движенье, поза были такъ величаво изящны, что могли бы съ ума свести художника: то были позы античныхъ статуй, и онѣ свободно вытекали изъ полнаго проникновенья ролью; ея голосъ, по временамъ грозный, глухой, точно изъ подъ земли выходящій, неожиданно смѣнялся нѣжнымъ, восхитительнымъ, какъ музыкальная мелодія. Лицо ея изображало всѣ малѣйшіе оттѣнки разнообразныхъ чувствъ, они проходили, отражаясь на ея лицѣ, освѣщая его, какъ проходятъ, въ жаркій день, легкія, причудливыя облака, блистая, отражаясь въ прозрачной, зеркальной водѣ... Лицо, страшное, какъ гнѣвная голова Медузы, преображалось волшебно, неожиданно въ ликъ Ніобеи, въ моментъ, когда стрѣлы Аполлона разятъ ея дѣтей, и сердце матери каменѣетъ отъ горя. Отъ перваго до послѣдняго акта, ея игра была проникнута такою всепобѣдною страстью, титаническою мощью, что въ концѣ драмы мною овладѣло волненіе, близкое къ болѣзненному припадку. Въ эти минуты я повѣрилъ, что съ Байрономъ, во время представленья Киномъ „Ричарда III“ сдѣлался конвульсивный припадокъ.

„Марію Стюартъ“ я видѣлъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ театровъ Флоренціи: въ Пальяно. Людишки,

видящіе въ театрѣ одно шаловливое препровожденіе времени, попавъ нечаянно въ этотъ день въ Пальяно, могли бы убѣдиться, что настоящій театръ — возрождающая сила, что истинная служительница высокаго искусства можетъ заставить чудно зазвучать, въ почти умершей душѣ, давно затихшія струны, освѣтить яркимъ, теплымъ свѣтомъ душу, полную тьмы, отчаянья.

Съ самаго начала представленья, на насъ повѣяло вѣчно юнымъ, прекраснымъ, возвышеннымъ, тѣмъ таинственнымъ дуновеніемъ, отъ котораго поднялись дыбомъ волосы на головѣ пророка. Какими жалкими показались намъ сшитыя на манеръ дешеваго, готоваго платья, драмы, комедійки, съ претензіями на животрепещущее, съ ходульными, ни на секунду не прекращающимися эфектами, карикатурными поддѣлками подъ жизнь, сфабрикованными изъ накраденныхъ отовсюду, въ легальныхъ границахъ, кусочковъ, беззаботно вставляемыхъ въ уста, совсѣмъ не подходящимъ лицамъ.

Въ сценѣ съ Елизаветой, жестокой, лицемѣрной, чарующая сила игры Пеццаны шла крещендо. Но въ концѣ акта, когда Марія Стюартъ, послѣ тщетныхъ усилій смягчить мольбами, раскаяньемъ, смиреньемъ, униженьемъ, ледяное сердце Елизаветы, вдругъ подымается, какъ раненная львица и, несмотря, на грозящія ей пытки и смерть, обрушиваетъ на Елизавету, полныя смертельнаго яда, оскорбленія, игра Пеццаны дошла до размѣровъ колоссальныхъ, чуть не сверхъестественныхъ. Въ громѣ ея негодованья слышались всѣ муки долгой тюрьмы, вся жгучая горечь неотплаченныхъ обидъ, униженій, вся невозвратная потеря необычайной красоты, счастья, молодости, короны, съ дикимъ упоеньемъ безграничною властью, съ возможностью всѣхъ наслажденій. Съ трепещущимъ сердцемъ, слезами восторга слушали мы Пеццану. Такіе часы, минуты не только рѣдки, но и неповторимы. Энтузіазмъ публики не имѣлъ границъ, казалось, что ее намѣрены вызывать до утра.

Послѣдній актъ былъ верхомъ трогательнаго чувства, картинности. Мы видѣли, если не исторически, то художественно вѣрную Марію Стюартъ, величественно примиряющуюся съ роковымъ концомъ. Свое знойно страстное сердце она старается смягчить крестомъ. Му-

ченичество, близящаяся казнь, постепенно приближаютъ смиряющуюся душу къ распятію; рьяная католичка, она ввиду разверзающагося передъ нею неба, кается искренно; передъ ея духовными очами носятся бѣлые ангелы, съ свѣтящимися, навѣвающими нѣгу, радость, крыльями; курятся фиміамы; возносятся къ престолу недосягаемаго восторженныя хвалы, гимны, и, какъ сны, раскрываются невыразимыя въ земномъ мірѣ, вѣчныя, райскія блаженства. Вспыхивающую, по временамъ, душевную грозу она заглушаетъ лихорадочно, пылко цѣлуя крестъ. Ея прощаніе со свитою, послѣдніе слова Лейчестеру звучали такъ безконечно грустно, что могли бы растопить свинцовое сердце, самаго продувного, подкупнаго журналиста.

Сознаемся, что для представленья Пеццаны требовались бы декораціи въ десятки тысячъ франковъ и актеры, съ силою Томаза Сальвини, Эмануеля, Закони, Новелли.

Если бы Шиллеръ могъ встать изъ гроба, присутствовать при представленіи, какой божественный гимнъ благодарности онъ посвятилъ бы Пеццанѣ; только благодаря такимъ артистамъ раскрываются въ необъятной красотѣ геніальныя созданья.

Въ „Марешали“ и „Эсмеральдѣ“ она поражала топчайшимъ комизмомъ, безъ тѣни шаржа, изумительною глубиною чувства, натуральностью; не было тѣни игры, тѣни актрисы.

Читавшіе біографію Пеццаны, написанную Діаметой Мюллеромъ, знаютъ, съ какимъ неописаннымъ восторгомъ ее встрѣчала публика, въ ея артистическихъ поѣздкахъ по Европѣ, Америкѣ, Ея тріумфъ былъ тріумфомъ итальянскаго искусства.

Не знаю, встрѣчаютъ ли теперь итальянцы свою міровую артистку, въ полномъ расцвѣтѣ ея генія, такъ, какъ встрѣчали ее далекія страны обширнаго свѣта.

Пеццана не разъ, въ дружеской бесѣдѣ со мной, съ трагически печальной улыбкой говорила: „Я проклинаю часъ моего рожденья въ Италіи: я пережила тяжкія разочарованія во всемъ, — бездушная страна, все въ ней — внѣшность, все ложь, фальшь; искренна одна жадность къ деньгамъ. Театральный міръ — омутъ распутства, алчности, злобы, зависти, интригъ и край-

няго, поголовнаго невѣжества. Я мало встрѣчала людей, съ которыми могла отогрѣть мою истомившуюся одиночествомъ душу. Я знаю, что умру въ бѣдности, забвеньи. Честному, идеальному нѣтъ мѣста на итальянской сценѣ. Въ продолженіи моей долгой, богатой горемъ, бѣдной радостью, карьерѣ, я встрѣтила только одного человѣка, безупречнаго, истинно великаго въ жизни и на сценѣ — покойнаго Модена. Какъ бы я была счастлива, родившись въ Россіи! Мистически чудная страна, сколько тамъ людей съ золотымъ сердцемъ, возвышенной, самоотверженной душой! Ни въ одной европейской публикѣ не развито такъ эстетическое, артистическое пониманье, чуткость къ прекрасному, какъ въ русской; всѣ артисты, побывавшіе въ Росссіи, вынесли это впечатлѣніе... Гнусно, невыразимо подло только ваше правительство, вашъ деспотизмъ, — они держатся только пулями, штыками, нагайками.

Какъ ужасно подумать, что у лучшей страны міра самое худшее правительство".

Вѣрнѣе всего, что горькіе отзывы о своей націи не были искренни: подъ вліяніемъ черной меланхоліи, она сгущала краски, свои личныя, неудачныя встрѣчи, столкновенья, переносила на всю неповинную, колоссально поэтичную, великую даже въ недостаткахъ, націю... Въ какомъ противорѣчіи съ мнѣніемъ Пеццаны стоятъ романы Жоржъ Зандъ: „Консуэло", „Лукреція Флоріяни", „Даніелла", „Теверино" и проч. и романы геніальнаго Стендаля.

Недавно въ Туринѣ открытъ былъ памятникъ Модену. Ораторы, съ благоговѣніемъ, вспоминали его героическую жизнь. Геніальный артистъ былъ другъ Мацини. Ему, славѣ Италіи, была заперта, одно время, Италія; онъ томился въ изгнаніи, терпѣлъ гоненья, невзгоды.

Мнѣ кажется, что истинно великій артистъ не можетъ зажмуриться на политическую жизнь своей родины; въ силу своего святого идеала, онъ долженъ быть всегда на сторонѣ угнетенныхъ, гонимыхъ, несчастныхъ; его душа, такъ всецѣло входящая въ величаво героическія роли, постепенно должна проникнуться ими; она должна быть широко, беззавѣтно открыта всему человѣческому. Изображая человѣка, — въ самомъ высокомъ значеніи

этого слова, — артистъ долженъ стать человѣкомъ. Опытному наблюдателю достаточно видѣть его въ великомъ произведеніи, чтобы понять силу его умственнаго и нравственнаго развитія. Настоящій великій артистъ долженъ быть однимъ изъ самыхъ гуманныхъ, отзывчивыхъ, передовыхъ людей своего вѣка; онъ долженъ оберегать, какъ „святая святыхъ“ свое благородное искусство отъ профанацій, загрязненій, посяганій на него растлителей... Его гордая, осѣненная ореоломъ гепія, голова, никогда на секунду не должна склониться ни передъ небесными, ни земными идолами.

Только въ силу своего общечеловѣческаго развитія, онъ сохранитъ въ неувядаемой красотѣ свой геній. Только жизнь, полная альтрупстическихъ чувствъ, можетъ спасти душу, а съ нею и геніальный талантъ отъ паденья.

Такой идеалъ въ артистической и частной жизни представляетъ собою Гіацинта Пеццана.

Когда я заканчивалъ послѣднія строки, передо мною поднялся образъ „безсмертнаго генія, создателя Ватикана“. На могильномъ мраморѣ онъ завѣщалъ свою исполинскую, гражданскую скорбь...

„Сладко спать, но еще отраднѣе окаменѣть
Въ дни позора и бѣдствій, ничего не видѣть,
Не чувствовать, въ этомъ мое счастье...
Тише, не буди меня... не нарушай
Моего каменнаго сна“.

Флоренція 1901.

Добролюбовъ

„Вѣчный врагъ всего живого,
Тупоуменъ, дикъ и золъ,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчетъ произволъ.

* * *

И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба.

. . . . . .
. . . . . .

* * *

Жаждой правды изнывая,
Въ темномъ царствѣ лжи и зла,
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла..."

I

Въ нашей литературѣ мы можемъ насчитать не такъ много бойцевъ сильныхъ, непоколебимыхъ, умершихъ въ бою; крупно, рѣзко изъ всей массы писателей, критически относящихся ко всему пошлому, злому, несправедливому, выдѣляются личности: Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева; есть еще писатели, которые рѣзче, законченнѣе проводили свои идеи, но они находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ; были окружены другою свѣтлою атмосферою, владѣли другими средствами для своихъ грозныхъ обличеній. Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ были поставлены въ ужасную обстановку, трудно было полною грудью дышать „въ собачьей пещерѣ"--современной имъ жизни.Жизнь наша всегда кишала,кишитъ ничтожными,жиденькими на расправу людишками, которые думаютъ, но, къ сожалѣнію, никогда не додумываютъ. Не будь молодаго поколѣнія, жадно воспринимающаго всякую идею, полную честности, борьбы со зломъ, никакихъ бы силъ не хватило, плечи Атланта не вынесли бы этого невыносимо тяжелаго міра ничтожества, несочувствія, злобы, пустоты. Девизъ всей огненной, безпощадной, неустанной дѣятельности Бѣлинскаго—слова спартанской матери къ сыну, надѣ-

вая щитъ, она говорила: „или съ нимъ, или на немъ“ какъ ни грустно, но дѣятельность Бѣлинскаго кончилась не торжествующимъ возвращеніемъ назадъ, „не съ нимъ, а на немъ.“ Добролюбовъ, защищаясь до послѣднихъ силъ, со всѣмъ отчаяніемъ храбрости, палъ покрытый щитомъ. Оба сошли съ литературной арены въ пустую могилу, изнеможенные, съ болѣзненно сжатою грудью и не въ старости, а въ годахъ, когда мысль еще глубже зрѣетъ въ сердечной глубинѣ, и человѣкъ еще горячѣе сливается съ своимъ мученическимъ призваніемъ. Они умерли въ своей постели, но болѣе ихъ упорный, болѣе популярный Чернышевскій кончилъ каторгой. Стальной мозгъ, стальныя нервы износились бы отъ постояннаго напряженія, безостановочной, мелкой борьбы, милліоновъ острыхъ, отравленныхъ булавокъ, которыя тихо, вползали въ живое мясо. Трагическою простотою звучатъ слова Добролюбова:

„Милый другъ я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебя благословляю,
Шествуй тою же стезею.“

Эта лебединая пѣсня дышетъ скорбною простотою, въ ней Добролюбовъ подымается до поэтической простоты первыхъ христіанскихъ мучениковъ; онъ умираетъ оттого, что былъ честенъ, но онъ спокоенъ душею и благославляетъ идти этимъ свѣтлымъ путемъ всякаго, въ комъ зрѣетъ душа человѣка. Христіане въ когтяхъ разъяреннаго льва шептали слова любви, прощенія врагамъ. Свѣтлый путь, завѣщанный Добролюбовымъ, привелъ Чернышевскаго въ Сибирь; въ холодѣ, мракѣ Сибири заглохнутъ его великія силы на благое. Безконечно ужасна та жизнь, среди которой могутъ вырваться такія погребальныя строки—потрясающій Реквіемъ, хороша та обстановка, гдѣ, изувѣченный чудовищнымъ политическимъ строемъ человѣкъ, говоритъ, что онъ умираетъ оттого, что былъ честенъ! Какой живой урокъ тѣмъ вертлявенькимъ либеральчи-

камъ, думающимъ что, пропаганда честныхъ убѣжденій легка, что это можно дѣлать, какъ вино пить, или женщину обнимать. Нѣтъ, путь безъ свертковъ, оборачиваній назадъ, куда не легокъ! Это путь къ кладу, гдѣ со всѣхъ сторонъ гремятъ страшныя заклинанія, а по бокамъ возникаютъ чудовищные, отвратительные образы, оглянешься и пропалъ... Этимъ путемъ начинали идти многіе, но немногіе до конца доходили; иныхъ жесткость, колючесть этого пути ужаснула, иныхъ обольстительные призраки втянули въ свои призрачныя объятія, иныхъ страшная даль испугала. Во всей дѣятельности Добролюбова проглядываетъ довольно крупная черта, не будь ея, и онъ давно бы попалъ, какъ до него Михайловъ:

„Въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.„

Его спасло постоянное, осторожное лавированіе средь острыхъ скалъ; безъ этого лавированія, замаскировыванія своихъ идей, не могъ существовать писатель, подобный Добролюбову; не развей онъ глубоко утонченной діалектики, ему пришлось бы бѣжать изъ Россіи, создать вольный печатный станокъ по примѣру Герцена въ Лондонѣ. Но не всякій умѣетъ читать, не всякій умѣетъ разбросанныя, тщательно закутанныя, хотя и въ прозрачныя покрывала идеи, понять.

Разбирая сочиненія Добролюбова, можно положительно сказать, что онъ вовсе не былъ изъ робкихъ; если бы онъ считалъ болѣе полезнымъ, онъ съумѣлъ бы провести свои идеи такъ, что у нашихъ заплѣснѣвѣвшихъ въ гнетѣ, изувѣрствѣ, лакействѣ министровъ и сенаторовъ морозъ пробѣжалъ бы отъ пятъ, до сѣдой, пустой макушки; но одинъ такой порывъ, и его не стало бъ... Солнечный лучъ пробилъ всюду нависшія, свинцовыя тучи, сверкнулъ горячимъ свѣтомъ, и снова давящія тучи, безразсвѣтныя сумерки... Начни рѣшительно — погибель немедленная — борьба прикрытая — гибель затяжная, конецъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же; тяготѣющая деспотія разыграла надъ нимъ роль палача, идя медленнымъ путемъ, чтобы больше излить изъ себя мучительно накипѣвшаго, онъ день за

днемъ отдавалъ свои силы, сбиры самодержавія, если не сразу, то медленно, послѣдовательно, все таки пожирали его плоть. Гейне говоритъ, что политическую идею слѣдуетъ обходить, какъ бѣшенную собаку; Добролюбовъ поступалъ иначе : онъ не обходилъ ее, но, какъ индѣйскій фокусникъ, игралъ кинжалами, не боясь проколоть обнаженную грудь; онъ умѣлъ концы хоронить; при своей безукоризненной, твердой какъ сталь логикѣ, онъ долженъ былъ или недоговаривать мысли до конца, или же презрительно заигрывая съ нашей подслѣповатой,дубоватой цензурой, подсовывать ей, ею же запрещенныя мысли. Вспомните процессъ Монталамбера, заключительную страницу этой статьи, все дѣло —въ подтасовкѣ лицъ, событій, чтобы провести задушевную мысль. Прочтите статью о Бокѣ „о здоровомъ и больномъ человѣкѣ“; строго онъ доводитъ ученіе о силѣ и матеріи до полнаго отрицанія души, какъ нѣчто отдѣльно существующей а это важный пунктъ эта поповская метафизика затемняетъ головы многихъ, — стихи „Благодѣтель,“ гдѣ глубоко, остроумно поэтично онъ возстаетъ противъ вѣры въ Бога, какъ въ личность, всюду вмѣшивающуюся и отъ которой зависятъ счастье, невзгоды цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ.Прочтите критическую оцѣнку событія падъ госпожею Артамоновой, ея изцѣленіе Николаемъ чудотворцемъ ; какъ бы поступилъ другой, на его мѣстѣ, прочтя, что эту монументельную дребедень удостовѣрили четыре тайныхъ совѣтника, доктора (охъ ужъ эти тайные совѣтники), каждый разразился бы злостнѣйшими сарказмами противъ такого кретинизма; самообладаніе и тутъ не покидаетъ Добролюбова ; онъ сознается очень мягко, что чудесное событіе не такъ важно, какъ интересно то, что подъ нимъ подписались такіе и такіе-то субъекты ; онъ отдаетъ ихъ на судъ публикѣ, другими словами — говоритъ: Образованные сограждане полюбуйтесь, на пышные плоды университетскаго образованія!... на реальное направленіе медиковъ! Одного не достаетъ — назначить профессора Рклицкаго, имя котораго сіяетъ лучезарнымъ блескомъ въ удостовѣреніи что, уха изъ хвостовъ сиговъ, предписанная Николаемъ угодникомъ мгновенно излѣчила самую что ни на есть неизлѣчимую болѣзнь еще про-

фессоромъ физики, физіологіи и заставить его читать лекціи о матеріи и силѣ.

Прочтите: „Когда же придетъ настоящій день?“ Какою подавляющею тоскою проникнута статья въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что могучія силы у насъ сгораютъ въ безплодной, пока еще, мелкой борьбѣ и какъ вдохновенно пророчитъ онь появленіе сильныхъ дѣятелей въ скоромъ будущемъ; вспомните заключительныя слова о Тургеневскомъ „Наканунѣ“: „Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! и во всякомъ случаѣ канунъ не далекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая нибудь ночь раздѣляетъ ихъ.“Ночь оказалась полярною ночью. Въ этой статьѣ и во многихъ другихъ онъ не разъ повторялъ, что у насъ открытой борьбы быть не можетъ, иначе смерть!... Да, это правда, человѣкомъ въ Россіи, въ нешуточномъ значеніи этого слова, можно быть только по секрету, шопотомъ и то не на долго; разъ столкнулся съ азіатчиной, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, сказалъ правду безъ улыбки и наступаетъ переходъ въ другую жизнь, не въ полную смерть, а въ ту пытку на медленномъ огнѣ,которая неизмѣримо хуже смерти.

Прочтите статью о сочиненіяхъ Марка Вовчка, гдѣ онъ разбираетъ Ефима въ „Купеческой дочкѣ,“ личность дѣйствительно могучую, до ужаса мстительную, какъ—зловѣще, пророчески смотритъ онъ на появленіе подобныхъ людей въ народныхъ массахъ, его увлеченіе переходитъ границы,—подобная личнось исключительна — онъ не былъ знакомъ съ крестьяниномъ развращеннымъ, чудовищнымъ рабствомъ, влачащимъ съ воловьимъ терпѣніемъ ярмо; не будъ эта личность исключительная, развѣ былъ бы возможенъ на минуту нашъ фантастически гнусный порядокъ вещей? Развѣ такіе гордые, неодолимые, ни передъ чѣмъ не преклоняющіеся люди, какъ Ефимъ, выдержали бы на своихъ плечахъ сотни лѣть палача-царя, палачей-помѣщиковъ? А статья „О правилахъ жизни Дымана,“ что онъ сулитъ тому, кто пойдетъ тою стезею, которая его въ раннюю могилу свела; сколько веселенькихъ пейзажиковъ повстрѣчаетъ на своемъ пути подобная личность; какой мрачный конецъ ждетъ такого мученика мысли, но не смотря на все, вездѣ у него сквозитъ мысль;

„всякій долженъ бороться съ душащимъ насъ зломъ настолько, насколько хватитъ силъ, неустанно, до самой могилы.“ Въ XVIII вѣкѣ наплывъ идей уничтожилъ ужасающія пытки въ судахъ; идеи погасили костры фанатизма, расшатали государственный строй въ цѣлой Европѣ, сверху до низу, и влили тотъ невидимый огонь въ жизнь, который въ двадцатомъ вѣкѣ вспыхнетъ всемірнымъ пожаромъ, и въ этомъ очистительномъ огнѣ погибнетъ мучительной смертью болѣе чѣмъ дикій, болѣе чѣмъ безумный, нашъ идіотски свирѣпый, азіатскій строй.

II

„И чѣмъ жизнь честнѣй и чище,
Тѣмъ нещаднѣе судьба.“

Во всей дѣятельности Добролюбова живымъ ключемъ бьетъ горячая любовь къ людямъ; всѣ идеи, ярко обнаруживающія эти чувства, у него чрезвычайно закончены. Но прежде, чѣмъ указывать на эти чувства, я долженъ сказать, какъ я понимаю любовь къ человѣчеству; ее до этихъ поръ, послѣ безчисленныхъ объясненій, смѣшиваютъ съ любовью къ своему родному, насколько это позволяютъ географическія границы, и даже эта односторонняя поддѣлка подъ любовь выражалась въ жалкихъ формахъ, принесла вредъ народу.

Нѣкоторые наивные люди не перестаютъ думать, что любить народъ — значитъ: стоя на ходуляхъ, распинаться передъ нимъ, по питейнымъ домамъ обниматься съ нимъ, интимничать, украшать его нѣжнѣйшими эпитетами, кокетничать съ нимъ, выводя его въ дрянненькихъ повѣстяхъ — которыя никогда не дойдутъ до него — титаномъ, который однимъ протираніемъ заспанныхъ очей произведетъ всемірное землетрясеніе, однимъ рѣшительнымъ помованьемъ плечъ, столкнетъ землю съ ея орбиты, такая любовь—профанація; подобная истерическая галиматья не вливаетъ ни одной свѣжей, трезвой мысли въ массы, не дѣлаетъ, рѣжущій горло, собачій ошейникъ, болѣе сноснымъ. Статьи, повѣсти, лисящія къ народу, превозносящія его, дѣлали ему

вредъ; правительство сладко дремало, убаюкиваемое вѣрою въ могущество народное; нѣтъ сомнѣнія, что его радовало это могущество съ финансовой точки зрѣнія, съ точки неистощимыхъ податей, возможности долгаго обдиранья. И въ это самое время, когда народу пѣли восторженные гимны и воскуряли передъ нимъ ѳиміамъ, онъ задыхался въ гнетѣ, непокрытой нищетѣ, невѣжествѣ, вымиралъ, вырождался. Его били, драли плетьми и розгами; пытками взыскивали недоимки, у него разбойнически продавали послѣдній нищенскій скарбъ. Его, воздвигающаго кровью и потомъ безчисленные царскіе дворцы, надѣляющаго всѣми благами сотни тысячъ паразитовъ и высоко поставленныхъ палачей, грабителей, самоуправцевъ, ставили внѣ закона, съ нимъ распоряжались какъ хотѣли и народъ все выносилъ, все выносилъ...

Любовь ко всему отечественному пахнетъ географическими перегородочками, казенными таможнями; чувство это тогда могущественно, когда оно не знаетъ заставъ, распространяется на весь міръ; любовъ къ человѣчеству не похожа на любовь одного человѣка къ другому, вытекающая изъ взаимныхъ симпатій, вѣрованій, могущая существовать только при умственномъ, нравственномъ равенствѣ.

Мы любимъ людей неразборчивою любовью, любимъ не смотря на все различіе образованія, стремленій, надеждъ, не смотря на пропасть, лежащую между человѣкомъ, ни передъ кѣмъ не клонящимъ головы и копошащимся самодовольнымъ рабомъ. Мистически таинственно это чувство, оно вспыхиваетъ въ груди у ребенка и постепенно разгораясь, внѣдряясь все глубже, ложится съ человѣкомъ въ могилу. Любовь эта чутка къ человѣческимъ радостямъ, но безконечно чувствительнѣе къ человѣческому горю. Болѣзненно отзываются въ нашей душѣ: скорбный протестъ голоднаго пролетарія, несущійся изъ холодныхъ, сырыхъ мрачныхъ подваловъ, колоссальныхъ фабричныхъ городовъ; горькія жалобы. работающихъ, среди вѣчной ночи, въ опасныхъ каменноугольныхъ копяхъ; звонъ цѣпей каторжниковъ—печальныхъ жертвъ чудовищной жизни. Кровавыя слезы, проливаемыя въ тюрмахъ въ Сибири— мучениками свободы. Унылая, въ стонъ пе-

реходящая пѣснь пахаря, когда заросшею мозолями рукою, онъ за истощенною клячею тащитъ плугъ, дерущій истощенную землю; жалобный лепетъ полунагихъ голодныхъ дѣтей, у которыхъ впереди до самой могилы безплодный трудъ и нескончаемое горе; плачь матерей, у которыхъ вырвали дѣтей и вышвырнули какъ негодную падлу на сожраніе дикой войнѣ; предсмертный хрипъ пронзенныхъ пулями, истерзанныхъ разрывными снарядами... Глухія проклятія убѣгающихъ отъ царей переселенцевъ, переплывающихъ океаны на зараженныхъ всѣми болѣзнями корабляхъ; отчаянные вопли несчастныхъ, ни въ чемъ не повинныхъ евреевъ до настоящей минуты избиваемыхъ изъ за легенды осатавнѣвшими извергами. Непересыхающія слезы покорно склонившей усталую головку труженицы-швеи. Безмолвная грусть дѣвушки, сходящей въ могилу съ разбитою жизнью, неудовлетворенными стремленіями къ освобожденію. Безвыходность индѣйца, раздавленнаго промышленнымъ геніемъ американца; баснословное вымираніе кроткихъ, способныхъ племенъ на островахъ Тихаго океана отъ соприкосновенія съ цивилизованными христіанами. Всѣ безчисленныя страданія несчастнаго человѣчества невольно волнуютъ нашу душу, вызываютъ горячее состраданіе. Вопли голодающихъ, стоны придавленныхъ, лязгъ цѣпей, скрежетъ зубовъ, рыданія раздаются не въ одномъ нашемъ замученномъ деспотіей отечествѣ, но по всему земному шару, во всю-его ширину, отъ полюса, до полюса. Эта эпидемія несчастій не знаетъ преградъ; морозы ее не убиваютъ, бури не сдуваютъ, не останавливаютъ очищающія грозы, не задерживаютъ бдительныя таможни; передъ нею безсильна медицина, безсильно христіанство, лицемѣрно сзывающее со всѣхъ концовъ земли всѣхъ обремененныхъ для еще большаго обремененья; она царски могущественна и также звѣрски глухо безжалостна; замираетъ она тамъ, гдѣ замираетъ эхо человѣческой жизни. Неизвѣстно, какія уродливыя силы породили ее и когда она исчезнетъ. Человѣческій умъ открылъ способы узнавать вѣсъ, объемъ невидимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ; очень много изъ области таинственнаго перестало быть для него тайною; онъ измѣрилъ землю и измѣряетъ небо,

но онъ не съумѣлъ и никогда не съумѣетъ измѣрить свое безграничное, пережитое и переживаемое горе; не свѣспилъ и не свѣситъ свой кровавый потъ, вѣчныя горючія слезы, вѣчно даромъ текущую кровь! Любовь къ ближнему, и состраданье, одни спасутъ насъ въ будущемъ. У Магомета спросили, какъ узнать, что наступилъ конецъ міра, онъ отвѣтилъ: „это наступитъ тогда, когда у души человѣческой ничего не будетъ для другой души...“

Любовь, не сжатая заборами, вырабатываетъ тѣхъ, могучихъ бойцовъ, которые со знаменемъ свободы, отбросивъ предразсудокъ національности, погибаютъ на барикадахъ Парижа, въ красной рубашкѣ Гарибальдійца, которые жертвуя всѣмъ, защищаютъ всѣхъ безъ исключенія людей, въ силу того всеобъемлющаго принципа, что все несправедливое должно встрѣчать отпоръ. Но пусть читатель не сдѣлаетъ вывода, что я ставлю состраданіе къ австралійскому парію на одну степень съ состраданіемъ русскаго къ русскимъ; перечнемъ страданій я хотѣлъ показать, что люди, любящіе лодей въ извѣстныхъ границахъ, пылкая любовь которыхъ можетъ неожиданно оборваться въ Ейдкуненѣ, если вникнуть въ ихъ любовные порывы, окажутся безсердечными болтунами, очень подозрительно любящими свое отечество; не любя всѣхъ людей, нельзя ихъ любить въ извѣстныхъ рамочкахъ. Если человѣческое страданіе скорбно волнуетъ мою душу, то я не въ состояніи утерять чувство состраданія, перешагнувъ географическую линію; но самую сильную любовь, самое жгучее состраданіе помимо нашей воли возбуждаетъ родина: я съ нею связанъ языкомъ, всѣми дорогими вспоминаніями жизни, моими индивидуальными особенностями и, наконецъ, она, моя бѣдная родина, несчастнѣе всѣхъ на европейскомъ континентѣ; благодаря деспотіи, она позднѣе всѣхъ освободилась изъ позорнаго рабства, но корни „Анчара“ еще не перегнили въ русской землѣ. Нигдѣ такъ не подавленъ не униженъ не обезсмысленъ человѣкъ, какъ у насъ; нигдѣ рука лютаго произвола не загребаетъ столько невинныхъ жертвъ, какъ въ нашемъ нѣмомъ отечествѣ; нигдѣ неистовства, грабежи, надруганья, правительства не оставались такъ безнаказанны, какъ у насъ, и оно

пользовалось широко безнаказанностью, чѣмъ мы болѣе терпѣли тѣмъ оно болѣе озвѣрѣвало, становилось разнузданнѣе...

Глубокую любовь питалъ Добролюбовъ ко всѣмъ бѣднымъ, угнетеннымъ, обойденнымъ жизнью; онъ первый подымалъ голосъ въ защиту слабаго, притѣсненнаго; умирая, онъ завѣщалъ идти этою стезёю каждому. Добролюбовъ, зло критикуя сочиненія Соллогуба, впадаетъ въ крайность; въ увлекающейся статьѣ Бѣлинскаго, разбирающей „Тарантасъ“ онъ видитъ иронію; все дѣло въ томъ, что Соллогубъ былъ аристократикъ, ни одною строкою не выказавшій сочувствія къ несчастнымъ; во всѣхъ его романахъ вы видите дрянненькую, скучную салонную жизнь, которую онъ по временамъ бичуетъ, но она не стоила не только бичей сатиры, но даже простого пучка розокъ. И это писалось въ то время, когда народъ задыхался въ рабствѣ, начиналъ уже жечь помѣщиковъ, когда живые вопросы стояли всюду на очереди. Все это заставляетъ Добролюбова презирать не только самаго Соллогуба, но и его талантъ. Вспомните также его строгій отзывъ о Пушкинѣ, который, бывъ поэтомъ-геніемъ, такъ сравнительно бѣдно подѣйствовалъ на общество; держи этотъ колоссально одаренный поэтъ истину, во всей ея полнотѣ, обладай онъ великими, свободными принципами, будь онъ развитъ, какъ были развиты Байронъ, Шелли, Шиллеръ, Гейне, сколько бы онъ свѣтлаго могъ провести въ жизнь, облекши честную, высокую, свободную мысль въ дивныя формы. Пушкинъ создалъ поражающіе геніальною силою драмы, поэмы, стихи, отразилъ въ нихъ общественный и народный духъ, но онъ приносилъ ими только одно эстетическое наслажденіе. Очень грустно, что отъ слова Пушкина не волновалось общественная совѣсть, не пробуждался испуганно отъ опьяняющихъ грезъ палачъ; помѣщики могли имъ наслаждаться безтрепетно, зачитываться имъ, заучивать его, и въ то же время, мѣнять дѣвушекъ на борзыхъ щенковъ, бить, пороть своихъ лакеевъ, вытягивать, ставшій ребромъ, послѣдній грошъ у раздавленнаго крестьянина. Пафосъ Пушкина, столь поэтично воспѣтый Бѣлинскимъ, могъ идти весьма дружно рука въ руку съ крѣпостнымъ палачествомъ, бѣшеннымъ деспотизмомъ, трусливою, хо-

лонскою низостью. Большое несчастіе Пушкина, что онъ созрѣлъ въ смертельно поражающей атмосферѣ Николаевскаго царствованія, что роковыя обстоятельства приблизили его къ дворцовому вертепу, что онъ попалъ въ густую паутину, отвратительнаго ядовитаго паука, шефа шпіоновъ, Бенкендорфа. Его политическое, гражданское развитіе, остановилось, оборвалось, послѣ казни, ссылки декабристовъ. Проклятіе за нерасцвѣтшій полнымъ цвѣтомъ геній Пушкина всею тяжестью падаетъ на самодержавнаго удава, на палачей, „свободы, генія и славы".

Съ современнымъ намъ, дѣйствительно честнымъ, великимъ писателемъ не уживались въ ладу романтики; они трусливо съеживались передъ его мощнымъ, отрицающимъ словомъ, втихомолку отплевывались, открещивались отъ него, не смотря на всю художественность его созданій. Современный намъ честный писатель безстрашно произноситъ: „Кто не за меня, тотъ противъ меня"; компромиссовъ,примиренія тутъ быть не можетъ; ни въ своихъ произведеніяхъ, ни въ своей жизни, онъ не умѣетъ склонять головы ни передъ общимъ идоломъ, ни передъ частными идольчиками; съ глубочайшимъ отвращеніемъ онъ отворачивается отъ дворца, отъ зазнавшагося, короновавнаго идіота, если онъ не можетъ бѣжать за границу, писать тамъ, „гдѣ не касался оковы до человѣческаго слова", онъ терпитъ ужасныя преслѣдованья, невзгоды, кончаетъ или раннею смертью, или Петропавловскою крѣпостью, каторгой...

Но говоря о Пушкинѣ, невольно вспоминаешь Гоголя. Начавъ враждою съ дѣйствительностью, онъ,вслѣдствіи крайне узкаго развитія, кончаетъ низкопоклонствомъ, поповскою религіозностью, кликушническимъ ханжествомъ. Такъ кончили наши литературные великаны!..

Многіе скажутъ, что вліяніе Добролюбова отразилось только на молодежи; тѣмъ лучше для молодежи и тѣмъ хуже для старцевъ — молюсокъ канцеляріи, выразителей оффиціальной серьезности. Но рано или поздно его идеи живительною волною вольются въ жизнь, прокрадутся въ такіе жестяные черепа, гдѣ царилъ абсолютный мракъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ проглядываетъ его глубоко любящая, гуманная, неустанно боря-

щаяся личность; вспомните „Темное царство“, „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, разборъ стихотвореній Полежаева, и десятки другихъ статей, и вы увидите, какъ разнообразны были формы борьбы; она не затихаетъ нигдѣ какъ бы незначительна была статья; вопросъ осмотренъ имъ со всѣхъ сторонъ, высмотрѣны всѣ черточки, затѣмняющія фонъ, и только послѣ глубокаго, всесторонняго анализированья, онъ берется за предмегъ; навѣрное, изъ читавшихъ его, каждый помнитъ его привычку всегда съ начала говорить: „многіе, можетъ быть, посмотрятъ такъ“, или „многимъ это покажется такъ“ и когда уже разсмотрѣны всѣ могущія возникнуть противорѣчія, тогда только начинается твердое, ясное выговариваніе мысли. У него не найдете такихъ противорѣчій, какъ у Бѣлинскаго, который рядомъ съ задушевными, широкими статьями пишетъ статейку, „Бородинская годовщина“, гдѣ поетъ гимнъ императорамъ, приводя монологи изъ Ричарда. Шекспиръ въ Ричардѣ II выводитъ короля XIV вѣка, минувшихъ, невозвратныхъ дней, вѣрующаго искренно, что рука изъ костей и крови, прикоснувшись къ коронѣ свершаетъ безумное святотатство; что ангелы, пылающіе гнѣвомъ, съ огненными мечами мести, явятся къ его услугамъ, и вся Англія обагрится кровью, превратится въ кладбище, за такое дерзкое посяганіе на величавое тѣло короля; сходя на судъ, онъ говоритъ: „Я Фаэтонъ — сынъ солнца, несправившійся съ бѣшенными, огненными конями“. Монологи его передъ судомъ Болинброка ужасны своею глубочайшею искренностью; въ его словахъ клокочетъ гнѣвъ боговъ олимпійскихъ, блестятъ пропитанные слезами сарказмы, необузданная вѣра въ свое божественное, ненарушимое могущество; онъ собственными слезами смываетъ помазанье, собственными руками отдаетъ корону, собственнымъ дыханьемъ разрѣшаетъ отъ всѣхъ обязанностей, уставовъ; Въ темницѣ, развѣнчанный, измученный, онъ остается до послѣдняго дыханья жизни королемъ отъ головы до пятокъ; онъ говоритъ, умирая, своему убійцѣ Экстону: „твоя жестокая рука обагрила землю короля его королевскою кровью“. Но заблужденья живутъ не вѣчно; въ одинъ прекрасный полдень замаскированный палачъ показалъ англійскому народу окровавленную голову

короля Карла Стюарта I, со словами: „это голова измѣнника“. Послѣ этого достопамятнаго дня, Ричарды II отошли въ область тѣней, стали глупою сказкою; ударъ топора разсѣялъ дикую тысячелѣтнюю иллюзію, народъ и сами короли очень сильно усомнились въ божественномъ помазаніи. Такіе императорскіе призраки могли существовать и не быть крайне смѣшными только въ такое призрачное время. Папы, вѣрующіе въ свою грозную непогрѣшимость, уцѣлѣли только въ портретахъ Рафаэля, въ палаццо Уфицы во Флоренціи, а короли — въ трагедіяхъ Шекспира,—въ наше время это дикій анахронизмъ; типъ подобныхъ королей, отложился въ слои, чтобы уже никогда не воскреснуть къ жизни; эти ихтіозавры были взбѣсившіеся фанатики, недостатокъ которыхъ состоялъ въ томъ, что они стояли въ уровень съ своимъ временемъ, которое грязнуло, киснуло въ мертвящемъ рабствѣ, варварствѣ и наибезобразнѣйшихъ предразсудкахъ. Современные цари, короли, папы — первые въ мірѣ воры, наглые карманщики, отчаянные жулики; они дрожатъ за свое чудовищное существованіе, они знаютъ себѣ цѣну, догадываются, что ихъ „ помазала подлость, холопская, лапа поповъ, загребущая“ они даже скверные актеры, но кажутся хорошими, потому что публика черезъ чуръ глупа, хамовата, невзыскательна. Шекспиръ, какъ величайшій психіатръ, вывелъ Ричарда II. Бѣлинскій съ легкой руки подтасовалъ къ нему „лоботряса“ Николая Палкина. Не относись онъ послѣ съ отвращеніемъ къ этой статьѣ, она запятнала бы его блестящую литературную дѣятельность. У Добролюбова нѣтъ такихъ промаховъ. Не знаю, чѣмъ бы кончилъ Добролюбовъ, поживши долѣе; можетъ быть, ему стало бы не въ мочь постоянное сдерживанье своихъ порывовъ и онъ развернулъ бы на вольномъ, ясномъ просторѣ гигантскимъ размахомъ свои орлиныя крылья; онъ умеръ очень, очень рано; онъ съузилъ душу для общей пользы, самъ надѣлъ на себя желѣзныя вериги, которыя съ терпѣніемъ первыхъ христіанъ не снималъ всю жизнь; такая горькая, огромная жертва пойдетъ ему въ большую заслугу.

Нѣкоторые упрекаютъ его въ недостаточности точныхъ взглядовъ на искусство, приводя въ примѣръ Бѣлинскаго, любившаго останавливаться на такихъ

опредѣленіяхъ; но это его достоинство. Критика, идя впередъ, непремѣнно должна была оставить за собою покушеніе вдвинуть искусство въ недвижныя рамки; философія Гегеля должна была уступить мѣсто новой, построенной на строгомъ, научномъ опытѣ, наблюденіи, опирающейся на естественныя науки. Эта рѣзкая перемѣна отразилась на искусствѣ, поэзіи. Бѣлинскій часто бывалъ теменъ въ роли разъяснителя Гегеля; онъ становился пророкомъ, выѣзжающимъ на огненности и неточности своихъ опредѣленій. Добролюбовъ ближе стоялъ къ дѣйствительности, опредѣленія его были проще, яснѣе и не менѣе глубоки; утонченное же пониманіе всего прекраснаго, полное энтузіазма увлеченіе всѣмъ поэтичнымъ у него были огромны; только стоитъ вспомнить критику на „Наканунѣ“, гдѣ, увлекаясь лучшими мѣстами романа, онъ впадаетъ въ такую яркую, блистающую чудными переливами поэзію, что почти соперничаетъ съ самимъ Тургеневымъ. Разбирая стихотворенья Языкова, онъ указываетъ съ иронією на то, что всѣ поэты Пушкинской школы куда-то стремились, въ какую-то блаженную страну, за „далью непогоды“. Стремленіе къ блаженной странѣ до Пушкина, во время Пушкина, словомъ, во всѣ времена, а въ особенности душныя, когда душа шла на убыль, было любимою мечтою поэтовъ, всѣхъ бойцовъ мысли. Одно изъ лучшихъ, задушевныхъ стихотвореній Добролюбова производитъ мучительное впечатлѣніе своимъ отчаяннымъ порываньемъ къ блаженной странѣ, „ за далью непогоды “.

„Бурнаго моря сердитыя волны
Что такъ влечетъ меня къ вамъ?
Я вѣдь не брошусь отвагою полный
На встрѣчу сердитымъ волнамъ?
Грудью могучей, сильной рукою
Не разсѣку я волны,
Не поплыву искать подъ грозою
Обѣтованной страны...
Край мой желанный, любимый мной свято
Тамъ, гдѣ волна улеглась
Тамъ далеко, гдѣ спускаясь куда-то,
Море уходитъ изъ глазъ,
Мнѣ не доплыть до страны той счастливой
Средь этихъ яростныхъ волнъ...
Что же стою я, боецъ боязливый,
Жаднымъ волненіемъ полнъ?

Такъ бы и кинулся въ яростное море
Въ бой бы съ волнами вступилъ...
Кажется въ этомъ самомъ просторѣ
Взялъ бы отваги и силъ..."

Несчастные русскіе, посвятившіе себя на упорную борьбу со зломъ, неправдою, не доплывали до страны той счастливой; большею частью, они доплывали до Петропавловской крѣпости, или Сибири. „Такъ ведущее насъ провидѣніе указало". Сибирь была обѣтованая страна для лучшихъ русскихъ; въ ледяной глуши затихала борьба, замолкали проклятія. Самъ Добролюбовъ остановился у берега, жаднымъ волненіемъ полнъ; борясь всю свою грустную жизнь съ цѣлымъ моремъ золъ, неправдъ, угнетеній, онъ успокоился въ холодѣ, тишинѣ ранней могилы; и то благо, что умеръ на собственной постелѣ, а не былъ заживо погребенъ въ Петропавловскомъ казематѣ! Окружающая ихъ жизнь не походила на разъяренное море, а на мертвый штиль въ океанѣ: — солнце палитъ нестерпимо ярко, лучи жгутъ, кругомъ душно до истомы, воздухъ, океанъ застыли, ни тучки въ небѣ, ни легкаго дуновенья на цѣломъ океанѣ; кажется ничего нѣтъ, но руки матросовъ опускаются въ отчаяньи; паруса повисли, какъ бѣлые саваны; послѣднія, живительныя капли воды испаряются, смерть идетъ отовсюду медленно, но неотразимо; жертвамъ некуда бѣжать, рвануться. Буря — борьба; чѣмъ страшнѣе ураганъ, тѣмъ могучѣе становится человѣкъ въ борьбѣ съ нимъ; тутъ же нѣтъ жизни, силы кипятъ, а дѣть ихъ некуда, приложить не къ чему...

Біографія Грановскаго

(Сочиненіе Ал. Станкевича)

Біографія Грановскаго, написанная Станкевичемъ, наводитъ на цѣлый рядъ неутѣшительныхъ размышленій; эта огромная книга вся, отъ первой до послѣдней страницы, посвящена одному Грановскому; навѣрное Станкевичъ разсчитывалъ, что публика, сложа руки, погружена въ глубочайшую бездѣятельность; неужели она предназначается для людей занимающихся? Если каждое замѣчательное лицо будетъ имѣть такую полновѣсную біографію, то, чтобы прочесть ихъ, нужно жить никакъ не менѣе библейскаго Мафусаила. „Исторія умственнаго развитія Европы„ Дрепера не особенно превосходитъ размѣрами книгу Станкевича о Грановскомъ. Нѣтъ лица въ міровой исторіи, о которомъ можно было бы, не издѣваясь надъ читателемъ, говорить на 306 большихъ страницахъ, убористой печати, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ вмѣстѣ съ лицомъ выдвигается громадная масса связанныхъ съ нимъ событій, множество выдающихся лицъ или же разбираются сочиненія автора. Бѣлинскій посвятилъ Пушкину цѣлую книгу, вникните Пушкину, но и то онъ въ ней разбираетъ предшествующую ему литературу, только сравнительно малая часть посвящена его геніальнымъ созданьямъ.

Въ біографіи могутъ быть допущены подробности изъ жизни, но только такія, которыя глубоко, рѣзко охарактеризпровываютъ всю психологію великой личности и его дѣятельность; но онѣ должны быть страшно кратки, если пишущій хочетъ возбудить интересъ, а не хандру отъ невыносимой скуки. Ал. Станкевичъ напоминаетъ въ своей біографіи словоохотливую старушку-няню временъ крѣпостнаго права, которая со слезами, пришептываньями, всхлипываніями, подобострастьемъ замучиваетъ васъ разсказами, о добромъ ея баринѣ, его супругѣ, дѣткахъ, о покойныхъ бабушкѣ, дѣдушкѣ, о тёщахъ и заловкахъ. Сто страницъ посвящены дѣтству Грановскаго; съ старушечьей болтливостью разсказывается о томъ, какой дѣдушка былъ у Грановскаго, чѣмъ онъ занимался, какія предпринималъ аферы. Въ одну полночь онъ на зубокъ Тимофею Грановскому несъ 15 тысячъ; мать Грановскаго на бѣду, притворилась спящей, а дѣдушка, на бѣду, быстро раздумалъ и, улепетнувъ съ деньгами, преисправно спустилъ ихъ въ карты. Этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожный старецъ, скоро свихнулъ съ ума и его усадили во флигель; довольно подробно описаны обои, мебель во флигелѣ. Самое характеристическое изъ дѣтства Грановскаго слѣдующее: маленькій Тимофей прятался у дѣдушки отъ наказаній; онъ часто строилъ крѣпости, и самъ упорно осаждалъ ихъ; во время осады, нерѣдко летѣлъ кубаремъ; разъ, желая избавиться отъ уроковъ, находчивый Тимофей натрескался воды съ мухами и его не только прослабило но и вырвало. Всѣ великія задатки будущаго замѣчательнаго профессора разсказаны вяло; нечего объяснять, что эти дѣтскія проказы свойственны дѣтямъ умнымъ, глупымъ и даже чрезвычайно глупымъ; натрескаться воды съ мухами „кому ума недоставало?“.

Отъ этихъ подробностей Станкевичъ переходитъ къ письмамъ къ двоюрдной сестрѣ, гувернанткѣ, роднымъ сестрамъ; переписка болѣе чѣмъ обыкновенна. Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ ограничивается крохотными повседневными подробностями, не бросающими атома свѣта на дѣятельность и личность Грановскаго; на 10-ти страницахъ тянется разсказъ о томъ, какая актриса нравилась Грановскому, а какая, неизмѣримо болѣе

замѣчательному, Н. Станкевичу — его товарищу и другу; съ кѣмъ они познакомились въ Берлинѣ; сухой перечень фамилій не ограничивается Берлиномъ, отчетъ густо размазывается по всѣмъ нѣмецкимъ городкамъ, куда заѣзжалъ Грановскій. Въ статьѣ о профессорской дѣятельности кой гдѣ черезъ сѣренькій, великопостный разсказъ просвѣчиваютъ чуть брезжущимъ свѣтомъ дѣйствительно интересныя подробности, но и онѣ заговорены ненужными прибавками. О его лекціяхъ высказаны довольно ходячія шаблонныя фразы: „гуманная разносторонность, замкнутость, обобщеніе". Крайне темно объяснено, въ чемъ же состояло повальное очарованіе лекцій Грановскаго, въ какихъ его идеяхъ сквозитъ глубина, многосторонность и та новизна, дѣлающая его интереснымъ даже для нашего времени. Отъ замѣчательнаго лица читатель вправѣ требовать немного болѣе, чѣмъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ ,обнаруженныхъ вполнѣ въ интимномъ кругу. Статья „послѣдніе годы жизни Грановскаго" вся состряпана изъ писемъ къ сестрамъ, кузинѣ, друзьямъ и меланхолически мечтательныхъ присказкахъ; но въ нѣкоторыхъ письмахъ, замѣткахъ выдаются такіе странные взгляды, что считаю долгомъ ихъ выписать. Серьезный мыслитель, слѣдящій за современностью, производящій очарованье своимъ многостороннимъ умомъ, пишетъ къ кузинѣ, что онъ съ невѣрующимъ Николаемъ Станкевичемъ встрѣтится въ загробномъ мірѣ и тамъ пожметъ ему руку — не мѣшало бы для большей ясности обозначить гостинницу, въ которой они встрѣтятся. Ясно, что Грановскій не только вѣрилъ въ безсмертіе души, но и въ безсмертіе самой руки. Говоря, что проситъ у отца благословенія на свадьбу, онъ прибавляетъ: „бракъ безъ благословенія родителей приноситъ большія несчастія". По словамъ біографа — онъ признавалъ за непоколебимую истину слѣдующее архипастырское изреченіе: „Поверхностное знаніе удаляетъ насъ отъ религіи, основательное возвращаетъ насъ снова къ ней". Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ убогія старушки и кликуши Иверскихъ воротъ сдѣлались столь религіозными отъ основательнаго научнаго знанья! Возвратило ли глубокое научное знанье въ нѣдра христіанской церкви Вирхова, Бюхнера, Молешота, Фохта, Шпфа, Шопенгауэра, Фейербаха, Ре-

нана, Бертоле и цѣлую фалангу другихъ великихъ мыслителей и ученыхъ?

Станкевичъ никакъ не можетъ забыть тихій, лѣтній вечеръ, гуляя съ Грановскимъ, онъ услышалъ отъ него слѣдующія, поучительныя фразы: Грановскій вспомнилъ Вильгельма Гумбольдта, вѣрившаго въ загробное свиданіе съ своею супругою, и Гёте, открывшаго секретарю Эккерману, что онъ вѣритъ въ безсмертіе души; отъ себя онъ прибавляетъ: „для меня относительно этихъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей". Грановскому слѣдовало подробно объяснить, въ какого рода безсмертіе вѣрилъ натуралистъ Гёте, чуть не открывшій „тайну тайнъ", происхожденіе видовъ, но думаемъ, что его безсмертіе, во всякомъ, случаѣ исключаетъ пожатіе руки, и прочія земныя интимности. Попы, неся чертовщину, ссылаются на Луку, Матѳея, Павла, Іоанна и пр.; многосторонній профессоръ Грановскій— на гранитную твердыню: Вильгельма Гумбольдта. Неужели нужно говорить, что такіе взгляды простительны только старцамъ изъ обителей и добрымъ старушкамъ, купчихамъ, не выносящимъ жупела и металла.. Эти промахи „незрѣлой мысли" наводятъ насъ на мысль, что знаніе одной исторіи очень, очень недостаточно, и что развивать надо всю голову, а не десятую часть головы.

На 247 страницѣ приводятся строки, направленныя противъ дѣятельности Герцена за границей; въ этихъ пошлыхъ строкахъ мы видимъ въ Грановскомъ не передового, полнаго свѣтлыхъ упованій человѣка, а дряхлѣющаго педанта, упоеннаго, насыщеннаго своею полезностью; онъ говоритъ о дѣятельности Герцена, что она ничтожна, дѣтски глупа, что его статьи возбудятъ въ Россіи смѣхъ и досаду. Міръ его праху! Онъ жестоко, до смѣшнаго ошибся: дѣятельность ничтожная разрослась такъ могущественно, что передъ нею съёжилась дѣятельность знаменитаго профессора; черезъ эту ничтожную дѣятельность стушевались, смѣшались съ жалкимъ прахомъ злые идолы, передъ которыми плашмя, маряясь въ грязи, лежали многія почтенныя личности; его произведенія возбуждали горькій смѣхъ, но не надъ Герценомъ, а надъ собственнымъ отчаяннымъ безобразіемъ; его огненныя, остроумныя статьи были свѣточи Эвменидъ, озарившія тьму кромѣшную совре-

менной ему русской жизни, онѣ возбудили не только досаду, но и остервенѣнье. Отвратительныя, тупыя, свирѣпыя твари, справляющія тризны по всему прекрасному въ Россіи, которыхъ не страшили далекіе громы небесные, были оглушены, ошоломлены звономъ, призывающаго къ борьбѣ, „Колокола," который зазвонилъ, отдѣленный отъ нихъ разстояніемъ цѣлой Европы; этотъ вѣчевой колоколъ зазвонилъ въ первый разъ съ основанія русскаго самодержавія; дерзкая рука, ударившая въ набатъ, была рука Герцена, и за это его никогда не забудетъ исторія и Россія.

У Грановскаго чешутся руки на Герцена за то, что онъ объявилъ, что въ Россіи есть большая либеральная партія, онъ умеръ, не дождавшись момента, когда эта партія разрослась до огромныхъ размѣровъ. Чѣмъ объяснить неслыханное распространеніе „Колокола", по всей Россіи, — не смотря на запрещенія — и вообще горячее увлеченіе имъ? Благодаря кому свершились, хотя и не полныя, но все же реформы настоящаго царствованія? Что же касается до полезности, то нѣтъ на русскомъ языкѣ слова, на которое было бы столько непостижимо разнообразныхъ, игривыхъ варіацій; самъ Станкевичъ, навѣрное, считаетъ очень полезною книгою „біографію Грановскаго"; навѣрное, онъ ею разсчитывалъ положить ленту въ бездонную лахань полезности. Высказавъ краткій взглядъ на біографію, я долженъ прибавить для коверкателей чужихъ мыслей, что я отнюдь не хотѣлъ бросить тѣнь на Грановскаго, я набрасываю тѣнь на жалкую копію съ него. Станкевичъ не только не художникъ, но и плохой фотографъ; въ его фотографіи живые, прекрасные глаза, тонкія черты выходятъ тѣнями; онъ очень плохо передалъ черты и окончательно не съумѣлъ вдохнутъ въ нихъ жизнь, придать имъ разнообразное выраженіе; онъ очень рельефно выказалъ всѣ смѣшныя стороны Грановскаго, его взгляды, но не съумѣлъ ярко выставить тѣхъ крупныхъ достоинствъ, которыя затушевали бы, заставили искренно забыть недостатки. Я увѣренъ, что много недостатковъ, самыхъ крупныхъ, вытекло безъ вины Станкевича: онъ вдавался въ мелочи жизни, любя Грановскаго: ему дорого малѣйшее воспоминаніе о немъ; по ему нужно было отрѣшиться отъ себя, войти

въ положеніе читающей публики, которой нѣтъ дѣла до его личныхъ симпатій, которой кажутся скучными, приторными мелкія воспоминанія. Грановскій — свѣтлая, прекрасная личность, черезъ много лѣтъ послѣ его смерти, память о немъ жива въ Московскомъ университетѣ.

У Герцена въ „Былое и Думы“ есть нѣсколько страницъ, посвященныхъ Грановскому, и на этихъ глубоко поэтичныхъ страницахъ вырисовывается въ величавой красотѣ, возвышенный образъ Грановскаго; невольно начинаешь понимать память о немъ и глубокую симпатію къ нему всѣхъ, столкнувшихся съ нимъ на пути жизни.

Замѣчательныхъ лицъ много, замѣчательныхъ біографовъ чрезвычайно мало; извѣстное лицо можетъ глубоко выиграть и страшно пострадать отъ біографа. Для біографіи мало одного добросовѣстнаго труда, тутъ нужно быть поэтомъ, глубокимъ психологомъ. Нужно сильно проникнуться образомъ, чтобы обвѣять его мягкою поэзіею, вдохнуть въ него теплую струю жизни. Изъ нѣсколькихъ страницъ Герцена, Грановскій ярче вырисовывается, чѣмъ изъ 306 труженическихъ страницъ А. Станкевича.

Стихотворенія
Всеволода Крестовскаго

Священникъ.

„Да ты жъ прелюбодѣй!
Твои стихи...

Поэтъ.

Всѣ лгутъ, а на душѣ моей
Ей богу, я грѣха такого не имѣю,
Но модѣ лишній грѣхъ взвалилъ себѣ на шею,
А, правду вымолвить, я сущій Эпиктетъ,
Водой незамутимъ, предобренькій поэтъ.

Священникъ.

Послушай же теперь полезнаго совѣта
Будь добрый человѣкъ изъ грѣшнаго поэта".
(Исповѣдь бѣднаго стихотворца. А. Пушкина).

Когда я перелистываю стихи поразительно страстнаго Крестовскаго, я испытываю странное чувство, я обоняю запахи мая, того милаго, благодатнаго мая, въ который деревья такъ роскошно распускаются; цвѣты, зелень, свѣжая, кипучая жизнь такъ и слышатся, видятся всюду; жаворонки нѣжными дискантами чирикаютъ въ воздухѣ; раскаты соловья тревожатъ сумракъ сада, „ландышъ серебристый привѣтливо киваетъ головой", кошки, собаки, старички-селадоны объяты любовнымъ восторгомъ; всюду разлиты нѣга, упоеніе весеннею страстью. Я увѣренъ, что ни одно стихотвореніе Крестовскаго не

написано въ суровые, холодные мѣсяцы, въ которые кошки тоскливо мурлыкаютъ, присосѣдившись къ тепленькимъ печкамъ, а собаки, поджавъ хвосты, лаютъ на холодный воздухъ, не зная, какъ убить холодное, свободное время. Нѣтъ, эти вулканическія стихотворенія навѣяны майскимъ, раздражающимъ солнцемъ, общею животною страстью. Знойное, палящее слышится въ стихахъ этого, единственнаго въ своемъ родѣ, поэта весеннихъ похотей. Черноглазые, смуглолицые жители Юга трунятъ надъ нами, бѣдными жизнью, холодными обитателями сѣвера; они жестоко ошибаются: и у насъ есть огненно чувственные темпераменты, передъ которыми самые ярые жители юга покажутся льдинами. Смѣло бросаю перчатку сладострастной Италіи, роскошной Испаніи, свѣтлой Греціи, если мало,— мрачно-фантастической Индіи, африканскимъ неграмъ, Капскимъ готтентотамъ, малайцамъ Суматры. Исходите изъ конца въ конецъ дышащія зноемъ страны, вы нигдѣ не отыщете человѣка, похотливѣе нашего лирика—Всеволода Крестовскаго. Павьяны, мандрилы, гориллы, о которыхъ такъ великолѣпно разсказываетъ Бремъ, несмотря на непозволительную необузданность ихъ страстей, гораздо холоднѣе, приличнѣе Крестовскаго. Но многіе, смущенные предисловіемъ, захотятъ доказательствъ, въ нетерпѣніи воскликнутъ: „Покажите намъ творенія нашего похотливаго соотечественника, въ которыхъ отразились бы его адскія похоти, подайте ихъ“· — „Андалузская ночь“. Авторъ пишетъ, что она „горяча, горяча“.

„Въ этомъ зноѣ и страсть, и безсиліе (очень грустно)
Такъ что даже спадаетъ съ крутаго плеча
Отъ біенія груди мантилія“·

Я несчастливо путешествовалъ: ни въ Индіи, ни Египтѣ, ни Испаніи, ни Италіи, я не сумѣлъ подсмотрѣть такого страстнаго момента! Можете ли вы себѣ представить, мои холодные соотечественники, такую пылкость, что даже мантилія спадаетъ съ крутаго плеча? Безъ трепета не могу читать: мнѣ воображается прозрачная, голубая андалузская почь; дамы, при свѣтѣ яркой южной луны, прогуливаются по вѣющимъ ароматомъ алеандровымъ, апельсиннымъ, лимоннымъ аллеямъ; у каждой дамы, при встрѣчѣ съ мужчиною, начинаетъ

такъ страшно биться сердце, что она насилу, съ помощью горничной, можетъ удержать на себѣ мантилью, иначе она слетитъ съ „крутого плеча“. Всемогущіе боги! что за жгучая страна! Далѣе авторъ повѣствуетъ, что женщина срываетъ съ себя не только мантилью, но и все, и нагишомъ лупитъ въ благовонную даль, въ объятія къ возлюбленному, ея груди трепещутъ, горятъ, дымятся, а у ея любовника сигара горитъ и курится. Во время свиданія,она съ дымящимися грудьми, прячется у него подъ плащемъ; плащъ непроницаемъ, я не знаю, что она тамъ продѣлываетъ, но только, проведя всю ночь подъ плащемъ, она весь день послѣ тоскуетъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь ночи, чтобы снова слиться подъ плащемъ. Но это только эротическія грезы. Какъ ни страстна голая андалузинка, но мавританка страстнѣе, она сама говоритъ о себѣ:

„Я породы львиной самка
Съ логовищъ моихъ отцовъ“.

Показывая на груди ранку, прибавляетъ:

„Мнѣ пробилъ ее кинжаломъ
Сорванецъ въ лукавый часъ,
Обожгла его я жаломъ
Полныхъ яду острыхъ глазъ.
Крѣпкій станъ мой, взоръ газели,
Подъ лобзаньемъ трепетъ губъ
Очи брата подглядѣли,
Сердцу брата былъ онъ любъ“.

Они росли вмѣстѣ, какъ „двѣ ягоды на вѣткѣ“. Братъ, какъ тѣнь, ходилъ за сестрой, томимый ужасающими похотями, наконецъ все это очень естественно разрѣшилось слѣдующимъ. Но, чувствуя полную невозможность передать жалкою, сухою прозою все, что случилось, — передаю клокочущими стихами Всеволода Крестовскаго:

„Онъ тревожнымъ поцѣлуемъ
Онъ разбудитъ сонъ сестры,
И не помнимъ и не чуемъ,
Какъ уйдемъ мы за шатры.

Какъ умчимся въ степь отрадно
На свободу до утра!...
Какъ къ упругимъ персямъ жадно
Привлечетъ его сестра!

Но едва заслышитъ шорохъ,
Чуть завылъ вдали шакалъ,
Онъ ужъ вспыхнулъ, словно порохъ,
И дрожитъ въ рукѣ кинжалъ.

Было любо мнѣ порою
Ревность въ тигрѣ разбудить
И со срастью роковою
И со смертію шутить.

Этой ревностью волнуемъ,
Разъ, какъ левъ, меня онъ сжалъ
И съ проклятымъ поцѣлуемъ
Грудь царапнулъ мнѣ кинжалъ.

Я, какъ змѣйка, ускользнула,
Я царицей отошла,
Лишь во взорѣ промелькнула
Безнощадная стрѣла.

Только слышу, рухнулъ кто-то
Обернулась братъ въ крови,
Ножъ подъ сердцемъ... шепчетъ что-то
Шепчетъ мнѣ слова любви.

Я къ нему съ мольбой, мученьемъ,
Онъ на грудь меня привлекъ
И съ послѣднимъ наслажденьемъ
Кровью жгучею истекъ.

Умолкнувшій Барковъ, гдѣ ты? Цензура, трепеща за россійскую нравственность,никакъ не рѣшается пропустить ни одного сочиненія, проникнутаго свободною мыслію, что же касается до пахабщины, то чѣмъ она забористѣе, тѣмъ лучше, печатай въ свое удовольствіе и публикѣ на развлеченье.

Страсть въ этомъ стихотвореніи доходитъ до размѣровъ по истинѣ изумительныхъ: сестрица наслаждается съ братцемъ, а братецъ такой страстный, что ревнуетъ ее даже къ шакалу; умираетъ этотъ павьянъ на груди сестры павьянши, во время спазмъ, сопровождающихъ извѣстный физіологическій процессъ.

Въ стихотвореніи „Весеннія ночи“ лирикъ Крестовскій сознается, что весна его сильно щекочетъ. Подъ наитіемъ этого очень щекотливаго процесса написаны его лучшія щекотливыя произведенія. Если бы у мандрилъ была литература, были поэты необузданныхъ страстей и тогда никто бы изъ ихъ круга не дошелъ до такого лиризма страсти. До тѣхъ поръ, пока въ лю-

дяхъ будетъ оставаться хоть одинъ атомъ истинной похоти, авторъ „Мавританки“, „Затворницы“, „Гитаны“ не умретъ: онъ „памятникъ воздвигъ себѣ не рукотворный“.

Стихотвореніе „Затворница“ еще страннѣе, страстнѣе: затворница, находящаяся въ монастырѣ, начинаетъ чувствовать неудержимый позывъ къ грѣшнымъ плотскимъ наслажденьямъ, несмотря на крѣпкіе затворы, она черезъ окно пробирается въ садъ; въ саду ее опьяняетъ, одуряетъ пряный ароматъ и она съ страстнымъ томленіемъ стремится, сама не знаетъ куда, и вдругъ наталкивается на свою подругу — затворницу, снѣдаемую тѣми же похотями...

„И съ грудью грудь слилась въ объятьяхъ жгучихъ
И плескомъ струй
Былъ заглушенъ въ тѣни кустовъ пахучихъ
Нашъ поцѣлуй!

И каждый разъ приходимъ на свиданье
Мы съ ней съ тѣхъ поръ,
Хоть можетъ быть за грѣшный мигъ желанья
Насъ ждетъ костеръ“.

Въ чемъ же дѣло? что продѣлываютъ затворницы въ „грѣшный мигъ желанья“? Неужели у автора „Мавританки“ не хватило смѣлости разсказать, на наготу, чѣмъ занимались голыя монашенки, валяясь въ объятіяхъ одна у другой? Не мѣшало бы воспѣть нашему лирику, въ придачу къ затворницѣ, ту полную заднихъ мыслей любовь, практиковавшуюся, несмотря на розги, въ кадетскихъ корпусахъ.

Въ стихотвореніи „Гитана“ она проситъ не корить ее въ развратѣ (пусть себѣ развратничаетъ, кому какое дѣло!), но цѣловать ее звончѣй; она сознается, что въ развратѣ закостнѣломъ — лучезарная звѣзда и прибавляетъ: „но за то и грѣшнымъ тѣломъ не скупилась никогда“. Разъ къ ней стукнулъ въ дверь нищій, прося хлѣба; хлѣба не оказалось; недолго думая, она, съ чудною наивностью, предложила „прелесть тѣла“:

„Хочешь, нищій, вмѣсто хлѣба я сама“?

Понятно, что несмотря на голодъ — „не единымъ хлѣбомъ будетъ сытъ человѣкъ“ — нищій чуть не подпрыгнулъ отъ радости, услыхавъ о такомъ импровизированномъ хлѣбѣ.

„И въ кипучее лобзанье
Я всю страсть свою влила
И бѣднягѣ подаяніе
Грѣшнымъ тѣломъ подала.

Пусть позоръ — моя дорога
Въ замогильные края,
Мнѣ за то простится много,
Что любила много я".

Боженька не злой, онъ видалъ виды и конечно все проститъ, взявъ въ разсчетъ такую небесную любовь; но, во всякомъ случаѣ, любвеобильная Гитана въ замогильные края отправится въ веселой компаніи! За ней послѣдуютъ, въ дикомъ ликованіи, всѣ лучезарныя звѣзды публичныхъ домовъ, которыя на своемъ вѣку препорядочно много любили, чрезвычайно часто пускали въ ходъ свое тѣло, но только, къ великому сожалѣнію, не вмѣсто хлѣба, а за хлѣбъ. Но рядомъ съ озаглавленными стихотвореніями есть одно поразительно кипучее, безъ названія. Содержаніе стиховъ покажетъ, что названіе было не подъ силу даже Всеволоду Крестовскому. Ни въ одномъ стихотвореніи онъ не подымается на ту высоту похотей, какъ въ этомъ монументальномъ произведеніи, скромно обозначеннымъ тремя невинными звѣздочками. Опять таки андалузинка повѣствуетъ:

„Въ дальней Африкѣ, вѣдь, вѣдь,
Чуть засочнѣетъ трава,
Ходятъ львицы надъ водою
И за каждой по два льва.

Ходятъ чутки и ревнивы
Два соперника любви;
Взоръ что уголь, дыбомъ гривы,
Зубы въ пѣнѣ и крови.

Ходятъ долго львы за львицей,
Львица ждетъ и не глядитъ,
Только съ каждою денницей
Все томитъ ихъ и томитъ.

Изморила и ложится,
Взглядомъ вызовъ шлетъ на бой,
Сшиблись львы и смотритъ львица
Палъ одинъ, а къ ней другой.

Стихи дышутъ образами. Изъ зоологіи мы знаемъ, что въ дальней Африкѣ, когда не сочнѣетъ, но уже на

чинаетъ сохнуть трава отъ наступающей жары, у животныхъ наступаетъ пора свободной любви. Подсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ львиный союзъ въ дальней Африкѣ, вслѣдствіе крайней опасности наблюденій, врядъ ли удалось зоологамъ, но поэтъ — своенравный чародѣй, въ своемъ таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сонамбулизмѣ узрѣлъ львицу, съ каждою денницею все болѣе, болѣе томящую львовъ. Своимъ духовнымъ окомъ онъ подсмотрѣлъ, какъ она, изморивши ихъ безпощаднымъ образомъ, ложится и подаетъ сигналъ къ кровавой битвѣ; львы, съ вздыбыренною гривою, кровью, пѣною у рта, сшибаются, одинъ падаетъ, а другой бросается въ обьятія къ возлюбленной. Но дальняя Африка съ ея любовными сценами отодвигается на задній планъ передъ испанскими курьезами. Когда начала сочнѣть трава, за андалузинкой начали неотступно слѣдовать два испанца, съ пѣною въ зубахъ.

„Эта ножка, эта нѣга
Ихъ дразнили съ давнихъ поръ,
И одинъ былъ грандъ Ріего,
А другой Тореадоръ.

Пожираемая сочными весенними страстями, она не знаетъ кого изъ двухъ выбрать, но половая страсть непостижимо находчива: она обращается къ нимъ съ тирадою, которая была бы неоцѣненна въ пасти львицы дальней Африки:

„Мнѣ оба любы,
Пусть кинжалъ рѣшаетъ споръ,
Кто вопьется въ эти губы:
Грандъ иль ты Тореадоръ“.

Битва описана вулканическими стихами. Тореадоръ наловчившійся съ быками, паповалъ убиваетъ Гранда и впивается въ губы, предварительно навши на обнаженныя, горящія перси; но благонамѣренный авторъ, въ тайнѣ симпатизирующій нашимъ расторопнымъ городовымъ, захотѣлъ ввести тотъ же бдительный, охраняющій надзоръ въ Испанію. Андалузскій альгвазилъ стаскиваетъ разъяреннаго Тореадора съ горящихъ персей и остановивъ такимъ образомъ пожаръ, волокетъ его въ тюрьму и скоро андалузинка узрѣла, какъ повѣсили забубеннаго Тореадора. Этимъ раздирающимъ трагичес-

кимъ пассажемъ оканчивается стихотвореніе. Ни въ одномъ изъ своихъ весеннихъ произведеній поэтъ не проводитъ такой удачной параллели между женщиной и львицей дальней Африки. Послѣднее стихотвореніе, съ которымъ я познакомлю читателя, въ андалузско-русскомъ вкусѣ; изъ альамбрскихъ садовъ авторъ переноситъ насъ на нашъ тучный черноземъ, на капустники, конопляники, густо унавоженные, въ среду березъ, дубовъ, ракитъ, но страсти носятъ тотъ же бѣшенный, испанскій характеръ; стихотвореніе это „Ванька Ключникъ“. У княгини былъ мужъ старый, ревнивый, вслѣдствіе этого ей полюбился „Ванька ключникъ, злой разлучникъ мужа стараго съ женой“. Что съ нимъ продѣлывала княгиня—выше всякаго описанія, и на пуховикъ съ собою клала, прижимала и льнула къ нему, „что сорочка ко плечу;“ но про все провѣдалъ старый мужъ и велѣлъ — какъ водилось въ то кроткое время — повѣсить Ваньку — злого разлучника; но передъ смертью Ванька, съ рѣдкою откровенностью, повѣствуетъ въ пику старому мужу, что онъ не разъ хваталъ княгиню за грудь лебяжью. Поэтическія признанія замыкаются невеселою картиною:

„Вѣтеръ Ванюшку качаетъ
Что былинку на межѣ,
А княгиня умираетъ
Во свѣтлицѣ на ножѣ“

Но довольно! дикихъ перловъ, адамантовъ не перечтешь; они щедро разсыпаны по двумъ книгамъ: „Стихотворенія Всеволода Крестовскаго. С. Петербургъ, изданіе Озерова“, и къ тому же это занятіе крайне утомительное.

Аллахъ побери литературнаго мандрилу. Но вотъ что грустно: многіе въ Россіи читаютъ, перечитываютъ и даже переписываютъ его стишки; провинціальныхъ пылкихъ барышень и юношей бросаетъ въ потъ отъ нихъ. Въ скромныхъ уѣздныхъ городкахъ есть много томныхъ зрѣлыхъ дѣвицъ съ синими кругами подъ глазами, разгуливающихъ при свѣтѣ блѣдной луны съ раздражительными стишками Крестовскаго подъ мышкой. Не знаю о чемъ мечтаютъ провинціальныя барышни, не хотятъ ли онѣ приблизиться къ „Мавританкѣ“,

„Затворницѣ“, „Гитанѣ?“ Но такое колоссальное напряженіе врядъ ли подъ силу самому Всеволоду Крестовскому въ дѣйствительной жизни. Эта печальная популярность Крестовскаго заставила насъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Видимо, критика Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго доступна только умственной аристократіи, и ея мощное, отрезвляющее, глубоко развивающее вліяніе не проникло въ средній кругъ... Но многіе подумаютъ, что авторъ „Мавританки“, мальчикомъ еще попавшій въ Испанію, былъ взлелѣянъ знойными ночами Севильи, Альамбры, что онъ росъ, гуляя въ апельсинныхъ рощахъ, окруженный дѣвами, юга, которыя его научили тѣмъ тонкостямъ, передъ которыми блѣднѣютъ похожденія мандрилъ; нѣтъ, онъ родился, какъ мнѣ говорили, въ Нижнѣ-дѣвицкѣ (уѣздный городъ, Воронежской губерніи). Черезъ него я проѣзжалъ въ Воронежъ, помню я этотъ укромный уголокъ — „пріютъ весны первоначальной;“ въ этомъ пріютѣ весны первоначальной есть церковь съ колокольнею; просторная, полная вони, клоповъ, полиція, два каменныхъ домика, полусгнившая, плетеная маленькая казарма, меланхолично склоненная на бокъ; апельсины, но только въ лавкахъ изрѣдка, а такъ—лавки полны дегтемъ, веревками, хомутами, колокольчиками, мочалками, сушеною рыбою, карамелью. Внутри города, обширная площадь, засѣваемая гречихою; унаваживаютъ ее черезъ чуръ густо благонамѣренные жители города. Тихъ городъ, какъ Сахара, рыканье львовъ тутъ замѣняетъ любовное, пронзительное визжаніе одичавшихъ кошекъ; жители не шумятъ, но тихо, сладко воркуютъ по домамъ, играя въ дурачки; однообразную тишину нарушаютъ пчелы, они чуть не закусали меня, когда я проѣзжалъ Нижне-Дѣвицкъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ; пасѣка, пріютившаяся въ саду пристава, приноситъ ему большой доходъ. Въ городѣ сонно, мутно протекаетъ рѣчка, зовутъ ее Смердячая дѣвица.

„ Не я ей названіе это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьи этомъ“.

Пасмурнымъ вечеркомъ, проѣзжая тихій градъ, я думалъ: вотъ то мирное лоно, на которомъ поконтся престолъ русскій! Но мои думы прервала линейка; на

ней верхами сидѣли десять нижнедѣвицкихъ дѣвицъ, линейка была запряжена въ одну лошадь, съ широкою дугою и колокольчиками, за кучера правилъ самъ исправникъ; всѣ дѣвицы кротко, во весь ротъ, до ушей улыбались; онѣ ѣхали, погруженныя въ кладезь молчанія, лица были всѣ страшно толстыя и очень красныя. Въ Нижнѣ-Дѣвицкѣ есть мѣловая горка, зовутъ ее Олимпъ. Отъ цивилизаціи городъ мужественно, стойко обороняется, и, не смотря на проявляемое ею желаніе проникнуть, ей это не удается. Предводитель дворянства, исправникъ, сами жители, охраняющіе ихъ городовые, покровительствующіе имъ ангелы, неустанно стоятъ на стражѣ. Когда проѣзжаешь эту обѣтованную страну для многихъ, утомившихся жизнію, т. е. игрою въ дурачки и ѣздою на иноходцѣ въ тройкѣ, съ заливными колокольчиками и оглушительными бубенчиками, — невольно приходятъ завѣтныя слова:

Спи мирный прахъ до радостнаго утра!

Но будетъ ли когда радостное утро? Нѣтъ, оно никогда не будетъ!,..

И въ этомъ дивномъ уголкѣ міра рожденъ и обитаетъ, воспѣвающій лесбосскія страсти, лирикъ — Всеволодъ Крестовскій. „Какъ боги остроумны!“

Аѳера доктора Хана

Читатель, навѣрное, замѣтилъ, что новая вещь, въ періодъ своей новизны, продается очень дорого. Продолжается это до тѣхъ поръ, пока вещь приглядится или явится огромное число конкурентовъ; но первымъ моментомъ стараются жадно воспользоваться всевозможные эксплуататоры и шарлатаны... Книга доктора Бока обнаружила шарлатанизмъ медицины, всѣ ея мелкіе бабьи предразсудки, увертки, грубые обманы и нахальное обдираніе наивныхъ любителей леченія. Въ древности это дѣлали жрецы, но имъ это извинительнѣе, они менѣе знали, были менѣе опытны. Плуты, недобросовѣстно дорого продающіе свое незнаніе, разгнѣвались на книгу Бока; заклеймили ее пустою, ничтожною, поверхностною, забывъ, что рѣзкій скептицизмъ проявился не въ дилетантѣ, а въ спеціалистѣ, ученомъ, докторѣ-профессорѣ. Докторъ Бокъ принадлежитъ къ новой школѣ. Медицина въ послѣднее время круто поворотила въ другую сторону, съ отвращеніемъ она выбрасываетъ изъ науки ея средневѣковой хламъ, отбрасываетъ ея прежнюю кабалистику; все темное начинаетъ отодвигаться на задній планъ и наука проясняется, выходитъ изъ своего рода теологіи. Алхимическіе препараты, выписываемые изъ Индіи, Японіи, Бразиліи, острововъ Тихаго Океана, утеряли свою волшебную цѣлебность. Наука стала разыскивать цѣлебныя травы гораздо ближе и прописываетъ ихъ съ крайнею осторожностью, въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частью, не особенно довѣряя себѣ, скромно предоставляетъ самой природѣ, помогая ей самыми простыми не обогащающими аптекъ средствами. Медицина начинаетъ сходить на гигіену, больному прописываютъ все исцѣляющее, возрождающее, солнце безпыльный воздухъ,

по сосѣдству лѣсовъ и луговъ, свѣжую легкую питательную, пищу, движеніе; излѣчивающая природа не имѣетъ въ себѣ вредныхъ, часто губящихъ свойствъ всѣхъ лекарствъ, она хороша для всѣхъ натуръ, всѣхъ темпераментовъ. Публикѣ понравилась книга Бока, она выдержала нѣсколько изданій; это послужило сигналомъ: во мгновеніе ока изъ всѣхъ щелей поползли мошки, букашки съ пусмами популярныхъ статей, съ новымъ направленіемъ; очень немного сыскалось такихъ, которые, отобравъ у публики деньги, добросовѣстно отпустили популярнаго товара. Книга Хана конечно не принадлежитъ къ этому разряду; въ своей толстой, но жалкой популярной медицинѣ Ханъ выказалъ необыкновенную способность: одно чужое, дѣльное слово размазывать не сотнѣ страницъ.

Книга его нагоняетъ невыносимую тоску и ощущеніе будто съѣлъ несвѣжее, скверное. Въ ней полезная мысль такъ занавожена пошлыми прибауточками, питейными анекдотцами, что на ней трудно остановиться читателю. За неимѣніемъ собственныхъ взглядовъ онъ безъ церемоній размазываетъ чужіе; его печальная жертва — Бокъ, все, что у Бока сжато, у Хана растянуто; но что странно: стряпая книженку, онъ ни разу не упоминаетъ, что смѣшиваетъ съ водою густое „Будьте здоровы“ Д-ра Бока. Въ огромныхъ примѣчаніяхъ на концѣ страницъ видно, что Ханъ часто ссорится съ начальникомъ больницы — генераломъ. Генералъ говоритъ, что камфора успокоиваетъ похоти, Ханъ сомнѣвается и дерзко увѣряетъ, что возбуждаетъ; чтобы правильно рѣшить споръ, слѣдовало и Хану, и генералу, если послѣдній не очень старъ, принять по хорошей дозѣ камфоры и добросовѣстно прослѣдить ея дѣйствіе, но тогда потребовалось бы выкинуть нѣсколько страницъ изъ популярной медицины, на что Ханъ, навѣрное, не согласился бы, Ханъ весьма строго наказуетъ генерала за камфору; вы часто встрѣчаете саркастическія замѣчанія, направленныя не въ бровь, а въ самую макушку генерала: „къ моему величайшему прискорбію, онъ (то есть генералъ) своего мнѣнія о камфорѣ не измѣнилъ“.

Изъ цѣлаго ряда статей, цѣликомъ принадлежащихъ перу Хана: „о холодной водѣ, умѣренной, очень умѣ-

ренной, страшно умѣренной, о теплой, очень теплой, чрезвычайно теплой, горячей и страшно горячей" особенно рельефно выдаются двѣ: „Мои любимыя, домашнія средства" и „Нѣчто отвратительное у человѣка." Мораль, таящаяся на днѣ статей, слѣдующая: ни одинъ въ мірѣ университетъ не въ состояніи укоротить ослиныхъ ушей.

Изъ первой статьи вы узнаете, что Ханъ каждый день принимаетъ умѣренную душу, послѣ весьма сухо, но въ то же время и умѣренно вытираетъ тѣло, послѣ чего неумѣренно подкушиваетъ. Ханъ ѣстъ 4 раза въ сутки, довольно плотно; если онъ изрѣдка простуживаетя, то, не теряя времени, вытапливаетъ изъ бараньяго хвоста жиръ и умѣренно натирается, послѣ умѣренно потѣетъ, и болѣзнь тихо, умѣренно улетучивается изъ него, вѣрнѣе испаряется. Ханъ каждый день тщательно очищаетъ зубы отъ животной гнилости, полоскаетъ ротъ спиртомъ и каждый день онъ страшно умѣренно промываетъ, прочищаетъ носъ, чтобы не воняло изъ носу. Въ другой статьѣ онъ отпускаетъ каламбуры, смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ, проситъ всѣхъ дамъ, стыдливыхъ дѣвицъ не сердиться на него — Хана за то, что онъ взмахомъ стального пера дерзнулъ провозгласить, что у прекраснаго пола встрѣчается нѣчто отвратительное. — „Да, любезныя, воздушныя дамы (восклицаетъ Ханъ), я самъ считаю васъ величайшимъ утѣшеніемъ, назначеннымъ небомъ въ вознагражденіе за всѣ непріятности, испытываемыя мужчинами въ жизни, но если бы вы могли подслушать, что про васъ говорятъ иногда тѣ же самые благородные рыцари и красавцы въ блестящихъ мундирахъ, которые, пагнувшись почти дугою, нашептываютъ вамъ любезности, вы нерѣдко услышали бы: „какая прелестная дама, но у нея отвратительно пахнетъ изо рта, эта дѣвица премиленькая, но жаль, что съ душкомъ." Ханъ хочетъ (о боги, какъ умѣренны, законны его желанія, чтобы небо не посылало на землю дамъ и дѣвицъ съ душкомъ! Они тогда перестаютъ быть утѣшеньемъ, вознагражденьемъ, посланнымъ небомъ...

Нѣтъ сомнѣнія, что всюду разсыпанныя остроты почерпнуты у пѣхотныхъ красавцевъ, любящихъ сгибаться дугой, не передъ однимъ начальствомъ, и отстав-

ныхъ подъячихъ, острящихъ подъ хмѣлькомъ по питейнымъ домамъ. Онъ даже зналъ одного почтеннаго пристава, который 15 лѣтъ назадъ (поразительное запоминаніе всего, что касается до протухлости) любилъ одну превосходную дѣвушку, но разъ въ семейной игрѣ онъ обнялъ ее и пламенный поцѣлуй разрушилъ его намѣреніе жениться на ней: поцѣлуй былъ съ душкомъ...

Пусть Ханъ ссорится съ его превосходительствомъ, оспаривая успокаивающее дѣйствіе камфоры; обливается холодною водою, мажетъ себя баранымъ хвостомъ, ложась въ постель во время простуды; пусть очищаетъ себѣ зубы и носъ, чтобы отъ нихъ не воняло, но пусть не остритъ: лишенный абсолютно этого дара, пусть не пыжится, не насилуетъ свой, безъ того слабый, мозгъ, иначе онъ рискуетъ снова впасть въ „Нѣчто отвратительное у человѣка," который, не имѣя атома остроумія, самостоятельныхъ взглядовъ, старается, но очень неудачно, все это замазать дубоватыми, неряшливыми остротами овощныхъ лавокъ, переписываніемъ, обезображиваніемъ чужихъ статей и который своими популярными нолями подрываетъ любовь къ дѣльнымъ, превосходнымъ, популярнымъ статьямъ, которая начинаетъ обнаруживаться въ послѣднее время въ обществѣ.

26 Марта 1871 г.

Сказки Лабуле

«Чудилось мнѣ, что я слышу
Старыя, милыя сказки,
Тѣ, что когда-то ребенкомъ
Слушалъ съ другими дѣтьми,
Когда въ лѣтній вечеръ
Мы передъ домомъ, на каменныхъ
Сидя ступенькахъ,
Къ тихимъ разсказамъ склоняли
Дѣтское чуткое сердце
И пытливые, умные глазки...
А взрослыя дѣвушки въ домѣ,
Подлѣ душистыхъ, цвѣточныхъ горшковъ
У окошекъ сидѣли,
И лица цвѣтущія ихъ
Смѣялись луной освѣщенныя".

(Сумерки — Генриха Гейне).

I

Какимъ нелѣпымъ хламомъ полна дѣтская литература; она кишитъ пошленькими сказочками, безсмысленными прибауточками, чиновничьей и семинарской моралью. Грустно, что есть люди, посвятившіе себя на систематическое забиваніе дѣтскихъ головокъ; неужели на самомъ дѣлѣ онѣ у нихъ такія жалкія, что ихъ можно безжалостно пашпиговывать гаденькими воззрѣньицами, наивными пошлостями? Въ особенности огромное число появилось въ послѣдніе годы; книженки плодились, какъ молюски, и такъ же были бѣдны жизнію, какъ молюски; самая ничтожная ихъ часть успѣла выглянуть на свѣтъ, не погибнувъ; ихъ ничто не спасало: ни золоченые Вольфовскіе переплеты, ни превосходная бумага, ни забористыя картинки, ни ярыя объявленія, патетическіе возгласы, словомъ, никакіе блестящіе, внѣшніе аттрибуты; даже сказокъ Перо — о которыхъ Вольфъ безчинствовалъ во всѣхъ газетахъ, зазывая на покупку, какъ прикащикъ Ножевой линіи, — не спасетъ Тургеневское предисловіе, въ которомъ онъ старается доказать, что фантастическое необходимо въ дѣтскомъ возрастѣ, что это само собою пройдетъ современемъ; нѣтъ, оно не такъ легко проходитъ, какъ

кажется г. Тургеневу; не даромъ правительство не выпускаетъ и не выпуститъ изъ своихъ грязныхъ, душащихъ рукъ воспитаніе будущихъ низкоподданныхъ! Оно увѣрено, что дѣти, въ которыхъ воспитываютъ вѣрноподданническія пресмыканья, которымъ преподаютъ тенденціозную безсмыслицу, въ большинствѣ случаевъ, останутся на всю жизнь тупыми рабами и недоумками. Часто самыя могучія усилія разума не могутъ отрѣшить отъ дикихъ предразсудковъ, нашептанныхъ нянюшками и разнаго рода гувернерами въ годы наивнаго дѣтства. Ни одинъ психологъ не пришелъ еще къ выводу, что есть возрастъ, нуждающійся, какъ въ манцѣ небесной, въ ерундѣ, что нужно дѣтямъ разсказывать, несообразности, съ тѣмъ, чтобы они ихъ непремѣнно послѣ забыли. Но кромѣ вреда умственнаго, фантастическіе разсказы приносятъ вредъ физическій: большинство дѣтей не выдерживаетъ вѣчно натянутыхъ нервовъ, постояннаго чувства страха, напряженія воображенія, нерѣдко они заболѣваютъ горячками и смертельными воспаленьями мозга. Въ лучшемъ случаѣ, остаются болѣзненно нервными и трусливыми на всю жизнь.

Какія хорошія чувства можетъ возбудить въ дѣтяхъ разсказъ о „Синей бородѣ“? Его завязка и развязка въ крови, насиліи, въ остервенѣломъ злѣ, которое ничѣмъ не оправдывается, ничѣмъ не руководствуется.

А разсказъ о томъ, какъ великанъ-людоѣдъ, по ошибкѣ, обрѣзалъ, вмѣсто головъ чужихъ дѣтей, головы своимъ дѣтямъ, — о томъ, какъ волкъ ни за что, ни про что, проглотилъ невинную „красную шапочку;“ много ли помогутъ кровожаднымъ пошлостямъ приложенные къ нимъ рисунки Доре, дѣйствительно превосходные, но въ то же время возвышающіе цѣну на книгу до колоссальныхъ размѣровъ (8 руб.)? Полное собраніе сочиненій Тургенева дешевле. Стоили ли такіе сюжеты старанья художнически изображать ихъ? Кромѣ этого, въ сказкахъ всюду ярко просвѣчиваютъ гаденькія черты; отъ нихъ воняетъ императорской Франціей. Высшее счастье въ сказочкахъ въ томъ, что въ дѣвушку влюбляется принцъ; все дѣйствіе вертится на баснословной роскоши, всюду вытекаетъ выводъ, что въ этомъ и есть смыслъ жизни. Неужели у истины мало красоты, фантастичности, величія, неподражаемаго разнообразія? Къ

чему эти жалкія отступленія отъ нея? Какая сказка по своей фантастичности сравнится съ путешествіемъ Магелана, Колумба? Какъ ни хороши составляющіе исключенье изъ разныхъ фантасмогорій — фантастическіе разсказы Гофмана и сказки Андерсена, но они уступаютъ въ глубинѣ замысла, высокой идейности, гуманности рождественскимъ разсказамъ Диккенса. Неужели ребенку надо врать глупости потому только, что онъ малъ, и затѣмъ, чтобы послѣ всѣми силами стараться разубѣдить его въ собственномъ враньѣ? Ребенокъ и безъ вашихъ стараній замѣтитъ ложь, которой полна жизнь; дѣтскій, незабитый мозгъ часто яснѣе родителей понимаетъ нелѣпость, дѣтскіе „отчего и почему“ бываютъ очень замысловаты; я былъ часто свидѣтелемъ, какъ эти роковые вопросы ставили въ поразительно конфузное положеніе благонамѣренную мамашу, старавшуюся уяснить ребенку бездонную дребедень ветхаго и новаго завѣтовъ; повѣрьте мнѣ, что дѣти не забитые гораздо логичнѣе, умнѣе многихъ профессоровъ богословіи.

Есть и другія сказочки; мораль ихъ глубока, какъ синее море и сюжетъ не фантастиченъ. Вы можете позаимствовать изъ нихъ бездну практической мудрости, напр.: что маленькому Карлу слѣдуетъ проситься на маленькій горшечекъ, но отнюдь не дѣлать кака въ только что сшитые панковые штанишки, иначе его за это накажетъ весьма строго, подсматривающій изподтишка, Боженька. Что строптивые дѣти, не умѣющіе обращаться съ перочиннымъ ножичкомъ, купленнымъ мѣстнымъ добрымъ пастыремъ — Іосафатомъ, могутъ имъ нетолько обрѣзать, но и совсѣмъ отрѣзать пальчикъ, нужный для чистописанія, что рѣзвая Каролинхенъ, бѣгающая около топящихся печей, не слушающая доброй, глухой, старой бабушки, вдругъ разомъ вся сгорѣла, и отъ нея ничего не осталось, кромѣ крошечныхъ ботиночекъ и горочки золы; ботиночки, подобно сказочной саламандрѣ, не сгораютъ потому, что нужно же напомнить остальнымъ злонравнымъ малюткамъ о глубоко горестной участи, постигшей злосчастную Каролинхенъ.

Прилагаются рисунки: подъ большою яблонью, увѣшанной пунцовыми яблочками, сидитъ благонравный,

благолѣпный Порфирій и прилежно читаетъ ветхій завѣтъ, вдали виднѣется опрятная хижина; сбоку хижины, гораздо болѣе ея, рисуется добрый деревенскій пасторъ въ шляпѣ, похожей на огромный лопухъ, съ тросточкою, видимо предназначенной для строптивыхъ; еще болѣе вдали—мирно рѣзвятся крайне довольные всѣмъ малютки; въ доказательство ихъ душевнаго благополучія, издатель не поскупился дешевой красной краской и вымазалъ ихъ лица, макушки и панталоны; около дѣтей, также вымазанныя красною краскою, какъ выраженіе душевнаго благолѣпія, пасутся кругленькія, сытыя овечки, умильно глядящія на малютокъ — своихъ братьевъ, не подозрѣвающія, что онѣ постепенно будутъ заклапы на обѣдъ пастырю и малюткамъ. Есть еще картинки мрачныя; въ нихъ караются съ чисто христіанской свирѣпостью различные дѣтскіе пороки и капризы, какъ напр.: сосаніе пальчика, нежеланіе ѣсть супъ.,. На картинкѣ изображенъ круглякъ съ пузочкомъ, сосущій, какъ капитанъ, трубочку, пальчикъ; къ нему разлетается остроносая личность, похожая на іезуита, съ громадными ножницами, съ неизмѣннымъ намѣреніемъ отхватить пальчикъ. О томъ же, какая участь постигаетъ неглижирующихъ супомъ, сказать страшно!..

Но бросимъ жалкіе выкидыши уродливой фантазіи и перейдемъ къ прекраснымъ сказкамъ Лабуле. Чудная мысль согрѣваетъ, освѣщаетъ ихъ, отъ нихъ вѣетъ задумчивою поэзіею, милою нѣжностью. Сюжетъ сказки „Абдалахъ“ простъ: у скряги богача два мальчика; одинъ, вслѣдствіе мрачныхъ предсказаній, отданъ на воспитаніе къ свободнымъ бедуинамъ; другой воспитывается дома; тутъ борятся два начала: въ одномъ прекрасное — стремленіемъ котораго всю жизнь умаливанье эгоизма; въ другомъ—все большее, большее впаданіе въ него; въ этомъ яркомъ противорѣчіи и состоитъ вся сказка. Одинъ изъ дѣтей, вольный сынъ пустыни, характеръ, который только и могъ выработаться среди ея безпредѣльнаго простора, гдѣ нѣтъ притѣснителей, на краю которой останавливались воинствующіе цезари. Густосинія небеса пустыни не темнитъ ни одно перистое облачко, ничто не заститъ горячаго солнца; по ночамъ, въ невыразимо яркихъ небесахъ, какъ полуночныя лампады, горятъ звѣзды; полгода пустыня дышетъ зноемъ,

полгода въ ней царитъ весна. Въ оазисѣ, среди величавой природы, въ тѣни тихо вѣющихъ пальмъ, обвѣваемый ласкающимъ воздухомъ, выростаетъ юноша, чистый, прекрасный, мучительно отдавшійся высокимъ стремленьямъ; они зрѣютъ въ немъ безъ его воли, волнуютъ его въ жаркихъ сновидѣніяхъ, манятъ въ таинственную даль; онъ ищетъ всю жизнь трилистникъ о четырехъ листьяхъ. Алегорическое названіе скрываетъ тотъ смыслъ, что высшая задача человѣка: стремиться къ совершенству; для величайшаго изъ людей оно — фантастическій трилистникъ о четырехъ листьяхъ. Провожая караванъ, онъ часто слышитъ тихими лунными ночами прекрасные, полные мысли разсказы; они западаютъ въ душу, перерабатываются въ ней. Все чище, чище становится юноша. Съ неимовѣрными усиліями онъ роетъ въ пустынѣ колодезь; все противится ему, близкій другъ устаетъ подавать помощь; изнеможенный смертельною борьбою, почти умирающій, онъ наконецъ видитъ воду подземного ключа; свѣжій родникъ забилъ съ могучею силою и напоилъ жадную почву; закипѣла кругомъ жизнь; всѣ благословляютъ сына пустыни, купившаго чуть не цѣною жизни общее счастье.

Это первый шагъ, но онъ все далѣе пролагаетъ путь, и только могила останавливаетъ движенье впередъ. Умирая въ огненномъ вихрѣ пустыни, онъ впадаетъ въ волшебный сонъ; въ поэтическомъ снѣ набросана смѣлою рукою картина мусульманскаго рая...

Нѣтъ сомнѣнія, что подобной книги никогда не издасть книжный барышникъ Вольфъ. Каждый честный критикъ долженъ остерегать публику отъ подобныхъ издателей; много дрянныхъ, безтолковыхъ книгъ было издано имъ подъ громкими названіями, и очень много собралъ онъ съ публики, совершенно даромъ, денегъ.

II.

Въ сказкѣ „Азисъ и Азиса“ характеръ мусульманки Азисы такъ благороденъ, такъ полонъ самоотверженія, что лучшія наши женщины могли бы ей позавидовать. Разсказъ „раба Блондина“ дышетъ глубокою грустью; въ взволнованной душѣ просыпаются образы погибшихъ за истину; пытки, кандалы, тюрьмы, костры невольно

грезятся болѣзненно настроенному воображенію; злыя чувства будитъ этотъ маленькій разсказъ. Одно странно, что авторъ считаетъ самою драгоцѣнною изъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей — благочестіе и будто милосердіе, самоотверженіе, смиреніе, любовь къ справедливости заключаются въ немъ. Къ чему примѣшивать темное выраженіе? Хотя дѣло идетъ о первыхъ христіанахъ, которымъ легендарные разсказы приписываютъ много добродѣтелей, исчезнувшихъ впослѣдствіи, но несмотря на все, является вопросъ: развѣ всѣ эти высокія чувства, свойственны были только однимъ христіанамъ, развѣ рядомъ невѣрующіе стоики, не ожидавшіе вѣчной награды на небѣ, не отличались добродѣтелями?

Съ изученіемъ естественныхъ наукъ, какъ тѣнь исчезъ призракъ творящей, всюду произвольно распоряжающейся силы; но развѣ въ людяхъ естественнаго направленія уменьшилось самоотверженіе, мужество, любовь къ справедливости? Нѣтъ, эти понятія стали яснѣй, глубже, строже, противорѣчивую мораль христіанства смѣнила соціалистическая мораль. Развѣ Лассаль и масса подобныхъ ему борцовъ за свободу, человѣческія права, экономическое равенство, не безконечно выше, святѣе первыхъ христіанскихъ мучениковъ, апостоловъ, которые за добродѣтельные подвиги, предвосхищали вѣчныя блаженства въ раю?

Трагическими штрихами очерчены страданія и мученическая смерть Блондины; ее затерзали при Маркѣ Авреліи, цезарѣ-философѣ, который написалъ необыкновенную книгу, наполненную великодушными правилами, проникнутую гуманностью, широкой любовью къ людямъ, Но христіанинъ былъ врагъ римскаго строя, и долженъ былъ погибнуть.

Всѣ бойцы за свободу и человѣчество въ нашъ языческій вѣкъ во многихъ государствахъ носятъ названія: враговъ государства и общества. Злымъ пророчествомъ заканчивается разсказъ, вникните глубже въ простой смыслъ заключительныхъ словъ: „Всѣ насилія доказывали только боязнь; протекли вѣка, язычество пало, имена палачей забыты съ проклятіями, но имя Блондины навсегда сохранилось въ исторіи христіанства“...

Одинъ въ полѣ не воинъ

(Романъ Шпильгагена)

„Одинъ въ полѣ не воинъ“ — лучшій романъ Шпильгагена. Ни въ одномъ изъ своихъ романовъ онъ не подымается на ту высоту мысли, какъ въ своемъ героѣ: Лео; горячая пропаганда великихъ свободныхъ идей дышетъ въ каждой строчкѣ романа; глубоко очерченъ имъ безхарактерный, рыхлый романтикъ-король, куча придворныхъ аристократовъ, жизненныя силы которыхъ выливаются въ утонченныхъ, гнусныхъ интригахъ и въ наиразнообразнѣйшихъ мерзостяхъ, пьянствахъ, распутствахъ. Онъ сдернулъ маску съ нищихъ духомъ либеральчиковъ, которые чирикаютъ свободныя фразы, никогда не договаривая ихъ до конца. Романъ очень богатъ частностями, но я не останавлюсь на нихъ, я пожалѣю тебя читатель: тебя и твоихъ отцовъ нѣкогда жестоко утомляла критика, разглагольствуя безъ конца о художественныхъ красотахъ, дополняя ихъ громадными выписками; я не рѣшусь указывать на топчайшія противорѣчія въ характерахъ, которыми набиты романы; всякій читающій измѣряетъ ихъ жизненную правдивость, руководствуясь своимъ личнымъ опытомъ, наблюденьями. На десяткахъ страницъ разсуждать, всхлипывая, трепеща, изнывая,

сгорая, выгорая, волнуясь, ослабѣвая, щедро сыпля восклицательными и вопросительными знаками, о чрезвычайныхъ, непостижимыхъ, дивныхъ мѣстахъ романа, необыкновенныхъ выдержкахъ характера, драматическихъ положеніяхъ, неуловимыхъ, только сердцемъ, эстетическимъ чутьемъ понимаемыхъ психическихъ тонкостяхъ—занятіе крайне безплодное и столько же утомительное для критика, какъ и для читателя. Романъ очень неудобная, сложная форма для высказыванія идей; дающихъ обиліе мыслей, романовъ чрезвычайно мало, въ большинствѣ случаевъ, они крадутъ много времени и сравнительно съ затратою, даютъ мало. Ясно, что дѣло критика не повторять разъ уже прочитанныя мѣста, а освѣщать ихъ, выясняя ихъ вольную и невольную мысль, роковую связь съ жизнью; чѣмъ глубже захватываетъ романъ проклятые вопросы жизни, тѣмъ интереснѣе становится онъ для критика. Я принесу пользу, когда, выйдя изъ рамокъ романа, продолжу, доведу до конца мысль автора; подмѣчу всѣ притаившіяся въ глубинѣ черты, разъясняющія извѣстное, печальное жизненное явленіе. Назначеніе честнаго, умнаго, талантливаго писателя не обольщать насъ пѣніемъ, музыкою сферъ, а разоблачать передъ нами, срывая повязки, гнойныя язвы нашего больного вѣка; намъ болѣе всего нужна изнанка нашей мнимо цивилизованной жизни. Я очень часто встрѣчалъ людей, способныхъ глубоко оцѣнить художественныя красоты, и не смотря на все разнообразіе моихъ жизненныхъ встрѣчъ, къ сожалѣнію, встрѣтилъ черезъ-чуръ мало послѣдовательно, безстрашно мыслящихъ людей. Критиковъ, пріучавшихъ правильно мыслить, у насъ, къ горю нашему, было не много; мы прохаживались всего болѣе по части одной эстетики.

Герой романа — Лео Гутманъ, сынъ больного, нервнаго, нищемъ недовольнаго деревенскаго учителя, въ ранней молодости былъ отданъ своимъ покровителемъ барономъ Тухгеймомъ на воспитаніе пастору Урбану; нечаянно онъ встрѣчается тамъ съ приходскимъ учителемъ, революціонеромъ — Туски; встрѣча направляетъ большія силы очень способнаго юноши къ великой цѣли; то былъ толчекъ, измѣнившій всю жизнь Лео. Туски воспитывалъ лихорадочно впечатлительнаго

юношу въ тишинѣ мрачнаго, дремучаго лѣса, подъ гулъ водопадовъ, среди обожженныхъ солнцемъ пустынь, гдѣ каждый камень страшно говорилъ о томъ прошломъ, когда крестьяне съ ревомъ, дикимъ хохотомъ жгли замки феодаловъ и умирали героями въ борьбѣ за человѣческія права; онъ не щадилъ его натянутыхъ, какъ струны, нервовъ, и западали глубоко революціонныя мысли въ мозгъ юноши; кровавые призраки жгли, терзали его въ безмолвіи безсонныхъ ночей. Пасторъ Урбанъ, его другой официальный воспитатель, двуличный негодяй, холодный эгоистъ, воспитывалъ его въ очень затхлыхъ комнатахъ и внушалъ ему затхлыя мысли; онъ вкрадчиво говорилъ: „законъ господства сильнаго и умнаго надъ слабымъ и глупымъ предопредѣленъ свыше и будетъ поддерживаться всѣми надлежайшими и вѣрнѣйшими средствами, которыми располагаютъ мудрые люди всѣхъ временъ“. Эта пасторская пища слишкомъ припахивала теплою, еще несвернувшеюся кровью, и Лео съ ужасомъ отвернулся отъ сладко-лепечущаго гада и все горячѣе сталъ привязываться къ Тускѣ. Сестра Тухгейма, увидѣвши Туски, испуганно говоритъ: „это человѣкъ изъ камня“; она не ошиблась: у этого человѣка окаменѣвало сердце, при видѣ аристократа, угнетателя, и это твердое, какъ гранитъ, сердце, не дрогнувшее при заревѣ возбужденныхъ имъ пожаровъ, таяло, какъ воскъ отъ огня, соприкасаясь съ несчастнымъ народомъ! Лео прозрѣлъ подъ обаяніемъ его живой, страстной, любящей рѣчи; въ иномъ свѣтѣ сталъ обнаруживаться передъ нимъ окружающій его міръ „Онъ повстрѣчалъ старика, задыхающагося подъ большою вязанкою дровъ; сквозь окна хижинъ онъ увидѣлъ внѣшнюю обстановку бѣдняковъ, и все это была нищета. Здѣсь за прялкою онъ разглядѣлъ, при свѣтѣ тусклаго огарка, бѣдную вдову, которая прежде ему встрѣчалась въ церкви, а теперь морщинистыми руками тянущую изъ прядева нитку; тамъ многочисленное семейство, размѣстясь вокругъ стола, ѣло скудный ужинъ, состоящій изъ хлѣба и соли; въ третьей хижинѣ мужъ перебранивался съ женою, а двое полунагихъ дѣтенышей кричали изъ всей мочи при этой семейной неурядицѣ“. Мучительно сжималось у Лео сердце, все глубже и глубже задумываясь, онъ шепталъ: „Вѣдь это то-

же люди. а всѣ они не въ примѣръ несчастнѣе тебя, что же ты жалуешься на свою долю, развѣ ты одинъ рожденъ для нужды и страданья?“ Послѣ смерти отца онъ переходитъ жить къ дядѣ — Фрицу Гутману; пытливо и мрачно глядѣвшій мальчикъ не сходится съ товарищами; ростетъ онъ вмѣстѣ съ оригинальной, пылкой дѣвочкой — Сильвіей; они вѣчно ссорятся и не замѣчаютъ поразительнаго сходства характеровъ. Очень умная, огненная, красивая Сильвія возбуждаетъ въ немъ скорѣе чуство непріязни, чѣмъ любви. Въ Тугхеймѣ вспыхиваютъ волненія, подготовленныя Туской, начинаются пожары; Лео, замѣшанный въ волненіяхъ, принужденъ съ Туски бѣжать за границу; черезъ много лѣтъ онъ возвращается на родину мощнымъ бойцомъ за народныя права; онъ поднялся высоко надъ человѣческимъ муравейникомъ; онъ пріѣхалъ въ столицу съ жаждою плодотворной дѣятельности; распрощавшись съ Туски, онъ хочетъ провести въ жизнь выношенныя имъ идеи на родной почвѣ. Въ обществѣ у своего прежняго покровителя, барона Тухгейма, Лео встрѣчается съ взрослой Сильвіей, которая изнемогаетъ въ чадной атмосферѣ столичнаго аристократическаго общества; ей рѣжутъ глаза мошки, кружащіяся въ солнечной пыли; ей надоѣдаютъ однообразная общественная трескотня, заученныя, шаблонныя, сладенькія фразишки, пикантные каламбурцы, бездонная, всеобщая пустота и будничность интересовъ; среди этихъ несложныхъ маріонетокъ, заведенныхъ органчиковъ, она встрѣчаетъ Лео и поражается происшедшею въ немъ перемѣною; она чутьемъ слышитъ въ немъ изъ обыденныхъ рамокъ вышедшаго человѣка; она жадно прислушивается къ его огненной, свободной, величавой рѣчи; начинаетъ слѣдить съ возрастающимъ вниманіемъ за его бѣшенной борьбой съ возставшимъ противъ него обществомъ и... начинаетъ горячо любить его и его идеи. Открытая борьба съ обществомъ и дворцомъ кончается, какъ водится, тѣмъ, что Лео попадаетъ въ тюрьму. Сильвія, узнавъ о его арестѣ, рѣшается на отчаянное средство: во дворцѣ живетъ ея родная тетка — Сара, любовница умершаго министра и воспитательница короля; она убѣжала изъ родной деревушки, порвавъ сношенія съ родными, и пустилась искать счастья

въ столицѣ; счастье завело ее во дворецъ. Падая все глубже, глубже она изъ воспитательницы короля дѣлается его сводней, она раздобываетъ красивыя женскія тѣла и это лакомое, нѣжное мясо спускаетъ королю по очень дорогой цѣнѣ. Сильвія, не подозрѣвая истины, идетъ къ теткѣ и застаетъ у ней короля; дряблый селадонишка поддается на ея горячія просьбы объ освобожденіи Лео. Для любимаго человѣка, для осуществленія его великой идеи, она жертвуетъ всѣмъ: бросаетъ отца, живетъ въ омутѣ дворцовой жизни; черезъ нее Лео изъ тюрьмы попадаетъ во дворецъ; король, пораженный его страшной энергіей, умомъ, самоотверженнымъ служеніемъ идеѣ, поддается его вліянію. Лео начинаетъ быстро подыматься (вѣрнѣе опускаться), дѣлается другомъ короля; новый маркизъ Поза надѣется свершить радикальный переворотъ королевскою силою, но чѣмъ шире становятся планы, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя одинокимъ. Онъ начинаетъ вѣрить, бѣдный безумецъ, что единичной силы достаточно для борьбы съ громадною массою людей, благосостояніе и эпикурейская жизнь которыхъ поддерживается ветхимъ строемъ; онъ не слушаетъ мрачныхъ предостереженій Сильвіи и безтрепетно взираетъ на съ каждымъ часомъ все густѣющіе ряды его враговъ; сытая скорѣе перекормленная, частичка, государства, начинаетъ очень основательно въ немъ видѣть неумолимаго посягателя на ихъ чрево, неутолимые апетиты и удесетеряетъ, и безъ того сильныя интриги. Этотъ скользкій путь ведетъ его неизбѣжно къ тяжкимъ жертвамъ; онъ непоколебимо идетъ къ осуществленію своей идеи, дышетъ, живетъ ею, она заставляетъ его забыть о личныхъ чувствахъ, сильныхъ потребностяхъ личнаго счастья, ему некогда мечтать о немъ; подавленный громадностью замысловъ, онъ говоритъ, что слово счастье выдумано дураками; онъ на яву и во снѣ мечтаетъ воздвигнуть всенародный исполинскій храмъ экономическаго равенства, свободы, братства, и затѣмъ погибнуть. Запутываясь все болѣе и болѣе, Лео — рѣшается отвернуться отъ любящей его Сильвіи, становится женихомъ ледяной глыбы — Жозефы, ничтожной аристократки, дочери приближеннаго короля; породнившись съ чистокровными аристократами, онъ думаетъ сильнѣе окрѣпнуть въ

своей боевой позиціи и сдѣлать ихъ орудіями своей идеи. Сильвія съ ужасомъ видитъ, что ея пророкъ марaетъ святую идею; она не можетъ простить неразборчивости средствъ, она видитъ зорче его всю безплодность его усилій, предчувствуетъ его неминуемое паденіе, она не можетъ простить лицемѣрія съ нею; за жертвы, за жизнь, растраченную для него, онъ отплатилъ тѣмъ, что даже не открылъ ей своихъ замысловъ; она глубоко вѣрила въ его нравственную чистоту, и отвергла его, когда увидѣла женихомъ мраморной куклы Жозефы, мертвецомъ для нея и идеи; разбитая, уничтоженная, она идетъ къ покинутому отцу и находитъ его остывшій трупъ подъ бѣлою простынею. Несчастная, прекрасная дѣвушка, неиспытавшая вполнѣ счастья взаимной любви, разбитая, съ угасшими надеждами, пустымъ, безразсвѣтнымъ будущимъ, рѣшается, въ минуту безвыходности, на самоубійство... черезъ нѣсколько часовъ ея трупъ вытаскиваетъ изъ воды Лео, вскорѣ и самъ онъ, кругомъ запутанный дворцовыми интригами, погибаетъ на дуэли.

Лео хотѣлъ съ помощью короля и окружающей его окаменѣлой рутины перевернуть весь общественный строй съ головы на ноги; онъ забылъ, что король, ставшій во главѣ движенія, переставалъ быть королемъ, становился, по общественнымъ понятіямъ, крамольникомъ, т. е. вождемъ народа. Король и вождь народный — діаметрально противоположныя понятія, взаимно другъ друга парализирующія. Король на тронѣ мыслимъ до той минуты, пока онъ манекенъ, врагъ народа, ярый представитель громадной шайки грабителей, считающей народъ, составляющій государство, пушечнымъ мясомъ, нѣмымъ, покорнымъ стадомъ, нужнымъ для обдиранья и надруганья. Разъ король или царь выйдутъ изъ этихъ тысячелѣтіями очерченныхъ рамокъ, ихъ такъ же задушатъ дворцовые хищники, какъ и всякаго агитатора, вышедшаго изъ народа. Глубокая ошибка Лео — что онъ началъ сверху, когда ему было нужно начать съ низу; онъ съ желѣзной почвы перескочилъ на гнилую веревку, протянутую въ воздухѣ и началъ бѣшенно балансировать, и очень естественно сломалъ себѣ шею. Въ массѣ скрыты неисчерпаемыя залежи силы; величайшія реформы созрѣвали въ ея

нѣдрахъ, а не чудесно творились королями. Всю свою чудовищную энергію Лео долженъ былъ затратить на разработку грубыхъ самородныхъ, колоссальныхъ народныхъ силъ; результаты этой работы, незамѣтны только для близорукихъ, они тихо, незамѣтно зрѣютъ, и черезъ чуръ замѣтно разрѣшаются въ событіяхъ.

Лео, проникнувъ во дворецъ, затѣялъ безумную игру, онъ удвоивалъ, утроивалъ несмѣтной горой наваливалъ куши и, слѣпо вѣруя, что цѣль окупитъ средства, поставилъ на карту честь. Тускн, революціонеръ до мозга костей, въ послѣдней съ нимъ встрѣчѣ, говоритъ: „сбрось съ себя чужую одежду, въ которую ты нарядился для того, чтобы пробравшись въ лагерь нашихъ враговъ, всюду распространять убійства, опустошенія, покажи себя въ настоящемъ видѣ; люди, подобные тебѣ, выходятъ изъ заблужденій болѣе сильными, чѣмъ печальнѣе были заблужденія“. Лео ринулся съ своей преображающей міръ идеей во дворецъ и погибъ, запутанный его золотыми цѣпями. Существовалъ ли въ цѣломъ мірѣ дворецъ, начиная съ дворцовъ Фараоновъ, Калифовъ, и кончая современнымъ дворцомъ, въ которомъ могла бы пустить корни широкая идея всеобщаго блага, за которую Лео готовъ былъ отдать по каплѣ свою кровь? Зачѣмъ онъ съ такою рѣшительностью окунулся въ этотъ черный омутъ лжи и распутства? Его засосала вязкая, смрадная яма; онъ хотѣлъ построить пирамиду изъ грязи, хотѣлъ святыя идеи провести въ жизнь, опираясь на кучи гнусныхъ сводницъ, сводниковъ мелкихъ, злыхъ интригановъ, воровъ, убійцъ изъ подъ угла, холоповъ, извивающихся гадинъ. Снаружи выполированный вертепъ, гробъ роскошно убранный, полный гнили, червей, уступалъ ему шагъ за шагомъ; и съ каждымъ его шагомъ къ королю, у хранителей трона росли и росли злоба и зависть. Притаившись во мракѣ, они оттачивали зубы и когти, и какъ стая голодныхъ волковъ, щелкали зубами, поджидая добычу; жертва не устояла сбоку безвольнаго романтика-короля, и они сожрали ее. Пусть мнѣ укажетъ исторія цѣлаго міра, за десять тысячъ лѣтъ, гдѣ тотъ фантастическій царь, который бы съ презрѣніемъ, отвращеньемъ отшвырнулъ отъ себя, какъ хламъ мишурный, кровавые милліоны, выграбленные, высосанные

изъ народа? Съ омерзеньемъ отпихнулъ ногою пресмыкающихся, лижущихъ его, жадныхъ гадинъ? котораго бы нестерпимо тошнило отъ фиглярнаго лакейства, платонической холопоманіи, который не сгнаивалъ бы по тюрьмамъ и крѣпостнымъ подваламъ честныхъ людей, а опираясь на нихъ, какъ на гранитную твердыню, до послѣдняго дыханія жизни боролся, не щадя жизненныхъ силъ, съ врагами всеобщаго блага? Пусть мнѣ укажетъ даже исторія легендъ на царя ангела-хранителя хижинъ, а не проклятыхъ дворцовъ?.. Сомнительная легенда увѣряетъ, что 1830 лѣтъ назадъ былъ человѣкъ съ великими стремленіями ко всеобщему счастью, но надпись гласящая, что онъ „царь іудейскій“, была прибита надъ его головою, когда самъ онъ въ терновомъ вѣнцѣ, пригвожденный ко кресту, умиралъ, истерзанный, оплеванный, осмѣянный.

Москва — 1872 г.

Геркулесовскій подвигъ
РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ввиду обузданья ста дѣвицъ въ Цюрихѣ

(Мартъ 1873 г.)

„Славься мудрый нашъ властитель
Славься царь освободитель!

I

Русскія студентки въ Цюрихѣ.—Приводимъ текстъ, напечатанный въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ правительственнаго сообщенія, о коемъ вчера насъ извѣстилъ телеграфъ.

„Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились заграницу для слушанія лекцій въ Цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченно, но въ послѣдніе два года начало быстро возростать и въ настоящее время въ тамашней политехнической школѣ и университетѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ, до правительства стали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія; одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи въ средѣ русской молодежи обоего пола, образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ: „славянское, соціально-демократическое общество,“ „центральный, революціонный, славянскій комитетъ,“ „славянская и русская секціи Интернаціональнаго общества“ открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую

нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ,“ „французская революція 70 года.“ Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ даже такихъ, которыя не понимаютъ по нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе.

„Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искуственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, онѣ подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей,

„Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда нибудь въ Россію, будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: „какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины“?

„Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную русской молодежи; оно знаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употре-

бить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

„Правительство всегда съ сочувствіемъ относилось къ потребностямъ высшаго образованія для женщинъ, являющимся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи, учреждены, особые, педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университета въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской Медико-хирургической Академіи учрежденъ, въ видѣ опыта, на четыре года особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего въ настоящее время высочайше повелѣно представить проэктъ учрежденія высшихъ женскихъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ по мѣрѣ изысканія средствъ и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускаютъ женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями,

ничего не имѣющими съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями, всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный, сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два, три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ ненормальному движенію.

„Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и Политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 74 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ, или въ какое либо русское учебное заведеніе.

„Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого либо означеннымъ ограниченіямъ.“

Съ боязливою осторожностью ботаника, который, найдя драгоцѣнное, рѣдкое растеніе, боится уронить съ него малѣйшую пылинку, которую онъ послѣ тщательно разсмотритъ въ микроскопъ, для обогащенія науки, я принимаюсь за разборъ дивныхъ строкъ, выношенныхъ жирнымъ правительственымъ мозгомъ; боюсь упустить малѣйшую черточку въ рукописи, каждое слово которой будетъ сіять потомству кроткимъ блескомъ; но невыразимо странно, что эти величественныя мысли напечатаны на скверной газетной бумагѣ; имъ гораздо болѣе шло быть начертанными на папирусѣ, пальмовыхъ листьяхъ, на Египетскихъ обелискахъ; отъ нихъ пахнетъ царскими муміями, несетъ тлѣномъ кіевскихъ катакомбъ. Прочитывая мудрыя строки, невольно уносишься воображеніемъ въ исторію

легендъ, въ то богатое благими дѣяніями время, когда избивались египетскіе младенцы, распинались на крестахъ плѣнные.

Опекающее насъ правительство высказываетъ ту мысль, что за послѣдніе два года число студентскъ въ цюрихскомъ университетѣ стало быстро увеличиваться; оно не хочетъ понять, что это явленіе — черезъ чуръ обыкновенное въ цѣломъ мірѣ; начиная съ газа, желѣзныхъ дорогъ и кончая общимъ образованіемъ, которыя вначалѣ распространялись съ страшною медленностью, всюду встрѣчая рутинный отпоръ, а послѣ съ неимовѣрною, наверстывающею быстротою. Испуганно все сѳзерцая изъ мрачнаго далека, получая пусмы гнусныхъ сплетень, доносовъ, отъ желающихъ блеснуть кипучею дѣятельностью шпіоновъ, правительство узрѣло въ жаждѣ знанія жажду революціонныхъ бурь. Тайныя агитаціи, коммунисты, красные революціонеры запестрѣли передъ его глазами, до головокруженія; монарху, спившемуся до чертиковъ, начали мерещиться пистолетныя дула, страшныя, тайныя общества; нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія распоряженія превратятъ грезы въ очень злую дѣйствительность. Съ милымъ, допотопнымъ невѣжествомъ оно говоритъ о томъ, что въ русской библіотекѣ въ Цюрихѣ читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ“ „Революція 70 года.“ Русскому правительству много было бы пріятнѣе, если бы въ Цюрихѣ читались лекціи: о „Божественномъ царскомъ помазаніи,“ о „преподобномъ Фотіи,“ „Краеугольномъ камнѣ вѣры,“ „Слезѣ благоутробнаго Елеозара,“ о Иванѣ Сусанинѣ, Комиссаровѣ, о пустынно-жительскомъ житьѣ аѳонскаго монаха Сысой Псовича; если такъ, то правительству слѣдуетъ вычеркнуть изъ программъ всѣхъ учебныхъ заведеній не только русскую, но и всеобщую исторію: какъ русская обильна самозванцами, бунтами, такъ и исторія Европы полна кровавыхъ и мирныхъ революцій, которыя, съ небольшими затишьями, разыгрывались и разыгрываются всюду. Безъ этого паденія ветхихъ формъ; возниканія новыхъ, немыслима Исторія. Можетъ быть русское правительство считаетъ, что исторія государства Россійскаго вся исчерпывается царствова

ніемъ Павла Петровича и Николая Павловича и пр; не много остается русскому монарху, чтобы превратиться въ полнаго византійскаго владыку!

Далѣе, русское правительство своимъ духовнымъ, ясновидящимъ окомъ прозрѣло такіе жизненные факты, которые подсмотрѣть простымъ, матеріальнымъ окомъ, не представляется никакой возможности; оно ударилось въ спиритизмъ.

„Другія увлекаются коммунистическими ученіями свободной любви и подъ покровомъ фиктивнаго брака доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ; недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ и презрѣнію честныхъ людей.“

Отъ этихъ строкъ воняетъ Катковымъ, Леонтьевымъ. Вѣчно угнетая свободу, творя одну безобразную низость за другою, правительство еще никогда не ставило себя въ такое позорное, шутовское положеніе, какъ въ этихъ, обвиненіяхъ, трудно подавить, желчный смѣхъ злобу, принимаясь за разборъ этой возмутительной до рвоты ерунды. Откуда знаетъ эта свора свирѣпыхъ идіотовъ, что дѣвушки, увлекаясь коммунистическими идеями свободной любви, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ? Отчего „Правительственный Вѣстникъ“ не выставилъ имена тѣхъ наемныхъ третьеотдѣленцевъ, которые тайкомъ, во избѣжаніе побоевъ, спусковъ съ лѣстницъ, шпіонились по квартирамъ, подслушивая, вывѣдывая бабьи сплетни? Если забвеніе замысловатыхъ основныхъ началъ нравственности и цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ свершается не публично, а тайно, по домамъ, то кто смѣетъ вопить въ газетахъ о предполагаемыхъ фактахъ, какъ о дѣйствительныхъ? Вся эта масса уродливо глупыхъ обвиненій обрушена на головы беззащитныхъ личностей; подлые врали вполнѣ пользуются правомъ дикой силы. Пусть правительство умудрится счесть публичные дома въ своихъ цѣломудренныхъ столицахъ, полюбуется въ

замочную скважину на закулисную сторону браковъ, благословленныхъ православною церковью; да кстати, не забудетъ попристальнѣе вглядѣться въ свою дворцовую куртизанскую нравственность, свое царственное цѣломудріе, и я, заранѣе, увѣряю, что оно подъ кровомъ благочинія, тишины, обрядности, увидитъ такія бездны низости, притворства, тайнаго скотскаго разврата, забвенія всѣхъ человѣческихъ правъ, такую массу свирѣпыхъ, холодныхъ убійствъ физическихъ, нравственныхъ, умственныхъ, что у него долженъ будетъ отгнить языкъ, читающій мораль!

Покрытая сифилитическими, гноящимися язвами, гангренами, густо набѣленная, раскрашенная публичная тварь трещитъ напыщенными монологами о цѣломудріи, свирѣпо караетъ невинный порывъ молодости, это болѣе, чѣмъ возмутительное зрѣлище! Изъ какихъ благородныхъ, достовѣрныхъ источниковъ правительство узнало о недовольствѣ мирныхъ гражданъ и квартирныхъ хозяекъ русскими студентками? Отчего правительство не обнародовало имена тѣхъ скромныхъ, психіатровъ, которые такъ быстро постигли всѣ прелести квартирныхъ хозяекъ города Цюриха, что пришли къ умозаключенію, что недовольство ихъ можетъ служить обвиненіемъ противъ русскихъ женщинъ? Правительство усвоило замашку Каткова, Леонтьева, которые, обслюнявливая бѣшеною слюною, огаживая своимъ мерзкимъ прикосновеніемъ политическихъ эмигрантовъ и найдя все это недостаточнымъ, тотчасъ же обвиняли ихъ, что они не платятъ за квартиру, что ихъ отовсюду выгоняютъ; понятно, что такія обвиненія въ газетахъ прикрываются инкогнитомъ; большею частью литераторы, занимающіеся, подобнымъ ремесломъ, живутъ на казенный счетъ и на огромномъ разстояніи отъ обвиняемыхъ, по той весьма основательной причинѣ, что вблизи такихъ субъектовъ бьютъ по физіономіямъ. Откуда узнало всевѣдующее правительство о томъ, что нѣкоторыя дѣвушки изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая занимается вытравливаніемъ зародыша? Развѣ цюрихскія студентки, предающіяся столь богопротивнымъ занятіямъ, предлагали услуги царскому, многоплодливому семейству? Если нѣтъ, то до какой бездонной подлости можетъ дойти наглая, газетная

клевета, если ее выговариваютъ злые идіоты — всю жизнь грубою, неумѣлою рукой, безъ знанія, вытравляющіе зародыши свободы и образованія! Правительству не мѣшаетъ запретить химію: она изучаетъ яды; можетъ быть, студенты, занимаясь ею, выдумываютъ тотъ неуловимый для глазъ, грубаго изслѣдованія ядъ, отъ котораго въ одну прекрасную ночь, какъ клопы и тараканы, перемрутъ члены царской семьи и столбы правительственные. Правительство боится остановиться на вопросѣ: какое поколѣніе могутъ вырастить такія женщины? Только одному русскому правительству трудно угадать, какое поколѣніе выростятъ образованныя, честныя, гуманныя, свободныя женщины; но еще легче видѣть, что возростили тѣ съ искони вѣковъ замученныя, задавленныя паріи, которыя умѣли только одѣваться и раздѣваться, жрать и рожать. У правительства не коснѣетъ языкъ произнести о томъ, что оно съ сочувствіемъ относилось къ высшему образованію; оно упоминаетъ о жалкихъ курсахъ въ Москвѣ, гдѣ читаютъ, придерживаясъ классическаго образца, нѣсколько предметовъ въ объемѣ средняго училища, заранѣе помѣченные для этого префессора; оно заявляетъ съ уморительнымъ тупоуміемъ, что у насъ есть такія высшія школы, изъ которыхъ дѣвушки выходятъ акушерками; учебныя заведенія, сплюснутыя въ казенныхъ и поповскихъ лапахъ, со всѣхъ сторонъ огаженныя, общипанныя, оно сравниваетъ съ цюрихкимъ университетомъ, гдѣ наука и ея ученіе свободны безъ границъ, гдѣ рядомъ свободно вращаются въ средѣ молодежи широчайшія идеи, выработанныя передовымъ человѣчествомъ, и гдѣ ими бываютъ недовольны только однѣ квартирныя хозяйки, думая, что идеи эти подрываютъ меблированныя комнаты. Вся эта чудовищная масса юродства, газетной клеветы заканчивается разбойническими словами:

„Правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя къ январю будущаго 74 года будутъ продолжать слушать лекціи въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое либо русское учебное заведеніе.“

Эти слова доблестно замыкаютъ все предъидущее; въ переводѣ они означаютъ: „намъ надоѣло утомительное, черепашье движеніе впередъ; мы находимъ, что гораздо веселѣе, практичнѣе, легче пятиться назадъ, и чѣмъ быстрѣе. тѣмъ пріятнѣе; мы надорвали нашъ чудный мозгъ, придумывая реформы такъ, чтобы въ концѣ съумѣть ихъ парализировать однимъ незначительнымъ, но поразительно сильнымъ: „Но“ и проч. Мы дали микроскопическія права женщинѣ, надѣясь, что будемъ имѣть дѣло съ куаферскими вывѣсками, но къ великому отеческому сожалѣнію, нѣкоторыя, неспокойныя, преждевременно, и непозволительно развившіяся личности, жадно воспользовались краткимъ освобожденіемъ. Намъ хочется спать и видѣть только блаженныя, радужныя сновидѣнія; свобода, даваемая подданнымъ, возбуждаетъ безпокойные, гадкіе и даже страшные сны; дорожа сладостнымъ оцѣпенѣніемъ, мы поспѣшили тамъ, гдѣ есть еще наша сила, употребить всѣ зависящія отъ насъ мѣры; мы знаемъ, что цюрихскія студентки большей частью бѣдныя дѣвушки, которыя тяжкимъ трудомъ, накопивъ скудныя деньги, уѣзжаютъ трудиться въ иностранные университеты съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи быть полезными на родинѣ и для того, чтобы хотя нѣсколько обезпечить себѣ независимое положеніе; мы догадались, что отнятіе у нихъ насущнаго хлѣба и ожиданіе безконечныхъ преслѣдованій полиціи на ихъ прелестной родинѣ можетъ на нихъ слегка подѣйствовать. Тѣхъ, которыя, не понявъ задней мысли реформы, осмѣлились воспользоваться образованіемъ, мы накажемъ тѣмъ, что многимъ изъ нихъ, перешедшимъ на третій и четвертый курсъ, прійдется вернуться или имѣть въ перспективѣ за умственный трудъ голодную смерть, а пожалуй и казематы; деньги ими такъ трудно накопленныя, ночи труда пропадутъ даромъ. Этотъ холодный, варварскій грабежъ, съ государственной точки зрѣнія, необходимъ для обузданія ста непокорныхъ дѣвицъ. Чтобы выйдти чистенькими изъ ретирадной ямы, мы оклеветали ихъ въ газетахъ передъ всѣмъ обществомъ; въ силу основныхъ началъ нравственности, мы имѣемъ полное право оплевать и очернить нашихъ вѣрноподданныхъ, и они не смѣютъ пикнуть въ свою защиту. Урокъ

этотъ послужитъ намъ и имъ въ пользу; если мы впредь дадимъ какія нибудь права женщинѣ, то съумѣемъ это сдѣлать такъ искусно, остроумно, что ими онѣ ни на секунду не воспользуются."

И у самыхъ закоснѣлыхъ убійцъ есть своя философія.

II

„Народъ
Есть почва добрая, въ ней скрыто много силы
Въ ней сѣмя истины безплодно не умретъ,
Лишь былъ бы сѣятель. Той силѣ нѣтъ могилы."
(Кіая Барбье.)

Намъ остается еще оцѣнить одну правительственную фразу, особенно заслуживающую объясненія: „политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе; сходки и борьба партій довершаютъ остальное и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь." Очень трудно честной молодежи увлекаться такой дѣйствительностью, какъ застѣнки, Петропавловская крѣпость, третье отдѣленіе, обираніе народа и необузданный произволъ! Очень, очень желали бы мы, чтобы правительство считало нашу пропаганду безплоднымъ,искусственнымъ волненіемъ; если бы это было такъ — мы безопасно оставались бы у себя на родинѣ, намъ не пришлось бы бѣжать за границу, для высказыванія задушевныхъ убѣжденій! Если пропаганда — стрѣльба по воздуху, то это невинное занятіе даже поощряется въ самыхъ злѣйшихъ, деспотическихъ государствахъ. Нѣтъ, Сибирь, полная затерзанныхъ мучениковъ, Петропавловская крѣпость, набитая свободной молодежью, бѣшеныя неистовства жандармеріи, полиціи по всей ширинѣ и длинѣ Россіи, въ преслѣдованіи всякой крошечной, либеральной идейки, іезуитскія свѣтскія и духовныя цензуры, ауто-да-фе изъ книгъ Лассаля, громадное число эмигрантовъ говорятъ противное! Слѣпой ужасъ шаткости своего фальшиваго, искусственнаго положенія сквозитъ въ каждомъ вашемъ дѣйствіи, прячется за

каждою запретительною статьею; вы чувствуете, что ваши дни сочтены; вы не можете болѣе существовать безъ пѣшекъ—солдатъ, пушекъ и скроенной по вашему образцу тайной полиціи; вы инстинктивно сознаете, что свободное ученіе рушитъ самыя искуснѣйшія, крѣпчайшія заставы, что нѣтъ той силы, которая могла бы съ нимъ бороться, и тѣхъ глазъ, которые могли бы уловить его распространеніе; истина, не смотря на всю необузданность вашихъ гоненій, съ всепобѣдною силою завоевываетъ пространство. Самые безпощадные ваши враги, подъ личиною смиренія, консерватизма, стоятъ около васъ, отъ нихъ вы скоро начнете задыхаться въ просторныхъ дворцахъ.

Наше ученіе не—ваше, вы не знакомы съ истиной, никогда не поймете ея страстнаго, чарующаго обоянія. Замучивая втихомолку несчастныхъ, молодыхъ людей, вы не разъ встрѣчали героическую твердость убѣжденій, не разъ видѣли, какъ затерзанные, молодые люди предпочитали смерть, страшную каторгу измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ! Не разъ въ вашихъ грезахъ вамъ видѣлись блѣдныя лица, глядящія на васъ съ ужасомъ, презрѣніемъ! Недалеко то будущее, когда брошенное тайною пропагандою сѣмя отродится пышною жатвою; кипучая работа сильныхъ поколѣній не пропадаетъ даромъ. Если существуетъ прогрессъ, вы неминуемо погибнете, а страшныя для васъ идеи восторжествуютъ. Цѣною неустанной пропаганды въ массахъ выработаются тѣ широкія понятія, которыя на вѣки подрѣжутъ ваше, несовмѣстимое съ здравымъ смысломъ, дикое, подлое существованіе. Наступитъ часъ, когда искусственное, безплодное волненіе станетъ для васъ дѣйствительностью, и ужасный будетъ для васъ тотъ часъ!..

Анна Каренина

(Романъ Льва Толстого)

Мы не станемъ разбирать романъ Толстого, онъ сданъ уже критикѣ, нѣтъ сомнѣнія, что романъ расщипанъ будетъ на атомы; онъ окажетъ услугу журнальнымъ пробѣламъ: они будутъ напичканы разглагольствованьями о неисчерпаемыхъ психическихъ тонкостяхъ, неувядаемыхъ красотахъ романа. Жизненная правдивость, глубокій драматизмъ сценъ, это — такія свойства генія Толстого, въ которыхъ трудно усомниться, но такъ же врядъ ли кто усомниться, что Анна Каренина стоитъ по творческой мысли, силѣ изображенья много ниже, по истинѣ міровой эпопеи „Войны и Мира“. Предвзятая мораль глубоко повредила послѣднему роману, большая часть сценъ потеряли много глубины, силы отъ нанизыванія ихъ на христіанскую мораль; не знаю, какъ пойдетъ далѣе, но пока самые чуткіе, впечатлительные люди сознаются, что весьма холодно, спокойно прочитываютъ самыя драматическія сцены; совсѣмъ другое происходило при чтеніи „Войны и Мира“. Постараемся разобрать эту вольную или невольную, церковную мораль. Журналъ раздавателя оплеухъ лицеистамъ г. Каткова неудержимо шелъ къ концу; устали даже отставные генералы, жандармскіе служители, высшіе полицейскіе чины, захирѣвшіе по медвѣжьимъ угламъ

крѣпостники пережевывать и выплевывать ту ветошь, которая печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“: только переводные романы, съ отсутствіемъ всего политическаго, кое-какъ поддерживали потухающую жизнь. Пришлось прибѣгнуть къ муксусу—роману „Анна Каренина“. Катковъ шесть мѣсяцевъ объявлялъ о романѣ, не печатая его: онъ трепеталъ за подписку на будущій годъ, какъ ненасытный серебренникъ, онъ зналъ цѣну имени Толстого.

„Русскій Вѣстникъ“ усилилъ подозрѣніе на счетъ задней мысли, скрывающейся въ романѣ; Катковъ любитъ соединять всѣ удобства: денежныя и моральныя; денежныя—спасти негодный, служащій чернымъ силамъ, журналъ, моральныя—уязвить, покарать молодое поколѣніе, не признающее очага, гибнущее въ безднахъ нигилизма, не руководимое божественно-самодержавнымъ перстомъ.

Мужъ Анны Карениной, послѣ сознанія въ измѣнѣ ему — административному портфелю, началъ выдумывать разныя орудія для обузданія, наказанія виновной. Самое утонченное орудіе казни оказалось: оставить жить съ собою ненавидящую его женщину; кипучая жизнь была предана, продана свѣтскому приличію. Приличію, какъ и религіи, много приносилось трепещущихъ въ предсмертныхъ судорогахъ жертвъ, но оно не смогло такъ притиснуть гробовою крышкою жертву, чтобы она не успѣла вскрикнуть, вздохнуть.

Предчувствуя смерть, вслѣдствіе какого-то нелѣпѣйшаго сна, чудесно приснившагося слово въ слово Аннѣ Карениной и Вронскому, она посылаетъ за любовникомъ, онъ нечаянно сталкивается съ мужемъ; мужъ свирѣпѣетъ и рѣшается на скандальный разводъ, но при этомъ онъ зло издѣвается надъ женою, стараясь у ней отнять сына; обдѣлывая дѣлишки, онъ получаетъ телеграмму, что жена, умирая отъ родовъ, проситъ прощенія (въ чемъ? за что?) и желаетъ его видѣть; съ пламеннымъ желаніемъ, чтобы она скорѣе умерла, т. е. самымъ приличнымъ образомъ очистила его административную карьеру, ввела въ норму его чиновничью жизнь, онъ входитъ къ ней и, къ большому сожалѣнію, застаетъ ее живою. Больная въ бреду умоляетъ о прощеніи... Подъ вліяніемъ тяжкой, раздирающей сцены,

ввиду близящейся, какъ ему показалось, смерти, въ Алексѣѣ Александровичѣ свершается фантастическій переломъ; въ часъ времени весь его духовный образъ перерождается—по велѣнію Толстого „да будетъ свѣтъ! явился свѣтъ". Административный, ветхій манекенъ, длинноухая мумія превращается въ всепрощающаго, пламеннаго христіанина. Согнувшемуся передъ нимъ Вронскому онъ говоритъ:

„Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берутъ кафтанъ, и молю Бога только о томъ, чтобъ онъ не отнялъ у меня счастье прощенія... Вотъ мое положеніе. Вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта, я не покину ея. и никогда слова упрека не скажу Вамъ. Моя обязанность ясно начертана для меня; я долженъ быть съ нею и буду. Если она пожелаетъ васъ видѣть, я дамъ вамъ знать".

Но не дайте подкупить себя, читатели, картиною, въ которой рѣзкія краски, замысловатые эфекты затемняютъ содержаніе: истина дороже, выше самой чарующей поэтической лжи, призовите на помощь всю силу анализа, разнимите по частямъ эту вывѣтрившуюся христіанскую мораль. Пусть высокая поэзія возвышаетъ истину, но не помогаетъ сгущать мракъ въ слабыхъ головахъ!

Самоотверженіе — великій актъ, но нужно знать, гдѣ и какъ онъ проявляется. Одинъ взлелѣянный подлымъ рабствомъ, можетъ искренно погибнутъ за царя, другой казнить царя и затѣмъ погибнуть на эшафотѣ, между однимъ и другимъ лежитъ цѣлая бездна. О царскомъ спасителѣ будутъ вспоминать, какъ о хамѣ вѣрномъ, его ставить въ примѣръ будутъ одни попы, жандармы, провокаторы, полицейскіе и пр. Тогда какъ спасителю родины, отъ царя-палача и вора, вся благодарная нація въ дни освобожденья воздвигнетъ памятники, съ благоговѣніемъ, восторгомъ будетъ вспоминать святое имя.

Если вы вздумаете за ударомъ по щекѣ подставить другую щеку, васъ буквально сотрутъ съ лица земли оплеухами, смерть будетъ безславная, и память безславная! Такими христіанскими добродѣтелями у насъ отличаются несчастныя приживалки и заштатные чиновники полиціи. Наше чудовищное политическое, соціальное положеніе происходитъ отъ того, что мы черезъ чуръ добродѣтельно, христіански смиренно усти-

лаемъ собою путь, по которому съ тріумфомъ шествуютъ озвѣрѣвшіе отъ непротивленія самоуправцы. Хищническіе клювы, когти не рвали бы на клочки нашего бѣднаго сердца, если бы мы, со слезами платоническаго холопства, не подставляли груди для этихъ мучительныхъ операцій; христіанская мораль о сниманіи съ съ себя нижней одежды, когда съ васъ снимаютъ верхнюю, тогда развернулась бы во всей красотѣ, когда всѣ головы и сердца проникліись бы ею, то было бы торжество универсальной любви, и намъ оставалось бы только восторгаться.

Много разсѣяно по міру великихъ людей, жертвующихъ всѣмъ для блага, спасенія страждущихъ; они часто на головы принимаютъ болѣе суровые вѣнцы, чѣмъ терновый вѣнецъ Спасителя, но они борятся со зломъ, замѣтьте, страшно борятся со зломъ! Война идетъ на жизнь и смерть и это божественная борьба свѣта съ тьмою... Мусульманскій пророкъ несравненно глубже Іисуса, понимая жизнь, сказалъ: „Люди обрѣтутъ рай въ тѣни скрещенныхъ мечей“...

Всеобщее, великодушное прощеніе можетъ только наступить послѣ полной, безповоротной побѣды.

Теперь отъ общаго перейдемъ къ частному. Христіанское всепрощеніе, даже въ рѣдкихъ случаяхъ, приноситъ горькіе плоды: если въ женщинѣ сильно рязвито чувство, она, послѣ увлеченія другимъ мужчиною, вмѣсто того, чтобы встрѣтить, какъ обыкновенно случается, въ мужѣ ненависть, мстительность за то, что она не пощадила его нѣжныхъ чувствъ, выставила его чуть не на посмѣшище, вдругъ совершенно неожиданно встрѣчаетъ трогательное прощеніе, любовь, великодушное попеченіе о ея счастіи; нѣтъ сомнѣнія, она поражается возвышенными чувствами. Мужъ, подымаясь, уходя въ небо, заставляетъ ее, невольно, еще глубже спуститься внизъ, сознать свое мнимое паденіе; вѣрнѣе всего, что она не захочетъ, за такое самоотверженіе, отплатить продолженіемъ связи съ любовникомъ; она постарается убить въ себѣ все и полюбить христіанина —мужа, и тогда самоотверженіе, всепрощеніе становятся тою невыносимою обузою, которая раздавитъ жизнь. Самоотверженіе, не во время разыгранное, тяжеле злой тиранін: тиранія возбуждаетъ протестъ, озлобленіе,

энергію для борьбы, самоотверженіе подавляетъ всѣ эти чувства въ зародышѣ. Не желаю самому злѣйшему врагу моему быть въ кожѣ той несчастной женщины, на голову которой обрушилась такая христіанская мораль! Это торжество добродѣтели производитъ такое же впечатлѣніе, какъ торжественныя, христіанскія похороны съ блестящимъ облаченіемъ, свѣчами, кадилами, раздирающимъ душу пѣніемъ. Возставать противъ отрицательнаго добра необходимѣе, чѣмъ противъ положительнаго зла; предразсудки, замаскированные роскошными, величественными мантіями, глубже хоронятся въ мозгу, чѣмъ обыкновенные предразсудки. Нагое зло — язва наружная; замаскированное зло — гной внутренній. Что такое простой убійца, воръ, передъ страшно замаскированнымъ всеобщею холопскою подлостью, ужасающимъ убійцею, воромъ—царемъ? что такое всѣ, безпощадно караемыя, простыя банды, передъ пользующимися почетомъ,засыпанными наградами,ненасытными дворцовыми и вообще правительственными бандами?

Не глубока, не нова христіанская мораль, пущенная Толстымъ въ концѣ XIX вѣка; трудно ею обратить на стезю добродѣтели матеріалистическое, скептическое молодое поколѣніе! Авторъ „Анны Карениной“ невольно прочитываетъ приговоръ надъ новѣйшимъ ученіемъ, которое по гуманности, ширинѣ, глубинѣ взглядовъ, свободѣ, простотѣ и примѣнимости къ жизни стоитъ неизмѣримо выше ученія Спасителя и Апостоловъ. Только попы, видящіе въ Іисусѣ Богочеловѣка, могутъ думать, что Іисусъ отъ перваго до послѣдняго слова своего ученія стоитъ выше всѣхъ вѣковъ и народовъ. На тысячилѣтіями вырабатывающуюся общечеловѣческую мораль они прибили только новый ярлыкъ, приписали ее не существовавшему Христу. 1800 лѣтъ человѣчество не стояло на одномъ мѣстѣ, мысль кипѣла, работала, величественно росла, крѣпла въ тиши кабинетовъ, среди притоновъ нищеты, порока, во мракѣ чудовищныхъ тюрьмъ, въ подземельяхъ, подъ истязаньями священной инквизиціи, подъ топорами палачей. Неужели наука и вѣчно развивающаяся мысль не сказали того, что не снилось прежнимъ мудрецамъ? Неужели нужно перечислять ихъ откровенія, титаническія побѣды? Молодое поколѣніе почерпнуло мораль изъ

другого источника, ставшаго библіографическою рѣдкостью: изъ романа „Что дѣлать“ Чернышевскаго. Авзоръ романа опирался на другую почву, принадлежалъ къ совершенно другому лагерю мысли. Чернышевскій и Толстой!!.,. въ одномъ воплотились радикальныя возкрѣнія, въ другомъ — въ нѣкоторыхъ исключительныхъ вопросахъ — консервативныя. На слово радикалъ существуетъ меньше варьяцій, чѣмъ на слово консерваторъ; послѣдняя кличка таитъ въ себѣ обширное опредѣленіе. Самаго очищеннаго консерватора даетъ намъ Англія. Консерваторъ-англичанинъ съ мужествомъ отстаиваетъ свои права, учрежденія, доставшіяся націи путемъ кровавой, вѣковой борьбы и, эти права, учрежденія вполнѣ солидныя: нижняя палата, право личности и ея полная неприкосновенность, свобода печати, слова, сходокъ; государственный строй развилъ громадную самодѣятельность въ націи; вся дѣйствующая сила сосредоточена въ общественномъ мнѣніи; королевская власть тамъ ноль, дорогая игрушка. Консерваторъ прежде, чѣмъ принять реформу радикальной партіи, съ огромною, предвзятою осторожностью разлагаетъ, взвѣшиваетъ ее, придирается къ чуть замѣтному ея темному пятнышку, словомъ, противопоставляетъ ей всю критическую тонкость ума, всю опытность практики. Консерваторы боятся стремительнаго наплыва новыхъ идей; на яву грезятъ революціями, боятся, что радикалы, въ безстрашіи мысли молодой, забудутъ, что почва недостаточно готова для воспринятія ихъ идей. У нихъ своеобразный взглядъ на почву: они думаютъ, что новыя права нужно сначала искрошить, а потомъ преподносить съ чувствомъ, разстановкой націи; они боятся, что страсти, разнузданныя революціей, затопятъ кровью Англію, и чтобы сдержать рѣзанье глотокъ и обремененье фонарей излишней тяжестью, придется прибѣгнуть къ отчаянному средству, поднимающему волосы на головѣ каждаго англичанина патріота: къ диктатору. Общество пойдетъ вспять, вѣковыя священныя права улетучатся и, какъ реакція, возродится абсолютизмъ съ пушками, палачами, тюрьмами, насиліями, грабежами, произволомъ, свирѣпымъ подавленіемъ всѣхъ правъ въ зародышѣ. Но русскій консерваторъ — самый жалчайшій и нельпѣйшій типъ консерватора; это своего рода

плохо запаянный консервъ, съ начинающей протухать рыбою: отстаивать ему у себя печего — дорогихъ для человѣка, ненарушимыхъ правъ у насъ нѣтъ и они не предвидятся въ близкомъ будущемъ. Мы жалчайшее нѣмое стадо, пасомое слѣпымъ пастухомъ-идіотомъ. Насъ могутъ по волѣ накормить вкусными злаками и — обрушить съ горы въ пропасть. Пока у насъ есть гордое право: низкоподданнически обнюхивать объѣдки, брошенныя намъ — Лазарямъ, съ дворцоваго стола. Сотрясаться, безконечно благодарить безконечно обожаемаго, вотъ все, на что мы имѣемъ полное право, оставаясь благонадежными, истинно-русскими. Если мы завизжимъ, намъ гаркнутъ: „тубо“! — и конецъ гражданскому водевилю!... Мы пока ничего не взяли и не показали даже способности удерживать несчастныя подачки, выброшенныя намъ сверху. При такихъ незамысловатыхъ условіяхъ, консерватизмъ теряетъ подъ собою всякую почву; большей частью, въ силу вещей, онъ въ концѣ концовъ присосѣживается къ жандармеріи, полиціи, сыщикамъ, лижущему отребью. Полюбуйтесь на букетъ русскаго консерватизма: на Каткова и Леонтьева! Прослѣдите ихъ путь по стезѣ консерватизма...

За недостаткомъ тэмъ, они бросаются на защиту всевозможнаго рисунка кандаловъ, разныхъ формъ собачьихъ ошейниковъ, намордниковъ, восхваляютъ плети, палки, розги, призываютъ твердую власть, съ ночными, разбойничьими обысками, безконечными арестами, ссылками, пріискиваютъ новые способы удушенія мысли, подавленья свободнаго мнѣнья, изыскиваютъ новые пріемы преслѣдованья; большею частью распутники, педерасты, они раздуваютъ, потухающій якобы семейный очагъ, и конечно болѣе всего говорятъ о религіи, скорбятъ объ ея упадкѣ. Эти пустопорожніе людишки, вѣчно пресмыкающіеся передъ властью, по ея свистку ввиду наградъ и повышеній, свершаютъ самыя невѣроятныя преступленья, неостанавливаются ни передъ чѣмъ. Нужно ли прибавлять, что рисуя законченный образъ консерватора, я не подразумѣваю гуманнаго, полнаго собственнаго достоинства Льва Толстого. Повторяю, онъ консервативенъ только въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣніяхъ.

Къ сожалѣнію, мы еще такіе эгоисты въ любви, собственники, что лучшіе изъ насъ всегда съ болью, огромными страданьями отрѣшаются отъ своихъ чувствъ въ пользу ближняго; у насъ всегда свое счастье затемняетъ разумное, честное пониманье чужого счастья; мы никакъ не умудряемся разойтись съ женщиною, полюбившей другого, просто, не терзая ни самоотверженіемъ, ни великодушіемъ. Сознаніе полной свободы женщины у насъ, пока, существуетъ только въ теоріи. Разъ мы любимъ, то невольно, въ силу воспитанія, привычки, предвзятыхъ взглядовъ, эгоизма, мы свершаемъ церемонію отпущенія женщины на свободу такъ же величественно, мрачно, какъ средневѣковые евреи — отлученіе отъ синагоги. Грустно наше настоящее, и то что не подь силу намъ, будетъ подъ силу будущему. Настанетъ время, когда оковы спадутъ съ тѣла и духа, и тогда наступитъ то гармоническое счастье, до котораго не подымается наше воображеніе. Пока у насъ предоставляется выбирать мужчинѣ: или семейную жизнь со всѣми ея роковыми случайностями, осложненіями или же ограничиваться простою похотью, съ угрозой сифилитической заразы. Пока, свободно любить мы не умѣемъ, боимся; мы не умѣемъ сойтись съ женщиною, ни разойтись: у насъ всегда появятся на сценѣ церковныя закрѣпощенья или меркантильныя законтрактованія, варварскій деспотизмъ или варварское великодушіе, всепрощеніе.

1876 г.

Донъ-Кихотизмъ

(*Загадочныя натуры* — романъ Шпильгагена)

I

„Онъ дотронулся до ея рубашки,и не смотря на то, что она была сшита изъ грубѣйшаго холста, годнаго на мѣшки, рыцарь принялъ эту дерюгу за тончайшее полотно, какія-то несчастныя, стеклянныя украшенія на рукахъ Мориторны показались ему жемчужными браслетами, а волосы ея нѣсколько напоминавшіе конскую гриву — нитями чистѣйшаго арабскаго золота, затмѣвавшаго своимъ блескомъ свѣтъ солнца, наконецъ дыханіе ея, отзывавшееся чеснокомъ, напояло обоняніе Донъ- Кихота какимъ-то чуднымъ ароматомъ... Ни дыханіе, ни другія достоинства злополучной Мориторны, нагнавшія бы тошноту на всякаго другого, не могли разсѣять призраковъ, порожденныхъ больнымъ умомъ рыцаря, воображавшаго, что онъ сжимаетъ въ объятіяхъ своихъ богиню любви.“

(Донъ-Кихотъ—переводъ Карелина.)

Романтическое направленіе изъ литературы перешло въ жизнь, и какъ вредное по своей неестественности, оно принесло скверные плоды. Много разъ были изображаемы романистами жертвы вечернія, жертвы среды;

я попробую не въ романѣ, а въ критическомъ очеркѣ, изобразить жертвъ острой, психической эпидеміи: жертвъ романтизма. Отъ него мы не отдѣлались и до сихъ поръ.

Бѣлинскій полуреалистъ, полуромантикъ въ началѣ своей дѣятельности, началъ измѣнять дряблому дутому направленію за нѣсколько лѣтъ до смерти; отъ него у него остался дурманъ въ головѣ. Поживи онъ долѣе,онъ со всею страстностью своей геніальной,гладіаторской натуры, навѣрное, ринулся бы въ реальное направленіе, сильно нарушивъ сладкое прозябаніе романтиковъ.

Добролюбовъ реальному направленію не измѣнилъ до послѣдняго дыханія жизни; своимъ трезвымъ, задушевнымъ словомъ, честною, здоровою мыслью онъ очистилъ ту полную паровъ, міазмовъ атмосферу, въ которой свершались полныя болѣзненныхъ, причудливыхъ экзальтацій оргіи романтизма. Писаревъ старался добить это направленіе въ литературѣ блестящими сарказмами, умными, ѣдкими статьями.

Въ моемъ очеркѣ я укажу на тѣхъ несчастныхъ Донъ-Кихотовъ мужскаго и женскаго пола, которые даже и теперь часто встрѣчаются въ русской жизни; это большею частью дѣвушки. Я не подразумѣваю великихъ сторонъ Донъ-Кихота, о которомъ Гейне сказалъ, что онъ ѣдетъ на высокой лошади, а практическій Санхо-Панче, сзади, на низенькомъ ослѣ. Я беру его однѣ смѣшныя стороны. Навѣрное, рѣдкому изъ читателей не приходилось сталкиваться съ романтическими семействами. Романтизмъ обыкновенно принималъ самый злостный характеръ въ тѣхъ семействахъ, гдѣ прозаическій глава умиралъ и воспитаніе переходило въ руки таинственно-романтической маменьки. Мнѣ приходилось сближаться съ необыкновенно богатыми натурами, которыя, всецѣло отдавшись этому направленію, заѣдали свою жизнь и дѣтей. Такія сильныя умственно особы, выходя замужъ, попадая въ деревенскую глушь, вдругъ начинали чувствовать, что онѣ очутились въ той обстановкѣ, въ которой или нужно задохнуться отъ вони, потонуть въ липкой грязи или предаться куренію опія, онѣ, хватаясь за — жизнь, выбирали послѣднее. Опій сулилъ

имъ наслажденія магометова рая; ихъ уродливое положеніе не позволяло додуматься до той плачевной мысли, что куреніе съ волшебными грезами окупится собственными ежечасными разочарованіями, узенькою односторонностью и тою массою жизней, которая будетъ погублена этимъ безплоднымъ направленіемъ. Постоянное, тихое плаваніе въ туманахъ, „безъ руля и безъ вѣтрилъ," не обходилось даромъ: спускаясь съ необозримыхъ небесныхъ полей на землю, романтическимъ особамъ приходилось туже обыкновеннаго затыкать носъ отъ земныхъ зловоній; земля для нихъ переставала быть мѣстомъ горя и счастья, страданія и наслажденія. Онѣ въ ней видѣли только юдоль плача, „опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достояніе."

Куреніе опія заключалось въ томъ: что способная, пылкая женщина, чтобы забыться отъ дѣйствительности, чѣмъ нибудь наполнить зіяющую прорѣху помѣщичьей жизни, начинаетъ съ жаромъ бросаться на романы; мужья ихъ, томимые скукой, однообразіемъ жизни, обыкновенно съ жаромъ бросались на водку. Руководить ее въ глуши некому; чѣмъ фантастичнѣе романъ, тѣмъ знойнѣе становятся ея грезы. Любимыми ея писателями становятся: Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, Жанъ Поль, Гофманъ, Эженъ Сю, Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ, Дюма; изъ романовъ Жоржъ Зандъ ей болѣе всего по душѣ: Консуело, Жанна; Диккенса. Бульвера Текерея Гринвуда и прочихъ романистовъ того же направленія она не читаетъ, считая ихъ прозаичными. Постоянное поглощеніе романовъ вродолженіе долгихъ лѣтъ, наконецъ, совершенно погружаетъ ее въ хаосъ — грезъ; подъ обаяніемъ вѣчныхъ сновъ что то высоко-таинственное начинаетъ обнаруживаться въ томъ камердинерѣ, который во времена оно считался воплощеніемъ прозы. Въ каждомъ естественномъ, чувственномъ порывѣ простой дѣвушки она начинаетъ видѣть роковыя страсти, невѣдомыя страданія, высокодраматическое положеніе; участіе, оказанное при такомъ пониманіи. порождало одни недоумѣнія у простой дѣвушки. Отупѣвшій отъ голода, изнуренный суровою нуждою крестьянинъ начинаетъ проситься въ романъ; продолжаться такое фальшиво возбужденное состояніе всегда не могло и въ моменты спусканья на

грѣшную землю, способная, чуть не на самопожертвованія, барыня начинаетъ въ порывахъ негодованія пощипывать, пошлепывать по щекамъ горничныхъ; ея парящій въ небесной лазури романтизмъ не мѣшаетъ ей относиться къ поселянину, какъ къ движимой собственности, провиденціальное назначеніе которой тѣшить, лелѣять свою барыню, безпрекословно повиноваться мановенію очей ея, а въ награду за все питаться чернымъ хлѣбомъ, объѣдками, и имѣть въ прекрасной дали пучки розогъ и другіе веселенькіе пейзажики, того же идиллическаго характера. Но многіе скажутъ, что я беру дикое время крѣпостнаго права, но, къ сожалѣнію, романтическія маменьки взлелѣяны крѣпостнымъ правомъ, то есть пожизненнымъ тунеядствомъ, безобразно извращенной жизнью.

Въ то время, когда я пишу эти строки, яркія представительницы этого типа доживаютъ мирно свой вѣкъ по богатымъ деревнямъ, обкушиваясь всевозможными аппетитными яствами, запивая ихъ вкуснымъ, не лишеннымъ алькоолическихъ свойствъ, винцомъ, разнообразя жизнь роковыми любовными грёзами, и нескончаемыми сплетнями.

Романтическая барыня въ ранней молодости не была лишена нѣжности, способности глубоко любить; въ ней таилось много свѣтлыхъ силъ, но онѣ завяли безъ упражненія, какъ сила въ мускулѣ, неприводимомъ въ движеніе. Зачитываясь романами, она вовсе не читала серьезныхъ книгъ, въ которыхъ кипѣла мысль,стремящаяся къ гуманости,высокому идеалу въ жизни.... Здравый смыслъ, пренебреженный, начиналъ съеживаться, тускнѣть, поддакивать сумбурной фантазіи и, наконецъ, совсѣмъ освобождалъ изъ подъ своего отрезвляющаго контроля, и тогда въ головѣ образовывался кавардакъ; сужденія, мысли начинали путаться, перемѣшиваться въ головѣ, какъ разноцвѣтные камушки въ калейдоскопѣ. Утромъ романтическая особа въ человѣкѣ видѣла что-то значительное, непобѣдимое, слегка похожее на демона; послѣ обѣда какой нибудь прозаическій шагъ, обнаруженное переполненье желудка, неудачно отпущенная фраза разрушали иллюзію, сводили неповиннаго субъекта съ лучезарнаго Олимпа прямехонько на скотный дворъ.

Вечеромъ ей кажется, очень ясно, что таинственный, полный скрытаго обаянія, среднихъ лѣтъ мужчина, горитъ къ ней неутолимою страстью, что ясно видно изъ взоровъ, полныхъ глубины, огня, бросаемыхъ на нее изъ за картъ. Въ воображеніи возникаютъ кровавыя картины: въ фантастическомъ туманѣ видится гнѣвный, полный черныхъ думъ мужъ, съ пистолетомъ въ твердой рукѣ; противъ него — блѣдный, но безтрепетный, съ мрачнымъ облакомъ на челѣ, любовникъ, ищущій томнымъ взоромъ предмета своей бѣшенной любви, жаждущій сказать только краткое прости, чтобы послѣ, безъ замедленія, растянуться у ея ароматныхъ ногъ хладнымъ трупомъ, съ грустнымъ упрекомъ въ застывшемъ взорѣ.

Самая комическая черта романтическихъ натуръ — что, добрыя сострадательныя по натурѣ, онѣ, въ минуты грезъ не ставятъ въ грошъ жизнь человѣка; онѣ съ удовольствіемъ въ своемъ сонамбулизмѣ зрятъ хладный трупъ, абы только картина выходила красива, онѣ удивительно любятъ, хотя, большія, по большей частью трусихи, потрясающія, съ убійствами сцены; питаютъ платоническую страсть къ мелодраматическимъ положеніямъ, во вкусѣ Дюма сына.

Утромъ, на ея глазахъ, непостижимый незнакомецъ, уѣзжая, обратилъ загадочный взглядъ на водку, приложившись къ идеальному напитку нѣсколько разъ, закусивъ солененькимъ онъ засвидѣтельствовалъ витіеватымъ, подъяческимъ слогомъ, съ пошлепываньями по собственному животу вѣрноподданническія чувства хозяйкѣ дома; послѣ отъѣзда, она съ драматическою улыбкою Рашели, впиваетъ прохладный воздухъ, ея трепетно взволнованная душа жаждетъ широко шумныхъ дубравъ.

Нерѣдко романтическія барыни пописываютъ стишки; если имъ удастся послѣ неусыпныхъ бдѣній и долгихъ испаринъ пріучить наконецъ укладывать мысли въ риѳмы, онѣ утопаютъ въ восторгѣ. По ихъ понятіямъ писать риѳмами — быть поэтомъ. Онѣ увѣрены, что поэты рождаются съ готовыми риѳмами въ головѣ, и стоитъ только до нихъ коснуться божественному глаголу, какъ они тотчасъ же въ священномъ смятеніи пойдутъ катать ямбами и хореями. Начинается

неутомимая пачкатня бумаги; стихотворенія носятъ потрясающій, убійственный, средневѣковой характеръ; въ нихъ воспѣваются непостижимыя страсти, непонятныя положенія. Поэтесса часто въ стихотвореніяхъ молится, чтобы въ нее не влюблялись; она устала сѣять всюду несчастія, въ особенности въ семействахъ; она старается соединить, съ помощью божьей матери, черезъ нее разрозненныя, испепеленныя сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что это — отчаянное надуваніе Иверской и другихъ матерей: внутри души она жаждетъ раздирающихъ чувствъ.

Стихотворенія пишутся, по большей части, въ глухую полночь, подъ шумъ грозы,— и эта стихоманія не покидаетъ ихъ даже въ очень солидномъ возрастѣ. Романтическая барыня будетъ проливать обильнѣйшія слезы надъ страданіями „Вертера," и въ то же время ея душа не вздрогнетъ отъ ужаса, когда она услышитъ, что многія крестьянскія семейства, недалеко отъ нея, пережевываютъ, послѣ каторжной работы на помѣщика, хлѣбъ съ примѣсью мякины. Она будетъ неудержимо рыдать надъ „Валентиною" и не шевельнетъ бровью, узнавъ, что красивую, умную добрую дѣвушку выдаютъ силою за богатаго, плюгаваго старикашку-міроѣда. Она будетъ поэтически ворковать надъ околѣвшею кошкою и довольно спокойно, съ поддѣльными аханьями выслушаетъ скорбный, ставшій избитымъ разсказъ о томъ, что въ темной, холодной хатѣ, похожей на берлогу дикаго звѣря, умеръ безропотно бѣдный труженикъ, старикъ-мужикъ, отъ заѣвшей его нужды безысходнаго горя, оставивъ гулять по міру, безъ призору, кучу голодныхъ, больныхъ, сиротъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ, изъ самыхъ чувствительныхъ, либеральныхъ, занимались леченіемъ крестьянъ.

Наружныя сифилитическія язвы, страшные внутренніе недуги лечились доморощенными мазями, дешевыми настойками, въ крайнихъ случаяхъ, особамъ женскаго пола ставился даровой клистиръ, давалось слабительное. Замазываніе упорныхъ язвъ, неизлѣчимыхъ сыпей, приносило самозваннымъ врачамъ невзреченное удовольствіе.

Теперь расширимъ кругъ романтизма, выдвинувъ на сцену дѣтей. Отъ природы они добры, умны, но у нихъ уже съ ранняго дѣтства, старались развить духовную золотуху. Умѣрьте въ нихъ больную, лживую сторону, познакомьте съ нелживою природою, дайте проникнутую честной мыслью, идеаломъ, а не однимъ чувствомъ, книгу, и, не смотря на всю недостаточность воспитанія, изъ нихъ вышли бы любящія, хорошія дѣвушки; онѣ широко развились бы при счастливомъ столкновеніи съ разумнымъ человѣкомъ; онѣ не боялись бы трезвой жизни, презрительно не отвращивались отъ нея. Но попадая подъ вліяніе романтической матери, онѣ принимаютъ другія формы: дѣвушка подростая, начинаетъ внимать чуткимъ ухомъ разсказамъ маменьки о непостижимыхъ незнакомцахъ, упоительныхъ блаженствахъ любви, трепетныхъ поцѣлуяхъ въ тиши темныхъ, пахучихъ аллей, при серебристо-блѣдномъ, томномъ свѣтѣ лупы. Она узнаетъ, что домъ ихъ построенъ не на кирпичномъ фундаментѣ, а на необычайныхъ романахъ. Разсказы сопровождаются мрачными пришепетываніями, потрясающими вздохами, многознаменательными возведеніями очей къ потолку. Романтическая маменька непоколебимо увѣрена, что таинственный рокъ тяготѣетъ надъ всѣмъ семействомъ, грозитъ раздирательными драмами, баснословными положеніями. Она очень любитъ быть главной героиней романовъ, но не прочь насладиться ими, если они даже вульгарно, пошло разыграются въ собственномъ семействѣ; ее сладостно волнуетъ, потрясаетъ всякій намекъ на романтическое приключеніе. Но разсказы не насыщаютъ дочки, она сама принимается за чтенье романовъ; она читаетъ дни, ночи, со всѣмъ жаромъ молодости и, наконецъ, впадаетъ въ то экзальтированное состояніе, находясь въ которомъ, наши юродивые, святые схимники зрѣли въ пустыхъ углахъ, очень ясно чертей, ангеловъ, красивыхъ, манящихъ женщинъ. Ея несозрѣвшая пылкая головка слѣпо погружается въ міръ грёзъ; герои, героини ей мерещутся чуть не въ свиномъ хлѣвѣ. Она начинаетъ рисовать въ воображеніи идеалъ героя: онъ долженъ быть непремѣнно брюнетъ — признакъ пылкости; блѣденъ — признакъ разочарованія и меланхолическаго страданія; въ немъ должно быть нѣч-

то цыганское — признакъ степной свободы и сатанинской удали. Но чего только не бываетъ въ жизни! Человѣкъ, не совсѣми признаками, но съ нѣкоторыми изъ нихъ является въ домъ; дочка млѣетъ, чертитъ имя его пальцемъ, при свѣтѣ луны, на вспотѣвшихъ оконныхъ стеклахъ; чѣмъ молчаливѣе, слѣдовательно, таинственнѣе брюнетъ, тѣмъ болѣе томныхъ воздыханій, замирающаго шопота. Она начинаетъ ясно видѣть въ немъ сумрачнаго демона, съ высотъ Кавказа; злого, но въ тоже время, магическаго Печорина; мечтательнаго разочарованнаго баловня женщинъ Онѣгина и даже капельку Чайдъ Гарольда. Подгоняя подъ него всѣхъ извѣстныхъ ей героевъ, она находитъ, что всего этого мало, многое остается еще неразгаданнымъ. Герой дѣлаетъ предложеніе, дѣвушка выходитъ замужъ, ощущая въ себѣ героиню. Роковые брюнеты большей частью оказываются безпардонными олухами. Счастлива будетъ романтическая барышня, если она способна проспать душевно всю жизнь, пробуждаясь, но только слегка, на время ежегодныхъ родовъ, — если высшимъ занятіемъ для нея будутъ сплетни, если свиныя рыла ея добрыхъ деревенскихъ сосѣдей будутъ ей казаться благообразными, а невылазный, нестерпимо вонючій навозъ превратится въ роскошный, благоухающій цвѣтникъ. Счастлива, если въ состояніи будетъ замереть въ тѣсной семейной раковинѣ; если романтическая способность: все ничтожное и пошлое преображать въ высокое, хорошее, не оставитъ ее до могилы. Загадочный брюнетъ, если съ него сдернуть романтическую тогу — оказывается въ высшей степени доступной для пониманія натурой. Если онъ изъ помѣщиковъ, то, женившись, начинаетъ сильнѣе прежняго охотиться; наемные Гришки, Фильки вычесываютъ блохъ у его собакъ; его разговоръ начинаетъ принимать собачій характеръ. Идеалами жизни становятся: необыкновенные доѣзжачіе, поразительныя борзыя, замѣчательныя, поджарыя кобылицы. Въ антрактахъ между охотами онъ отсыпается и отъѣдается. Но иногда онъ берется за книгу, безъ разбору; книжныя мысли соскальзываютъ съ его мозга, какъ вода съ кожи лягушки. Противно всѣмъ физіологическимъ законамъ, онъ перестаетъ развиваться умственно, нравственно въ среднемъ возрастѣ; въ кон-

цѣ четвертаго десятка, онъ отращиваетъ себѣ животъ, видоизмѣняется изъ таинственнаго брюнета въ еще болѣе таинственное животно-растеніе, которое, прилипнувъ къ одному мѣсту, занимается поглощеніемъ, варенiемъ и изверженіемъ пищи; промежутки заняты растительнымъ сномъ. Сонъ прекращаетъ смерть, и ѣдкая, грустная пародія на человѣка упаваживаетъ своимъ разжирѣвшимъ тѣломъ нижніе слои почвы — безполезные для человѣка. Но эти ничтожные людишки становятся возмутительнымъ явленіемъ, когда ихъ жизнь связывается, по винѣ романтизма, съ существомъ, богатымъ душевными силами; они затормаживаютъ подобныхъ личностей, а часто совсѣмъ губятъ. Способная, романтическая дѣвушка, выйдя замужъ, начинаетъ вскорѣ смутно сознавать, что гордымъ лучезарнымъ демонамъ, обаятельнымъ Печоринамъ, обольстительнымъ Онѣгинамъ придется дать полнѣйшую отставку безъ пенсіона; она силится, какъ можно долѣе, видѣть въ немъ то, что ей хотѣлось видѣть, когда она выходила замужъ; постоянно напрягая свое воображеніе, она впадаетъ, подъ конецъ, въ своего рода умственный онанизмъ. Романтическое семейство, ее окружающее, не отрезвляетъ ее, но безсознательно губитъ, запутываетъ, поддерживаетъ больныя грезы; оно начинаетъ въ немъ находить замысловатое „нѣчто“. Въ глазахъ романтическаго семейства все извращается, облекается романтическимъ покровомъ: сосредоточенная, молчаливая глупость превращается въ томящійся въ своемъ одиночествѣ умъ, тщетно ищущій пониманія; нерящество — въ идиллическую близость къ природѣ; скотская апатія, отсутствіе живой мысли, живыхъ потребностей, высокихъ порывовъ, — въ разочарованность, глубокій пессимизмъ; постоянное спанье, переѣданье,—въ пѣгу, свойственную южнымъ натурамъ; ухаживанiе за сѣнными дѣвушками,—въ бѣшенную жажду мятежныхъ страстей, въ африканскую ненасытность; охота за зайцами — въ жажду душевныхъ бурь; прыганья черезъ рвы, окопы — въ удаль, не знающую преградъ, въ желаніе заглянуть въ глаза смерти. Даже карточная игра преображается въ нѣчто мечтательное; чело игроковъ непремѣнно должно казаться блѣднымъ, а глаза сверкающими; волненіе, происходящее отъ горькой

мысли, что придется вытащить не изъ чужого, а изъ своего кармана деньги, является святымъ волненіемъ грознымъ замираніемъ духа; пьянство иначе не называется, какъ заливаніе сумрачной, великой, творческой души; невольное выраженіе глазъ, случайно удачно сказанная фраза, улыбка, гримаса, минутная благородная вспышка таятъ въ себѣ намеки на что-то скрытое въ душевной глубинѣ... Но сильная женщина, у которой романтизмъ такъ же переходящъ, какъ вѣра въ сказки у ребенка, послѣ долгихъ лѣтъ просыпается; не смотря на дурное вліяніе родныхъ, она начинаетъ овладѣвать сознаніемъ, строже начинаетъ выбирать книги, старается сблизиться съ дѣйствительно развитыми людьми. Жизнь иногда наталкиваетъ ихъ на тѣхъ сильныхъ духомъ, которые, сойдясь съ женщиною, пробуждаютъ въ ней новый невѣдомый міръ, и своею огненною энергіей, безпощадно отрицающимъ умомъ, ненасытнымъ стремленіемъ къ истинѣ, мгновенно опрокидываютъ карточные домики романтизма. Подъ вліяніемъ многихъ жизненныхъ толчковъ, женщина начинаетъ испуганно озираться, ей становится душно въ богадѣльнѣ; ея организмъ начинаетъ не переносить наркотическаго яда. Буря новыхъ желаній, мыслей подымается въ головѣ, она мучительно мечется, ей страшно становится за дико, тупо растраченную жизнь, она ищетъ выхода, бьется, какъ вольная, дикая птица въ старой, хрупкой, деревянной клѣткѣ; она молодѣетъ душой отъ сознанія, что часъ освобожденія близокъ. Но дѣйствительность жестка, далеко неслабонервна; иногда бурная жажда жизни просыпается у женщины тогда, когда она уже истощила лучшія силы своего организма на рожаніе дѣтей. Невольно спрашиваешь себя: много ли найдется молодыхъ женщинъ, способныхъ вырваться изъ этого трупнаго состоянія? Для современной женщины выходъ много легче, чѣмъ для старыхъ романтическихъ женщинъ: жизнь кругомъ, хотя и немного, но все же измѣнилась къ лучшему, она расширила пути для всѣхъ; но много ли тѣхъ, которыя, руководясь непреклонною силою характера, жаждою свободной жизни, въ состояніи будутъ насмѣшливо взглянуть на шипѣнье рабовъ отвлеченной, временной морали, на брачныя цѣпи, выкованныя церковью, и вырваться на свободу?

Жизнь ихъ такъ безотрадна, что сама изъ себя выталкиваетъ, что можетъ быть ужаснѣе: „жить безжизненно и умереть, не родясь“. Не нужно только противиться, а самое главное, не нужно откладывать; наше время выработало печальную истину: если человѣку солоно жить и онъ не употребляетъ всѣхъ послѣднихъ силъ на то, чтобы вырваться изъ сквернаго, заѣдающаго положенія ,онъ стоитъ не сожалѣнія, а презрѣнія. Счастье завоевывается тяжкою борьбою, а не получается въ готовомъ видѣ, изъ рукъ бога. Во время оно люди задыхались въ нескончаемыхъ несчастіяхъ и ждали, что рука протянется изъ глубины лазурной и заботливо перенесетъ ихъ изъ смраднаго вертепа въ сказочный чертогъ Аладина; они безконечно страдали, безгранично терпѣли жалкіе люди, но не шевелили пальцемъ, все надѣясь, надѣясь, пока ихъ не приплюскивала смерть.

Наконецъ молодая, романтическая женщина, большею частью, имѣетъ живой примѣръ въ образѣ маменьки. Старый типъ, теперь уже близящійся къ могилѣ, представляетъ собою печальное зрѣлище; самыя способныя изъ нихъ кончаютъ нищенски бѣдно; все хорошее, нѣкогда пребывавшее въ нихъ, остается у нихъ на кончикѣ языка; сильно наѣвшись, онѣ патетически заявляютъ, что имъ хочется вырваться изъ окружающей жизни, что въ ихъ мозгу кипятъ никѣмъ непонятыя, но въ то же время никогда не высказываемыя, мысли; что натуры ихъ чрезвычайно высокія, но проклятая среда одолѣла. Произнося все это, онѣ иногда открываютъ „ шлюзы очей своихъ “ и проливаютъ, необходимое въ данномъ случаѣ количество слезъ, иногда онѣ расплываются совершенно, кривляясь, вопятъ, что сгораютъ отъ внутренняго священнаго огня, но не смотря на пожирающее пламя, онѣ жирѣютъ поразительно, не по мѣсяцамъ, а по днямъ, и подъ конецъ жизни становятся массою пуховиковъ, подушекъ. Донъ-Кихотизмъ въ старости безпощадно наноситъ имъ послѣдній ударъ; у нихъ лѣзутъ изъ макушки волосы, зубы вываливаются изъ ослабѣвшихъ десенъ, физіономія, уморительно жалкая, трясется на разжирѣвшей шеѣ, животъ поражаетъ своимъ рельефомъ, а онѣ воображаютъ въ себѣ что-то невыразимо обольстительное, подозрѣваютъ неравнодушіе къ себѣ въ каждомъ встрѣч-

номъ мужчинѣ. При выраженномъ сомнѣніи, ссылаются на Нинонъ де Ланкло — въ девяносто лѣтнемъ возрастѣ плѣнявшей молодыхъ мужчинъ. Умираютъ романтическія туши — жалкою смертью человѣка, незнающаго, зачѣмъ такъ нестерпимо долго онъ волочилъ жизнь. Она невольно должна сказать себѣ: „Изъ за чего я такъ долго горячилась, распиналась, я ничего не испытала ни особенно дурнаго, ни хорошаго, у меня, даже страшно вымолвить, нѣтъ воспоминаній; не давая ни счастья, ни наслажденья, любовь моя дробилась, растрачиваемая по пусту. Моя жизнь была страшно богата снами и ужасно бѣдна дѣйствительностью. Я стремилась ко многому, но такъ смутны были идеалы, что я не могла ихъ понять и до настоящей, послѣдней минуты; я до позора отстала даже отъ своего времени; я никому не принесла пользы, никого не пригрѣла ко груди, ни въ кого не вдохнула ни живыхъ силъ, ни новыхъ потребностей, никому не помогла выйти изъ бѣды; я всѣмъ вредила своей больной, разнузданной фантазіей, подкожною энергіей; изъ мухи я всегда дѣлала слона, а изъ слона — муху; около меня копошились въ непокрытой нищетѣ, ужасномъ невѣжествѣ сотни человѣческихъ душъ, и я не накормила алчущихъ, не напоила жаждущихъ, на волось не улучшила ихъ нравственнаго, умственнаго положенія; новое поколѣніе, когда мои остатки будутъ перегнивать въ землѣ, изречетъ надо мною горькій приговоръ.“

Грустна ихъ жизнь и грустна смерть; объ нихъ нельзя говорить безъ горечи: въ нихъ были душевныя силы, но какъ онѣ странно управились съ ними! Но довольно о призракахъ, душа устала, погружаясь въ больничную палату романтизма; среди духоты, чада, тамъ копошутся жалкія старухи, красивыя, сильныя молодыя женщины; одинъ изъ нихъ плетутся, бормоча непонятныя для другихъ и себя слова, въ могилу; для другихъ жизнь хуже могилы. Злобное кряхтѣніе, безсильныя, безплодныя жалобы, поздніе проклятія вырываются у однѣхъ, горькая, рвущая душу, тихая, полная слезъ, страданія жалоба у другихъ. Незнающая пощады жизнь раздавила отступницъ жизни.

II

„Онъ любитъ средніе вѣка, платоническую любовь; ему надобенъ эфектъ, фраза — и замѣтьте, что у него эфектъ и фраза вовсе не ложь, вовсе не поддѣльны; онъ за фразу пойдетъ и сядетъ на колъ, если онъ только живетъ въ той образованной странѣ, гдѣ за фразу сажаютъ на колъ. Романтикъ вообще ищетъ несчастій; онъ очищается ими, хотя мы не знаемъ гдѣ онъ загрязнился; это особенная метода леченія, Unglückskur такъ какъ есть Wasserkur, Hungerkur.

На мечтателей часто клеплятъ глубину души, неизвѣстную намъ, профанамъ: „тамъ покоится не одна прекрасная жемчужина“, да они ее выковырить не могутъ, и словъ нѣтъ высказать и звуковъ нѣтъ спѣть... Глубина эта похожа на то, что если бы выкопать колодезь до центра земли, и все продолжать копать, каждый шагъ глубже былъ бы шагомъ ближе къ поверхности“.

Герценъ.

Шпигельгагенъ не поэтъ-художникъ, но поэтъ-мыслитель. Какъ видно, онъ не особенно гонится за чистымъ художествомъ; мысль для него стоитъ на первомъ мѣстѣ; лица же важны, какъ одухотвореніе мысли: благодаря лицамъ, мысль ярче, образнѣе вырисовывается. Онъ можетъ, проводя извѣстную мысль, выказать всѣ ея запутанныя стороны, заставивъ за себя говорить самую жизнь. Во всѣхъ сочиненіяхъ вы видите честнаго, чрезвычайно умнаго, громадно талантливаго писателя, страстно проводящаго свою задушевную идею. Загадочныя натуры его романа — сильные люди; они никакъ не умудряются удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ удовлетворяются охотно всѣхъ цвѣтовъ, оттѣнковъ филистеры; они жадно набрасываются на все и ни чѣмъ не насыщаются. Одинъ изъ героевъ — баронъ Ольденбургъ, объѣхалъ весь міръ; любилъ страстно десятки красивыхъ, пылкихъ женщинъ, и былъ ими любимъ, наслаждался всѣми духовными и матеріальными благами. И въ концѣ концовъ онъ находитъ, что страдалъ очень много, а наслаждался очень мало; но не смотря на все, этотъ мотылекъ, т. е. баронъ Ольденбургъ стремится снова на огонь, чтобы окончательно спалить свои уже подпаленныя крылышки. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ способенъ на очень хорошія чувства: полюбивъ глубоко женщину, и замѣтивъ, что сердце ея

занято другимъ, онъ дружится съ соперникомъ; ни одно дурное чувство не подымается въ его рыцарской душѣ; онъ просто отодвигается въ сторону. Аристократъ по рожденію, онъ не скрываетъ своей антипатіи къ аристократамъ; стоитъ выше общественныхъ предразсудковъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Какъ можно догадываться, онъ не совсѣмъ дружелюбно взираетъ на предержащую власть. По натурѣ онъ очень энергиченъ, смѣлъ. Излей онъ свою любовь на несчастныхъ, несправедливо обойденныхъ жизнію, обрати мощную энергію, громадную смѣлость противъ враговъ свободы и народа, онъ удовлетворился бы вполнѣ, испыталъ бы то чудное, всеобъемлющее счастье, которое ему не могли бы дать сотни самыхъ обольстительныхъ женщинъ и никакія, самыя прихотливыя, матеріальныя блага. Жадно отзываясь на всѣ эстетическіе призывы, онъ не отозвался на одинъ, самый важный призывъ: раздирающій, вѣчный вопль гибнущихъ отъ голода, горя, лишеній не долетѣлъ до его непривычнаго къ такимъ звукамъ уха; вслѣдствіе этого онъ произноситъ патетическій монологъ, возвращаясь съ своимъ соперникомъ по любви съ бала: „Если я не обманываюсь (говоритъ баронъ Ольденбургъ своему сопернику), вы заражены смертельной тоскою по голубому цвѣтку, и въ одинъ прекрасный день такъ и умрете съ этимъ неудовлетвореннымъ стремленіемъ. Вы помните голубой цвѣтокъ въ разсказѣ Новалиса? Цвѣтокъ, о которомъ тосковало бѣдное сердце Генриха Офтердингена? Голубой цвѣтокъ? Знаете ли что это? Это цвѣтокъ, котораго еще не видѣлъ ни одинъ смертный, но благоуханіе котораго наполняетъ міръ. Не всякое существо достаточно тонко организовано, чтобы ощущать этотъ запахъ; но соловей подъ его вліяніемъ поетъ, тоскуетъ и рыдаетъ при лунномъ свѣтѣ или на утренней зорѣ; подъ его же вліяніемъ чудаки, въ стихахъ и прозѣ, утруждаютъ небо своими жалобами, а за ними милліоны, которымъ никакой богъ не далъ средства выказать свои страданія, съ безмолвной мукой взираютъ на то же небо! Ахъ отъ этой болѣзни нѣтъ спасенія никакого, кромѣ смерти; кто разъ въ себѣ вдохнулъ дыханіе голубаго цвѣтка, для того нѣтъ болѣе спокойствія въ этой жизни: какъ будто онъ проклятый убійца, какъ будто онъ оттолк-

пулъ Господа отъ своей двери; гонитъ его дальше и дальше какая-то сила, какъ бы не болѣли его окровавленныя ноги, какъ бы не хотѣлось ему склонить на покой свою утомленную голову. Хотя и проситъ онъ, томимый жаждою, въ той и другой хижинѣ живительнаго напитка, но безъ благодарности возвращаетъ назадъ предложенную кружку, потому что въ водѣ плаваетъ муха или посуда не чиста, словомъ такъ или иначе, онъ не получилъ удовлетворенія. Удовлетвореніе? Гдѣ тѣ глаза, заглянувши въ которые, мы не желали бы заглянуть въ другіе, болѣе свѣтлые, болѣе огненные? Гдѣ грудь, разъ прижавшись къ которой, мы не пожелали бы услышать біеніе другого сердца, еще болѣе теплаго и насквозь проникнутаго любовью? Гдѣ все это, скажите мнѣ?...“

Идеалы бароновъ Ольденбурговъ сливаются съ голубымъ цвѣткомъ; впивая зловѣщій запахъ, они промечутся и промучаются всю жизнь; витая въ области фантастическихъ запаховъ, они никакъ не умудрятся спуститься на ту твердую почву, гдѣ кипитъ жизнь, полная трудныхъ задачъ, требующихъ рѣшенія, и рѣшеніе которыхъ возможно для всякаго умнаго, честно развитаго человѣка. Большое несчастіе человѣчества, что къ простѣйшимъ, яснѣйшимъ мыслямъ оно придетъ всего позднѣе. Чѣмъ болѣе человѣчество посилось въ абстрактномъ мірѣ, считая, въ наивности душевной, это свѣтлою мудростью, тѣмъ безобразнѣе, чудовищнѣе слагалась дѣйствительная жизнь.

Но рядомъ съ правдивыми монологами, баронъ Ольденбургъ, противорѣча себѣ, иногда высказываетъ мысли удивительно замысловатыя: „Различіе между нами и мѣщанами (говоритъ онъ) не есть только различіе по имени, по сословію; они должны различаться по крови, по душѣ, по цѣлой природѣ... Какъ же могутъ такія различныя существа происходить отъ одного и того же родоначальника! Умъ теряется въ этомъ чудовищномъ противорѣчіи“. Для того, чтобы разрѣшить этотъ загадочный вопросъ, онъ перерылъ всѣ библіотеки Италіи; не удовлетворившись Италіей, онъ уѣхалъ въ Египетъ, изъ Египта въ Палестину, Персію, Индію. Обыскавъ углы каждаго капища, древнихъ развалинъ, обшаривъ таинственныя катакомбы, онъ, къ сожалѣнію,

ничего не нашелъ; но на обратномъ пути, въ монастырской библіотекѣ, на горахъ Аѳонскихъ неожиданно открылъ манускриптъ и въ немъ разъяснилась вся исторія... На этомъ роковомъ мѣстѣ наша идіотская цензура оборвала главу и даже не поставила точекъ. Конецъ главы, разоблачающій всю ѣдкую иронію его словъ на счетъ разныхъ родоначальниковъ, выпущенъ; благодаря цензурѣ, умный, огромно развитой Баронъ Ольденбургъ превращается въ простого штыкъ-юнкера, или прямѣе — балбеса.

Критикуя русскій переводъ, я нарочно не отступлю отъ буквальнаго смысла перевода, чтобы провести мысль о различныхъ сферахъ, выработавшихъ изящныхъ аристократовъ и неуклюжихъ плебеевъ. Мнѣ кажется, что баронъ Ольденбургъ не на Аѳонскихъ горахъ, а гдѣ нибудь въ темномъ углу, индѣйскаго разрушеннаго капища, розыскалъ таинственную эмблему зарождающагося человѣка. Она, навѣрное изображала лохматаго, похотливаго чимпанзе и не менѣе лохматую жемчужину его сердца, погруженными до самозабвенія въ восторги земной любви. Божественное происхожденіе царской, папской и всякой власти, навѣрное, стало для него очень понятно. Напрасно вы, баронъ Ольденбургъ русскаго перевода, такъ далеко путешествовали, растревоживали плѣсенью заросшія, церковныя библіотеки, напрасно запахъ голубого цвѣтка васъ носилъ по полуразрушеннымъ дворцамъ, храмамъ Египта, развалинамъ индѣйскихъ пагодъ! Ваше путешествіе, по своей плодотворности, напоминаетъ путешествіе средневѣковаго монаха въ Іерусалимъ за розысканіемъ того боженьки, который былъ безслѣдно утерянъ христіанской религіей, онъ дѣлалъ три шага впередъ, два назадъ. Дѣло происхожденія объясняется много проще: различіе между вами и плебеями въ физическомъ, нравственномъ, умственномъ отношеніи произошло не отъ фантастическихъ причинъ, — ваши предки впродолженіи сотенъ лѣтъ откармливались весьма питательною и разнообразною пищею. Англичане попробовали выкармливать тщательно свиней, и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ они выработали такихъ аристократическихъ, но въ то же время, полезныхъ выкормковъ, что, недавно въ бозѣ почившій ихъ предокъ, показался бы, въ сравненіи съ

ними, удивительно жалкимъ пролетаріемъ. Сотни лѣтъ ваши предки послѣ насилій, грабежей, разбоевъ отогрѣвались около весело пылающихъ гигантскихъ каминовъ, подогрѣвая себя полуведерными кружками добраго пива; но когда кроткіе поселяне начали слегка жечь ихъ замки, а, начинающая разростаться императорская власть, выставила противъ толстыхъ стѣнъ феодальныхъ замковъ, неодолимаго врага ихъ, пушку, ваши предки быстро, трусливо съежились, и какъ стаи голодныхъ шакаловъ, жадныхъ до падлы, бросились къ императору въ лакейское услуженіе, униженно прося его удѣлить имъ частичку изъ награбленныхъ мірскихъ благъ, обѣщая помогать ему въ истребленіи рода человѣческаго. На этомъ широкомъ поприщѣ изощрились всѣ таившіяся въ нихъ эстетическія способности: они начали изгибаться ловче жонглеровъ, и это извиваніе, какъ утонченное гимнастическое упражненіе, укрѣпило ихъ поясницу, развило грацію, величіе; изъ желѣзныхъ рыцарей они превратились въ каучуковыхъ придворныхъ; хожденіе на цыпочкахъ, чтобы не потревожить, не оскорбить слухъ императорскій, изъ поколѣнія въ поколѣніе выработало ту воздушную, элегантную походку, которая такъ умиляетъ многихъ въ аристократическихъ сферахъ. Крайне засаленныя, неумытыя физіономіи вашихъ чистокровныхъ предковъ, которыя имъ очень нравились въ феодальныхъ замкахъ, не понравились монарху; не задумываясь ни на минуту, они самоотверженно начали соскабливать въѣвшуюся въ кожу вѣковую грязь, стали съ изумительнымъ постоянствомъ лелѣять ее, обмывая благовонными мылами и уснащая нѣжащими мазями. Изъ поколѣнія въ поколѣніе они выработали ту атласистость кожи, которая еще болѣе чѣмъ у нихъ, поражаетъ у кокотокъ. Бывши феодалами, они холодно душили, давили своихъ крестьянъ, а женъ и дочерей ихъ гурьбами насиловали въ своихъ вертепахъ. Сойдя съ этой, рыцарски доблестной арены въ дворцовыя лакейскія, они начали охотно, тщательно, добросовѣстно вылизывать полы монаршей исподней одежды и полы, пороги его лакейскихъ; они изощрялись въ лести, притворствѣ и всевозможныхъ низостяхъ и, благодаря этому, невольно стали необыкновенно рѣзко отличаться нравственно, умственно отъ плебеевъ.

Теперь посмотримъ, подъ какими благопріятными условіями развивались плебеи. Они гнѣздились, расплюснутые у подножія замковъ, съ трепетомъ взирая на эти гнѣзда кондоровъ. Съ высоты замковъ, какъ съ неба лазурнаго, на нихъ сыпалась манна въ видѣ чудовищныхъ новинностей, и несчастные, бѣдные люди платили ихъ; но за то они работали въ морозы трескучіе, зной горючій до надрыва мускуловъ, а въ награду великому труду, щелкали зубами отъ пожирающаго ихъ голода, холода, забившись въ свои черныя конуры, дѣля прихотливое ложе со свиньями, утопая, вмѣстѣ съ ними, въ жидкомъ навозѣ, впивая сырость и гніющій смрадъ. Тифъ, проказа, короста нерѣдко были веселыми спутниками счастливой жизни; ихъ жены и быстро развивающіяся отъ страданія дочери, были отымаемы вооруженною рукою бароновъ, и дѣтей нужды, горя, слезъ, насиловали пьяные каннибалы, для минутной потѣхи! Безропотно пили плебеи смертную чашу скорбей. Когда же нужно было позабавиться баронамъ бойнею, они тащили крестьянъ, и тѣ покорно отдавали свои истощенныя, несчастныя тѣла на поруганіе войнѣ, а оставленныя ими въ собачьихъ конурахъ дряхлыя, больныя матери, нагіе дѣти выли отъ голода, холодно, недовѣрчиво глядя въ пустое небо, и сосали, вмѣсто хлѣба, до крови свои изсохшіе пальцы; и стало имъ еще хуже, когда къ царящимъ надъ ними чудовищамъ феодаламъ, прибавился новый чудище, стоющій всѣхъ ихъ вмѣстѣ — императоръ. Когда императорскія переднія наполнились дворянами, они проиграли послѣднюю ставку; сначала ихъ кровь, какъ цѣлебную влагу, пили одни феодалы, но послѣ къ нимъ присосалась ненасытная пасть императорская. Много разъ они лили безъ мѣры кровь, стараясь освободиться изъ невыносимаго рабства, но до настоящей минуты, цѣною героической борьбы, имъ не удалось завоевать себѣ даже призрака полнаго экономическаго равенства, полнаго счастья.

Понятно, что такое полное нѣги соціальное положеніе плебея не могло выработать изъ него мягкотѣлаго барона! Горе, трудъ, борьба — суровая, великая школа; они сдѣлали изъ народа руду желѣзную; въ его силахъ мощныхъ, безграничныхъ таится вся свѣтлая будущность нашего ужаснаго міра; на немъ покоится все

упованіе. Чтобы совершенно не погибнуть баронской расѣ, ветхой, тупой, нищенски бѣдной жизненными силами, въ ея вялыя артеріи нужно впрыснуть плебейскую кровь...

III.

Кто устоитъ противъ разлуки
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты?

Лермонтовъ.

Другой герой романа, Освальдъ, еще ярче вырисовываетъ мысль Шпильгагена — Освальдъ юноша очень пылкій, хорошо образованный, способный на многое при иначе направленныхъ силахъ, но онъ тоже снѣдаемъ жаждою любви, онъ страдаетъ отъ невозможности всецѣло, съ такою полнотою полюбить женщину, чтобы болѣе не нуждаться въ новыхъ образахъ красоты. Онъ мечтаетъ о томъ дремотномъ, безмятежномъ счастьи, которое, осуществившись, сдѣлало бы жизнь похожую „на волосъ, который тянутъ по молоку"; онъ хочетъ розыскать женщину, образъ которой затемнилъ бы, подавилъ всѣ прошедшіе, блестящіе образы и будущіе; Понятно, что Освальдъ возбуждаетъ крайнее сожалѣніе. Несчастливы господа этой категоріи тѣмъ, что у нихъ на первомъ планѣ не моральныя, нравственныя качества, но физическія; имъ необходимы: нѣжно сладострастныя очи, бѣлыя, какъ снѣгъ, круглыя, съ лиловыми жилками, плечи, лебединая шея, нѣжная, полная грудь, очерченная, какъ у капитолійской Венеры, стройный, гибкій, упругій, но не лишенный полноты, станъ. Если женщина обладаетъ всѣми классическими качествами мраморной богини и при этомъ необузданно страстна, она мгновенно зажигаетъ пылкія сердца Освальдовъ, любуясь ею, какъ юный художникъ ватиканскими статуями, они готовы весьма охотно пожертвовать ей своею жизнью, даже будущими терзаніями: для нихъ, недоростковъ, нѣтъ міра внѣ женской любви. Съ такою жрицею наслажденій, госпожею Мелитой, нечаянно встрѣчается Освальдъ въ аристократическомъ домѣ, гдѣ онъ учите-

лемъ; не успѣлъ онъ съ нею путнымъ образомъ разговориться, какъ они уже стремятся—сумеречныя бабочки—на огонь. Мелита проситъ Освальда посѣтить ее; поборовъ различныя, романтическія препятствія, онъ является къ ней, они отправляются въ лѣсъ, и тамъ, подъ шумъ грозы, при свѣтѣ молній, въ таинственномъ убѣжищѣ, гдѣ закутанная зеленью, стоитъ Венера Милосская, юныя существа, рожденныя въ рощахъ Эпикура, „бормочутъ другъ другу о безконечномъ счастіи, безсмертномъ наслажденіи, о міровой любви, двигающей горами, наполняющей душу божественнымъ могуществомъ.

Наивные дѣти! отдаваясь горячимъ ласкамъ, дрожа, тая отъ огня поцѣлуевъ, не подозрѣваютъ иронія жизни. Когда я наталкиваюсь въ романѣ или жизни на упоительныя сцены любви, передо мной, неожиданно, безъ призыва, возникаетъ насмѣшливо скептическій, величавый образъ Мефистофеля; я слышу его горькій, зловѣщій хохотъ, когда онъ увидѣлъ Маргариту, изнемогшую отъ наслажденія въ объятіяхъ Фауста. Я вижу его злые глаза изъ подъ приподнятыхъ бровей, его загадочный взоръ, видящій ясно будущее.

Часы въ таинственномъ убѣжищѣ бѣгутъ незамѣтно и этимъ часамъ, мигъ которыхъ поэты любятъ сравнивать съ вѣчностью, приходитъ конецъ; разстаются современные эпикурейцы съ цѣлымъ роемъ возвышенныхъ мечтаній въ головѣ. Они назначаютъ свиданіе на балу; но на балу Освальдъ поэтическою наружностью съума сводитъ провинціальныхъ барышень; онъ старается глядѣть на Мелиту и невольно смущается при взглядѣ на прелестнѣйшую блондинку; томная, нѣжная, она въ свою очередь блѣднѣетъ отъ внутренняго трепета, глядя на Освальда; они встрѣчаются въ темной комнатѣ, Освальдъ чувствуетъ, какъ молоденькая, горячая, красивая дѣвушка, обезумѣвъ отъ черезъ чуръ быстро вспыхнувшей страсти, прижимается къ его груди; онъ ощущаетъ на своемъ, похолодѣвшемъ отъ страсти, лицѣ, полные отравы, поцѣлуи; въ его рукахъ дрожитъ молодое тѣло. Онъ старается стать героемъ, остающимся не смотря на жгучія испытанья, вѣрнымъ Мелитѣ, онъ усердно проситъ дѣвушку успокоиться, но та очень далека отъ успокоенія, она шепчетъ, обливаясь слеза-

ми, слова любви, дѣтски наивно говоритъ ему: „я люблю въ первый разъ“, умоляетъ пощадить. Нѣтъ сомнѣнія, герой щадитъ... но пощада не проходитъ даромъ, начинается раскаяніе. Онъ хочетъ остаться, въ обстановкѣ полной хаоса, честнымъ человѣкомъ, не хочетъ обманывать любящей женщины, и въ то же время, боится ей нанести тяжкій ударъ, сознавшись въ своей слабости; не хочетъ за любовь, давшую ему такъ много счастья, заплатить мукою; онъ начинаетъ анализировать себя, т. е. распиливать на кусочки и въ концѣ концовъ сознаетъ свое крайнее безсиліе и всю мизерность избраннаго пути. Юноша, томящійся въ броженіи пустомъ, начинаетъ сознавать, что вѣчное, божественное чувство неудержимо близится къ могилѣ, а любовь Мелиты, какъ нарочно, разгарается все сильнѣе. Во время мукъ душевной дисгармоніи, пріѣзжаетъ въ домъ, гдѣ онъ учителемъ, дочь хозяйки—Елена, такой фантастической красоты, что онъ ясно сознаетъ, что образы Мелиты и блондинки начинаютъ блѣднѣть и, наконецъ, совсѣмъ стушевываются; его сердце охватываетъ новое, невѣдомое ему, упоительное чувство, онъ теряетъ способность владѣть собою, дѣлается агнцемъ пасхальнымъ любви. Окружающіе аристократы ненавидятъ его, видя въ немъ соперника въ любви, рядомъ мелкихъ низостей доводятъ до дуэли. Елена начинаетъ чувствовать къ нему что-то похожее на любовь, но слабое чувство тухнетъ, когда она узнаетъ, что онъ любимъ другою; подавленный неудачею, Освальдъ чуть не сходитъ съума и возбуждаетъ тѣ же очаровательные симптомы въ Мелитѣ и въ блондинкѣ. Онъ отравилъ, невольно, жизнь двухъ женщинъ, и одна женщина, въ свою очередь невольно, отравила его жизнъ. На подмогу изнемогающему Освальду является докторъ, личность прекрасная; вся жизнь его посвящена наукѣ, упорному труду и бѣднымъ; онъ поддерживаетъ несчастнаго молодого человѣка въ тѣ минуты, когда тотъ, брошенный всѣми, одинокій, не знаетъ, куда преклонить усталую голову. Слѣдующими умными словами доктора заканчивается романъ:

„Вы потеряли многое, но все это можетъ возвратиться; вы пренебрегли разумомъ и наукою, самыми высшими силами человѣка, а, между тѣмъ, отъ этихъ силъ

зависитъ теперь спасеніе. Пойдемте, пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ, для васъ должна начаться новая жизнь."

IV.

„И твое — твое!
И мое — твое!
Говоритъ благой."

Сладки объятія любви; бурное счастье таятъ онѣ; не даромъ все живое, сильное, способное чувствовать жадно стремилось къ незабвенному счастью; иные всю жизнь растрачивали на это чувство и, не смотря на страданія, разочарованія, стремились къ нему снова и снова, не жалѣя послѣднихъ силъ. Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ воспѣлъ Донъ-Жуана. Это чудное, полное невыразимой нѣги, трепетное чувство иногда не покоряется никакимъ выводамъ разума. Оно играло, какъ пылинками, поэтами-геніями; исполиновъ дѣлало карликами, карликовъ, на нѣсколько минутъ, исполинами. Этому лучезарному кумиру люди поклонялись, поклоняются, движимые не страхомъ, но истиннымъ чувствомъ. Жертвы любовной маніи неисчислимы; объ этомъ свидѣтельствуютъ черезъ чуръ часто сама жизнь и горы романовъ, желающихъ передразнить ее; но очень грустно, если этимъ чувствомъ стараются наполнить жизнь; гоняться за подобнымъ счастіемъ все равно, что гоняться за собственной тѣнью, чѣмъ сильнѣе, выше натура, тѣмъ меньше шансовъ на удовлетвореніе. Это чувство тогда будетъ не лишено долгаго наслажденія, когда мы женскую красоту сведемъ, съ улетающихъ въ небо пьедесталовъ на твердую почву. Современной женщинѣ стало нестерпимо гадко, душно въ небесныхъ сферахъ; пребываніе въ синемъ пространствѣ не приносило ей счастья, а только униженіе, нескончаемое страданіе. Мы становились въ подобострастныя благоговѣйныя позы передъ красотою, окуривали ее тончайшими благовоніями, но разъ она проходила или попадалась намъ въ руки, наступала изнанка эфемернаго чувства; женщина изъ свѣтозарной богини превращалась въ презрѣннаго парія, на которомъ мы вымѣщали наше болѣзненное разочарованіе.

Пора женщинѣ спуститься на землю, стать вполнѣ человѣкомъ; пора намъ любить въ ней не однѣ ея роскошныя груди, страстныя очи, пышныя плечи! Мы будемъ счастливѣе, когда подымемся умственно, нравственно на столько, что для насъ все будетъ составлять въ женщинѣ ея внутреннія силы, и могущество ихъ подавитъ внѣшность, какъ бы она блестяща ни была; когда мы будемъ ее глубоко любить за духовное родство съ нами, а наслажденіе чувственное — вполнѣ законное — невольно, вслѣдствіе широкаго умственнаго, нравственнаго развитія, отодвинется на второй планъ. Умственныя, нравственныя качества подвержены, какъ и все въ мірѣ, вліянію жизни, но не на столько, какъ физическая красота; обояніе послѣдней удивительно непродолжительно; самые пылкіе обожатели женской красоты — большей частью, люди цѣломудренные, рѣдко къ ней прикасающіеся. Любовь же къ женщинѣ, какъ къ человѣку, сильнѣе разгорается отъ близкаго столкновенія; подъ вліяніемъ этой возвышающей, облагораживающей душу любви, человѣкъ не пресыщается, а благотворно возбуждается умственно, нравственно.

Счастливъ тотъ, кто горячо любимъ честнымъ, умнымъ, добрымъ, красивымъ существомъ, но это прекрасная случайность; неизмѣримо счастливѣе тотъ, счастіе котораго не зависитъ отъ случайной встрѣчи: не всегда женщина, которую мы любимъ глубокою, человѣчною любовью, въ состояніи отвѣтить намъ взаимностью. Чтобы не пасть подъ тяжестью неудачи, нужно не пренебрегать наукою, разумомъ — высшими силами человѣка; нужно весь жаръ любви излить не на нѣсколько субъектовъ женскаго пола, а на тотъ огромный міръ великихъ скорбей, гдѣ большая и лучшая часть человѣчества, обливаясь потомъ, слезами, изнемогаетъ подъ ношей крестной. Умудритесь подняться на ту безграничную высоту духа, на которой отреченье отъ всѣхъ личныхъ благъ станетъ наслажденіемъ, и мученическая смерть за идею—тріумфомъ. Неутомимая жажда жизни затихнетъ, когда вы свои богатыя силы посвятите безчеловѣчно обиженнымъ, обойденнымъ братьямъ; развейте въ себѣ ту чуткость къ горю, которая развиваясь все глубже, глубже, начнетъ замѣчать то, что быстро скользитъ мимо холоднаго, безучастнаго

взора. Дѣлайте все, что позволяютъ въ данную минуту ваши средства и на столько, на сколько хватитъ силъ; энергію ума, характера употребите не на погоню за часто неуловимою красотою, а на неустанную борьбу съ врагами свободы, палачами народа! Помните, что ваше дѣло, великое, правое, дѣло не классовъ, но всего человѣчества; что соціализмъ, взятый въ цѣломъ,— воплощеніе послѣдней правды. Гонимые нынѣче, вы гордо подыметесь изъ исторической тьмы, и лучи креста Голгоѳы, столько вѣковъ озарявшіе, согрѣвавшіе міръ, поблекнутъ передъ лучами вашего терноваго вѣнца, передъ мученическою смертью—безъ вознагражденія вѣчнаго.

Романы Жоржъ-Зандъ

„Они подавили индивидуальность половины рода человѣческаго, чтобы легче владычествовать надъ остальной половиной, такъ какъ существуетъ неоспоримая истина: гдѣ женщина раба мужчины, тамъ мужчина — рабъ попа и короля".

Жаколіо.

I

Романы Жоржъ-Зандъ не потеряли своего животрепещущаго значенія не только у насъ, но и въ средѣ передового французскаго общества. Угнетенное положеніе женщины и всѣ подавляющія несообразности брака пышно цвѣтутъ, не отцвѣтая, до настоящаго дня. Жоржъ Зандъ не сухою дисертаціей, а живымъ, высоко поэтическимъ романомъ разоблачила весь омутъ семейной жизни, всю уродливость церковнаго, связующаго несвязуемое обряда. Она съ ужасающею яркостью, правдивостью показала, къ какимъ результатамъ приводитъ коверканіе жизни; какъ спокойно, и въ то же время, сурово караетъ жизнь на каждомъ шагу отступниковъ жизни, кладущихъ на свободныя стремленія оковы.

Въ „Лукреціи Флоріани", своемъ лучшемъ романѣ, она выставила, приведя въ ужасъ и крайнее негодованіе всѣхъ христіанскихъ моралистовъ, истинно нравственную женщину. Въ очаровательной виллѣ, закутанной роскошной растительностью, среди цвѣтовъ и не-

молчно звенящихъ фонтановъ, на берегу изумруднаго озера — Изео, живетъ плѣнительная красавица, бывшая знаменитая артистка, Лукреція Флоріани. У ней кромѣ плѣнительнаго, чуднаго сердца, широко развитой ясный умъ, возвышенныя стремленія и много милыхъ, розовыхъ, сильныхъ, здоровыхъ дѣтей. Но весь букетъ для моралистовъ, заключается въ томъ, что прелестные дѣти очаровательной Флоріани всѣ отъ разныхъ отцовъ; этотъ раздирательный фактъ, нестерпимо конфузящій моралистовъ, ни на волосъ не конфузитъ Лукреціи Флоріани. Задушевно просто разсказываетъ она исторію своей свѣтлой, честной жизни. Юная, восторженная, она горячо полюбила красиваго, молодаго мужчину; полюбивъ со всѣмъ необузданнымъ пыломъ распустившейся души, она дѣлила съ нимъ жизнь, труды, щедро осыпала его нѣжными ласками; безъ натяжки, жертвовала для него всѣмъ; но послѣ первыхъ молодыхъ порывовъ, она стала приглядываться къ нему пристальнѣе и передъ нею постепенно началась обнаруживаться пустота того человѣчишки, который въ ея ненормально возбужденномъ мозгу принялъ грандіозный образъ человѣка; обнаружилось неравенство и вслѣдъ — вѣчный его аттрибутъ: холодность. Высоко нравственная особа нашего общества постаралась бы не обратить вниманія на такую, по ея понятіямъ, бездѣлицу. Охладѣвъ къ мужу, возбудивъ въ немъ то же чувство, она долго, очень долго коверкала бы себя, подогрѣвая навсегда угаснувшее чувство; она рожала бы отъ него дѣтей, тайкомъ тѣшила бы себя сладострастными грезами. Полюбивъ другого, она съ тупымъ самоотверженіемъ монашки, въ силу какихъ то таинственныхъ долговыхъ обязательствъ, отшатывалась бы отъ собственнаго счастья; она измѣняла бы мужу въ мысляхъ чуть не каждую минуту, и боялась бы измѣнить радикально, т. е. оставить нелюбимаго человѣка, освободивъ его и себя. Дисгармонія росла бы между ними все болѣе, болѣе; желчь накипала, страданія невыносимо накоплялись и заѣвъ жизнь свою и чужую, отравивъ жизнь дѣтей, она, полная злобы, съ разбитою жизнью, сошла бы въ пустую могилу, пожалѣвъ, черезъ чуръ поздно, о потерянномъ счастьи, глупо, пусто растраченныхъ силахъ. Безнравственная —

съ общественно поповской точки зрѣнія — Лукреція Флоріани слишкомъ любитъ жизнь, жалѣетъ другихъ и себя; міръ для нея безграничпо широкъ, свѣтелъ, великъ; она сознаетъ, что имѣетъ права на счастье, что негаданное, нежданное оно хлынетъ живительною, ласкающею волною; она спокойно, мирно расходится съ нелюбимымъ человѣкомъ. Первое разочарованіе глубоко потрясло ея довѣрчивую натуру, но подъ знойнымъ солнцемъ юга, натура, какъ сама природа, быстро заживляетъ раны; она начинаетъ любить другого, но также не удачно. Нѣсколько разъ она любила, но случай не столкнулъ ее съ человѣкомъ вполнѣ роднымъ по духу; она испытала много, много счастья, и умерла, какъ заснула, среди сверкающей, прекрасной природы.

Чтобы окончательно растревожить моралистовъ, я долженъ пояснить, что Лукреція Флоріани не торговала собою, какъ это дѣлаютъ легіоны нравственныхъ дѣвицъ, идущихъ подъ вѣнецъ съ наикорыстнѣйшими задними мыслями и съ наиполнѣйшимъ отвращеніемъ къ мужу. Она ни разу даже не пробовала подогрѣвать отлетѣвшее чувство, не заѣдала своей и чужой свободы. Любя одного человѣка, она всецѣло отдавалась ему, дурная мысль не залетала къ ней въ голову; она вѣрила въ минуты счастія, что оно никогда не увянетъ; она клялась въ вѣчной любви, потому что очень искренно въ то время вѣрила въ свои чувства; фальши въ ней одного атома не розыщетъ самый продувной моралистъ, вооруженный сильнѣйшимъ микроскопомъ Гарднапа; она естественна, благородна до послѣдней минуты жизни, и что поразительнѣе всего, что отвергнутые ею любовники, относятся къ ней не только съ большимъ уваженіемъ, но и благоговѣніемъ. Но бѣдной Флоріанѣ никогда не простятъ моралисты ея искреннѣйшаго и полнѣйшаго презрѣнія къ потерпѣвшему фіаско въ практической жизни, освященному церковью и государствомъ, обряду; попъ публично, съ радостными пѣснопѣніями, не вручилъ ее мужчинѣ въ пожизненное рабство. У ней на пальцѣ отсутствуетъ неэстетическое кольцо, — прочное звено пожизненной цѣпи.

II

Въ „Валентинѣ“ Жоржъ Зандъ съ волшебною силою выдвинула всѣ предразсудки кастъ, все безобразіе брака.

На народномъ праздникѣ встрѣчается изящная красавица, аристократка — Валентина, помолвленная за нелюбимаго человѣка, съ юношей страстнымъ, умнымъ, порывистымъ, вышедшимъ изъ простого народа и получившимъ, вслѣдствіе покровительства родныхъ, воспитаніе въ высшей школѣ Парижа. Романъ просто, глубоко поэтично развивается, какъ сама жизнь. Любовь незамѣтно вспыхиваетъ въ Валентинѣ къ Бенедикту: онъ близокъ ей молодостью, красотою, жаждою любви. Сестра Валентины — Луиза живетъ у родныхъ Бенедикта, выгнанная черствою, напыщенной аристократкою — матерью, за ея любовь къ молодому человѣку, такъ называемаго низшаго класса, отъ котораго она имѣла ребенка. Отдайся Валентина набѣжавшему свѣтлому счастью вполнѣ, она была бы очень счастлива, не смотря на изгнаніе, массу проклятій, и сдѣлала бы глубоко счастливымъ Бенедикта; но вѣковые предразсудки сковали душу дѣвушки. Рабское повиновеніе родителямъ, не допускавшимъ мысли о бракѣ ихъ чистокровной дочки съ крестьяниномъ, варварскія посягапія религіи на свободу душевныхъ порывовъ, парализируютъ закипающую страсть; она выходитъ покорно за мужъ за деревяннаго негодяя — дипломата, который ея деньгами думаетъ замазать старыя шашни. Бенедиктъ чуть съ ума не сходитъ отъ отчаянія; на свадебномъ пиру чуть не убиваетъ нѣкоторыхъ субъектовъ, трунившихъ надъ его утерянным счастьемъ; рискуя жизнью, онъ пробирается въ спальню Валентины, гдѣ видитъ — незамѣченный ею — ея ужасныя страданія при мысли, что красота, молодость отцвѣтутъ, не принося никому счастья. Она должна отдать ихъ, по приказанію церкви, сухому, гадкому человѣку; чарующее счастье взаимной любви ускользаетъ по ея собственной винѣ и винѣ тяготѣющихъ надъ ея слабымъ мозгомъ религіозныхъ и общественныхъ предразсудковъ. Она не пускаетъ къ себѣ мужа, который спокойно выноситъ отказъ, и, чтобы забыться отъ мукъ тя-

желой дѣйствительности, принимаетъ опій. Въ фантастически страстной, ночной сценѣ Жоржъ Зандъ ярко рисуетъ соблазнительное счастье взаимной любви: влюбленный юноша видитъ, при свѣтѣ матовыхъ лампъ, роскошное тѣло красавицы, ея огненные глаза, пунцовыя губки... Валентина засыпаетъ и опій навѣваетъ на нее сладострастные сны: ей снится Бенедиктъ, снится, что она прижимаетъ къ молодому, горячему тѣлу любимаго мужчину, осыпая его безумными ласками; очаровательно чудная, преображенная страстью, она мечется въ душной постелѣ. Движимый неодолимою силою, Бенедиктъ подходитъ къ ней и опьяненный, слышитъ быстрое, неровное біеніе ея сердца, призывный къ наслажденію шопотъ; изнывая отъ счастья, онъ прижимаетъ ее къ груди, опутываетъ свою отуманенную, обезумѣвшую голову ея золотистыми волосами, цѣлуетъ ея горячія губы... Она шепчетъ, утопая въ грезахъ, его имя, и онъ чувствуетъ, какъ она конвульсивно сжимаетъ его своими нѣжными руками, и въ ея полураскрытыхъ, влажныхъ глазахъ вспыхиваетъ и томно потухаетъ огонь безумнаго наслажденія... Онъ преодолѣваетъ страсть и, не воспользовавшись знойнымъ сномъ, бросается въ окно, предварительно написавъ отчаянное письмо; утромъ его находятъ опасно раненнымъ пулею: не видя исхода въ жизни, онъ рѣшился на самоубійство.

Жоржъ Зандъ, мнѣ кажется, нарочно остановилась на ночной, эротической сценѣ; вдалась въ поэтическія подробности, не пожалѣла горячихъ красокъ: въ этихъ жгучихъ страницахъ звучитъ саркастическій хохотъ Мефистофеля: Валентина наслаждается счастьемъ въ грезахъ опія, Венедиктъ въ порывахъ безумія, въ мукахъ неудовлетворенья. Счастье было для Валентины роскошнымъ сномъ, для Бенедикта смертельною отравою, и что грустнѣе всего: оно было такъ близко, возможно! Много блаженныхъ ночей провели бы они, упиваясь здоровымъ, сильнымъ счастьемъ. Незабвенныя минуты набросили бы розовый флеръ на всю ихъ будущую жизнь.

Жоржъ Зандъ расплела вѣнокъ изъ яркихъ, искусственныхъ, весеннихъ цвѣтовъ и какъ ни хороши они,

но они тусклы, мертвы, въ сравненіи съ жывыми остро пахучими цвѣтами весеннихъ луговъ.

Послѣ этой ночи мужъ Валентины уѣзжаетъ, отозванный по дѣламъ. Валентина тайно лелѣетъ любовь къ Бенедикту, который медленно оправляется послѣ раны. Она безпощадно коверкаетъ себя, борется съ долгомъ, который какъ мечъ Дамокла виситъ надъ ея бѣдной головой; она отдается счастью урывками, мечется, страдаетъ, всего боится, малодушно съеживается при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Страдательное существо всю жизнь, она не знаетъ, куда ринуться: съ одной стороны зовутъ пылкія ласки, восторги любви, съ другой грозно подымаются, какъ гробовыя видѣнія религіозныя бредни, проклятія, бездушной матери, вѣрность брачному порабощенью. Время идетъ, страданія ростутъ, давятъ; счастье становится мимолетнѣе; вѣковыя цѣпи глубже врѣзываются, язвятъ тѣло и робкую душу.

Въ концѣ концовъ, мужъ обираетъ вѣрную брачному обѣту супругу; догадываясь о ея любви, уѣзжаетъ отъ нея и пишетъ къ ея матери, что она измѣнила ему, забывъ прибавить, что именно въ то самое время, когда часть женинаго состоянія онъ проматываетъ на содержаніе двухъ балетныхъ танцовщицъ; мать — развратная втихомолку — осыпаетъ ее проклятіями и выгоняетъ вонъ. Лишенная состоянія, отвергнутая матерью, мужемъ, она продолжаетъ упорно метаться и кончаетъ тѣмъ, что узнавъ о скоропостижной смерти мужа, рѣшается обвѣнчаться съ любимымъ, измученнымъ ею человѣкомъ, назначивъ ему свиданіе въ домѣ, въ которомъ жила прежняя невѣста Бенедикта, любившая его и нелюбимая имъ, вышедшая за мужъ съ отчаянія за грубаго ревниваго урода, который, заподозрѣвая жену въ любви къ Бенедикту, слѣдитъ за каждымъ его шагомъ; думая, что Бенедиктъ на свиданіи съ его женою, онъ подкарауливаетъ его въ саду и прокалываетъ ему грудь рогатиной. На грудь умирающему Бенедикту бросается Валентина въ невыразимыхъ мукахъ, и въ скоромъ времени пораженная кончиною, сама умираетъ въ нервной горячкѣ. Луиза, также глубоко любящая Бенедикта, у его трупа является мстительною Эвменидою; она произноситъ безпощадный, правди-

вый приговоръ надъ тысячами Валентинъ, которыми кишитъ жизнь; въ ея словахъ слышится: „Ты тиранила его безъ границъ, давала счастье крупинками; ты отравляла краткія минуты счастья бездушнымъ ханжествомъ, грошевою, нелѣпою моралью, жалкою нерѣшительностью; ты дѣтски боялась смѣшныхъ проклятій, и они обрушились надъ тобою, добродѣтельною женою; у тебя все отняли, и въ замѣнъ утраченнаго ты ровно ничего не пріобрѣла. Полюби онъ меня, я отдалась бы ему всецѣло, въ моихъ объятіяхъ онъ былъ бы счастливъ, я всѣмъ бы пожертвовала; потерявъ состояніе, ненужныя, сковывающія мою душу права, я выиграла бы горячую, свободную любовь; купила бы цѣною утерянныхъ правъ, право счастья! Ты все потеряла, ничего не выигравъ, и подвела путаницею фальшивыхъ отношеній обожаемаго человѣка въ западню убійцы!“

Многіе могутъ сказать, что современный человѣкъ ставитъ задачею разумной жизни не изнывать весь свой вѣкъ въ пароксизмахъ любви, что испытавъ неудачу на этомъ пріятномъ поприщѣ, онъ отдался бы еще горячѣе плодотворной дѣятельности; богатую способность любви онъ истратилъ бы не на одномъ субъектѣ женскаго пола, а на большую массу, окружающихъ его людей; что человѣкъ, для котораго нѣтъ міра внѣ женской любви—существо, возбуждающее состраданье: надъ его недостаточно развитою головой виситъ, готовая каждую секунду расплюснуть его, каменная глыба; малѣйшая случайность, болѣзнь, смерть любимаго существа, потеря красоты, любовь къ другому грозятъ ему мученическимъ концомъ. Все это такъ! Но Жоржъ Зандъ лучше, глубже насъ — критиковъ знаетъ жизнь, она чутче наблюдаетъ ее, тоньше подмѣчаетъ ея невыносимыя противорѣчія; она глубоко вѣрно обрисовываетъ тѣ громадно чувствительные, нервные характеры, богатые душевными силами, но великое несчастье которыхъ — что нервная система ихъ непомѣрно раздражительна. Эти мимозы человѣческаго рода съ болѣзненною силою отдаются всякому чувству, не знаютъ предѣловъ въ любви. Удовлетворенная, пламенная любовь ихъ толкаетъ чуть не на подвиги; препятствія въ той же любви ихъ раздражаютъ, сбиваютъ съ толку, мучаютъ и, въ концѣ концовъ, губятъ.

III

Въ „Леліи“ выведена не пылкая, робкая дѣвушка, а мощная личность, несущая на себѣ тяжкое бремя униженія женщины. Лелія воплощенный протестъ противъ того уродливаго строя, который сдѣлалъ изъ женщины куклу, аппаратъ для удовлетворенія чувственности и рожанія дѣтей. Гейне сказалъ, что Жоржъ Зандъ выплакала всѣ свои слезы въ Леліи, и онѣ разлились по міру пожаромъ... Несчастная Лелія долго, часто лила слезы объ униженной половинѣ рода человѣческаго, и тяжелыя были эти слезы! Въ минуту великой скорби у ней вырываются горькія фразы: „Говорятъ, что провидѣніе разпоряжается судьбою людей, гдѣ же оно было, это провидѣніе, въ то время, когда человѣческому роду въ первый разъ пришло на мысль поставить одинъ полъ въ вѣчную зависимость, подчиненность отъ другого? Только одинъ грубый инстинктъ животнаго произвола могъ побудить мужчину сдѣлать женщину своей рабой, собственностью. Если есть преступленіе противъ природы, то общество свершаетъ самое тяжкое, оставляя цѣлую половину человѣческаго рода въ вѣчномъ дѣтствѣ“.

Въ характерѣ Леліи, рядомъ съ мягкою женственностью, поэтичностью, рѣзко проглядываютъ черты христіанскихъ мученицъ; въ ней рано развертывается жажда свободы. Она горячо привязывается къ умному, гуманному, страшно любящему ее мужчинѣ; она мечтаетъ съ нимъ дѣлить жизнь, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ, его политическую карьеру, труды; но даже порядочный мужчина оказался настолько односторонним, что, замѣтивъ ея широкія стремленія, презрительно указалъ на положеніе женщины въ обществѣ, началъ попрекать женскими пороками всосавшимися отъ вѣчнаго рабства; упрекнулъ въ недостаткѣ знанія. Эти тирады унижающія, обезличивающія женщину, мгновенно охладили Лелію; любовь потухла, когда она замѣтила въ любовникѣ барина. Разбитая, униженная первымъ разочарованіемъ, она отдалась наукѣ; послѣ долгой, упорной работы, она почувствовала, что ея силы окрѣпли, и она способна на плодотворную дѣятельность. Правительство,—какъ всегда

случается, загородило дорогу ея стремленіямъ: она мечется, глубоко страдая, отъ одного дѣла къ другому. Древняго рода, очень богатая, она жертвуетъ свое состояніе на помощь несчастнымъ, но чувствуетъ, что этого мало, что ея неодолимо рвущимся наружу силамъ нуженъ громадный просторъ, широкая арена и этой арены не дождались и долго не дождутся женщины!

Изнеможенная борьбою, она ищетъ отдохновенія въ любви. Начинаетъ любить художника страстнаго, порывистаго, юношески свѣжаго; чтобы испытать его, она во время бала, ночью, когда подъ шумъ фонтановъ, молодежь, опьяненная виномъ, ароматомъ цвѣтовъ, начала уединяться парочкми, наталкиваетъ его въ дремучихъ аллеяхъ сада на очень похожую на нее свою сестру-вакханку Зинзолину, и этотъ пылкій юноша такъ плохо понялъ душу Леліи, что поддался обману, и весь отдался одной грубой чувственности. Лелія увидѣла ясно, что художнику Стеніо не наполнить ея жизни, что въ глубинѣ красивыхъ, поэтическихъ, художническихъ грезъ лежало одно животное чувство. Она вырываетъ изъ души этотъ призракъ; волнуясь, кипя огнемъ безплоднымъ, она приходитъ въ отчаяніе и отыскиваетъ себѣ пристанище въ монастырѣ. Но не спѣшите горько улыбаться читатели-атеисты, это не Лизенька „Дворянскаго гнѣзда“, не барышня, свихнувшая отъ романтизма, прячущаяся въ монастырь отъ грѣшныхъ — по ея понятіямъ — соблазновъ плотскаго міра или безутѣшной любви. Лелія поступаетъ въ монастырь не для Бога, она ненавидитъ деспотовъ земныхъ и не вѣритъ въ деспота небеснаго! Ея точка опоры не внѣ ея, а въ ней самой. Въ монастырѣ для нея развертывается широкое полѣ для дѣятельности.

Дѣйствіе происходитъ во время бурнаго итальянскаго движенія за независимость; Италія стремилась сбросить лютое австрійское иго. Въ романѣ мелькомъ являются такія колоссальныя личности, что, читая даже въ русскомъ переводѣ, трудно сдержать порывистое біеніе сердца.

Жоржъ Зандъ говоритъ объ этомъ движеніи мало, а наша заботливая, самодержавный сонъ охраняющая, отъ злыхъ напастей удаляющая насъ, убогая подлая старушка — цензура умудрилась изъ немногаго вы-

пустить многое, замѣнить пламенные слова пламенно разставленными точками, но не смотря на усердѣйшія ухищренія, обиліе точекъ, вы тревожно чувствуете, что за этими абрисами событій кипитъ сильная жизнь, льется мученическая кровь.

Одинъ изъ выдающихся революціонеровъ Трепморъ трагически покойно говоритъ сомнѣвающемуся въ борьбѣ за свободу: „брошенное на вѣтеръ зерно все таки падаетъ на какую нибудь почву; потоки человѣческой крови никогда не льются даромъ, они равняютъ путь для будущихъ поколѣній; ты напрасно думаешь, что я хочу навязать тебѣ мои вѣрованія, для нихъ нужна громадная сила. а въ тебѣ ея нѣтъ".

Въ монастырѣ св. Маріи Лелія сталкивается съ кардиналомъ Анабелли, она не отступаетъ отъ принятой на себя миссіи, ясно говоря кардиналу, что не для глупыхъ молитвъ, вязанія, ухода за цвѣтами она пожертвовала состояніемъ, положеніемъ въ обществѣ: она хочетъ быть во что бы то ни стало абатиссой: это мѣсто давало ей огромную силу на твореніе добра. Разговоръ Леліи съ кардиналомъ, передаю словами автора:

„Я понимаю дѣланіе добра не въ одномъ раздаваніи милостыни, я хочу не однимъ бѣднымъ дать насущный хлѣбъ, я хочу и богатымъ дать хлѣбъ жизни, науку, знаніе, идеи, принципы, которымъ ихъ никогда не учили. Вы открыли безплатно школы для мальчиковъ, почему же мнѣ не открыть точно такихъ же для дѣвочекъ? съ однимъ впрочемъ условіемъ, чтобы никто не вмѣшивался въ устройство и преподаваніе моихъ школъ.

— Хорошо, сказалъ Анабелли, подумавъ: Вы будете абатиссой, но не забудьте, что мы играемъ въ очень опасную игру: мы дѣлаемъ расколъ; по правдѣ сказать, католическая церковь много потеряла вѣсу оттого, что во главѣ ея постоянно стоятъ патриціи по фамиліи и плебеи по уму, отъ этого все идетъ изъ рукъ вонъ плохо: мы съ вами хотимъ сдѣлать болѣе сообразный порядокъ вещей: вмѣсто предразсудковъ поставить просвѣщеніе, вмѣсто невѣжества — знаніе, вмѣсто суевѣрія — науку... Какъ же вы думаете, неужели это все намъ пройдетъ даромъ?...

— Я не вижу, сказала Лелія, чтобъ мы оба чѣмъ нибудь рисковали въ случаѣ неудачи нашихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что они совершенно безкорыстны, мы хотимъ только провести въ жизнь, реализировать тѣ убѣжденія, которыя въ насъ живутъ; пусть за это на насъ посыпятся гоненія, притѣсненія, это все таки несравненно легче, чѣмъ подавлять въ себѣ силы, просящіяся наружу".

Этотъ краткій разговоръ вырисовываетъ Лелію во всей ея, по тому времени, недосягаемой высотѣ; на монастырской узкой аренѣ она могла принести болѣе

пользы, чѣмъ на такой аренѣ, какъ вся Италія! Долго такого рода дѣятельность продолжаться не могла: Австрійское правительство въ преслѣдованіи всего честнаго, свободнаго, мало уступало единственному, по части преслѣдованій и конфиденціальныхъ задушеній, русскому правительству. Конецъ ея страшенъ и поразительно вѣренъ плачевной дѣйствительности; незадолго до ея смерти художникъ Стеніо, котораго она любила и который такъ необузданно бросился въ омутъ жизни, мучимый странною любовью къ Леліи, пробирается къ ней въ монастырь. Встрѣча ихъ глубоко поэтична по глубинѣ и силѣ.

„Я не уйду прежде, чѣмъ ты скажешь мнѣ, что ты ко мнѣ чувствуешь, возразилъ Стеніо; я хочу знать, какое чувство замѣнило ту любовь, въ которой ты сама сейчасъ призналась?

— Никакое... отвѣчала Лелія, ты для меня не существуешь.

— Никакое? Ты не чувствуешь даже страха? съ раздраженіемъ произнесъ Стеніо, вставая и подступая къ ней, съ мрачнымъ огнемъ въ глазахъ.

— Страхъ! повторила она. Нѣтъ ты слишкомъ слабъ, чтобъ тебя бояться. Когда-то ты былъ типомъ искренности и граціи, теперь ты типъ ничтожества, и для тебя доступно одно только чувство — скука.

— А тебя развѣ не томитъ скука? возразилъ Стеніо съ ироніей и горечью. Чѣмъ ты живешь? ты никого не любишь и тебя никто не любитъ, бѣдная Лелія, мнѣ тебя жаль!

— Въ этомъ ты правъ, отвѣчала она грустнымъ тономъ, который удивилъ и растрогалъ Стеніо. Путь, который я выбрала, не ведетъ къ счастію; я не могу подавить въ себѣ потребности сочувствія, ласкъ, счастья въ двоемъ: мужчина и женщина созданы другъ для друга, и конечно жизнь монахини жизнь ненормальная и однако даже она нормальнѣе тѣхъ отношеній, которыя установило общество между мужемъ и женой. Мы съ тобою никогда не могли бы быть счастливы вдоемъ, Стеніо, твое воспитаніе, привычки, примѣръ всего свѣта и наконецъ законъ давали тебѣ надо мною такія права, которыхъ я немогла добровольно признать. Какую же роль можетъ играть женщина при такой обстановкѣ? Она должна стереться, исчезнуть, поглотиться въ существованіи мужчины, а я этого не могла, я сама хотѣла жить, и лучше предпочла совсѣмъ отказаться отъ моей доли счастья, чѣмъ продолжать безплодную борьбу. Голосъ Леліи постепенно понижался и когда она кончила, изъ глазъ ея покатились слезы.

Стеніо, въ порывѣ неудержимой страсти, бросился къ ея ногамъ и охватилъ ея колѣни, осыпая ихъ безумными поцѣлуями.

— Пусть эти слезы льются на мою грудь, вскричалъ онъ. Ты все та же, ты жаждешь любви! ты любишь!

— Да я люблю! Но тотъ, кого я люблю, родится черезъ много лѣтъ послѣ моей смерти...

Она сдѣлала ему строгій, повелительный знакъ, чтобы онъ вышелъ. Стеніо обезумленный, задыхаясь отъ слезъ, шатаясь, очутился, самъ не зная какъ, по ту сторону чернаго занавѣса...“

Приговоръ Леліи убиваетъ Стеніо; самообольщеніе исчезло, онъ увидѣлъ себя безъ романтической тоги; убаюкивающіе софизмы стали невозможны. Католическій попъ сказалъ бы: „отъ него отлетѣли свѣтлые ангелы и опутали его душу черные демоны“. Онъ понялъ, что крошечная комедія жизни сыграна, и впереди или покой безъ видѣній, или растительное прозябаніе. Онъ выбралъ лучшее: могилу.

Вскорѣ послѣ его смерти сѣкира палача опускается надъ головами праведниковъ: Анабелли былъ отравленъ, надъ Леліею назначено было слѣдствіе, поступки ея были представлены въ чудовищномъ видѣ: ее выставили проповѣдницею новаго, опаснаго, еретическаго ученія, обвинили въ участіи въ политическомъ заговорѣ. Любить людей безъ точнаго предписанія мѣстной полиціи, съ указаніемъ на пункты, во всѣхъ монархическихъ государствахъ сопряжено было съ большою опасностью.

Послѣ этого слѣдствія — такъ похожаго на тысячи подобныхъ слѣдствій надъ честными людьми — ее послали (невѣрующую) на церковное покаяніе въ холодное, сырое мѣсто, гдѣ свирѣпствовали злокачественныя лихорадки. Тренморъ застаетъ ее умирающей, умоляетъ ее бѣжать, но уже поздно: она угасала быстро, выносила муки болѣзни, покойно и жаждала мученическаго вѣнца. Слова ея передъ смертью потрясающи, полны величія. Скорбное чувство возбуждаетъ предсмертный вопль сильной души, сжигаемой безпредѣльною любовью къ людямъ; ея предсмертныя, горючія слезы были пролиты по громадной половинѣ рода человѣческаго, которая униженно склоняя голову, плетется въ пустую могилу, силы которой непроизводительно замираютъ задушенныя дикою, тупою силою. Сомнѣніе закрадывается въ охваченную смертью душу, она, увы, не видитъ загорающагося вдали разсвѣта; міръ для нея — безразсвѣтная ночь, ужасный хаосъ, изображенный Байрономъ въ „Шильонскомъ Узникѣ“.

Въ послѣдніе часы, ея душу охватило отчаяніе, напоминающее отчаяніе Іисуса, когда онъ, по словамъ легенды, истекая кровью, увидѣлъ у своего креста смѣющійся народъ; тѣ минуты, когда облако закрыло отъ него лицо отца. Ея мозгъ, первы леденитъ холоднѣе

самой смерти мысль, что тысячи лѣтъ прошли для женщины даромъ; ее мучительно раздражаетъ вопросъ: куда же канули несмѣтныя силы милліоновъ живыхъ созданій, зачѣмъ были даны природой эти силы?

„Неужели, говорила она, все живущее погибнетъ безслѣдно, безъ пользы для себя и окружающихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я питала надежду, что хоть въ далекомъ будущемъ блеснетъ для человѣчества заря обновленія, теперь я уже этому не вѣрю, чего можно ждать отъ этой искаженной, закоснѣлой, отупѣлой расы, безъ энергіи, безъ совѣсти?“ Тренморъ напрасно толковалъ ей, что законы природы не допускаютъ слишкомъ быстрыхъ переворотовъ, что зерно можетъ только тогда пустить свѣжій ростокъ, когда всѣ старые соки уничтожатся въ немъ до послѣдняго. “Чтобы воздвигнуть новое зданіе, говорилъ онъ, недостаточно еще разрушенія стараго, надо вымести его обломки, разчистить то мѣсто, на которомъ оно стояло“. Лелія мрачно покачала головой.....

„Я не могу удовлетвориться этими неопредѣленными обѣщаніями, сказала она; одна только увѣренность могла бы меня примирить совсѣмъ. Если бы только могла я ясно прочесть въ будущемъ, что для слѣдующихъ поколѣній жизнь сдѣлается легче, чѣмъ была для меня, я не стала бы жалѣть о моихъ погибшихъ надеждахъ. Истина! истина! гдѣ же ты?... Десять тысячъ лѣтъ тебя ищутъ и десять тысячъ лѣтъ въ отвѣтъ на эти исканія раздается только со всѣхъ концовъ этой проклятой земли безотрадный стонъ всего живущаго!.....“ Она еще говорила, когда Тренморъ почувствовалъ, что рука ея похолодѣла въ его рукѣ, она приподнялась въ послѣдній разъ и тотчасъ же опять опустилась, уже безъ жизни, дыханія...

Замѣтка о Писаревѣ

Ни одинъ писатель, исключая Чернышевскаго, Добролюбова, Герцена, не провелъ такъ много плодотворныхъ идей въ наше общество, какъ Писаревъ; онъ умеръ очень рано, не избѣжавъ роковой участи, выпадавшей на долю нашихъ лучшихъ писателей: его довели до сумасшествія пятилѣтнимъ заключеніемъ въ Петропавловской крѣпости. Его убило русское правительство въ самую цвѣтущую пору его дѣятельности за рѣзкую статью; но иначе и быть не могло — самодержавный Молохъ всегда губилъ съ выборомъ.

Писаревъ горячо слѣдилъ за передовою западною мыслью; ни одно разумное, выдающееся произведеніе не ускользнуло отъ него. Свѣтлый мыслитель, рѣдкій популяризаторъ, онъ свѣжо, бойко, остроумно, понятно для ребенка передавалъ свою мысль; честному, свободному направленію онъ не измѣнилъ нигдѣ, а такою послѣдовательностью отличались немногіе изъ русскихъ писателей-публицистовъ.

Съ непостижимымъ искусствомъ онъ проводилъ зловѣщіе для деспотіи взгляды, но заигрываніе съ дубоватой цензурой, неутомимое лавированіе средь очень опасныхъ цензурныхъ отмелей, принесли ему много вреда; мысль его часто заговорена длинными отступленіями.

Огромная придирчивость ко всякому личному чувству, порыву, стараніе быть трезвымъ въ мысли отняли у Писарева много природной страстности, свойственной такимъ натурамъ; отъ этого его статьи не носятъ того захватывающаго характера, который носили статьи энциклопедистовъ XVIII вѣка и современныхъ писателей: Прудона, Луи Блана, Лассаля, Гейне, Берне... Онъ не

писалъ „сокомъ своихъ нервовъ, кровью своего сердца“, его слово не горитъ внутреннимъ огнемъ, въ немъ мало той страстной задушевности, которая придаетъ такое повальное очарованіе писателю, оставляетъ жало въ душѣ. Добролюбовъ теплѣе, глубже подѣйствовалъ на общество; онъ былъ сосредоточеннѣе, симпатичнѣе Писарева; идеи ему доставались тяжеле, выливались онѣ на бумагу окрыленныя, обвѣянныя сердечною силою. Въ блестящемъ, остроумномъ смѣхѣ Писарева слышится умный забіяка юноша, ради эфекта, передъ товарищами отщелкивающій дурака учителя; въ Добролюбовскомъ смѣхѣ — незримыя міру слезы.

Но странно, что Писаревъ съ особенною нѣжностью относится къ Базарову, это его enfant terrible; онъ останавливается на немъ съ любовью, очень часто варьируетъ на него и перескакиваетъ чрезвычайно неожиданно во многихъ статьяхъ. Кажущійся представитель молодого поколѣнія, Базаровъ, отъ пятъ до макушки натянутъ, неестественъ: Тургеневъ пыжился что-то изобразить въ немъ, напутствуемый въ своихъ психическихъ изысканіяхъ Катковымъ и компаніей, но, къ сожалѣнію, ничего не изобразилъ; не справившись, онъ столкнулъ его ранѣе срока въ могилу — а могила очень молчалива — и именно въ то время, когда вы ждете, чтобы передъ вами выяснились способности, задача жизни героя. Молодой Базаровъ, односторонній, скучный реалистъ, долженъ былъ обнаружить свои способности въ осязаемыхъ фактахъ. Базаровъ, трезвый умъ, логика котораго очаровываютъ Писарева, соглашается стрѣляться изъ за глупости съ Павломъ Петровичемъ. Старый романтикъ вызываетъ его на дуэль, онъ, цѣнящій жизнь, безъ тѣни предразсудковъ, серьезно разыгрываетъ драматическую пошлость. Отсутствіе всякаго романтическаго увлеченія, душевной, часто смѣшной молодости, отталкиваетъ отъ него Одинцову, которая невольно спрашиваетъ себя: что будетъ дѣлать она съ этимъ, или молчащимъ или откалывающимъ сарказмы, субъектомъ? Базаровъ кладетъ безцеремонное табо на чудную природу, музыку, поэзію, вывѣтриваетъ изъ жизни солнце, цвѣты; все, стоящее внѣ чрезвычайной полезности имъ отринуто; такое повальное отрицаніе отзывается собачьей старостью или чиновничье-дѣловымъ тупоумі-

емъ. Если бы Базаровъ расчитывалъ за сухую, научную отшельническую жизнь вкусить царствіе небесное, я бы извинилъ ему такой умственный аскетизмъ; но такъ какъ онъ глубоко вѣритъ, что изъ него лопухъ вырастетъ, то это кажется удивительно несообразнымъ. Въ силу физіологіи, психологіи, гигіены необходимы разнообразіе жизни, отдыхъ, свѣтлыя, потрясающія минуты: наслажденіе природою, музыкою, ароматомъ цвѣтовъ, поэтическою книгою, живой бесѣдою, пѣніемъ соловья душистою, теплою, майскою ночью, такія удовольствія наполняютъ теплотою жизнь; посвящая имъ часы отдыха, вы ни у кого ничего не отымаете, не заѣдаете чужой жизни, не разрушаете чужого счастья. Человѣкъ, рядомъ съ работой мысли, долженъ жадно ловить тѣ счастливыя минуты, которыя онъ можетъ поймать, окруженный извѣстною жизнью; добровольно отказаться отъ этого — другими словами — обратиться въ босоногаго капуцина науки. Обнаружившіе свои колоссальныя силы, люди строгой науки, въ большинствѣ случаевъ, дѣтски увлекались, любили поэзію, природу, музыку, не напускали на себя отталкивающей, сухой важности, презрительнаго отношенія къ людямъ, Наука не губила жизни.

Въ Базаровѣ мы не видимъ ни открывателя новыхъ научныхъ истинъ, ни человѣка страстно преданнаго идеѣ всеобщаго блага, ни даже особенно полезнаго дѣятеля; онъ рѣзко отдѣляется отъ всего его окружающаго, но это небольшая заслуга — въ низкой комнатѣ, среди карликовъ, средняго роста человѣкъ покажется высокимъ; копошится онъ, заброшенный въ жалкую среду, въ ней и умираетъ; умираетъ онъ твердо, спокойно, эта способность не объясняетъ ничего: твердо иногда умираютъ генералы, а больше всего солдаты; геройская смерть намъ не въ диковинку и въ старомъ поколѣніи. Но многіе могутъ сказать, что онъ честно трудился и что этого довольно, чтобы его уважать; его можно, даже должно уважать, но трещать монологами, приводя его какъ лучшаго представителя сильнаго поколѣнія — занятіе отнюдь не реальное. Наша лучшая молодежь — соціалисты. Базаровъ, безучастный къ будущему человѣчества, крайній индивидуалистъ, безцеремонный эгоистъ.

Писаревъ очень часто Базарова противопоставляетъ Рудину; увлекаясь Базаровымъ, онъ критически относится къ Рудину; Рудинъ возбуждаетъ не только глубокое участіе, но и большую симпатію. У Тургенева есть грубое противорѣчіе: онъ выдаетъ Рудина человѣкомъ, любящимъ головою, а не сердцемъ; онъ у него робѣетъ передъ пылкою, рѣшительною Натальей, передъ ея женихомъ; онъ бросается на дѣятельность и тотчасъ же отшатывается отъ нея, и тотъ же жалкій человѣкъ умираетъ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ на парижскихъ баррикадахъ! Плохо вяжется его жизнь съ этимъ необыкновеннымъ концомъ.

Смерть за убѣжденья — неоспоримое доказательство силы убѣжденій, она ясно показываетъ, что Рудинъ сросся съ высокимъ призваніемъ пророка мученика, тутъ видѣнъ не робкій, пасующій передъ крошечными препятствіями человѣкъ, а великій боецъ, умирающій за непримѣнимые у себя дома принципы; фразеры оканчиваютъ свою нулевую жизнь въ душныхъ деревенскихъ пріютахъ, на теплыхъ перинахъ; они проповѣдуя въ интимныхъ кружкахъ свободныя мысли, пресмыкаются; въ минуты опасности виляютъ, вывертываются, просятъ прощенье, каются; у нихъ разладъ слова и жизни поразительный, они только простачковъ увлекаютъ своимъ дутымъ краснорѣчіемъ. Поддѣлаться подъ искренность, задушевность очень трудно; вы можете передразнить голосъ великаго актера, но могущественное обаяніе его игры, его силы душевной вы не передразните.

Рудинъ производитъ потрясающее впечатлѣніе на сильныхъ людей своею фразою, если такъ, то безплодное значеніе фразы утеривается, она становится дѣломъ, и слово его не звукъ пустой, а мощная сила, которая преобразилась бы въ величавыя дѣла при иначе сложившейся жизни; это не Тенетчиковъ, прозябающій въ дворянскомъ затишьѣ, замышляющій сочиненіе о Россіи, долженствующее охватить ее со всѣхъ сторонъ, и кончающій грызеніемъ пера и усиленнымъ аппетитомъ, увалень Обломовъ, съ благородными стремленьями и трагико-водевильнымъ концомъ жизни... Смерть Рудина дѣлаетъ его фразерство страшно полновѣснымъ; онъ

передѣлался на послѣдней страницѣ романа въ титана, который

„Смертью своей показалъ,
Что въ немъ сердце не робкое билось,
Что умѣлъ онъ любить".

Рудинъ — эгоистъ въ благородномъ смыслѣ слова; онъ цѣнитъ свои мощныя, душевныя силы, уважаетъ въ себѣ человѣка; не выносилъ онъ мелкой службы рядомъ съ безличными, будничными людьми, потому что глубоко сознавалъ, что годенъ на громадную, плодотворную дѣятельность; онъ страдательно мечется отъ одной мелочи жизни къ другой и очень естественно не удовлетворяется ни одной изъ нихъ. Онъ неудачникъ мизерныхъ дѣлъ.., Навѣрное, ни Писаревъ, ни Добролюбовъ съ ихъ силами не удовлетворились бы дѣятельностью честнаго, благонамѣреннаго полицеймейстера, добраго отца командира, трудолюбиваго, вольнолюбиваго учителя провинціальной гимназіи. Добролюбовъ и Писаревъ часто съ желчнымъ состраданіемъ относились къ призрачнымъ субъектамъ, которые съ дѣтства до самаго гроба, опустивши покорно головы, идутъ по указочкѣ пошлаго формализма, жизнь которыхъ жиденько, умѣренно, тянется, сжатая, руководимая чужими, неумѣлыми руками; они знали, что такіе люди, отличаясь по службѣ, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія всякихъ убѣжденій и необычайной эластичности позвоночнаго столба, готовы по приказанію начальства украсть и пожертвовать, спасти и изрѣзать въ куски человѣка, дать ему пищу и сожрать его, дѣйствуя чисто механически; съ дырою, вмѣсто души, они уживаются со всякой жизненной обстановкой и напоминаютъ собою тѣхъ красныхъ инфузорій, находимыхъ на снѣжныхъ вершинахъ, плодящихся тамъ, гдѣ замираетъ всякая жизнь. Неужели это тряпье, приносящее мнимую пользу и дѣйствительный вредъ, можетъ служить примѣромъ для Рудина? Вспомните, что Рудины явились въ царствованіе, всероссійскаго удава, что для честнаго человѣка заперты были семью печатями всѣ дѣятельности, всѣ выходы; честному гражданину предоставлялось на выборъ: или самому пороть или ложиться подъ розги...

Рудины въ такія лютыя времена, вынося незаслужен-

ные удары судьбы, должны были скитаться, всюду проповѣдуя свои крамольныя мысли, выливаться въ скорбныхъ словахъ.

Многіе могутъ сказать: „отчего онъ не въ Россіи погибъ за свои революціонные принципы?“ Но такія требованія всегда останутся жалкою, наивною глупостью. Нужно ли тратить слова, доказывая, что выступи Рудинъ открыто, его при первомъ образованіи звука живымъ бы съѣла тайная полиція, а незабвенный удавъ подписалъ бы: „быть по сему“. Вспомните общество Петрашевскаго, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Бакунимъ, Герценъ, Огаревъ и другіе революціонеры безъ компромиссовъ, должны были, неизбѣжно, покинуть Россію.

Дѣятельность Рудина тождественна съ дѣятельностью Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева. Они тоже нигдѣ не служили; вся жизнь ихъ прошла въ пропагандѣ свѣтлыхъ мыслей, въ горячемъ, неутомимомъ преслѣдованіи зла, и это хорошее дѣло дѣлалось не мышцами, не подвизаньемъ на административныхъ постахъ, а съ помощью Рудинскаго слова: куда бы ни забрасывала Рудина скитальческая жизнь, онъ огненнымъ словомъ пробуждалъ спящихъ, воскрешалъ начинающихъ тлѣномъ пахнуть деревенскихъ лазарей; его слово пробуждаетъ въ Натальи дремлющія, богатыя силы, онъ даетъ толчекъ Батистову; такіе люди — избранные; они вливаютъ въ массы живыя силы, свѣжіе соки; они — заря, предвѣщающая яркій день; черезъ нихъ переходятъ въ сознаніе общества благія истины; они явленіе законное, появленіе ихъ кроется въ самомъ сердцѣ Россіи; это свѣтлые, цѣлебные ключи, бьющіе изъ глубинъ земли. Страшно трудно сказать, какая дѣятельность болѣе всего полезнѣе для обширнаго, разсѣяннаго государства. Молчащіе Базаровы на мѣстѣ въ абсолютно свободномъ государствѣ, гдѣ сама за себя говоритъ свободная жизнь; у насъ же необходимы будутъ Рудины даже тогда, когда спадутъ каторжныя цѣпи съ печатнаго слова; они внесутъ свѣтъ туда, куда оно никогда не проникнетъ; они помогутъ тѣмъ, которымъ мало печатнаго слова, которые жаждутъ живаго человѣка. Въ Россіи найдется много мѣстъ, гдѣ нужны не писатели, но пророки. Рудины сѣютъ сѣмя,

изъ котораго тихо, невидимо для глазъ, выростетъ тотъ питательный, дающій здоровье, силы плодъ, которымъ должны питаться массы. Если Рудинъ фразеръ, то, идя послѣдовательно, нужно придти къ выводу, что Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ — фразеры; придется смести всѣ славные литературные имена, всѣхъ, безъ исключенія, титановъ слова. Іисусъ является жалкимъ фразеромъ; онъ не занималъ никакой должности, не шилъ обуви, не работалъ поденщикомъ, не обрабатывалъ земли; онъ всю жизнь проповѣдывалъ высокія мысли, на площадяхъ, изливался только въ словахъ и словахъ, погибъ онъ тоже со знаменемъ духовной свободы на іерусалимскихъ барикадахъ.

Насколько мое пониманіе характера, значенья Рудина вѣрны, видно изъ того, что Тургеневъ силился изобразить въ немъ Бакунина. Фальшивыя нотки и положенья навѣяны раздраженьемъ, ссорою. Конечно Тургеневъ, не смотря на всю художественную прозорливость, не могъ предчувствовать, въ какія колосальныя формы отольется дѣятельность неудачника на русской почвѣ — Бакунина, во Франціи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи, и сколько выдающихся анархистовъ будутъ созданы имъ на русской почвѣ.

Привалъ арестантовъ

(Картина Якоби)

„Вотъ оно страданіе истинное, страшное, безъ котурнъ, безъ ходуль, безъ драпировки, безъ фразъ.“
(Бѣлинскій).

...„И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“ и закрывалъ себя рукой бѣдный, молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья.“

Реальная живопись, отбросившая мадоннъ съ сверхъестественнымъ выраженіемъ на челѣ, умирающаго Спасителя, съ тѣмъ же выраженіемъ, и прочіе въ бозѣ почившіе, замысловатые сюжеты, начинаетъ вливать новую струю въ жизнь; она становится великимъ орудіемъ пропаганды свободныхъ идей; она начинаетъ говорить горячо уму, сердцу, въ тихомолку, вкрадчиво, подсказывать самыя зловѣщія, буйныя мысли; художники, выступившіе на новый путь, становятся не жалкими, безплодными, изолированными отъ дѣйствительной жизни мечтателями, переливателями изъ пустого въ порожнее, лакеями роскоши, тунеядства, а дѣйствительно полезными, сильными дѣятелями. Въ Москвѣ въ 1872 году была выставлена на выставкѣ картинъ, на Дмитровкѣ, замѣчательная по мысли и исполненію картина Якоби: „Привалъ арестантовъ„; она рѣзко бросалась среди паиневинпѣйшихъ и однообразнѣйшихъ морскихъ пейзажиковъ съ разбитыми суднами и спасительными лодками генерала живописи—Айвазовскаго, — картинъ, съ превеликимъ стараніемъ изобра жающихъ Іерусалимъ въ лиловомъ, ночномъ туманѣ и затѣмъ весенніе, осенніе, ночные и дневные переливы, зеленѣющія долины, золотистыя нивы,лѣса съ лужами стоячей воды и протоптанными тропинками. Картина Якоби изображаетъ мрачный сюжетъ: арестанты, гонимые на каторгу, расположились приваломъ; они лежатъ

и сидятъ (къ счастью ихъ) на заледенѣлой грязи; жены арестантовъ съ зелеными, изможденными голодомъ, холодомъ, страданьями лицами, съежившись, прячутся въ дырявыя рубища, прижимая къ себѣ дѣтей; видно, что эти дѣти начали болѣзненно тянуться въ ростъ отъ чудовищнаго, непосильнаго горя и суровой нужды; ихъ широко раскрытые глаза, окруженные тѣнями, глядятъ дико, съ выраженіемъ боли, испуга; много на ихъ долю перепало холода, голода, побоевъ, и мало тепла, хлѣба, ласки. Одинъ арестантъ огромный, рыжій, стянулъ съ себя на холодѣ сапоги и съ гримасой нестерпимой боли разсматриваетъ на ногѣ глубокую, гноящуюся, кровавую рану, натертую полупудовыми кандалами. Но весь фокусъ картины сосредоточивается на человѣкѣ, лежащемъ на дрогахъ; неуклюжія колеса этого орудія пытки завязли по ступицу въ застывающую грязь. На дрогахъ лежитъ среднихъ лѣтъ мужчина, въ потасканной солдатской шинелишкѣ, онъ умираетъ. Умирающій не сродни группѣ арестантовъ, онъ слишкомъ тонокъ, нѣженъ, слишкомъ физически слабъ и богатъ нервною силою, слишкомъ бѣлы его руки; не вынесъ онъ нечеловѣческихъ пытокъ и погибаетъ на дорогѣ, счастливый тѣмъ, что ему не придется болѣе переносить мученій; это человѣкъ не изъ народа, но любящій его, умирающій за него—политическій заговорщикъ. На его широкомъ, умномъ лбѣ лежитъ яспая печать близкой смерти, онъ бѣлъ, ясенъ, какъ у мертвеца; его спазматически раскрытые, померкшіе глаза, лишенные всякаго выраженія, ужасны; такое полное отсутствіе выраженія поглощаетъ въ себѣ самыя страшнѣйшія выраженія всевозможныхъ лютыхъ мукъ; застывшій взглядъ застывающаго мученика устремленъ на небо; свинцовыя тучи обложили горизонтъ, повисли надъ землею, какъ крышка надъ гробомъ. Рѣзко выдѣляясь на небѣ, стая свободныхъ, бѣлыхъ лебедей несется изъ сумрачнаго, ледянаго сѣвера къ теплому, солнечному югу; они летятъ на встрѣчу арестантамъ; видно, шуменъ, быстръ ихъ полетъ. Офицеръ, провожающій конвой, рябой, красный, пресерьезно отправляетъ около умирающаго обязанность отсутствующаго врача; съ выраженіемъ необыкновенной тупости, щупаетъ за-

тихающій пульсъ. Ноги умирающаго покрыты грязною рогожею, на ней блеститъ иней отъ мороза; изъ подъ рогожи торчатъ огромные сапоги, новые, не по ногамъ, съ новыми кандалами, болѣе тяжелыми, чѣмъ тѣло умирающаго; это послѣднее христіански милосердное, вниманіе русскаго правительства къ политическому врагу! Ихъ стащутъ только тогда, когда уже они совершенно перестанутъ безпокоить его; одна рука застывающаго человѣка, тонкая, мертвенно бѣлая, упала, обезсиленная, съ дроги; на пальцѣ блеститъ кольцо съ изумрудомъ—можетъ быть, то память отъ неперенесшей разлуки, умершей въ ужасныхъ страданіяхъ, покинутой жены — кольцо стаскиваетъ неуклюжій арестантъ, съ косматою головою медвѣдя; притаившись подъ дрогами, онъ съ большимъ участіемъ слѣдитъ за послѣдними проявленьями жизни... свиспутая рука повисла, какъ плеть...

Такая картина въ неумершей душѣ пробудитъ много тяжелыхъ, скорбныхъ, опасныхъ мыслей; отъ нея очень покоробитъ сентиментальнаго болтуна-либеральчика, который дальше своего носа ничего не умѣлъ разглядѣть, а подавно прочувствовать! Пусть читатель не забываетъ, что художникъ приподнялъ только на волосъ то покрывало, за которымъ таится та жизнь ужаса, до которой не подымется самое зоркое, романтическое воображеніе. Художники еще не касались до ликующей народной жизни и прочихъ веселенькихъ, свѣтленькихъ аттрибутовъ нашей цивилизаціи! Такіе улыбающіеся сюжеты изъ нашего домашняго государственнаго быта нужно было бы выставлять на всемірныхъ выставкахъ, пусть бы полюбовался міръ на наше житье-бытье свободное, развеселое, на реформы широкія, либеральныя!... Пора художникамъ перестать тѣшить худосочныхъ романтиковъ, умаслять сладко-прѣсныя души! пора имъ плюнуть на то опившееся, объѣвшееся, умственно обрюзгшее, привилегированное меньшинство, которое требуетъ отъ искусства изящества, чистенькой красоты, примиренія съ жизнью! назначеніе передовыхъ людей: не примирять непримиримое!

«Довольно» и «Призраки»

Ив. Тургенева

„Вынулъ изъ кармана вмѣсто золотыхъ часовъ, цѣлую пригоршню червей....“

Я не замышляю критическаго разбора сочиненій Тургенева: наши знатоки литературнаго лакомства очень тонко, въ обширныхъ статьяхъ, разобрали его сочиненія. Всякое слово взвѣшено на караты; характеры, романтичныя склонности, даже позы героевъ промѣрены критическимъ, эстетическимъ аршиномъ; помирены всѣ противорѣчія; угаданы всѣ сокровенныя мысли, изумительно разъяснены даже такія, которыя самому Тургеневу не грезились, даже въ его „Призракахъ“; нѣтъ живого мѣста, некуда воткнуть булавку; отъ повальнаго обыска уцѣлѣли какимъ-то чудомъ двѣ статьи; о нихъ говорили, но такимъ образомъ, что въ сущности онѣ остались нетронутыми. Эти статьи: „Довольно“ и „Призраки“.

„Довольно“ — одна изъ лучшихъ статей Тургенева; она проникнута яркою поэзіей; полна мыслями поразительно глубокими. „Довольно“ — разросшееся до гигантскихъ размѣровъ „И скучно и грустно“ Лермонтова. Это — коробящій, дикій хохотъ отчаянія, постигшаго ничтожество, даже собственнаго отчаянія. Эта статья глубоко атеистическая, безъ тѣни вѣры въ прогрессъ; передъ вами открывается не свѣтлое будущее, но темная бездна слѣпыхъ, стихійныхъ силъ. Ни одинъ мучающійся мыслью человѣкъ не обошелъ въ жизни мрачнаго момента, болѣзненнаго, всеобъемлющаго отрица-

нія; отъ него не спасетъ ни молодость, ни душевная ширь, ни плодотворная дѣятельность, ни горячая вѣра въ будущее. Въ эти скорбныя минуты человѣкъ неожиданно ясно начинаетъ чувствовать давленіе вѣчности, неизмѣримости; завязка падаетъ съ глазъ, и съ мучительною ясностью, колко, нагло-рѣзко, вырѣзываются ничтожество, пошленькая мелочь всего существующаго, не исключая великихъ словъ, дѣлъ, великой борьбы. Прогрессъ міра начинаетъ казаться микроскопическою, слабо свѣтящеюся точкою на необозримомъ черномъ фонѣ бездоннаго неба. Этотъ диссонансъ таинственно хоронится въ глубинѣ самаго дѣятельнаго мозга; это Мефистофель, являющійся безъ призыва, и думы о немъ. Продолжайся это трупное чувство долго, оно раздавило бы человѣка своею злою громадностью. Антей, прикасаясь къ землѣ, черпалъ изъ нея страшныя силы. Спустившись въ такую черную бездну, коснувшись дна, мы съ большею силою начинаемъ ощущать въ себѣ жизнь; внутри насъ снова закипаетъ кровь, а въ мозгу снова разцвѣтаютъ горячіе сны, могучія упованія: жизни чуждо такое золотушное, болѣзненное отрицаніе, безплодный нигилизмъ. Дайте жизни, жизни намъ, всемогущія силы природы, умирать намъ рано! Погрузись міръ въ такое нравственное, умственное тлѣніе, онъ отодвинулся бы назадъ на цѣлые сотни вѣковъ. Вѣра въ себя, внутренній голосъ говорятъ, что мы могущественны и велики въ насъ силы на благое. Что за дѣло до нашей относительной малости? что за дѣло, что весь видимый земной міръ — „наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила плѣсень?“ Цѣлое видимое небо — та же куча атомовъ, въ сравненіи съ безконечнымъ множествомъ другихъ колоссальныхъ міровъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ небѣ. Самосозерцаніе собственной микроскопичности не изобрѣло намъ локомотива, прорѣзающаго мглу облаковъ, не прорыло тоннеля черезъ горныя твердыни Монсени; оно не подвинетъ впередъ всепроницающей, всеобѣждающей науки, не раздвинетъ умъ до пониманія великаго, не передастъ слова черезъ ширь океана въ секунду, не создастъ государственнаго строя Америки, не поборетъ угнетающія насъ свирѣпыя силы, не разсѣетъ мрака, затемняющаго солнце. Такая пани-

хида по самомъ себѣ предвѣщаетъ могилу. Если человѣчество сложитъ „на пустой груди пустыя руки“, его заклюютъ черные вороны, вѣчно стерегущіе недвижную добычу. Застой — смерть, движеніе — жизнь. Такимъ самоуничиженіемъ воспользуется тиранія, и снова изъ исторической тьмы выползутъ кровавыя чудищи.

„Довольно“ написано музыкальнымъ языкомъ; но на всемъ лежитъ дымка. Неопредѣленность сквозитъ въ оборванныхъ мысляхъ, блестящихъ фразахъ, звенящихъ погребальныхъ аккордахъ. „Довольно“ отъ первой до послѣдней строки пахнетъ трупомъ, разрытою могилой. Сухое, мертвящее, безразсвѣтное отрицаніе обвѣяно роскошною поэзіей, замаскировано ослѣпительными софизмами; оно напоминаетъ балетныя сцены, гдѣ дѣйствительность преображается, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, розовою дымкою, наброшенною на труппу. Черезъ полупрозрачный газъ трико кажется нѣжнымъ, прекраснымъ тѣломъ, помятое лицо истрепанной балетчицы — гипсовымъ изваяніемъ, освѣщеннымъ изнутри таинственнымъ свѣтомъ; жадные, пошлые глаза — ласкающими, зовущими къ наслажденію. Выньте мертвеца изъ гроба, и подъ этимъ волшебнымъ покровомъ, въ этомъ причудливомъ свѣтѣ, онъ превратится въ спящаго Адониса; черви, клубящіеся внутри, не выяснятся при фантастическомъ свѣтѣ, розовомъ покрывалѣ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„Призраки“ заключаются въ томъ, что къ г. Тургеневу въ одну даже непрекрасную ночь, явилась прозрачная, какъ туманъ, дѣвица; она похожа на облако, дымъ, млечный туманъ, сумерки, серебряный свѣтъ луны, на вампира, скорбящую душу, а болѣе всего на млечную, сумеречную, туманную галиматью, наводящую скорбь на душу. Дѣва Элисъ — духъ, родная кузина всѣмъ призракамъ женскаго пола Гофмана, Ратклифъ, Жанъ Поля. Эта молочно-туманная дѣва объяснилась въ любви г. Тургеневу. Дѣвицы — не призраки не любятъ объясняться первыя, плоть ихъ противится; дѣвы безплотныя — напротивъ. Она воздушными руками обхватываетъ далеко невоздушнаго Ивана Сергѣевича, и

безцеремонно уноситъ его подальше отъ грѣшной земли. Когда я читалъ это эксцентрическое мѣсто, мнѣ вспомнилась карточка Тургенева, продающаяся въ книжныхъ магазинахъ; на ней изображенъ сѣдой, высокій, маститый, плотный старикъ, съ добрымъ выраженіемъ лица, въ сѣромъ, клѣтчатомъ пиджакѣ, съ вѣрнымъ охотничьимъ псомъ у ногъ. Съ оскорбительною ясностью представилось, что г. Тургеневъ высокій, плотный, въ сѣромъ пиджакѣ, сѣрыхъ панталонахъ, не хуже Іисуса возносится въ воздушный океанъ, гдѣ намѣревается проплавать всю ночь съ дѣвой Элисъ, по мѣрѣ надобности, спускаясь на землю и снова подымаясь въ лазурное пространство; на его почтенномъ лицѣ я узрѣлъ пресмѣшное, недоумѣвающее выраженіе; видно, что онъ былъ не въ своей тарелкѣ. Охота было г. Тургеневу съ подозрительной дѣвой странствовать по ночамъ, залетать въ Римъ, чтобы увидѣть голову цезаря! И что это за голова, такая, которой стоило только открыть глаза, и Тургеневъ тотчасъ же бы испустилъ духъ? Вѣдь ничего не приключилось съ нимъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ фельдфебельскую голову цезаря Александра II. Отъ такихъ галлюцинацій лечатъ компрессами холодной воды. Охота было, чтобы нагородить кучу громкихъ, красивыхъ фразъ, вызывать безумную головушку Степана Тимофѣевича! Не-зачѣмъ было понапрасну безпокоить мощную, грозную тѣнь. Положимъ, въ нашей исторіи, безмятежное существованье цезаря изрѣдка нарушалось появленіемъ возстановляющихъ равновѣсіе, Степана Разина и Емельяна Пугачева. На мѣстѣ г. Тургенева, ощутивъ въ себѣ приливъ фантастическихъ порывовъ, черезъ чуръ несоотвѣтствующихъ нашему скептическому, привязанному къ землѣ времени, я бы попросилъ Марѳу (ключницу Ив. С. Тургенева въ „Призракахъ“) поставить самоваръ, засыпалъ бы въ чайникъ малины и пилъ бы ее до жесточайшей испарины, и клянусь страшнымъ желѣзнымъ кольцомъ Элисъ, головою цезаря, что это призрачное настроеніе испарилось бы вмѣстѣ съ испариной. Г. Тургеневъ не заболѣлъ бы греческою болѣзнью—анеміей и не написалъ бы аномаліи.

Еще до Тургенева, нашъ талантливый лирикъ Майковъ выкинулъ точно такой же фокусъ въ своемъ по-

этическомъ стихотвореніи: „Вечеръ въ Тріанонѣ“. На вечеръ прогуливаются Мирабо съ Каліостро. Каліостро, чтобы охладить пламенныя мечты о свободѣ будущаго народнаго трибуна, предсказываетъ математически вѣрно его будущность, и, на волосъ не смущаясь, разсказываетъ, что онъ видѣлъ народъ во многіе періоды его исторической жизни; онъ былъ вездѣ „иль лютый тигръ, иль смирный волъ“. Чтобы подкрѣпить затѣйливую, симпатичную Майкову мысль, онъ разсказываетъ, какъ шелъ съ Моисеемъ въ пустынѣ, присутствовалъ при казни Іисуса, пировалъ съ Нерономъ, когда пылалъ подожженный имъ Римъ, былъ при казни Саванароллы, казни Стюарта I. Воображаю, если бы Каліостро на самомъ дѣлѣ вздумалъ пести такую чертовщину Мирабо, воспитанному на энциклопедистахъ XVIII вѣка! Онъ за глаза удовольствовался бы путешествіемъ съ Моисеемъ и немедленно сдалъ бы Каліостра въ сумасшедшій домъ. Талантливый лирикъ, находясь въ здравомъ умѣ, кладетъ въ основу стихотворенія такой сюжетъ! и безпрепятственно вдохновляется темою, которая дѣлаетъ стихи до того мизерными, забавными, что невольно забываешь всѣ ихъ поэтическія красоты. Удивительный фактъ! Удивительная голова!

У г. Тургенева въ головѣ витали волшебныя картинки, но разрозненныя, непослѣдовательныя; ему жаль было разстаться съ ними и съ тщательно выполированными фразами. Движимый простительнымъ чувствомъ художника, который хочетъ поскорѣе показать свои прекрасныя картины, онъ изобрѣлъ Элисъ — молочнаго вампира, прозрачную глупость; она помогла смастерить изъ картинъ прелестный альбомъ, онъ внутренно былъ увѣренъ, что читающая публика, большая идеалистка, жадно заищетъ таинственныхъ аллегорій, политическихъ, злостныхъ намековъ, обобщеній; ему, знатоку русскаго сердца, извѣстна забавно-наивная струнка нашего общества: держа въ рукахъ шляпу, искать ее по всѣмъ комнатамъ, дѣлая, самыя фантастическія предположенія о томъ, куда она исчезла. Пора дать полную отставку призракамъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; они выслужили полный покой; въ былое время ихъ тормошили безъ малѣйшей церемоніи, на нихъ большею частью выѣзжали безталатная ограни-

чённость или выписавшаяся талантливость. Не дается мудреная дѣйствительность, не говоря худаго слова, они подымаются въ высь, и „безъ руля и безъ вѣтрилъ“, вяло, невыносимо долго плаваютъ въ туманѣ. Призрачность миновала, выступила неисчерпаемая дѣйствительность. Все, стоящее внѣ ея здоровыхъ формъ — галиматія, очень полезная только залежалымъ педантамъ профессорамъ, заучившимся до такой сухости, что имъ необходимо дать фантастическаго конфортатива; она не пугаетъ, а смѣшитъ. А тѣмъ болѣе эти туманныя, здравый смыслъ высасывающія дѣвы-вампиры непростительны г. Тургеневу, какъ мастеру подмѣчать живыя явленія жизни, которыя онъ такъ глубоко-вѣрно, поэтично изображалъ во многихъ превосходныхъ романахъ. Онъ похожъ на человѣка, который вѣрилъ въ одну природу, ея незыблемые законы, и вдругъ неожиданно увѣровалъ въ чудеса генерала отъ церкви Тихона Задонскаго.

Во всѣхъ атмосферахъ русской жизни, есть страшные, жизнь душащіе, сосущіе призраки, носящіе пышныя оболочки и трудно, страшно трудно бороться съ ними; зачѣмъ намъ выдумывать новые?

Замѣтка о Гоголѣ

Я не берусь за критику Гоголя: Бѣлинскій такъ глубоко, вѣрно понялъ сущность его таланта, словомъ, такъ разносторонне и много сказалъ о немъ' что мнѣ остается „боязненно умолкнуть"; но я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ люди съ умомъ, громаднымъ талантомъ часто впадаютъ въ такія преисподнія ограниченности, узкости, что невольно становишься въ тупикъ; я разберу нѣсколько страницъ изъ „Мертвыхъ душъ", полныхъ пьянаго лиризма, оголтѣлаго патріотизма. Гоголь въ духѣ „истинно русскаго" любуется страшнымъ просторомъ Россіи, грозно охваченный могучимъ пространствомъ, онъ восклицаетъ: „Что пророчитъ необъятный просторъ, здѣсь ли въ тебѣ не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца! здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройдтись ему!"

Все, что такъ вдохновляетъ Гоголя, въ силу логики, должно навѣвать горькія, мрачныя мысли: ничего особенно свѣтлаго не пророчитъ незаселенный людьми просторъ; это показываетъ не силу государства, а его незрѣлость, слабость; это пророчитъ тугой, медленный прогрессъ, отсталость, запозданье; сила не въ пространствѣ, а въ людяхъ: Сахара необъятнѣе Россіи, но ни одному самому ярому поэту не прійдетъ въ голову видѣть необъятный прогрессъ въ ея пустомъ, мертвомъ пространствѣ. Раздолье, ширь безъ конца, были бы по душѣ Еруслапамъ Лазаревичамъ, да Соловьямъ-разбойникамъ; для богатырей мысли не нужно отводить сотни тысячъ десятинъ необработанной земли, безъ людей.

Безпредѣльная мысль развертывается не въ Киргизскихъ степяхъ, льяносахъ, пампасахъ Америки, а въ тѣсныхъ пространствахъ, гдѣ сплотились люди, гдѣ сосредоточились всѣ богатства цивилизаціи, всѣ подспорья для развитія; въ раздольныхъ степяхъ Россіи носится прозаически буйный, голосисто заунывный вѣтеръ; колышетъ онъ не тучныя нивы, съ колосистымъ хлѣбомъ, а степной, сѣдой ковыль; ничто не веселитъ, не радуетъ взора. Гоголь увлекается тѣмъ, что по всей

ширинѣ, длинѣ Россіи несется тоскливая, раздольная пѣсня; увы, то не пѣсня, а заупывная жалоба, стонъ несчастнаго, замученнаго народа; такія пѣсни тѣснятъ грудь, ничего не пробуждаютъ отраднаго. Далѣе Гоголь въ сонамбулизмѣ вдохновенія бормочетъ безобразныя, несуразныя рѣчи: „Не такъ ли ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься, дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все остается и остается позади; остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель, не молнія ли это, сброшенная съ неба? что значитъ это наводящее ужасъ движенье и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣту коняхъ? Эхъ кони, кони, что за кони! вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ, чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ одинѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху,—и мчится вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторапиваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

Этотъ дифирамбъ прогрессу былъ пропѣтъ нашимъ геніальнымъ писателемъ во время царствованія мѣдполобаго деспота!... Слова: „Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе?“ очень бы шло замѣнить — „что значитъ эта наводящая ужасъ всероссійская, безсмысленно свирѣпая, поголовная порка?“ Этимъ вопросомъ совершенно исчерпывался бы весь молніеносный прогрессъ Николаевскаго царствованія.

Трудно повѣрить, что эта гомерическая ерунда, горячечный бредъ приводили въ восторгъ и приводятъ теперь многихъ неглупыхъ людей; эта апотеоза азіатчины, варварства увлекла своею красивою реторикой самаго Бѣлинскаго. Николаевская Русь, полная Коробочекъ, во всѣхъ отношеніяхъ пріятныхъ дамъ, Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичей, Маниловыхъ, Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ, Башмачкиныхъ, квартальныхъ, казнящихъ на ногтѣ вшей, какъ необгонимая тройка несется; передъ этой Русью, вытянувшись въ струнку,

безъ шапокъ, благовѣйно, какъ городовые передъ губернаторомъ, стоятъ остальныя государства. Русь съ ея крѣпостнымъ правомъ, „бѣлыми неграми“, чиновничествомъ, бѣшеннымъ деспотизмомъ, лѣсами розогъ, палокъ, съ казацкими нагайками, плетьми, несется съ дымомъ, пламенемъ черезъ пропасти, гремящіе мосты; оставшіяся назади государства испуганно лепечутъ: „не молнія ли это, сброшенная съ неба?“. А Русь, какъ заслышала съ вышины „Камаринскаго“ еще буйнѣе понеслась, Гоголь, въ конецъ перепуганный, наконецъ рѣшается самъ спросить ее: „Да куда же ты, родимая, такъ разносишься?“ а она, одурѣвшая, какъ теленокъ въ первый разъ выпущенный на лугъ, на свободу, ничего не отвѣчаетъ, а несется, несется, задравши хвостъ. Америка, Англія, Швейцарія, косясь, униженно сторонются отъ урагана русскаго прогресса, который мчится такъ, что спицы въ колесѣ прогресса превратились въ свѣтлые круги, вѣтромъ становится разорванный въ куски воздухъ. Мчится вся вдохновленная русскимъ богомъ!...

И что болѣе, чѣмъ странно, что такой нахальный патріотизмъ проявился въ человѣкѣ, который смѣясь сквозь слезы, вывелъ, съ „крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, всю потрясающую тину мелочей, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ“, которыми кишала, кишитъ наша Русь. У русскихъ, даже у самыхъ умныхъ и талантливыхъ, благодаря идіотской цензурѣ, очень рѣдко всѣ функціи мозга работаютъ въ стройномъ порядкѣ; самъ Гоголь эту мысль прекрасно выразилъ, сказавъ: „на Руси устроено такъ: иной русскій въ Бога не вѣритъ, а вѣритъ въ то, что онъ умретъ, если у него зачешется переносица; въ медецину не вѣритъ, а лечится у бабы, которая лечитъ пришептываньями и приплевками.“ Та же порожающая несообразность просвѣчиваетъ и въ самомъ Гоголѣ; рядомъ со страницами, гдѣ онъ съ глубочайшею правдивостью рисуетъ жизнь пустую, нелѣпую, грязную, безъ отпечатка прогресса, та же отставшая отъ всѣхъ Русь, какъ Илья Пророкъ, богатырски проносится на огненной колесницѣ мимо великихъ цивилизацій, и несется за нею, не догоняя, разорванный воздухъ.

Могутъ ли быть честными людьми генералы?

На этотъ нескромный вопросъ, отвѣчу съ сокрушеннымъ сердцемъ: нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Они могли бы быть честными тамъ, гдѣ честность, прямота считались бы драгоцѣнными качествами; неужели нужно говорить, что у насъ это черезъ чуръ гибельныя качества? они могли бы быть честными тамъ, гдѣ они преклоняли бы гордую голову передъ однимъ гуманнымъ, разумнымъ закономъ, а не передъ тысячью идоловъ и передъ самымъ страшнымъ изъ нихъ — самодержавнымъ произволомъ. Генеральскій чинъ — сокровище, таящееся въ глубокомъ, узкомъ мрачномъ подземельи; желающій достать его, долженъ, проползти извилистые ходы. Чтобы сдѣлаться генераломъ, нужно быть бараномъ передъ начальникомъ, вепремъ, рыкающимъ, передъ подчиненнымъ; нужно сто разъ мѣнять шкуру, прежде чѣмъ эта излинявшая, ни къ чему негодная шкура облачится въ красные панталоны и нечеловѣческій сюртукъ, съ шутовскими эполетами, и сотни разъ продать, перепродать свою, сдѣлавшуюся отъ частыхъ переходовъ изъ рукъ въ руки негодную ни для какого употребленія, голову, чтобы вздѣть на нее съ гордостью каску съ разноцвѣтнымъ тюрбаномъ. Куча такихъ шалуновъ очень напоминаетъ вигвамъ краснокожихъ, съ разноцвѣтными перьями на головѣ.

Въ маленькомъ чинѣ будущій генералъ долженъ лисить, ежиться, принижаться передъ начальствомъ тѣснить солдатъ; онъ не смѣетъ думать питать дерзновенныхъ, свободныхъ мыслей, если онъ заикнется о нихъ, его раздавятъ, какъ крохотнаго, землянаго червячка; повышаясь въ чинахъ, онъ долженъ сохранять во всей неприкосновенности — иначе ему не быть генераломъ—прежній молчащій, ползущій, передъ всѣми принижающійся, молчалинскій типъ; жизнь его должна быть бѣднѣе жизни паразитной инфузоріи; стремясь къ обѣтованному генеральскому чину, сопряженному съ

нимъ кругленькому пенсіону, къ жирнымъ, внушающимъ страхъ городовымъ и отставнымъ подъячимъ, эполетамъ, онъ долженъ глубоко, безпощадно зарыть въ себѣ, какъ хламъ негодный, свое человѣческое достоинство, сердечную молодость, энергію, юныя мечты, надежды, горячіе, свободные сны, все расширяющее обновляющее душу, словомъ, все, что ставитъ человѣка выше послѣдняго животнаго; всякій призракъ собственныхъ убѣжденій долженъ испариться изъ него, иначе не быть ему генераломъ! Каждый самый крошечный шагъ впередъ на генеральскомъ пути сопряженъ съ утратою на вѣки честнаго принципа. Генералы—пѣшки въ рукахъ гнетущаго правительства, достигнувъ этого чина, они становятся мрачными дѣятелями, палачами осужденнаго на смерть государства: они вступаютъ въ злую ассоціацію русскихъ правителей, „толпою жадною стоящую вокругъ трона.“ Дворъ и правительство случайно, незаконно, путемъ насилія, завладѣвши милліонами, дикими, ни на чемъ не основанными, баснословными правами, должны или сказать грустное addio сказочнымъ, безчисленнымъ дворцамъ, разнообразнымъ до пугающихъ размѣровъ животнымъ наслажденіямъ, страсти повелѣвать, угнетать, ломать, душить, или должны іезуитскими способами опутать тяжелою, сѣрою паутиною все государство; система набрасыванія паутины вся цѣликомъ основана на обширномъ подкупѣ, свирѣпомъ подавленіи свободной мысли. Непормальное, болѣзненное явленіе, они должны себя поддерживать возбуждающими ядами; не возбуждая сами по себѣ любви, они ее должны выдавливать подкупомъ. Генералы голубые, лиловые, пѣгіе, красные, коричневые, министры, сенаторы, губернаторы, тайные и явные, дѣйствительные и недѣйствительные статскіе совѣтники, провокаторы, палачи третьяго отдѣленія, крупные чиновники, получая отъ деспота громадные пенсіоны, должны невольнымъ образомъ втянуться въ помойную яму, все пожирающую, все эксплуатирующую ассоціацію; залившій имъ глотки золотомъ, давшій имъ матеріальныя блага, въ видѣ огромныхъ квартиръ, роскошныхъ обѣдовъ, онъ взамѣнъ у нихъ беретъ мозгъ, сердце и распоряжается съ этимъ эластическимъ матеріяломъ, какъ съ движимою собственностью. Генералы назнача-

ются въ директора, они гасители, душители; они радѣютъ о воспитаніи, имъ отдается каждый годъ на погубленье десятки тысячъ дѣтей; они обязаны добиться, чтобы ни одинъ лучъ не запалъ въ юную, воспріимчивую душу; они должны состряпать изъ нихъ жалкихъ холуевъ, годныхъ только для вылизыванія. Подъ ихъ надзоромъ наука, честь съеживаются до безобразныхъ размѣровъ, но за то обезличиваніе, холопская подлость въ необходимыхъ размѣрахъ тщательно, неусыпно поддерживаются. Тяжелая рука произвола налегла всею грубою тяжестью на университетское образованье и надъ нимъ тяготѣютъ тайные, явные шпіоны и палачи! Ученыя программы, пройдя черезъ оффиціальныя черныя лапы хранителей престола, дѣлаются негоднымъ, занаваживающимъ мозгъ, мусоромъ; образованіе плодитъ гусеницъ, жрущихъ въ народѣ его живыя силы, подавляющихъ въ немъ трезвые порывы. Населеніе Россіи, незнающее грамоты, болѣе подаетъ надежды на пораженье деспотизма, чѣмъ большинство рабишекъ, кончившихъ курсъ по нашимъ учебнымъ заведеніямъ: у него мозгъ не заговоренъ рабскими софизмами. Всѣ реформы нашихъ правителей, обольстительны на первый, поверхностный взглядъ, это —шеколадпкъ съ сладенькими бисквитами, но не вкусный, здоровый обѣдъ, способный поддержать жизнь; реформы носятъ крайне узкій, эгоистическій характеръ, ни одна реформа не соприкасается съ деспотизмомъ, не подрывается подъ его безплодное, лютое, роскошное существованіе. Суды похожи на суды только тогда, когда дѣло касается общества (и то благо, и то добро!); дохните на высшую власть, и дыханіе будетъ судиться судомъ таинственнымъ, импровизированнымъ, остервенѣлый, послушный, онъ замучаетъ васъ втихомолку въ каменныхъ мѣшкахъ Петропавловской крѣпости! Деспотъ и сопряженное съ нимъ правительство не дадутъ никогда добровольно свободной прессы; ихъ свирѣпый эгоизмъ скорѣе задушитъ всю умственную жизнь страны, чѣмъ разрѣшить ее! свободное слово мгновенно подорветъ ихъ злое, дикое, нелѣпое существованіе, они могутъ существовать на развалинахъ государства, на его трупѣ; они мысль, какъ сивуху, отдали на откупъ генераламъ! Цензоры за деньги, выграбленныя изъ ды-

ряваго кармана страждущаго народа, душатъ мысль, преслѣдуютъ ее на тысячу ладовъ, мертвятъ ее въ зародышѣ; они пропускаютъ только то, что въ состояніи заморочить массы: они знаютъ, что стиспутая мысль, освободившись, яростно набросится на главныхъ виновниковъ зла; критическому ножу подвергнется сначала то, что больнѣе рѣжетъ глаза; первый, страшный ударъ, нѣтъ сомнѣнія, обрушится на царя и приближенную ему сволочь. Одни шпіоны, провокаторы и отставные жандармы, могутъ утверждать, что свободу, полную свободу, выговорятъ уста деспота, вѣчно замкнутыя для этого слова. Свобода,—царская могила, она подымется, вынужденная силою гнета, грозная, страшная, изъ глубины доведеннаго до отчаянія народа; заря свободы будетъ кровавая, она наведетъ трепетъ на міръ; она — неизбѣжный исходъ, подготовленный тиранами, они готовятъ черезъ края льющуюся чашу яда для своихъ дѣтей. Они увѣряютъ умственно ими развращенную массу, что свободу дать рано, что ее нужно давать послѣдовательно, медленно, — іезуитское отвиливаніе пахнетъ кровью, чиновничьимъ полицейскимъ плутовствомъ — стараясь надувать другихъ, они надуютъ въ концѣ концовъ самихъ себя. Неестественное, безобразное ярмо они накидываютъ на шею неподготовленнаго народа, и вовсе не считаютъ это ужаснымъ дѣломъ; свободу же, понятную всѣмъ, принадлежащую всѣмъ по праву, святую, желанную, не хотятъ дать! къ ней подготовляютъ эксплуатаціей, стѣсненіями, тюрьмами, пытками, цѣпями, Сибирью, всѣми кривдами и неправдами! Совершенно справедливо: пичкая народъ такою разнообразно восхитительною пищею, вы его доведете до такого пресыщенія ею,что. при одномъ вспоминаніи о ней, его будетъ рвать кровью. Вглядитесь поглубже въ исторію Россіи, съ водвореніемъ такъ называемыхъ Романовыхъ, и вы увидите, что національный типъ мельчаетъ, деспотизмъ усиливается; цѣною погибающаго народа расплывается, укрѣпляется власть; царское брюхо все болѣе ростетъ, все болѣе становится ненасытнымъ, народное же — совсѣмъ подвело. Петръ I считалъ каждую копѣйку, истраченную на себя и прихлебателей, Александръ II не считаетъ милліоновъ,

уплывающихъ въ карманы балетчицъ; эксплуатація растетъ, ширится и подвигаетъ государство къ ужасающей развязкѣ.

Во время Екатерины II свободный кликъ пропесся по югу Россіи, слова: „земля и вольница“ подняли цѣлыя сонмища проснувшагося отъ страшныхъ грезъ народа; оскорбленныя человѣческія права выразились въ русскомъ Маратѣ — Пугачевѣ. Къ призраку Петра III придрался раздавленный народъ, онъ попробовалъ стряхнуть не въ моготу рѣжущій горло собачій ошейникъ. Призракъ, зовущій къ мщенію, требующій безчисленныхъ жертвъ, перепугалъ до смертельнаго испуга плантаторовъ, деспотиковъ; священный тронъ дрогнулъ, испуганная власть съежилась, какъ бабочка на булавочкѣ. Пугачевъ распорядился бы съ землею, людьми, безкопечно лучше, чѣмъ либерально-мудрая Екатерина—раздаривающая сотни тысячъ людей своимъ ненасытнымъ любовникамъ, за тщетное удовлетвореніе своего ненасытнаго тѣла! При Пугачевѣ былъ бы сытъ, воленъ народъ, при Екатеринѣ онъ жадно ѣлъ листья, желуди и перегнившую солому въ то время, когда Потемкинъ, Зубовы на цѣлые милліоны обворовывали государственное казначейство; онъ не ѣздилъ бы по Россіи въ сопровожденіи фантастическаго, страшно дорогого штата, передъ нимъ не выростали бы волшебныя декораціи идиллической, ликующей, поющей сельской жизни; его не встрѣчали бы одѣтые на казенный счетъ старцы, въ атласныхъ кафтанахъ, съ выученнымъ счастьемъ на лицѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ, отъ отвратительно злой поддѣлки подъ счастье, не стопалъ бы народъ, задавленный крѣпостниками помѣщиками, не кряхтѣлъ бы подъ ударами плетей, нищеты, невѣжества!

Самозванецъ грубый неучъ, казакъ-Пугачевъ обѣщалъ народу и далъ ему во время краткаго владычества вольность, землю, безпрепятственное пользованіе лѣсами, водами, лугами. Императрица, съ помощью тайнаго убійства мужа взошедшая на престолъ, закрѣпила своею щедрою, самодержавною десницею плети, пытки, кровожадное рабство, безграничныя права тирановъ-помѣщиковъ. Пугачевъ силою святыхъ, великихъ словъ: „вольница и земля,“ которыя составляли и

составляютъ сущность всѣхъ народныхъ мечтаній, поднялъ народъ по всей Россіи, какъ магическимъ жезломъ; безчисленныя войска выростали у него сказочно изъ земли и безпорядочныя, вооруженныя дрекольями толпы разбивали на голову „ орловъ “ Екатерины. Законная императрица силою штыковъ, пушекъ снова уложила народъ въ тотъ тѣсный, свинцовый гробъ, который получила въ наслѣдство отъ самодержавія. Человѣкъ, чуть было въ XVIII в., ранѣе французской революціи, не освободившій весь русскій народъ и водворившій среди него экономическій строй, которымъ теперь грезитъ все передовое въ Европѣ, былъ искалѣченъ пытками, четвертованъ на площади; имя суроваго самозванца было предано проклятію и недавно только начало выясняться во всей грандіозности при помощи тщательныхъ, безпристрастныхъ историческихъ разслѣдованій; за произнесеніе только имени страшнаго человѣка, черезъ много лѣтъ послѣ его казни, запарывали безжалостно плетьми, рѣзали уши, руки, ноги, ссылали въ Сибирь. Екатерина, чуть было совсѣмъ нераздавившая русскій народъ, сковавшая его новыми, еще болѣе тяжелыми цѣпями, прославлена была, даже при жизни, по всему міру мудрою, великою императрицею, спасительницею отечества; та же самая спасительница, въ свободное отъ государственныхъ попеченій время, весьма весело, остроумно переписывалась съ Вольтеромъ, назначила пенсіонъ Дидеро, пописывала колкія статейки противъ взяточниковъ, хихикала надъ глупыми русскими женщинами; страдая нимфоманіей, поучала ихъ высокой нравственности; говорила вскользь о благонравіи, благолѣпіи, о свободѣ слова, и за то же бѣдное, свободное слово сослала въ Сибирь необольщеннаго жалкою внѣшностью Радищева.....

. . . . . .

Римъ 1873 г.

Размышленіе по поводу казни Стюарта I

„Вотъ уже три часа какъ мы толкуемъ о королѣ. Республиканцы ли мы? Нѣтъ мы рабы!“
(Слова Кутона во время процесса надъ Людовикомъ XVI)

Желчное чувство пробуждаетъ процессъ Карла Стюарта I и его казнь.

Большая часть историковъ впадаетъ въ разсыропливаніе, поэтическое холопство; съ какими мельчайшими подробностями, отеческою любовью, женственною нѣжностью описываютъ они страданіе короля, его кроткія слова, трогательное прощаніе съ малютками; съ какою суровою холодностью относятся къ Кромвелю. Подобострастіе этихъ слезливыхъ, замѣчательно хамоватыхъ историковъ походитъ на лизаніе той палки, которая ихъ безжалостно, нестерпимо больно и безконечно долго била; полюбуйтесь описаніемъ: Карлъ сидитъ въ тюрьмѣ, укрѣпляется въ вѣрѣ, превращается въ пошлаго ханжу изъ жестокаго тирана; цѣлые дни хныкаетъ; ему позволяютъ видѣться съ дѣтьми, онъ жарко лобзаетъ птенцовъ, даетъ мудрые совѣты; и все это такъ трогательно, что послѣ Кромвель замѣчаетъ, что жалостнѣе сцены онъ не видалъ во всю свою жизнь — повидимому, онъ не былъ знакомъ ни съ одною деревенскою хижиною веселой, старой Англіи — далѣе несчастный Стюартъ по ночамъ слышитъ стукъ молотовъ, топоровъ, усердно работающихъ надъ эшафотомъ, но это не мѣшаетъ ему сладко спать. Во время шествія на казнь ему плюютъ въ глаза, но онъ, вспоминая Спасителя (очень грустно, что онъ его никогда не вспоминалъ на тронѣ, во время своей тираноманіи!), съ кротостью переноситъ это, одинъ изъ толпы молится за него, за что солдатъ ударяетъ по головѣ молящагося, упрекая его въ подломъ холопствѣ; король кротко замѣчаетъ, что наказаніе строго за поступокъ. Историки сравниваютъ его съ Спасителемъ (очень много об-

щаго у необузданнаго деспота, злодѣя, съ великимъ провозвѣстникомъ любви, равенства!). Шествіе на плаху свершаетъ король въ роскошной одеждѣ (что очень напоминаетъ полунагого Спасителя, изнемогающаго подъ тяжестью собственнаго креста!) онъ говоритъ приближеннымъ, что отъ вѣнца тлѣннаго переходитъ къ вѣнцу нетлѣнному, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей (другими словами — ни королей, ни эшафотовъ); эту отрепанную руладу напѣвали, не разъ, взводимые на эшафотъ; преоригинальное путешествіе затѣвалъ король! Небо, готовящееся воспринять его въ свое бездонное лоно, преравнодушно смотрѣло на его гибель, оно о немъ такъ же много безпокоилось, какъ и о мошкахъ, гибнущихъ послѣ дождя! Голову отрубилъ замаскированный палачъ и показалъ ее народу, со словами: „это голова измѣнника“, это былъ послѣдній куплетъ историческаго водевильчика. Многіе историки указываютъ, какъ на знаменательный фактъ, что народъ безмолствовалъ: это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, это показало бы только то, что безмолствующій народъ еще долго не будетъ свободенъ, что его забитое воображеніе боится призраковъ, что надъ жалкой, преступной головой короля еще не совсѣмъ исчезъ ореолъ. Указываютъ на то, что во время приговора надъ королемъ, при чтеніи фразы: что это свершается по волѣ народа, нѣкая леди Ферфаксъ закричала, что не было и десятой части народа въ этомъ желаніи; но этого сентиментальнаго вздора не было: народъ самъ горячо жаждалъ смерти короля. Карлъ I не могъ слышать стука топоровъ надъ эшафотомъ, потому что былъ переведенъ въ Сенджемскій дворецъ, далеко отстоящій отъ мѣста плахи. Но углубляясь въ разсказы о казненномъ монархѣ, историки не стараются поглубже разъяснить: какимъ образомъ казненный Стюартъ довелъ терпѣливый, всепрощающій народъ до такого исхода? Они очень всколзь упоминаютъ о его ужасныхъ преслѣдованіяхъ народной религіи, надувательствахъ, его безчеловѣчной тиранніи, мотовствѣ, холодномъ презрѣніи къ волѣ и нуждамъ народа. Чтобы познакомиться съ безконечнымъ, святымъ терпѣніемъ народа, надо только пролистать исторію; чѣмъ болѣе вы ее узнаете, тѣмъ все болѣе и болѣе становится не-

вѣроятнымъ его христіанское, подлое терпѣніе; но предѣлъ есть во всемъ, даже и въ народномъ терпѣніи!...

II

„Пугаетъ кровавыми снами
Исторіи прошлой страница.

Барбье.

Теперь постараюсь набросать суровую, грозную картину, освѣщенную заревомъ пылающихъ, инквизиціонныхъ костровъ. Въ началѣ статьи мы видѣли гибель короля отъ руки народа — но, къ сожалѣнію, исторія насчитываетъ удивительно микроскопическое число королей, погибнувшихъ отъ руки народа — гибли они немучительною смертью и всегда за собственные, безчисленные тяжкіе грѣхи, или еще большіе своихъ отцовъ; судъ народа надъ королемъ имѣлъ оправданіе въ ужасахъ, которые вытерпливалъ народъ отъ королей. Теперь полюбуйтесь гибелью народа отъ ихъ руки. Не слезами, а кровью должны плакать историки, вспоминая лютыя издѣванія надъ людьми! Самыя ужасныя надруганья начинались послѣ того, когда народъ, раскрывши объятія, со слезами, криками радости, принималъ монарха. Вспомните инквизицію, въ одной только Испаніи, въ одно царствованіе Филипа II, она погубила 72.000 человѣкъ, по страшнымъ подземельямъ, среди пытокъ и въ пламени костровъ.

Жертвы сжигались живыми, на медленномъ огнѣ; когда тѣло тлѣло, страдальцы задыхались въ дыму костровъ, изъ роскошной ложи глядѣлъ король и любовался пытками; на казнь несчастныхъ провожали попы, съ крестами, хоругвями. Вспомните всю несмѣтную массу войнъ, которыя начинали короли, движимые интрижками, ненавистью одинъ къ другому; народъ во всѣхъ подобныхъ перепалкахъ былъ пушечнымъ мясомъ. Но когда, въ рѣдкихъ случаяхъ, народъ умолялъ щадить его жизнь, средства, на него высылались мрачные злодѣи; они обрушивались, какъ чума, на недовольную страну; воздвигались эшафоты, пускались въ ходъ пытки; если городъ не сдавался, предчувствуя страш-

ный конецъ, его осаждали, не жалѣя людей, средствъ; но когда послѣ борьбы входили въ него, то рѣзали дѣтей, насиловали женщинъ, а послѣ, ради невинной забавы, ихъ груди, животы прокалывали штыками; городъ затапливали кровью, ограбливали до тла; оторванные члены, выпотрошенныя внутренности, разбитые черепа, съ вывалившимся мозгомъ, были вѣчными эпилогами нескончаемыхъ драмъ. Малѣйшій протестъ народа противъ монарха, который давилъ, грабилъ, поддерживалъ для своихъ финансовыхъ затѣй мракъ, невѣжество въ народѣ, который издѣвался надъ его правомъ, имуществомъ, всѣмъ дорогимъ, близкимъ ему, назывался крамолою. Кровожадность, ненасытность королевской хищной породы была фантастически изумительна! Умирали изверги, напутствуемые поповскими благословеніями, окруженные докторами, плачущими придворными; умершихъ насильственною смертью, можно перечесть по пальцамъ. Людовикъ XVI погибъ мгновенно подъ ножомъ гильотины, а Даміенъ, черкнувшій ножемъ Людовика XV, умиралъ часъ; ему жгли руку на сѣрномъ огнѣ, а послѣ щипцами начали вырывать мясо, а во внутрь ранъ заливали растопленный свинецъ; на немъ, какъ щетина на дикобразѣ, поднялись волосы и онъ, задыхаясь въ конвульсивномъ хохотѣ, кричалъ: „еще, еще!“ Испустилъ онъ духъ только тогда, когда у него, растянутаго въ разныя стороны лошадьми, начали отрываться ноги; взошелъ онъ на эшафотъ черноволосымъ; голова, показанная толпѣ, была сѣдая, изрѣзанная старческими морщинами. Вспомните казнь одной протестантки: члены ея молола машина, а передъ глазами у нея держали ея груднаго ребенка, къ груди прилила скорбь и молоко, оно закапало съ обнаженной, пылающей отъ чудовищныхъ мукъ груди, а ребенокъ жадно тянулся къ материнскому молоку. Не думайте, что эти казни были рѣдки, отнюдь нѣтъ, въ нихъ играли короли, то были водевильчики; по рядомъ были и драмы; вспомните герцога Альбу, какой широкій, кровавый слѣдъ онъ оставилъ во Фландріи; прочтите исторію дикаго, страшнаго времени, и ручаюсь вамъ, что будь вы холоднѣе полярнаго льда, изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы и отъ ужаса омертвѣетъ сердце. Припомните походъ на Альбигойцевъ, югъ Фран-

ціи былъ превращенъ въ пустыню, была замучена, задушена лучшая раса людей въ цѣлой Европѣ, передовая по своему развитію, самая богатая по промышленчости, и за то только, что населеніе осмѣлилось усомниться въ неприкосновенной святости римскаго духовенства и свободно толковать библію! А Карлъ IX, давшій сигналъ на рѣзьню, покрывшую черным покрываломъ это смутное время; когда душили протестантовъ, а наемные убійцы рѣзали Колиньи, когда подъ звонъ колоколовъ справлялась кровавая свадьба, король кричалъ: „убивайте, убивайте!“ А русская исторія, съ ея Іоанномъ Грознымъ, Павломъ, Николаемъ!... Но лучше прекратимъ гнетущій душу перечень бѣшенныхъ остервенѣній, невѣроятныхъ низостей; кто хочетъ быть по горло сытъ ужасами, пусть глубоко изучитъ исторію, отъ нея несетъ кровью, дымомъ костровъ, вся она — лютое издѣваніе единицы надъ массами, апоѳеоза насилья; тьма вѣтхозавѣтной ночи витаетъ надъ нею до XVIII вѣка, тутъ тьму начинаютъ прорѣзывать лучи слабаго свѣта.

И у историковъ хватаетъ смѣлости, совѣсти рыдать надъ казнью короля, надъ крошечнымъ фактикомъ, исчезающимъ передъ милліонами жертвъ, и удивляться ужасамъ революціи! Историки совершенно забываютъ, что революціи не причины, а слѣдствія, логическій, послѣдовательный исходъ дикаго безобразничанья надъ человѣкомъ; ихъ выпытываютъ сотни лѣтъ изъ народа, первые провокаторы революціи — неограниченные монархи и короли. Попираніе правъ, свободы, жизни, необходимо должны были привести къ возстанію; чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ сильнѣе отпоръ. Революціи, не смотря на массы жертвъ, внушаютъ восторженное чувство. Въ великіе дни народъ расправляетъ, спутанные гнилыми тряпками гигантскіе члены; сгнетенная сила взрываетъ гранитныя скалы; шагая черезъ трупы, народъ идетъ къ свѣту, жертвъ много, но за то, на короткое время, мысль приходитъ въ бурное броженіе; много животрепещущихъ, роковыхъ вопросовъ встаютъ передъ народомъ, требуя рѣшенія; идеи движутъ массами, страшно быстро ими всасываются, задавленныя грубою силою, онѣ уходятъ внутрь народовъ, горятъ подъ пепломъ, но до первой искры...

Издѣваніе царей, духовенства привели къ тому, что народъ, опьяненный местью, растопталъ своихъ истязателей, онъ былъ негуманенъ, но и его палачи не отличались особенною гуманностью! Могу васъ увѣрить, сердобольные историки, что если вы внимательно вглядитесь въ исторію, то увидите, что революціи, приводящія васъ въ трепетъ, далеко не такъ ужасны, какъ дѣйствія абсолютныхъ монарховъ и непогрѣшимыхъ папъ; если вы постараетесь собрать въ кучу всю массу зла, сдѣланную царями, папами, духовенствомъ, то передъ нею революціонный терроръ покажется временемъ, въ которомъ на землѣ царили ангелы, съ оливковыми вѣтвями мира, съ небесною благодатью на челѣ. Васъ вводитъ въ ошибку то, что первая французская революція, за одинъ разъ, подвела итоги прошедшему, тогда, какъ прошедшее свершало зло съ паузами, разбросанно, но за то эти мучительныя операціи продолжались вѣка. Помните, что прогрессъ, о которомъ вы распинаетесь, возможенъ только при полномъ расширеніи правъ массъ и ограниченіи права жалкихъ единицъ; неограниченный монархъ, опирающійся на привилегированныя сословія и широкій прогрессъ — двѣ крайнія противоположности.

Можетъ быть, всѣ эти аханія, благоговѣйныя позы передъ эшафотами, на которыхъ сложили головы тираны, происходятъ отъ непривычки къ такому явленію? Къ воплямъ народнымъ, его безумнымъ страданіямъ, казнямъ, бойнямъ, мы черезъ чуръ привыкли; время установило спокойный, сухой, почти филистерскій взглядъ на подобные ужасы.

Но многіе укажутъ, что я грѣшу противъ новаго, философскаго взгляда на исторію, который никого не обвиняетъ, никого не хвалитъ, а только безпристанно взвѣшиваетъ событія; я нахожу, что подобный философскій взглядъ имѣетъ въ себѣ тотъ капитальный недостатокъ, что онъ чрезвычайно усыпляетъ, старается примирить непримиримое.

III

„О, великій дуракъ останется вамъ всегда покорнымъ; всегда будетъ развлекать вашихъ дворянчиковъ своими великанскими шуточками... Каждый день въ угоду вамъ показывать старые фокусы, балансировать на носу невыносимыя тяжести и заставлять сотни тысячъ солдатъ топтать ему брюхо... Но не боитесь ли вы, что когда нибудь его утомятъ эти тяжести, что онъ сброситъ съ себя вашихъ солдатъ, или расшутившись не въ мѣру, придавитъ ваши собственныя головы мизинцемъ такъ, что мозгъ брызнетъ до самыхъ звѣздъ..... Нѣтъ, не бойтесь, я только шучу..."

Г. Гейне.

Отчего Россія въ глазахъ Европы такъ безнадежна? Отчего лучшіе умы, мечтая о всеобщемъ народномъ братствѣ, исключаютъ ее изъ общаго братства? Привилегированному, умственно развращенному меньшинству, покоющемуся въ летаргіи, только и грезится власть; у него есть таинственный сфинксъ, черезъ который государство еще долго не расправитъ своихъ исполинскихъ членовъ, сфинксъ — это царь; пусть вспомнятъ о сценахъ, происходившихъ въ Москвѣ послѣ 4 Апрѣля, выстрѣла Каракозова, какою мутною волною вылилось татарское раболѣпіе! Пусть вспомнятъ, какъ московское купечество опивалось, объѣдалось, по поводу этого ничтожнаго случая, какъ — царскіе пуделя издѣвались надъ бѣдными студентами за то, что они не участвовали въ лакейскихъ восторгахъ. А адресы, посланные отъ городовъ, напичканные до рвоты вѣрноподданническими подлисиваніями, божескими поклоненіями монарху. Театры, въ которыхъ все представленіе заключалось въ томъ, что толпа актеровъ во всю глотку вопила: „Боже царя храни", а публика жалкая, несчастная, крѣпостная, стояла во фронтѣ; такой низкоподданической грязи не смоютъ цѣлыя моря! Такое злостное идолопоклонство уравнивало публику съ дикарями острововъ Фиджи, поклоняющимся деревяшкамъ въ разноцвѣтныхъ лохмотьяхъ; а распѣваніе того же питритическаго гимна у себя по домамъ! гдѣ многія, любезно вѣрныя царю семейства, изъ любезно шаловливыхъ ливрeтокъ, собирались въ кружокъ и благого-

вѣйно затягивали хоромъ: „Боже царя храни“, эту переложенную на русскіе нравы „Марсельезу“. Много, удивительно много фантастически причудливыхъ вакханалій, подлаго холопства, были разыграны по всѣмъ уголкамъ Россіи; нѣкоторыя изъ нихъ были до того гнусны, что походятъ на сказку.

Когда Муравьевъ въ застѣнкахъ пыталъ Каракозова и сотни молодыхъ людей, многіе, не только изъ мракобѣсцевъ, но и либеральчиковъ, опьяненные оргіями хамства, шептали: „О Муравьевъ съумѣетъ допросить!“ пусть вспомнятъ либеральчики эти страшныя слова и пусть отравятъ они ихъ послѣдній часъ! Такія слова ужасны не только въ устахъ христіанина XIX вѣка, но и въ устахъ средневѣкового палача; какъ дѣтски наивенъ, въ сравненіи съ этими словами, мнимый крикъ толпы іюдейской: „распни, распни его!“ И они произносили ихъ въ то время, когда сотни лучшихъ молодыхъ людей томились, обливаясь жгучими слезами, въ черныхъ, заплѣсневѣлыхъ дырахъ крѣпостей, одинокіе, беззащитные, осыпаемые униженіями, побоями! Когда ихъ семейства отдавали послѣдній, трудовой грошъ жандармамъ, чтобы издали полюбоваться стѣнами Петропавловской крѣпости, которая оказалась черезъ чуръ тѣсна для осужденныхъ! Пусть толпы жертвъ молодыхъ, блѣдныхъ, замученныхъ, изпуренныхъ, рвущіе сердце образы, рыдающихъ, оспротѣвшихъ матерей предстанутъ, болѣзненно ярко, въ предсмертныхъ грезахъ поощрителей палачей и пусть отравятъ они ихъ послѣдній часъ!...

Смѣшно, дико выговорить, что въ 1865 году выстрѣлъ въ царя навелъ ужасъ, не только на реакціоперовъ, но и на либеральчиковъ; на этотъ поступокъ взглянули, какъ на святотатство, „о времена, о нравы“! Въ Европѣ, со времени первой французской революціи, личность императора стала столь священной въ глазахъ народа, что ее нужно, во время самыхъ невинныхъ прогулокъ, охранять сѣтью шпіоновъ и полицейскихъ. До выстрѣла Каракозова необузданное холопство, подкуривая самодѣльнымъ фиміамчикомъ, вопило что только поляки могутъ имѣть злой умыселъ на царя, что слово царь, въ силу какихъ то бездонно-таинственныхъ данныхъ, священно для русской націи, выстрѣлъ Кара-

Козова и связанное съ нимъ тайное общество разсѣяли иллюзію; но патріоты не унялись, они возопили: „Каракозовъ дѣйствительно русскій, но только сумасшедшій“, правительство, желая подкрѣпить эту мысль въ обществѣ, сначала запытало сумасшедшаго, а потомъ повѣсило сумасшедшаго.

А даваемая въ провинціяхъ драма „Иванъ Сусанинъ“, гдѣ Сусанинъ весьма торжественно объявляетъ, что онъ скорѣе самъ сколѣетъ, чѣмъ позволитъ убить царя; въ драмѣ являются благоденствующіе поселяне, обожающіе царя и помѣщиковъ, — поляки ненавидящіе царя и помѣщиковъ, но за то ихъ цѣлую сотню можетъ избить одна добрая поселянка, обуреваемая обожаньями. Въ послѣднемъ дѣйствіи драмы изображенъ костромской лѣсъ (гдѣ съ искони вѣковъ водились царскіе спасители), съ падающимъ снѣгомъ, по большей части, приготоляемымъ изъ полицейскихъ книгъ, въ которыхъ записывали безпаспортныхъ бродягъ и поронныхъ розгами. Чепуха ростетъ съ каждою терціею и достигаетъ до апогеи въ концѣ пьесы, гдѣ Сусанинъ умираетъ, поддерживаемый вѣрными царю поселянами и мелетъ нандлиннѣйшіе монологи, черезъ чуръ благозвучные даже въ устахъ какого нибудь современнаго поэта — Богоявленскаго; онъ видитъ разверстое небо, Бога съ такою же бородою, какъ у него, — ангеловъ, похожихъ на жандармовъ и ясно зритъ, какъ вся эта компанія протягиваетъ къ нему съ неба руки и какъ послѣ его имя начинаетъ разгуливать по приказанью начальства, изъ потомства въ потомство. Но дикая болтовня заканчивается тѣмъ, что Сусанинъ начинаетъ жестоко, непозволительно долго дрыгать ногами и къ великому удовольствію державшихъ его массивное тѣло поселянъ, умираетъ за домъ Романовыхъ. Бѣдный Сусанинъ не предчувствовалъ, что славный домъ Романовыхъ совершенно прервется и начнется славный домъ, безфамильныхъ чухонцевъ изъ деревни Котлы. А духи à ля Комисаровъ, и пожалованіе сего достойнаго мужа въ дворянское званіе, лукуловскіе обѣды во дворцѣ, гдѣ несчастный Комисаровъ, чуть было не задохся въ душныхъ объятіяхъ генераловъ-царелюбцевъ. Спаситель отечества потѣлъ, не смотря на свои костромскіе нервы, падалъ безчисленное число разъ

въ обморокъ и чуть не умеръ отъ поноса на одномъ изъ этихъ обѣдовъ, желудокъ, сердце не вынесли высокой государственной сферы. Дворянство, купечество, очень скуповатые на жертвы въ пользу бѣдныхъ студентовъ, больницъ, школъ, широко разщедрились, собравъ большую сумму для Комисарова. И вся эта грязная масса балаганныхъ сценъ разыгралась, благодаря тому, что костромской спаситель, выуживая платокъ изъ кармана Каракозова, нечаянно толкнулъ его руку.

Россія теперь нюхаетъ Комисарова и не въ отхожемъ мѣстѣ, но преображеннаго въ дешевые духи, но она скоро узритъ кофточки, подштаники, носки à ля Комисаровъ. Анекдотическая случайность: вошли въ моду красныя рубашки à ля Гарибальди и духи à ля Комисаровъ! Всѣ эти убогенькія, подленькія сцены напоминаютъ наше недавнее прошлое, гдѣ, по случаю отъѣзда помѣщика, немилосердно поровшаго своихъ крестьянъ, собирались забитые мужички и пригорюнившись голосили: „Да, на кого же ты насъ, сердешный, оставишь, на кого покинешь?“ Всѣ эти сцены жалки, но онѣ возбуждаютъ злое чувство: чувствуешь, что азіатскій произволъ пока еще крѣпокъ; этими дикими выходками, позорящими человѣческое достоинство, общество дало знать царю, что гнусное настоящее, гнуснѣйшее прошлое ему по вкусу, что оно съ удовольствіемъ останется преданной царской лягавой, если этого только пожелаетъ царь-батюшка. Но лучъ надежды на спасенье свѣтится въ томъ, что въ позорныхъ овацiяхъ не участвовалъ народъ деревень, онъ почесалъ затылокъ и пропустилъ апатично сквозь уши новость, которая такъ возбуждала касту дворянъ, касту купечества. Только такіе великіе историки, какъ Смарагдовъ и Устряловъ, могутъ сладко лепетать, что самодержавіе вытекаетъ свободно изъ исторической жизни русскаго народа, а не навязано ему на его гибель силою штыковъ и пушекъ. Прислушайтесь къ народнымъ былинамъ, легендамъ, пѣснямъ, и вы нигдѣ не услышите именъ великихъ царей — опекателей человѣчества; у націи есть свои благодѣтели, она идетъ въ разрѣзъ съ историками; люди заклейменные названіями кровавыхъ чудищъ, для народа — святые угодники, герои, мученики: вспомните Разина, Пугачева; годины мрака для него — годины свѣта;

нѣтъ сомнѣнія, что народъ правъ: въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ и ненавидитъ всѣ привилегированныя сословія. Въ прошломъ вѣкѣ особенно сильно царила въ народныхъ умахъ мысль, что въ судный день, когда народъ будетъ по своему расправляться съ извергами, сосущими изъ него живые соки, онъ будетъ ихъ разбирать по рукамъ, и да хранятъ того всемогущіе боги, у кого онѣ окажутся бѣлыми! Владѣтели линейныхъ ручекъ, въ силу закона возмездія, будутъ безжалостно звѣрски уничтожены; пугачевщина привела зловѣщую мысль въ исполненіе: обезумѣвшія отъ страданія народныя массы страшно отомстили бѣлоручкамъ, они съ дикимъ хохотомъ, при свѣтѣ пожаровъ, жгли ихъ на тихомъ огнѣ; вѣшали блудодѣевъ помѣщиковъ за дѣторолные члены, сдирали съ живыхъ кожу, а послѣ солили; начиняли порохомъ животы беременныхъ женщинъ и поджигали; бросали копьями въ самый жаркій огонь ихъ невинныхъ дѣтей, неистово приговаривая: „гори, гори, проклятое отродье“. Мы забыли ужасы и снова забыли народъ, но время идетъ; онъ снова напомнитъ о себѣ, но теперь къ этому народу пристанетъ все образованное, молодое, сильное: у Пугачева одинъ Шванович, писавшій ему прокламаціи, былъ еле грамотнымъ, у новаго Пугачева имъ не будетъ числа; Пугачевъ остановился передъ готовыми сдаться столицами, испугался призрака царскаго, опустилъ поднятую руку; новый Пугачевъ будетъ знать, куда направить всю силу народнаго гнѣва и ни на секунду не задумается передъ дворцомъ, Народъ искренно вѣрилъ, навѣрное и теперь вѣритъ — потому что его матеріальное положеніе не на много улучшилось — что для того, чтобы пройти на томъ свѣтѣ огненную гору, надо набрать цѣлый мѣхъ панской крови, съ примѣсью царской: поливая гору этимъ драгоцѣннымъ снадобьемъ, можно, не обжегшись, попасть прямехонько въ рай. Чудовищная гроза, прошумѣвшая надъ нами въ XVIII вѣкѣ, прошумитъ и XIX.

У народа, затерзаннаго царями, есть дума мощная, злая, она ночуетъ съ нимъ въ жалкой, дымной хатѣ, летаетъ надъ нимъ, когда, тяжело склонясь на соху, онъ пашетъ въ жаркій, душный день сухую, тощую землю; провожаетъ она пилигримовъ въ далекій Іерусалимъ и

возвращается съ ними обратно; эту думу роковую, полную кровавыхъ послѣдствій, не подмѣтятъ сонмища шпіоновъ третьяго отдѣленія, ни баталіоны солдатъ, разставленные по деревнямъ, ни жандармы, ни попы: эту народную грезу не уничтожатъ никакія черныя силы, вы ее выгоните въ дверь, она войдетъ въ окошко. Забитость, невѣжество ненадежны, они умѣютъ выкидывать чудовищные фокусы и очень неожиданно, вспомните страшные историческіе примѣры; невѣжество, умственное рабство въ милліонъ разъ опаснѣе свободы, образованія; исторія никому и ничего не прощаетъ...

Бѣглыя замѣтки

„Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья;
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить--отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь“...

(Монологи Огарева).

I.

Многіе толкуютъ, разбираютъ; окунаются по самую маковку въ современныя событія, изнемогаютъ отъ восторга, любуясь на либеральныя нововведенія правительства; сотнями выходятъ статьи, прямехонько направленныя въ макушки становыхъ приставовъ, даже полицмейстеровъ, о предметахъ же серьезныхъ, со смертію Писарева, говорятъ слишкомъ невнятно, рѣдко, черезъ чуръ соображаясь съ цензурой. О воспитаніи толкуютъ много, но рѣшился ли кто намекнуть, что его нужно измѣнить радикально, совершенно выкинуть нѣкоторые предметы, предоставивъ ими заниматься только тѣмъ, которые сами пожелаютъ этого? Начнемъ съ самаго нелѣпаго, вреднаго — Закона Божьяго: имъ притупляютъ, обезсмысливаютъ воспитанниковъ и воспитанницъ; рядомъ съ лекціей естественныхъ наукъ, гдѣ даже въ институтахъ учитель говоритъ о невозможности существованія матеріи безъ силы, о законахъ природы; пастырь болѣе или менѣе зрѣлымъ дѣвицамъ повѣствуетъ, съ трогательною наивностью о Евѣ, коварно соблазненной яблочкомъ, строптивомъ змѣ-искусителѣ всего рода человѣческаго, о прогнаніи по шеѣ изъ рая Адама и Евы, прикрывающихъ лопухомъ потерянную невинность (кулачную расправу совершаетъ держи-

морда небеснаго царства — архангелъ Гавріилъ), о Пентефріхѣ — злой женщинѣ, сгубившей цѣломудреннаго Іосифа. Затѣмъ о ковчегѣ, плавающемъ по водамъ затопленнаго міра съ людьми и животными, представителями мужскаго и женскаго пола всего міра, о Ильѣ пророкѣ, безъ паспорта и прогоновъ укатившемъ на небо, о ссорахъ Бога съ Израильтянами, которымъ въ пустынѣ сильно захотѣлось мяса и прочей смѣхотворной чепухѣ. Но многіе могутъ замѣтить, что это свершается въ глухихъ, удаленныхъ отъ центровъ провинціяхъ, безмозглыми попами; но пусть не забываютъ, что населеніе преобладаетъ въ провинціяхъ, а не въ столицахъ; наконецъ, почему же эту безобразную морфолафію суждено выслушивать несчастнымъ провинціальнымъ дѣтямъ? это — будущіе общественные дѣятели. Наконецъ, когда очень либеральные попы въ столицахъ начинаютъ философствовать, дѣло выходитъ еще хуже, въ результатѣ получается сумбуръ поистинѣ изумительный. Полюбуйтесь катехизисомъ Филарета — мудростью мудростей! содержаніе его нелѣпѣе (если только это возможно) самаго ветхаго завѣта; священникъ на лекціи, вѣрный катехизису, высчитываетъ по пальцамъ непостижимые для ангеловъ аттрибуты Бога; о Іисусѣ говоритъ, какъ о царскомъ хамѣ, который только тѣмъ и занимался, что подслуживался высшему начальству, увѣряетъ, что все ученіе легендарнаго революціонера состояло въ хлопотахъ, нѣжныхъ заботахъ о монархахъ, въ почтительномъ повиновеніи имъ и въ кроткомъ, идиллическомъ довольствѣ всѣмъ окружающимъ; казненъ онъ былъ за частыя ссоры съ сребролюбивыми евреями; что онъ гнусно шарлатанилъ, т. е. выгонялъ сонмищи бѣсенятъ изъ чрева, одержимыхъ злымъ духомъ, воскрешалъ вонючихъ мертвецовъ, а послѣ смерти улетѣлъ черезъ океанъ азота и кислорода, куда?—Неизвѣстно! Мало того, что преподаваніе этого предмета притупляетъ ребенка, но кромѣ этого, оно развиваетъ въ немъ безсмысліе, съ дѣтства пріучаетъ къ тупому поддакиванью всякой нелѣпости; онъ дѣлается автоматомъ, не замѣчая этого; малѣйшій же протестъ противъ религіознаго хаоса можетъ погубить его; постепенно онъ опашливается до того, что начинаетъ равнодушно смотрѣть на издѣваніе надъ его мозгомъ, начинаетъ счи-

тать это правомъ, онъ и такъ въ каждомъ предметѣ, кромѣ закона Божьяго, видитъ сухость, нелѣпость, подтасовыванье, нелогичность. Воспитаніе еще въ школѣ уничтожаетъ въ ребенкѣ драгоцѣнное качество: протестъ противъ всего дикаго, неразумнаго; онъ готовится и наконецъ дѣлается тою жалкою овцою, которую такъ любятъ, цѣнятъ царь и правительство; на такихъ ручныхъ стадахъ незыблемо покоятся престолъ и алтарь. Послѣ выхода изъ школы воспитанникъ сейчасъ же забываетъ и катихизисъ, и ветхій завѣтъ; сдѣлайте вопросъ изъ закона Божьяго первому попавшемуся воспитаннику — исключая семинаристовъ — окончившему только что курсъ, и, какъ дважды два, онъ не помнитъ ни одного слова изъ пройденнаго; но забывая пройденное, онъ, все-таки, не въ состояніи отрѣшиться отъ позорной безсмыслицы, забившей его голову; здоровую логику, въ большинствѣ случаевъ, онъ теряетъ на всю жизнь. Университетъ отрѣшаетъ отъ этой нелѣпицы только очень немногихъ. Поражаетъ своей странностью, наивностью доводъ: „помилуйте, вы хотите уничтожить народную религію, вы знаете, что отнять отъ народа религію — это пробудить въ немъ всѣ недобрые инстинкты, онъ теперь только и сдерживается раемъ, адомъ“. Начнемъ съ того, что получающіе воспитаніе въ заведеніяхъ составляютъ песчинку въ народной массѣ, которая на голову забита невѣжествомъ, предразсудками, потому что на нихъ только можетъ покоиться незыблемо священный престолъ русскій. Народу одинаково неизвѣстны, какъ научныя открытія физики, химіи, физіологіи, какъ и тексты катехизиса; но правительство весьма основательно догадывается, что вся масса молодежи, не затерзанная воспитаніемъ, можетъ тихо распространять трезвыя убѣжденія въ народѣ; оно боится, что изъ сильныхъ артерій они перейдутъ незамѣтно въ волостные сосуды. Народное же образованіе, о которомъ такъ вдохновенно витійствуютъ просвѣтители — безобразно лживая фраза: чистка царскихъ ватеръ-клозетовъ дороже обходится странѣ, чѣмъ все народное образованіе въ 100 милліонномъ государствѣ. Если народное образованіе когда нибудь широко распространится въ Россіи, оно будетъ полезно только тогда, когда надъ нимъ не будетъ тяготѣть опекающее правительство, а надъ книга-

ми, посвященными народному чтенію — инквизиціонные законы о печати. Образованіе только тогда быстро двинется, когда будетъ данъ полный просторъ всякой свѣжей реформѣ, и воспитаніемъ займется само общество, не справляясь съ самодержавнымъ вкусомъ, когда можно будетъ проводить мысли, какъ бы онѣ ни казались крайне радикальными для царскихъ жадныхъ рабовъ; безъ этого, воспитаніе будетъ давать только чины и жалованіе, развивать карьеризмъ. Плоды стѣсненнаго воспитанія уже давно обнаружились въ Россіи: изъ всей массы кончившихъ курсъ, только меньшинство сохраняетъ человѣческій образъ до могилы, все остальное тотчасъ же, безъ особенной борьбы, стушевывается съ кучами хамовъ, которые „гремя цѣпями, согнувши выю“ ползаютъ у трона царя.

Многіе воображаютъ русскій народъ религіознымъ. Какая призрачная фраза! Если религія — собраніе чудовищныхъ нелѣпостей, предразсудковъ, то всѣ народы очень религіозны. Покорность судьбѣ, терпѣніе безграничное—отвратительныя стороны евангельскаго ученія, эти качества восхитительны только у барановъ, по той простой причинѣ, что стричь строптиваго барана весьма неудобно доброму пастуху, въ людяхъ это гибельныя качества!..

У русскаго народа Богъ—въ своемъ родѣ становой, который на каждомъ шагу ему пакоститъ, а иногда, въ рѣдкость, посылаетъ благополучіе въ видѣ урожая пшеницы или ржи на истощенной помѣщичьей землѣ. А тамъ, гдѣ-то вдали онъ воображаетъ колоссальнаго черта, очень чисто облизаннаго, благовиднаго, окруженнаго гаденькими, подленькими, кровожадными чертенятами съ хвостиками, которыми они очень забавно и неутомимо лавируютъ для утѣхи большаго чорта; самъ чортъ и чортики большіе лакомки до человѣчьяго мяса, имъ каждый день великолѣпно зажариваютъ и подаютъ за столъ лучшихъ, честныхъ грѣшниковъ; также онъ вѣритъ въ вѣдьмъ, съ длинными, влачащимися по землѣ волосами, которыя верхомъ, на метлѣ, улетаютъ черезъ трубы для ночныхъ скитаній; но, къ сожалѣнію, такихъ роскошныхъ лазеекъ для вѣдьмъ не существуетъ — въ большинствѣ русскихъ хатъ дымъ проходитъ

черезъ хату, наполнивъ благоухающій воздухъ новыми благоуханіями, выходитъ въ дверь. Въ рай онъ плохо вѣритъ, ему трудно такъ напречь свою фантазію, чтобы вообразить себѣ радости, наслажденія, о которыхъ онъ не имѣетъ ровно никакого понятія въ жизни; въ адъ онъ вѣритъ: вся его жизнь — мрачный адъ, нѣтъ недостатка въ огнѣ неугасимомъ, въ дьяволахъ. Страшная, непокрытая его бѣдность нагло глядитъ въ двухвершковомъ, заледенѣломъ окнѣ, въ лучинѣ, въ грязи смрадныхъ хатъ, жалкой, пустой пищѣ; звучитъ она въ безконечно тоскливыхъ, рвущихъ душу пѣсняхъ; кому обязанъ народъ всѣмъ этимъ, не трудно догадаться ребенку, но страшный судъ наступитъ неизбѣжно. Будущее Россіи — темная туча, несущаяся съ ураганомъ, полная все сжигающихъ молній. Не довѣряйтесь покорности народа! во время Людовика XVI онъ казался такимъ забитымъ, что многіе мудрые администраторы думали, что существующій порядокъ переживетъ вѣчныя звѣзды; не у многихъ чутье слышало всюду разжиженное, не въ мѣру скопившееся электричество· Народъ день и ночь занятый работой, потомъ кровавымъ добывающій себѣ кусокъ черстваго, пополамъ съ мякиною хлѣба, не имѣющій тѣни понятія о наслажденіяхъ въ жизни, глухо, тупо, проходитъ свою жизнь; за него наслаждается крохотное, ограбившее его меньшинство, на досугѣ оно выдумываетъ наслажденіе за наслажденіемъ, выдумываетъ такъ, что и фантазія начинаетъ изнемогать, не удовлетворять ненасытныя желанія; а идущій тернистою тропою народъ, думаетъ и додумывается, какое бы ему наслажденіе придумать для себя; и выдумаетъ онъ не оперы съ ложами въ 300 рублей, не подаваніе голыхъ, увитыхъ розами камелій, на серебряныхъ блюдахъ, не дворцы въ альгамбрскомъ вкусѣ, онъ придумаетъ месть, и съ неслыханнымъ, чудовищнымъ оньяненіемъ насладится ею; какъ злой сонъ, исчезните вы, съ дворцами, виллами, оргіями. Вы ему не даете свободы, воздуха, хлѣба, онъ возьметъ ихъ у васъ силою; а теперь, ему некогда заниматься катехизисомъ, философствовать о всеблагомъ Богѣ, который благъ только для васъ однихъ; если вы совсѣмъ запретите законъ Божій, онъ не замѣтитъ этого; могу васъ увѣрить, что онъ гораздо болѣе всеблагого Бога боится казацкихъ нагаекъ, ружей солдатъ.

II.

„Пусь истребляетъ время
Дѣла героевъ...
Пускай оно монархіи сметаетъ
Съ лица земли, одну во слѣдъ другой".
(Сарданапалъ Байрона)

Перейдемъ къ исторіи: преподаваніе ея заключается въ томъ, что воспитанники насилуютъ свой мозгъ надъ изученіемъ такихъ мѣстъ въ исторіи, которыя стоятъ, чтобы ихъ съ отвращеніемъ забыли. Въ русскихъ источникахъ вы видите необузданный деспотизмъ царей и, что гаже всего, подмѣчаете желаніе историка оправдать гнусное, злое самоуправство, азіатскій произволъ, желаніе доказать, что животное варварство имѣетъ оправданіе въ окружающей жизни, что и въ прочихъ государствахъ продѣлывались тѣ же мучительныя операціи надъ народомъ. Вы изучаете подробно физіономію каждаго монарха, его военные подвиги, съ припѣвомъ: „громъ побѣды раздавайся", всѣ гадости, подлости двора; народъ же неслышенъ; вы не видите ни его внутренней жизни, ни обычаевъ, ни задушевныхъ вѣрованій, ни характеристики властей; не познаете его постепеннаго возвышенія рядомъ съ паденіемъ, участія его въ той массѣ событій, которыя такъ тщательно описаны; дѣло идетъ безъ церемоній, легче: хотѣлъ царь сработать великое историческое событіе, дунулъ, плюнулъ, и по щучьему велѣнію все уже готово. О всеобщей исторіи и говорить нечего! Всѣ мощные, благородные порывы, стремительныя движенья въ народѣ заклеймены названіями: „терроръ, анархія", „жажда крови и смутъ" и знаменитымъ по своей низкой глупости изреченіемъ: „недовольство малымъ"; правоучительнѣе всего, что игривая фраза произносится въ замѣчательно роскошныхъ салонахъ тѣми старенькими шалупами, которые получаютъ или отъ правительства пенсіончики въ 10-ки тысячъ, или тѣ же суммы съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, разбросанныхъ по огромному пространству Россійской имперіи. Но многіе могутъ замѣтить: „развѣ пѣтъ великихъ историковъ—Гервинуса, Шлоссера, Дренера, Луи Блана, Карлейля, Мишле, Бокля и проч.," но этими источниками

наслаждаются немногіе, лучшіе источники не переведены, а если переведены, то испещрены точками, болѣе таинственными, чѣмъ гіероглифы на Ѳивскихъ развалинахъ. Смѣлое преподаваніе исторіи, пока, ограничивается Шульгинымъ и Устряловымъ; встрѣчаются исключенія, но они пропрыскиваютъ такъ рѣдко, что о нихъ не стоитъ говорить...

III

„Дьяволамъ рай, ангеламъ адъ"!
„Скорбь Вавилонская". Гейне.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Пусть полюбуется бдительное правительство на каторгу, она носитъ ужасный характеръ! Блюстители правосудія еще не очеловѣчились на столько, чтобы признать ту научную аксіому: „что виноватыхъ нѣтъ", преступникъ — больной членъ больного общества: извращенная, безобразная общественная жизнь, чудовищныя условія жизни, упорная, наслѣдственная передача дурныхъ сторонъ характера вырабатываютъ преступленіе; оно подготовляется тысячами очень трудно уловимыхъ, мелочныхъ причинъ, въ которыхъ свершившій преступленіе играетъ совершенно пассивную роль; уже не говоря о томъ, что громадное число преступниковъ — прямо больные люди, нуждающіеся въ хорошемъ врачѣ-психіатрѣ. Чѣмъ ненормальнѣе сложилась жизнь, тѣмъ болѣе она родитъ преступленій: „преступникъ не тотъ, кто свершаетъ грѣхъ, а тотъ, кто дѣлаетъ мракъ". Если мы люди, а не дикіе звѣри — за неимѣніемъ возможности быстро измѣнить сферу, вырабатывающую преступленіе — мы должны удалить преступника, предоставивъ ему крайне возможную свободу, должны пріучить его къ труду и самыми мягкими средствами стараться перевоспитать его: что же дѣлаетъ правосудіе? оно чудовищно издѣвается надъ жертвою ужасной жизни, инквизиторски истязуетъ ее: постоянныя, фантастическія жестокости приводятъ къ тому, что воры превращаются въ убійцъ, мелкіе мошенники—въ крупныхъ. Каторга несчастныхъ,

прежнею жизнью испорченныхъ людей, развращаетъ до такой степени,что оттуда они выходятъ ожесточенными до звѣрства противъ безпощадно преслѣдующаго ихъ общества. И это происходитъ теперь, когда люди до изнеможенія силъ, до надрыва, толкуютъ, вопятъ о нравственнѣйшихъ поступкахъ, гуманнѣйшихъ дѣйствіяхъ! Большая часть преступниковъ отправляется на каторгу безъ тщательнаго разслѣдованія, глубокаго вниканія въ тѣ безчисленныя причины, которыя руководили несчастнаго; до настоящей минуты мы не имѣемъ хорошихъ экспертовъ-врачей, нужныхъ для освидѣтельствованія мнимаго преступника. Поверхностное, казенное вниканіе въ жизнь подсудимаго началось такъ недавно, а каторга существуетъ вѣка; милліоны жертвъ замучены въ страшной Сибири, и эти милліоны несчастныхъ имѣли тѣ же права на жизнь, какъ и члены высокопоставленнаго правительства! На какомъ основаніи люди разрѣшили себѣ свершать ужасныя преступленія надъ свершившими нельзя преступленіе, называя это воздаяніе сторицею — правосудіемъ? Это — вопросы болѣе глубокіе, чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются въ Филаретовскомъ катехизисѣ; но тутъ я говорю о безпощадности къ жертвамъ голода, гнета, надруганій, жестокости, но пусть не забудетъ царь и правительство (какъ это не забудетъ исторія) издѣванія надъ студентами, молодежью, которые отправлялись въ ссылку въ Сибирь, на каторгу, за то только, что сочувствовали честнымъ убѣжденіямъ, а иные даже за то, что имѣли запрещенныя сочиненія; мало того, что имъ не давали мыслить, ихъ еще ссылали за это! Этого чернаго пятна не смоютъ никакія очистительныя жертвы; неужели царь считалъ ихъ преступниками? если они преступники потому только, что высказывали свободныя убѣжденія, то какіе же колоссальные преступники царь и правительство, преслѣдующіе все свободное, душащіе въ народѣ его живыя силы, пакостящіе ему на милліоны ладовъ и за это проглатывающіе милліоны, добываемые изъ крови и пота имъ народа!!... А ссылка господъ, проповѣдующихъ коммунистическія идеи, только проповѣдующихъ, но не отымающихъ имуществъ!... Какую же чудовищную кару нужно для васъ изобрѣсть, царь и правительство?... въ какую преисподнюю прикажете

васъ сшвырнуть за то, что вы ограбливаете, для своихъ бездонныхъ прихотей, до нитки 100-милліонное государство?

Вы сходны съ коммунистами въ одной только чертѣ: вы не признаете собственности, въ остальномъ—вы чудовищно расходитесь; коммунисты не признаютъ собственности, добытой слезами ближняго; неправильно присвоенныя земныя блага они хотятъ сдѣлать достояніемъ всѣхъ; проповѣдуя равенство состояній, они выговариваютъ себѣ не роскошь, не грязныя оргіи, не колоссальные, необитаемые, безчисленные дворцы, а только теплый, сухой уголъ, да обезпеченный кусокъ хлѣба; вы же стаскиваете у государства все, что можно взять животною силою! вы неслыханнымъ образомъ присвоиваете себѣ чужое, и за вашъ своеобразный коммунизмъ вы сидите во дворцахъ, а глава коммунизма на тронѣ! Исчадія ваши, еще въ пеленкахъ увѣшанные тѣми знаками отличій, которыми обвѣшиваютъ въ бояхъ посѣдѣлыхъ генераловъ, получаютъ такіе пенсіоны, имѣютъ такіе колоссальные удѣлы, которые были бы достаточны, чтобы прокормить, обогрѣть, воспитать милліоны трясущихся отъ холода, голода дѣтей! Родня царя и онъ самъ проживаютъ столько, что можно было бы на эти деньги выстроить тысячи университетовъ и набить рты до пресыщенія милліонамъ терпящихъ нужду. И всѣ эти деньги проживаются на устройство дворцовъ въ квадратную милю, для камерлакеевъ и экскюіюховъ, на фонтаны, парки, сказочные балы, обѣды, путешествія по Европѣ и Россіи. И въ то время, когда вы, убійцы, воры, безумно наслаждаетесь, честные, прекрасные люди задыхаются въ Сибири и крѣпостныхъ подземельяхъ, истерзанные, изувѣченные! Вы ихъ клеймите названіями преступниковъ, а будущее окружитъ ихъ головы сіяніемъ, имена ихъ будутъ произноситься съ благоговѣніемъ; вашъ же часъ пробьетъ, имена ваши, вашего проклятаго помета будутъ произноситься съ омерзеніемъ, проклятіями! Самые страшные воры, разбойники, на которыхъ обрушивается вся тяжесть вашихъ безчеловѣчныхъ законовъ — праведники въ сравненіи съ вами, извергами, сосущими жизнь изъ всего живого! Страшно становится за васъ, когда ближе приглядишься къ тому порядку вещей, который васъ поддерживаетъ.

IV.

Гадкое, дикое время переживаетъ литература; всюду громко раздаются рабскіе голоса; мизерная робость, сдержанность сквозятъ всюду; всѣ мрачно толкуютъ о смутномъ времени, о томъ, что въ послѣднее время черезъ чуръ разлиберальничались, что пора, очень пора успокоиться: „пошалила, малая дѣточка, и довольно, надо почивать, а то устанешь и завтра головенка будетъ болѣть“: всюду начинаетъ пропрыскивать взглядикъ, что мы и такъ наслаждаемся свободою и исканіе большей—дерзкое, запосчивое вольнодумство; недовольство казенно-полицейской свободой приведетъ къ анархіи; если существуетъ накостное правительство, то оно имѣетъ разумныя основанія на существованіе; если царятъ всюду жестокости, горячечный произволъ, ужасающія несправедливости, то они имѣютъ на это плодородную почву; что необразованной массѣ дать широкое государственное устройство, это значитъ въ конецъ демонализировать ее, только собачій ошейникъ и плеть могутъ спасти народъ, привести его къ полной свободѣ, а ужасы рано или поздно сами собою неожиданно исчезнутъ. Они восклицаютъ: „Неспокойные, но, въ то же время, милые, любезные народы, ради всего святаго успокойтесь! Чѣмъ человѣкъ менѣе желаетъ пищи, свободы, чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ онъ подставляетъ свою шкуру для сдиранія своему папашѣ — самодержцу, тѣмъ онъ счастливѣе; попробуйте идти другою дорогою, и польются широкія рѣки крови, воздвигнутся безчисленные эшафоты, наступитъ глубоко огорчающее насъ царство террора; этотъ терроръ шагъ за шагомъ приведетъ васъ къ страшной гибели, легко можетъ быть, вы даже сдѣластесь отцеубійцами, т. е. оторвете какою нибудь ужасающею машиною голову монарху — отцу вашему, а послѣ головы всему его шаловливому семейству и всей его камарильи. Только въ очень постепенныхъ, презентованныхъ высшимъ начальствомъ улучшеніяхъ и есть счастье; конечно, ваше развитіе будетъ продолжаться тысячи лѣтъ, но за то безъ малѣйшихъ волненій, а это чего нибудь да стоитъ“!

Жалкіе, забитые, забытые, несчастные люди! Несправедливость, преслѣдованіе въ васъ всего живого, вѣчныя колодки на ногахъ, обращеніе съ вами, взрослыми, какъ съ утробными младенцами, вамъ сдѣлаютъ въ милліоны разъ болѣе вреда, чѣмъ все перевертывающія верхъ дномъ революціи. Вспомните, что терпя все, что вы терпите, вы скоро и неизбѣжно придете къ роковой развязкѣ. Ребенокъ, ни разу не дохнувшій свѣжимъ воздухомъ, жадно начнетъ впивать его: ни вредъ, ни самая смерть не остановятъ сильнаго порыва; закованному въ цѣпяхъ, свобода кажется райскимъ сновидѣніемъ. Революціи, съ праведными расправами, происходили въ то время, когда массы стряхивали съ своихъ плечъ невыносимыя лохмотья; сбрасываніе было такъ стремительно, что съ лохмотьями они отрывали отъ себя мясо съ кровью. Гдѣ существуютъ небесно-лазурные жандармы, легіоны провокаторовъ, доносчиковъ, палачи-инквизиторы, воры чиновники и моськи, благоговѣйно облизывающія царскіе подметки? Расцвѣтаютъ ли они пышнымъ цвѣтомъ въ государствахъ свободныхъ или опочиваютъ подъ сѣнью абсолютизма??

Наша литература раскушиваетъ соловьиные язычки, упивается сладкимъ букетомъ нѣжныхъ винъ, любуется каплею росы на днѣ раскрытаго, благоуханнаго цвѣтка; вся кипучая общественная дѣятельность вертится на замысловатой, никому непонятной, исключая семействъ авторовъ, полемикѣ, да на рѣшеніи колоссальныхъ вопросовъ: „восторженный ли характеръ у героини Тургеневскаго романа „Наканунѣ“, мраченъ и грандіозенъ ли характеръ у героя, похожъ ли на человѣка или на чорта Волоховъ — косматый герой „Обрыва“, продуктъ косматой фантазіи бывшаго цензора — Гончарова; а если кто нибудь, нарушивъ литературныя приличія, начинаетъ заявлять неудовольствіе, о!... тогда начинаютъ щедро сыпаться обвинительные акты, доносы; къ нему, дерзновенному, патетически взываютъ: „Вы непослѣдовательны, молодой человѣкъ, вы черезъ чуръ многаго и сразу хотите, вы революціонеръ! вы кончите скоро... (подразумѣвается нѣчто поразительно мрачное) если у васъ есть умъ, развѣ не на что направить его? каждый день выходятъ романы чрезвычайно любопытные, захватывающіе до дна современность; копошущіеся въ цвѣточ-

ныхъ, медовыхъ чашечкахъ поэты-лирики, по прежнему, чирикаютъ о блѣдной лунѣ, розахъ, соловьяхъ, перелетныхъ ласточкахъ, мелкихъ пташечкахъ; воспѣваютъ съ прежнимъ вдохновеннымъ пыломъ, вспаханныя страданіями сердца, осенніе, весенніе, ночные, дневные переливы; по прежнему, сладострастно волнуясь, лепечутъ о ночныхъ, душныхъ, жгучихъ объятіяхъ, упоительныхъ, мятежныхъ персяхъ; дубы, березы, ракиты, золотистыя нивы не перестаютъ призывать ихъ въ свое лоно и усыплять своимъ мелодическимъ шопотомъ. Психея, Афродита, Апполонъ, Киприда, амуры и граціи столь же любезно, какъ и прежде, слѣзаютъ съ лучезарнаго Олимпа въ Щигры, Холуйскую слободу, Новухоперскъ, чтобы вызволить поэта, въ случаѣ отчаяннаго недостатка риѳмъ. Выходятъ кучами популярныя естественныя сочиненія, гдѣ на каждой страницѣ, изъ уваженія къ народной религіи, произносятся: „Десница Творца“, „цѣлесообразность“, „разумное управленіе вселенной“, „видны перстъ, штаны творящаго Бога„, „ступня Бога“, „переходъ изъ небытья въ бытье и обратно“. Въ газетахъ печатаются сцены, происходящія въ квартирахъ мировыхъ судей, весьма юмористическія; извѣстія о томъ, что въ провинціальныхъ школахъ, частенько попарываютъ розочками злонравныхъ малютокъ; узнаете, что провинціальныя школы не составляютъ пріятнаго исключенія: розочками исправно сѣкутъ и по щекамъ бьютъ и въ столицахъ, что между столичными экзекуторами и кормителями оплеухами, на недосягаемой высотѣ рѣзко высятся: Леонтьевъ и Катковъ — современный Гречъ и Булгаринъ, содержатели классическаго лицея. Пощечины считаются острою, ароматическою приправою, англійскимъ соусомъ къ классическому образованію; узнаете, что такой-то окружной судъ, земское собраніе зознались, опрометчиво перешли предѣлы жандармской свободы, подаренной благолѣпнымъ монархомъ. Печатаются путешествія монарха съ такими цвѣтистыми, выплывшимися со дна „патріотической“ души замѣчаніями: „когда императоръ въѣхалъ въ городъ Кіевъ, солнце, упрямо скрывавшееся за тучами, вдругъ неожиданно вышло и съ наслажденіемъ озарило ликующій народъ, умиленно взирающій на своего монарха; жители Кіева были сильно обрадованы, замѣтя слѣды

полноты на лицѣ императора-освободителя; на многихъ глазахъ виднѣлись слезы, какъ бы безмолвно молящія Творца о ниспосланіи всѣхъ благъ на главу его помазанника". Полнота на лицѣ освободителя была одутлость отъ жестокаго и продолжительнаго пьянства. Колоссальнымъ шрифтомъ публикуются поздравленія вѣрноподданныхъ съ тѣмъ, что, къ великой радости всей націи, отъ одного члена многоплодливой, безчисленной царской семьи, родилась тля, которой немедленно требуется отпустить, изъ уцѣлѣвшаго жизненнаго сока подданныхъ нѣсколько сотъ тысячъ ѳжегоднаго содержанія; передъ тѣмъ, какъ свершить эту операцію, попы во всѣхъ церквахъ обязаны воскурить ѳиміамъ и отслужить благодарственныя молебны. Печатаются благоутробные рескрипты, всемилостивѣйшія пожалованія, разнообразныя благоволѣнія; въ нѣкоторыхъ же газетахъ, какъ напр, въ „Голосѣ", свободный духъ выростаетъ до титаническихъ размѣровъ, фельетонистъ, скорчившись, какъ козявочка на булавочкѣ, заявляетъ, что дескать очень было бы желательно, чтобы увеличили свободу печатнаго слова для восхваленія дѣйствій правительственныхъ и возможности посильнѣе выругать пишущихъ недозволенныя сочиненія, кощунственно направленныя противъ кроткаго и мирнаго либерализма монарха... если же вамъ этого мало, давайте поспоримъ о Пушкинѣ".

V.

Если бы литература, вмѣсто того, чтобы услаждать себя и другихъ пикантными сладостями, утонченными ароматами, неотступно начала бы преслѣдовать правительство требованіями, которыя таились бы и въ серьезныхъ статьяхъ и романахъ, и невинныхъ комедіяхъ, повѣстяхъ; если бы этотъ голосъ былъ постояненъ, неутомимъ, — то думаю, что правительство, не смотря на всю бездонную глупость, узкость, подлый консерватизмъ, вынуждено было бы наконецъ понять тѣ мысли, которыя по своей простотѣ, ясности могутъ быть понятны новорожденному младенцу. Первое требованіе, самое невинное, должно состоять въ слѣдующемъ: пусть оно сниметъ безобразную, средневѣковую опеку съ печат-

наго слова. Неужели нужно доказывать, что смерть или по крайней мѣрѣ отставка драконовъ, стерегущихъ печатное слово чудодѣйственнымъ образомъ подѣйствуетъ на рабскіе умишки? — что это единственное радикальное средство противъ ужасающихъ неправдъ, повсемѣстныхъ угнетеній, бѣшеннаго, слѣпаго произвола, тайно ссылающаго на муки бѣдную молодежь? Скажите, что освободивъ крестьянъ отъ податного состоянія, царю и правительству остается освободить нашъ разумъ отъ податного состоянія. Наши силы сгораютъ въ глухой, тайной борьбѣ; трудно усомниться, что прижатіе нашей мысли неизмѣримо опаснѣе полной ея свободы; пусть не забудутъ царь и правительство вѣками добытую истину, что люди никогда не простятъ безчеловѣчныхъ издѣваній надъ собою; давя нашъ мозгъ, они добьются молчанія, но молчаніе будетъ зловѣщее, оно перешло и будетъ переходить въ тайную пропаганду, тайныя общества; они сами заставляютъ глубоко ненавидѣть себя! Величайшія революціонныя движенія вытекали изъ величайшаго подавленія человѣческихъ правъ. Развить, воспитать ребенка очень трудно, браться же воспитывать на свой ладъ 100-мил. государство — безумная дерзость!

Развитіе возможно тогда, когда Россія будетъ предоставлена самой себѣ; окруженная инквизиторами и убогими старухами-пяньками, она долго, очень долго не расправитъ своихъ мощныхъ членовъ; все хорошее будетъ внѣшнее, внутри же будетъ ветхо и гнило. Америка, Англія, Швейцарія быстро развиваются, не смотря на всѣ промахи самоуправленія; сравните ихъ прогрессъ съ нашимъ черепашьимъ движеніемъ, и это слабое движеніе обнаружилось вслѣдствіе ослабленія тяжкихъ цѣпей, въ которыя была закована громадная страна. Законамъ о печати мы обязаны тѣмъ, что большинство не умѣетъ послѣдовательно связать двухъ мыслей; всюду тупая недоговоренность, гнусная ложь, лицемѣріе, холопская лесть. Мы допустить себѣ не можемъ, что всякую мысль надо высказывать до конца, мы обрываемся въ началѣ пути и наивно вѣруемъ, что мы чуть не радикалы; всюду, что ни слово, то противорѣчіе; терзаютъ за самую наивную мысль, а сами валяются у ногъ Спасителя, который гремѣлъ анаѳемой

противъ троновъ, собственности и умеръ въ мукахъ за свободныя убѣжденія, за угнетенныхъ, обойденныхъ, трудящихся и обремененныхъ. Развѣ было бы возможно, чтобы человѣкъ, у котораго есть атомъ здраваго смысла, могъ допустить, что мысль можно стѣснять? мысль, которая не должна надъ собою видѣть призрака стѣсненія! Изъ всѣхъ варварствъ самое лютое—порабощеніе разума; развѣ не расплылись бы чудеса, сверхъестественныя глупости и всякаго рода бредни, если бы можно было на наготу разсказать въ чемъ дѣло? Нынѣче узнаютъ двое истину, черезъ годъ тысячи. „Зло, свойственное запрещенію выражать мысли въ томъ и состоитъ, что этимъ обкрадываютъ человѣчество, будущія поколѣнія такъ же, какъ и настоящія, тѣхъ, которые не согласны съ мнѣніемъ болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые поддерживаютъ его. Если запрещенное мнѣніе справедливо, люди лишились возможности замѣнить ложь истиной, если оно несправедливо, они утратили (что всегда составляетъ великое благо) возможность яснѣе понять и живѣе прочувствовать истину, возможность, которую дало бы столкновеніе истины съ ложью“. Всѣ революціонные „дурные шаги“ происходили отъ подавленія мысли; скованная мысль не могла выработать вполнѣ истинныхъ, безпристрастныхъ убѣжденій. Стѣсненіе нашего слова напоминаетъ шлемъ, который употребляла священная инквизиція при допросахъ невинныхъ; онъ былъ полонъ гвоздей и завинчивался по волѣ палачей; усердные служители кроткаго христіанства, поборники всеобщей любви, терпимости, завинчивали его иногда такъ, что гвозди начинали раскалывать черепъ.

VI.

„Не ужасаютъ ли васъ порой эти рабскія фигуры, пресмыкающіяся у вашихъ ногъ съ подлостью героической, а что если онѣ хитрятъ? Этотъ несносный кривляка такъ идіотски консервативный, такъ рабски покорный, не переодѣтый ли это Брутъ? Не снятся ли вамъ по ночамъ сны, предостерегающіе васъ противъ малѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ червяковъ, извивающихся у вашихъ ногъ днемъ“?

Генрихъ Гейне.

Мы только тогда двинемся впередъ, когда пропоемъ похоронную пѣсню малѣйшему насилію и произволу, и, какъ ни плохи будутъ наши первыя начинанія — начинающій учиться, всегда начинаетъ съ ошибокъ — но онѣ, во всякомъ случаѣ, будутъ неизмѣримо лучше, чѣмъ благодѣтельныя учрежденія, вышедшія изъ подъ самодержавнаго, опекающаго надзора. Рано или поздно у правительства вырвутъ, одинъ за однимъ, силой присвоенные аттрибуты; наше время у Бога отняло громы и другіе замысловатые фокусы, но дожидаться этого времени, очень неблагоразумно: когда масса принимается за это занятіе сама, тутъ можно ожидать перехода за предѣлы скромности, церемонности, тутъ сильно пахнетъ тою невинною, красною жидкостью, которая всегда разливалась потоками при разговорахъ благонравнаго народа съ злонравнымъ правительствомъ. Прошло то незабвенное для монарховъ время, когда они, упившись до безумія собственною тиранією, говорили: „государство — это я!“ Нашъ скептическій вѣкъ перетасовалъ шахматы, роли перемѣнились: прежде была ничто масса, теперь — ничто цари. Царь и поддерживающее его правительство — форма, но форма смердящая могилой; теперь выдвинулись другія формы государст-

веннаго строя, и ихъ могучая сила подавила старую гниль; кумиръ сталъ простымъ деревяннымъ чурбаномъ, годнымъ на дрова. Умно то правительство, которое не дожидаясь превратной минуты, когда его заживо зароютъ, во время умѣетъ уловить моментъ, когда пора быстро отодвигаться, стушевываться, и это стушевываніе иногда очень, очень практично.

За нѣсколько лѣтъ до казни изящно-красивой Маріи Антуанеты и ея узколобаго супруга — обжоры Людовика XVI, народъ имъ кричалъ „виватъ“; они, какъ бабочки, весело порхали въ роскошныхъ версальскихъ садахъ, упиваясь запахомъ розъ, подъ шумъ фонтановъ и льстиво сладкихъ рѣчей, при обольстительномъ, мечтательномъ свѣтѣ луны. Но багрово-черная туча быстро ползла и заволокла мечтательный свѣтъ; сверкнули страшныя молніи, запылали поэтическіе замки, опустѣли разрушенные дворцы; а за нѣсколько лѣтъ все бѣшенно рѣзвилось, безумно наслаждалось; немногіе—по общему мнѣнію безумцы—предугадывали грозу...

Только при заревѣ пылающихъ дворцовъ и замковъ, начали смутно догадываться, въ чемъ дѣло...

Одесса. 1868 г.

Процесъ Павленкова

(Напечатанный во второй книгѣ Писарева)

„Братья, пустъ любовь васъ тѣсно
Сдвинетъ въ дружный, ратный строй,
Пусть ведетъ васъ злоба въ честный
И открытый бой...
Мы стонмъ, не слыша зова
И ликуя звѣрски золъ,
Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ“

I

Многіе напряженно слѣдили за процессомъ Павленкова, съ нетерпѣніемъ ожидали выхода второй части Писарева, задержанной этимъ процессомъ; наконецъ, она появилась съ напечатаннымъ въ ней удивительнѣйшимъ процессомъ; до выхода многіе грустно спрашивали: „чѣмъ кончится дикое издѣваніе надъ несчастнымъ Павленковымъ? Неужели не побѣдятъ свѣжіе люди, разсыпанные по нашей длиннѣйшей и широчайшей Россіи?“

Судъ начинается рѣчью предсѣдателя, до того безсвязной, ничтожной, что о ней не стоитъ упоминать; за нимъ выступаетъ прокуроръ Тизенгаузенъ: съ фельдфебельскимъ тупоуміемъ, безцеремонностью, онъ начинаетъ тасовать статьи Писарева; ему велѣно видѣть, онъ желаетъ видѣть и, наконецъ, онъ уже очень ясно видитъ въ статьѣ „Русскій Донкихотъ“ издѣваніе надъ народной религіей (народъ такъ усердно слѣдитъ за современной литературой!), а въ статьѣ „Бѣдная русская мысль“, — издѣваніе надъ Петромъ и монархическою властью; приводитъ дерзновенныя слова Писа-

рева: „что если бы Шакловитый убилъ Петра, то этимъ особеннаго вреда не сдѣлалъ бы Россіи“. Іезуитская софистика кончается тѣмъ, что во всемъ этомъ прокуроръ видитъ нарушеніе благопристойности; онъ считаетъ необходимымъ запретить эти статьи, а самаго Павленкова присудить къ штрафу; въ концѣ концовъ, онъ выговариваетъ слѣдующую, поучительную для юристовъ тираду: „Свобода печатнаго слова, какъ и всякая иная законно и разумно понимаемая свобода, должна прежде всего основываться на уваженіи свободы другихъ, на уваженіи чужого мнѣнія, убѣжденія и вѣрованія (какъ бы они подлы, безобразно нелѣпы не были), на твердомъ сознаніи лежащей на каждомъ обязанности не говорить и не дѣлать ничего, что могло бы оскорбить другого“; этими словами всѣ уста низкоподданныхъ запечатываются пятью казенными печатями. Слова прокурора оскорбляютъ мои чувства, возбуждаютъ тошноту, невыносимое отвращеніе, а слова Писарева оскорбляютъ прокурора... Мудрый Тизенгаузенъ! О разрѣши мнѣ жизни загадку!... Рѣчи этой позавидовалъ бы самый благовоспитанный католическій іезуитъ. Наивный сподвижникъ полицейской свободы! Вы не только не уважаете мнѣній Писарева, но вы такъ послѣдовательны, что его издателя присуждаете къ штрафамъ и арестамъ! Въ какое свѣтлое пространство испарились ваши взгляды о уваженіи чужихъ мнѣній, чужой свободы? Нѣтъ, царскій послушникъ! вы должны навсегда отказаться отъ разумной рѣчи; защищая то, что вы защищаете, логичнымъ быть нельзя, какъ не печально это, но вы внутри души сами сознаете эту аксіому.

Защитительная рѣчь Павленкова растираетъ прокурора Тизенгаузена въ грязи; рѣчь жива, согрѣта душевнымъ жаромъ, силою убѣжденія; она сверкаетъ, какъ молніями, сарказмами, но не смотря на всю горечь, соль, она нѣжна, какъ отвѣтъ г. прокурору.

II

„Тризну мысли, тризну слова
Правитъ произволъ“.

Бѣдный Писаревъ! въ то время, когда черви слѣпые, тихо ползая въ твоемъ мозгу, жрутъ его, надъ

продуктами твоего мозга работаютъ другіе черви, такіе же слѣпые и прожорливые! Воришки честныхъ мыслей! Вы чувствуете, что почва, казавшаяся крѣпкою, неожиданно поползла изъ подъ вашихъ ногъ; новое желѣзное племя вызвало васъ на смертный бой, и въ концѣ концовъ, вы будете непремѣнно побѣждены.

Статья Писарева оскорбляетъ благопристойность (мандаринское слово); неблагопристойно, проводя научную мысль, сказать, что Шакловитый, убивъ Петра, не погубилъ бы этимъ націи! Неблагопристойность заключается въ томъ, что Писаревъ потревожилъ полтораста лѣтъ уже сгнившаго монарха изъ дома мнимыхъ Романовыхъ! Прикосновеніе къ трупу Петра оскорбляетъ вѣрноподданническія чувства, сладко—лакейскія! Прокурорская свобода должна уважать чужія мнѣнія, вѣрованія (логика святыхъ пастырей). Было время, когда процвѣтала святая инквизиція, крѣпостное палачество, возставать противъ нихъ было очень неблагопристойно; развѣ застѣнки, шпіонство, замучиваніе молодыхъ людей за свободную мысль по крѣпостямъ и безобразныя чудовищныя аномаліи не имѣютъ своихъ поклонниковъ, своихъ защитниковъ? Литература должна разсуждать „о благости провидѣнія, слезѣ преподобнаго Елеозара, о скитахъ на Аѳонскихъ горахъ, о монархахъ — кроткихъ блюстителяхъ тишины и великаго преуспѣванія подданныхъ, переходъ же за предѣлы широчайшихъ границъ — дерзкое попираніе чужой свободы, кощунство надъ чужими вѣрованіями!

Прокуроръ говоритъ о свободѣ слова такъ, какъ будто съ его устъ это слово въ первый разъ вспорхнуло на нашей планетѣ; Америка, Англія, Швейцарія, Бельгія, допустившія свободное слово, забыли его оговорить эластическою благопристойностью, онѣ не догадывались, что въ этой области свершитъ великое открытіе г. Тизенгаузенъ. Теперь откройте намъ, г. прокуроръ! считаете ли вы нарушеніемъ благопристойности, нарушеніемъ чужой, разумно понимаемой свободы то, что царь и правительство преслѣдуютъ каторгами, цѣпями, тюрьмами, крѣпостями, штрафами, арестами всякую живую мысль, правдивое слово? Или въ Россіи нѣтъ слова безъ двоякаго значенія? Дикій, сумасшедшій произволъ — благопристойность, намекъ на

мысль человѣческую — нарушеніе благопристойности. Всколзь упоминается въ статьѣ, что Павленковъ является въ судъ изъ крѣпости, такъ вотъ куда приводитъ прокурорская благопристойность и разумно понимаемая, чужая свобода!!!

III

Отщелканный Павленковымъ и рѣшеніемъ судебной палаты въ пользу Павленкова, прокуроръ посылаетъ донось въ высшіе клозеты нашего государства; съ особенною, рабскою ядовитостью, ударяетъ на словахъ, что Писаревъ ни во что ставитъ убійство монарха, намекаетъ на 4Апрѣля—онъ знаетъ, какъ поддѣлаться къ высшей власти, знаетъ ея ахиллесову пятку—все простятъ вамъ, даже посяганіе на царя небеснаго, но не простятъ тѣни прикосновенія ко дворцамъ, къ ворующимъ милліоны царямъ земнымъ, къ ореолу, носящемуся надъ ничтожной, пустой, пьяной головой.

Не дочитавъ процесса, я чувствовалъ, что честное рѣшеніе судебной палаты будетъ отвергнуто, „бѣдную русскую мысль“ не выдадутъ читающей публикѣ, никакая сила логики, сила здраваго смысла не уломаютъ произвола; аргусы зорко стерегутъ свое достояніе и — монарха. Бѣдныя головы! они хотятъ тушить искру, а сами раздуваютъ пожаръ! Мысль о Шакловитомъ проскользнула бы въ умѣ читателя, ее бы не замѣтили: будь Писаревъ властителемъ думъ націи и тогда нѣтъ возможности запомнить каждое слово, а въ особенности такъ мало значущее! Теперь же эти слова прогремѣли всюду, прокуроръ на всю Россію прокричалъ ихъ. Они хотѣли уничтожить Писарева, но вышло совсѣмъ другое, — они энергично хлопотали въ его пользу, черезъ нихъ эти статьи пріобрѣтутъ еще большую популярность; воръ — плохой счетчикъ, они стараются схоронить „бѣдную русскую мысль“ и въ то же время печатаютъ во второй части сочиненій Писарева процессъ Павленкова, который зловѣщимъ образомъ знакомитъ со статьею Писарева и съ Тизенгаузеномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что репутація Тизенгаузена будетъ твердо упрочена!...

Въ одномъ мѣстѣ процесса, стран. 21-ая, Павленковъ говоритъ: „Писаревъ настойчиво утверждаетъ, что въ сущности правители, какъ отдѣльныя единицы, не могутъ принести народу ни вреда, ни пользы; то и другое будетъ слишкомъ скоро переходящее; съ своей стороны онъ добавляетъ, что такъ можно смотрѣть съ громаднаго отдаленія. Онъ правъ, для этого нужно подняться на ту общую, философскую точку зрѣнія, гдѣ человѣкъ освобождается отъ всѣхъ земныхъ оковъ, вліяній и возвышается на столько, что разомъ обозрѣваетъ весь міръ; съ этой высоты можно увидѣть, что народы идутъ очень медленно, но съ неотразимою силою впередъ, завоевывая свободу, счастье; зигзаги, повороты назадъ съ этой страшной высоты не видны; кажется, что народы не копошатся въ крови и грязи, а стройно движутся впередъ. Смотря же на вещи ближе, мы невольно поражаемся тѣмъ зломъ, которое свершаютъ безпрепятственно единицы: сотня тысячъ солдатъ, въ конецъ деморализованная царемъ, армія вооруженная пушками, можетъ на долго задержать нормальное теченіе народной жизни; пушки и ружья могутъ въ раздробь тушить народныя вспышки; имѣя на заднемъ фонѣ пушку, единица можетъ ободрать до нитки 100 милліонное царство для его же гибели. Много, страшно много вреда можетъ сдѣлать единица массамъ; Флеровскій очень правильно сказалъ: „самый лютый звѣрь можетъ сожрать только нѣсколькихъ слабыхъ животныхъ, тогда какъ Шахъ-Надиръ однимъ мановеніемъ бровей можетъ залить кровью цѣлыя богатыя провинціи, смѣшать съ пылью сотни тысячъ человѣческихъ жизней“. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ есть предѣлы, наступаютъ ужасные дни разсчета, и тираны расплачиваются за свои грѣхи и грѣхи отцовъ. Мы не должны неглижировать единицами, самые злѣйшіе удары должны сыпаться на ихъ головы, иначе жизнь цѣлыхъ сильныхъ поколѣній будетъ заѣдена даромъ; вспомните нашего Николая Надировича I, шаха незабвеннаго.

Напечатанный процессъ Павленкова варомъ обваритъ нашихъ вседовольныхъ либеральчиковъ, въ послѣднее время они черезъ чуръ наивно любовались реформами правительства, нахально поповски кадили

деспотизму; ошпаренные, они подожмутъ свои вымокшія крылья...

Статья эта была написана въ 1870 г., въ 1872 году свершились дѣянія, напоминающія лютые, средніе вѣка; нѣсколько сочиненій были сожжены, новая инквизиція, вызванная къ жизни Александромъ II, справляетъ ауто-да-фе. Филиппъ II Испанскій въ 1572 году жегъ еретиковъ и полупомѣшанныхъ старухъ, черезъ триста лѣтъ (какъ колоссальны шаги прогресса!), въ 1872 году Александръ II Россійскій жжетъ сочиненія Лассаля и грозитъ тою же роковою смертью всѣмъ сочиненіямъ умныхъ людей. Да царствуетъ Александръ II, и да царитъ литературное ауто-да-фе!

Но пусть не забудетъ Александръ II всесжигатель — существуетъ аксіома: что идеи въ огнѣ не горятъ; если бы императоры временъ реформаціи прониклись этою мыслью, милліоны человѣческихъ жизней были бы спасены, они наслаждались бы жизнью не въ дыму собственныхъ костровъ, а у себя по домамъ. Идеи сами — огонь, который ни мечъ не рубитъ, ни вода не гаситъ; идеи можно на время придавить, но уничтожить ихъ всепобѣдное распространеніе не удалось еще ни одному изъ монарховъ — величайшимъ искусникамъ по этой части. Волосные сосуды, по которымъ расходится огонь идей, иногда во время гоненій становятся невидимыми даже для ирокезскихъ очей жандармовъ, шпіоновъ и полицейскихъ; вспомните, какъ гонимое христіанство ушло подъ землю въ римскія катакомбы; чѣмъ невидимѣе горитъ этотъ огонь, тѣмъ страшнѣе и жгучѣе; это пламя чистаго водорода, пламя это такъ сильно, что въ немъ расплавится царская корона такъ же быстро, какъ въ обыкновенномъ огнѣ — олово.....

Письмо консерватора къ Каткову

Я очень часто встрѣчалъ либераловъ, ими набита жизнь до духоты; но цѣльныхъ натуръ консервативныхъ, безцеремонно излагающихъ свои воззрѣнія передъ публикою, я встрѣчалъ за границею очень мало; въ большинствѣ случаевъ, они, подобно онаникамъ, ищутъ уединенія и подобно имъ, страшно застѣнчивы; на сколько они яры на родинѣ, на столько тихи на чужбинѣ. Одинъ только разъ мнѣ пришлось, очень недавно, столкнуться съ однимъ изъ рѣшительныхъ консерваторовъ. Консерватору М*** попались листки одного недозволеннаго сочиненія, въ которомъ авторъ рѣзко, отзывался о Катковѣ; увидѣвъ униженіе своего собрата, консерваторъ возмегодовалъ; онъ послалъ Каткову письмо, съ приложеніемъ этихъ страницъ, читая это письмо всѣмъ, онъ и меня почтилъ своимъ довѣріемъ. Письмо мнѣ очень понравилось и я попросилъ его дать мнѣ для напечатанія; на одну секунду онъ сконфузился, но потомъ, принявъ величавый видъ, передалъ его мнѣ, сказавъ; „Милостивый государь, даю вамъ его въ ваше полное распоряженіе; радикалы колятъ мнѣ глаза повсюду, они народъ рѣшительный, но и я очень рѣшительный; я, милостивый государь, люблю и безконечно уважаю Михаила Никифоровича и смѣло, передъ лицемъ всѣхъ, простираю къ нему объятія.“

Печатаю письмо, выкинувъ нѣсколько интимныхъ выраженій, не идущихъ къ серьезному характеру письма.

Достойнѣйшій Михаилъ Никифоровичъ!

Проживая въ Ментонѣ по нездоровью, я страшно скучалъ; людей близкихъ по духу, т. е. съ консервативными воззрѣніями, тутъ очень мало.

Одинъ какой-то молодой человѣкъ, вѣчно разгуливающій въ коротенькомъ пиджакѣ, открыто говорилъ всѣмъ: „Я изъ школы правовѣденія, я консерваторъ!“ Но ему не вѣрили и всѣ жестоко смѣялись

надъ нимъ. Я поинтересовался узнать, въ чемъ состоитъ его консерватизмъ, но онъ отвѣчалъ экивоками и чрезвычайно слабо защищалъ основы консерватизма; въ одинъ прекрасный, солнечный полдень онъ договорился, наконецъ, до того, что я съ презрѣніемъ отвернулся отъ него. Вообразите мой ужасъ! онъ, этотъ жалкій молокососъ, называющій себя консерваторомъ, не видитъ особенной необходимости въ III отдѣленіи и шпіонахъ, разсылаемыхъ на государственный счетъ по всѣмъ городкамъ Европейской территоріи!!

Послѣдніе мѣсяцы тутъ начали появляться листки возмутительнаго содержанія. Я не могу побѣдить злого любопытства, и всегда прочту, недозволительное — конечно, съ цѣлью еще яснѣе убѣдиться, до какихъ размѣровъ доходитъ своевольство мыслей, „сточникъ буйныхъ страстей.“ — Я прочелъ листки и вострепеталъ отъ негодованія. Спѣшу препроводить Вамъ нѣсколько страницъ, попавшихся въ мои руки; на этихъ страницахъ ваша, столь дорогая для всѣхъ вѣрноподданныхъ, теплая личность, предана поруганію. Неужели послѣдніе и самые твердые, мѣдные столбы государственные должны рухнуть? Гдѣ искать опоры, откуда ждать свѣта, когда и ваше доблестное имя осквернено и нахально презрѣно?! Чего ждать намъ, горемычнымъ консерваторамъ, когда вы, древнеклассическій консерваторъ, повержены въ пыль? Признаюсь, видѣть поруганіе надъ вами для меня все равно, какъ художнику-археологу видѣть, какъ арабы отбиваютъ желѣзными остріями куски отъ сказочно древней гробницы фараона. Я самъ испыталъ подобное чувство, созерцая, какъ англичане-туристы царапали свои имена на стѣнахъ храма весталокъ. Да, безъ лести, Михаилъ Никифоровичъ, васъ можно сравнить съ весталкою, вы денно и нощно бодрствуете надъ пламенемъ, потухающимъ въ сердцахъ молодежи; вы стараетесь, но, къ великому нашему горю, тщетно, поддержать въ нихъ чувства гордыя и человѣчныя: самоотверженную любовь къ престолу, уваженіе ко всѣмъ старшимъ, почитаніе полицейскихъ, и жандармскихъ служителей, подчиненіе мудрому порядку и много, много другихъ свѣтлыхъ, гражданскихъ добродѣтелей; вы употребляете для этого всевозможныя, напразнообразнѣйшія средства;

вы мужественно ни передъ чѣмъ не останавливаетесь. Оплеухи, раздаваемыя вами, съ права на лѣво и съ лѣва на право, вашимъ лицеистамъ, еще недостаточно оцѣнены всѣми, недостаточно поняты. Трудно выработаться истинному христіанину и полезному вѣрноподданному безъ помощи оплеухъ. Ваши воспитанники выходятъ изъ вашего лицея съ полнымъ сознаніемъ, что уже ни какія пощечины не устрашатъ и не сконфузятъ ихъ; глупыя чувства чести, самолюбія оставляются ими въ лицеѣ, они выходятъ на гражданское поприще безъ малѣйшихъ предразсудковъ, они идеалъ правительственный.

Когда вы получите эти страницы, тотчасъ же спѣшите, на сколько вамъ позволятъ ваши почтенныя лѣта, въ III отдѣленіе; обрушьте всѣ громы вашего патріотическаго краснорѣчія на головы этихъ апатическихъ хранителей преуспѣванія государственнаго; объясните имъ, что черезъ чуръ мало затерзано молодыхъ людей по тюрьмамъ, крѣпостямъ, полиціямъ, каторгамъ, какихъ нибудь нѣсколько тысячъ человѣкъ за нѣсколько лѣтъ! это черезъ чуръ мизерная цифра, увеличьте число въ двое, трое, десятеро, если и этого окажется мало, то возьмите примѣръ съ столь опередившей насъ древности, послѣдуйте примѣру славнаго царя Ирода и истребите всѣхъ младенцевъ женскаго и мужескаго пола по всей Россіи... Пусть останемся безъ младенцевъ, но съ порядкомъ.

Жандармы слишкомъ недостаточно бьютъ женщинъ, черезъ чуръ комфортабельны помѣщенія для заключенныхъ, чрезмѣрно питательна ихъ пища. Выдавать на пищу 1 1/2 коп. въ день на человѣка! Это другими словами откармливать на убой; одной восьмой копѣйки (1|8) въ сутки на одного за глаза достаточно, для поддержанія бодраго состоянія духа и для поощренія заключенныхъ къ раскаянію. Политическимъ заключеннымъ даютъ супъ изъ разварной соломы, но вы слишкомъ сильны въ физіологіи, Михаилъ Никифоровичъ, и поймете, что этого нельзя дѣлать: въ соломѣ много сахару, а сахаръ перерабатывается въ жиръ; словомъ, слишкомъ много великодушія, всепрощенія, слабости, попущеній.

III отдѣленіе увядаетъ, энергія его быстро слабѣетъ, повсюду провокаторы требуютъ прибавки жалованья. Чтобы снова пробудить въ немъ старыя, завѣтныя чувства, прежнюю, благородную энергію, нужно васъ, Михаилъ Никифоровичъ! Вы болѣе, чѣмъ съ классическими языками, знакомы съ дивнымъ механизмомъ этого необходимаго, современнаго намъ государственнаго учрежденія; вы служили ему, непорочно, всю жизнь, и васъ не оцѣнило правительство, вы остаетесь издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ тогда какъ цари на землѣ справедливость (говоря это, я всегда вспоминаю печальный крикъ Нелькина: „правда, гдѣ ты?“), вы должны были быть давнымъ давно шефомъ жандармовъ. Мы, консерваторы, всегда носили въ душѣ мечту, что еслибъ нашъ Миша Катковъ, (ради всего святаго извините! мы всегда называемъ васъ такъ въ нашемъ интимномъ, но, увы! печальномъ кругу) взялъ бразды правленія въ боевыя руки, погибло бы на вѣки лже-дикое ученіе, ни одинъ молодой человѣкъ не съэмигрировалъ бы! онъ развѣялъ бы прахомъ молодежь и ихъ ученіе; государству не угрожала бы отовсюду гибель, всѣ мирно и весело наслаждались бы у очага своего, или безмятежно преуспѣвали бы на разныхъ, полезныхъ стезяхъ государственныхъ, подобно патріархальнымъ семьямъ, жившимъ въ тѣни смоковницъ, питаясь плодами ихъ. Грустно разставаться съ глубоко выношенными иллюзіями!!

Я слышалъ, что авторъ, написавшій листы, никогда ничего не печаталъ ни въ одномъ журналѣ, объясняя это, якобы непобѣдимымъ отвращеніемъ къ цензурѣ; питая въ душѣ своей „пагубную роскошь своевольства,“ „порывъ въ мечтательныя крайности,“ онъ жилъ и довольно долго въ самомъ сердцѣ Россіи, въ первопрестольной столицѣ, Москвѣ; можетъ быть, даже на одной улицѣ съ вами, Михаилъ Никифоровичъ, можетъ быть, даже онъ прочитывалъ „Московскія Вѣдомости;“ но какъ черство его сердце, хладенъ умъ, онъ не плѣнился ими!

Болѣзненно ныло мое сердце при мысли о васъ, Михаилъ Никифоровичъ! счастливецъ Леонтьевъ, онъ живой, въ присутствіи высшихъ властей Москвы, поднялся на небо и отдыхаетъ онъ „подъ кущами райс-

кихъ садовъ“ послѣ суеты лицейской! Вы же, трудясь всю жизнь, вѣчно двигаясь все впередъ, и впередъ по стезѣ консерватизма, дошли до той высоты развитія, что молодое, невѣжественное поколѣніе перестало, очень давно, понимать васъ; живую воду, разлитую по листкамъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ оно не захотѣло испить, испробовать; ваша царелюбская газета, по распространенію и популярности, по мнѣнію многихъ, сравнялась, а по моему мнѣнію, даже немножко пріотстала отъ „Полицейскихъ Вѣдомостей.“ Невольно вертится въ головѣ знаменитое изрѣченіе: „признательность — растеніе, ростущее на могилѣ“; но врядъ ли оно (т. е. это растеніе) зацвѣтетъ на вашей могилѣ, Михаилъ Никифоровичъ! Молодое поколѣніе все болѣе, болѣе развращается, и легко можетъ быть, что оно презрительно наплюетъ въ драгоцѣнную урну вашу, это невыносимо горько!!

Вы, навѣрное, поймете тѣ горячія чувства, которыя кипѣли во мнѣ, при написаніи письма. Я смотрю на васъ съ тѣмъ трогательнымъ чувствомъ, съ которымъ старикъ, возвратившись изъ скитанія на свое роднос, всѣми позабытое пепелище, смотритъ на обвѣтшалый флигелекъ, разрушенный скотный дворъ; блуждая грустнымъ взоромъ по развалинамъ, онъ, невольно, съ любовью остановится даже на свиномъ хлѣвѣ, который совсѣмъ распался и изъ навоза кой гдѣ торчатъ полуистлѣвшіе колья.

Остаюсь полный благопожеланій, одинъ изъ сохранившихся въ цѣлости консерваторовъ.

*М****

Двѣ встрѣчи

Ай да царь! ай да царь!
Православный Государь!

Когда я слышу всѣмъ извѣстную фразу: „сердце царя бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ народа,“ невольно встаютъ въ моей памяти двѣ картины.

Александръ II вечеромъ въѣзжалъ въ Москву; площадь у Иверскихъ воротъ была полна народомъ; по дорогѣ, очищенной полчищемъ жандармовъ, пролетѣло нѣсколько экипажей. Москва, знакомая съ порядкомъ, царскаго поѣзда, безмолвно пропустила передовые экипажи, и съ оглушительнымъ „ура!“ привѣтствовала коляску, быстро проѣхавшую къ Иверской часовнѣ. Площадь ярко озарилась электрическимъ свѣтомъ, и всѣ ясно увидѣли не императора, а какого-то свитскаго генерала, мирно сошедшаго у Иверской часовни и присосѣдившагося около нея, въ ожиданіи царя. Черезъ нѣсколько минутъ вся площадь снова просвѣтлѣла и всѣ увидѣли Александра въ часовнѣ. Монархъ, прошмыгнулъ быстро, незамѣтно, въ темнотѣ, за экипажемъ свитскаго генерала и очнулся отъ страха только въ часовнѣ, подъ нѣжнымъ покровительствомъ божьей матери и охраною жандармовъ. Въ недоумѣніи смотрѣлъ я на грустный фарсъ, разыгранный въ Иверскомъ балаганѣ.—Много злыхъ мыслей пробѣжало, но ихъ прервали нѣсколько голосовъ сзади: „трусъ! трусъ! подставнаго за себя посылаетъ, а еще царь!“ Къ удивленію моему, превратныя толкованія вылетѣли изъ устъ не дѣтищъ крамолы, а рабочихъ, съ круглыми лицами, добрыми, свѣтлыми глазами, съ наидобродушнѣйшею улыбкою.

Во второй разъ, уѣзжая за-границу, я былъ свидѣтелемъ другой сцены, оригинальной, съ специфическимъ русскимъ запахомъ: въ двѣнадцать часовъ ночи, въ сентябрѣ, на курскомъ вокзалѣ ждали проѣзда Александра II; осенняя ночь была холодная, вѣтренная; тяжелыя тучи быстро неслись; сырой холодъ пробиралъ до костей. Платформа была залита огнями; пунцовое сукно широко разослано около ярко освѣщенныхъ

апартаментовъ императора; въ буфетѣ столы были заставлены поразительными осетрами, разнообразными мясами. Смотря на убранство, можно было подумать, что мы встрѣчаемъ утро свѣтлаго праздника. Публика, жаждущая разговѣться, очень нервно ходила, ожидая царскаго пріѣзда, — начинать разговляться статской публикѣ раньше военной и императорской свиты, не полагалось. Губернаторъ, голова съ хлѣбомъ и солью, жандармскій полковникъ, полицмейстеръ, цвѣтъ проживающаго въ Курскѣ дворянства прогуливались по залѣ, разодѣтые, какъ разноцвѣтные попугаи, тревожно ожидая сигнальнаго крика. Жандармъ, стоявшій на часахъ, крикнулъ взрослымъ хамоватымъ, мальчишкамъ, что августѣйшій надвигается; толкая другъ друга, выбѣжали они на платформу; къ нимъ присосѣдились какія-то вытертыя костлявыя дамы, съ пышными, свѣжими букетами. Я вышелъ полюбоваться зрѣлищемъ. Раздались отдаленные свистки; вдали загорѣлась бѣлымъ сіяніемъ яркая звѣздочка, въ нѣсколько минутъ она разрослась въ ослѣпительное, бѣлое солнце; снопы электрическаго свѣта озарили всю окрестность, рѣзко выступили: свинцовое небо, черныя поля, сѣрые домики, массы ждущаго народа; бѣлый свѣтъ всему далъ зловѣщій, мертвенный оттѣнокъ. Чуть слышно, медленно плавно подходили къ платформѣ колоссальные, царскіе вагоны, украшенные вызолоченными коронами, съ опущенными сторами, освѣщенные внутри слабымъ свѣтомъ и торжественно остановились противъ апартаментовъ императора. Разфранченные кондукторы, на цыпочкахъ, сошли на платформу, пантоминами объяснили, что монархъ опочиваетъ, жандармы, съ болѣе рѣзкими пантоминами, передали собравшемуся народу, что онъ долженъ безмолствовать... Народъ безмолствовалъ... Губернаторъ, гордое дворянство, не желающій уступить въ гордости дворянству, купецъ —голова, безъ пальто, стояли на вытяжку и, не сморгнувъ глазомъ, глядѣли въ шторы царскаго вагона, на его блестящія короны. Прошло четверть часа... Среди мертвой тишины стояли царскіе вагоны, какъ колоссальные гробы съ мертвецами; ни звука внутри, ни малѣйшаго снаружи. Прошло полчаса... Малокровный губернаторъ, весь синій трясся на вытяжку, съ

перспективою перемежающейся лихорадки; полнокровные представители дворянства, съ поблекшими лицами, безнадежно глядѣли въ царскія шторы; костлявыя дамы изображали чудовищные контрасты съ свѣжими, яркими букетами, онѣ щелкали то одною, то другою стороною челюсти, съ перспективою отчаянныхъ истерикъ, (горька участь ихъ мужей!). Голова изнемогалъ, увядалъ, силясь держать отекшими, заледенѣлыми руками тяжелое блюдо съ хлѣбомъ и солью; положеніе его было болѣзненно ужасно: не гори въ немъ неугасимо жаркая преданность, онъ непремѣнно выронилъ бы блюдо; не физическая, но нервная сила спасла его.

Прошли три четверти часа... Среди мертвой тишины стояли вагоны, съ сонным царствомъ. Сановники и разные представители неподвижно, три четверти часа, отдавали высокую честь, спящему фетишу. Я крѣпко протиралъ глаза, чтобы доказать ясно, неопровержимо, что меня не давитъ кошмаръ. Сорокъ пять минутъ простояли царскіе вагоны съ спящимъ самодержцемъ... чуть, слышно двинулись и безшумно потонули во мракѣ. Отдававшіе честь царскимъ вагонамъ, быстро пробѣжали въ залу и набросились на вкусныя яства... Ничего, не выражали эти плоскія, пошлыя, ничтожныя лица; умѣли ли они скрывать свой стыдъ или, частое продѣлываніе хамскихъ манифестацій, убило въ нихъ тѣ вялые, безцвѣтные ростки, изъ которыхъ могло бы развиться чувство человѣческаго достоинства? даже внутрь загнанный лакеизмъ не сказался на ихъ лицахъ, они прошлись по рюмочкѣ и начали кушать, попивать, какъ ни въ чемъ не бывало. Одно только лицо моего знакомаго, учавствовавшаго въ парадѣ, зло улыбалось; я подошелъ къ нему, пристально смотря на него; онъ понялъ и нагнувшись, оглядываясь по сторонамъ, проговорилъ: „Хорошъ! нечего сказать, нашъ пьяный шахъ! Я уже не говорю о человѣческихъ чувствахъ, о которыхъ онъ не имѣетъ представленія, но онъ, жалкій невѣжа, забылъ, что существуетъ простая, свѣтская вѣжливость.“ Но второй звонокъ уже прозвонилъ, я пожалъ ему руку и очень мягко замѣтилъ: „Вы правы, онъ великій невѣжа, за то вы, господа, черезъ чуръ уже вѣжливы.“

Памятникъ Пушкину

Въ первый разъ русскіе подданые съ огромными овацiами встрѣчаютъ открытіе памятника не русскому маленькому царю, но русскому великому писателю. Врядъ ли монархъ и его приближенные ощутятъ трогательныя чувства, когда дойдетъ до нихъ черезъ тайную полицію вѣсть, что громадныя толпы въ Москвѣ съ оглушительными „ура“ привѣтствовали паденіе бѣлой вуали съ величаваго, голову склонившаго, убитаго поэта, — когда до нихъ долетятъ, черезь ту же полицію, отголоски рѣчей и рѣчей безъ конца, произносимыхъ профессорами, поэтами, министрами и проч. Давно ли, правая рука Лоботряса ! — шефъ шпіоновъ, Бенкендорфъ произнесъ по поводу похоронъ Пушкина: „Носятся съ какимъ-то камеръ-юнкеромъ! Я бы понялъ все это, будь онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ“.

25-лѣтіе великаго реформатора было принято, сравнительно холодно. Поражающій своимъ краснорѣчіемъ царелюбецъ Достоевскій, при открытіи, промолчалъ. Читая газеты, полныя восторженной трескотни, патетическихъ возгласовъ, по старой привычкѣ, все, кажется, будто дѣло идетъ о царяхъ, ихъ любителяхъ, или хоть о герояхъ проигранныхъ сраженій. И что обиднѣе всего, что газетный патетизмъ по поводу Пушкина нельзя заподозрить въ неискренности: его не подшептывала мѣстная полиція, ни одинъ газетный энтузіастъ не получилъ лишняго гривенника за свой пафосъ. Предписанья, указы, наставленія, — третье отдѣленье тутъ не при чемъ.

Ораторы, возносящіе геній Пушкина, къ сожалѣнію, вертѣлись всего болѣе на стилѣ поэта и только упоминались: „народность, воплощеніе, возсозданіе, проникновеніе и проч“.

Его высочество, окруженный министрами, генералами, торжественно открывающій памятникъ; Александръ II, по невѣденію, разрѣшающій торжество, какъ видно, не вполнѣ знакомы съ поэзіей Пушкина. Благонамѣренный камеръ-юнкерскій мундиръ и стихотворенье: „Клеветникамъ Россіи“, повидимому, заслонили нѣкоторые крамольные взрывы его генія; мундиръ поставилъ его внѣ подозрѣнія и только, благодаря ему, памятникъ разрѣшенъ. Глубоко нѣжныя вѣрноподданническія чувства къ царской семьѣ не разъ вырывались у поэта; они настолько дороги намъ, что мы не можемъ допустить забвенья ихъ въ такой торжественный день. Обращаясь къ дому подкинутаго чухны — дому Романовыхъ столько же, сколько и Ивановыхъ, онъ пишетъ:

„Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостью увижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы,
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты богу на землѣ.
. . . . . .
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью брошенный дворецъ.
. . . . . .
Онъ видитъ въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны,
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ,
Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
. . . . . .
Погибъ увѣнчанный злодѣй!

То есть подброшенный Екатеринѣ чухна — дѣдушка Александра II. „Убійцы потаенны“ были подосланы сыномъ Павла I получившимъ въ исторіи прилагательное; „благословенный“. Сверши тотъ же поступокъ лицо не „благословенное“ его попросту, назвали бы отцеубійцею и сослали бы, послѣ нещаднаго сѣченія плетьми и клейменья, на вѣчную каторгу.

Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!

Послѣдніе слова попстинѣ пророческія: поэтъ въ своемъ ясновидѣніи прозрѣлъ: выстрѣлъ Каракозова, выстрѣлъ Соловьева, взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвою, взрывъ столовой въ Зимнемъ дворцѣ.

Какъ бы предчувствуя кинжалъ въ пищеварительномъ органѣ Мезенцева, и въ томъ же аппаратѣ у кіевскаго жандармскаго полковника и у нѣсколькихъ выдающихся шпіоновъ, онъ вдохновенно произнесъ:

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судья позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ,
Ты роешься вездѣ, подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ...
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

На сушѣ и на водахъ мѣры Лорисъ-Меликовымъ приняты, но Пушкинъ высчиталъ столько другихъ мѣстъ, удобныхъ для пораженія, что врядъ ли Лорисъ-Меликовъ съумѣетъ всюду разставить надежный караулъ. Поэтъ, котораго привѣтствовалъ Его Высочество, окруженный генералами, министрами, говоря о которомъ преосвященный Амросій исторгъ слезы умиленія у публики, наполнявшей церковь, въ порывѣ святого вдохновенія — въ минуты, когда божественный глаголъ волновалъ его пробудившуюся, подобно орлу, душу, и онъ уже болѣе не гнулъ гордой головы передъ презрѣннымъ кумиромъ — произноситъ:

Народъ мы русскій позабавимъ
И у позорнаго столба
Кишкой послѣдняго попа
Послѣняго царя удавимъ

* * *

Друзья, но лучше ли на мѣсто фонаря,
Который темень, тускль, чуть свѣтитъ въ непогоды,
Повѣсить намъ царя?
Тогда бы сталъ свѣтить лучъ пламенной свободы!

Врядъ ли Каракозовъ, Соловьевъ, Гартманъ и таинственный Ксъ, попытавшій Зимній Дворецъ, могли бы что нибудь возразить противъ этихъ современныхъ стиховъ. Но вернемся, къ такъ называемому, дому Романовыхъ. Ему посвящены самые трогательные стихи, никто не оставленъ безъ привѣта.

По поводу прабабушки Александра II онъ пишетъ:

„Насильно Зубову мила,
Старушка умная жила
Пріятно, но немножко блудно,
Вольтеру лучшій другъ была,
Писала прозой, флоты жгла
И умерла, садясь на судно".

Изъ за размѣра Пушкинъ погрѣшилъ противъ правды: Екатерина жила не немножко, а колоссально, чудовищно блудно. Между ея ногъ прошелъ цѣлый полкъ вначалѣ царствованія, и, затѣмъ, она имѣла чуть не сотню любовниковъ. На памятникѣ дѣдушки его дерзновенная рука начертила:

„Но песъ ли тутъ ложитъ, что такъ воняетъ стервой?
— Нѣтъ, это Павелъ первый".

По поводу папаши:

„Едва царемъ онъ сталъ,
То разомъ начудесилъ:
Сто двадцать человѣкъ тотчасъ въ Сибирь послалъ,
Да пятерыхъ повѣсилъ".

Не знаю, что сказалъ бы Пушкинъ послѣ двадцати двухъ висѣлицъ въ одинъ годъ и тысячъ невинно сосланныхъ въ Сибирь, при его сынкѣ-реформаторѣ.

„Великій государь,
Ты нашихъ бѣдъ виновникъ,
Хотя плохой ты царь,
За то лихой полковникъ!"

* *

„Оригиналъ похожъ на бюстъ —
Онъ такъ же холоденъ и пустъ"

* *

„Въ Россіи нѣтъ закона,
А столбъ, а на столбѣ корона".

Преосвященный Амвросій также выпустилъ изъ виду летучую характеристику особы преосвященнаго:

„Ещель нашъ архіерей не святъ?
Онъ тамъ сидитъ гдѣ, всѣ стоятъ,
Онъ въ ризу бздитъ, ему кадятъ".

Также всѣмъ извѣстную, пикантную поэму: „Гавриліада", въ которой дѣвственная мамаша бога, зачавшая безъ супруга, очень фривольно ведетъ себя съ святымъ духомъ-голубемъ... Не выписываю, такъ какъ увѣренъ, что Амвросій всю поэму знаетъ наизусть. Пусть, кстати вспомнитъ, какимъ причудливымъ образомъ архангелъ Гавріилъ спасся въ борьбѣ съ дьяволомъ, находчивость его была вполнѣ ангельская, вѣрнѣе — архангельская.

Не стану приводить многочисленныя эпиграммы на придворныхъ, благодаря которымъ они спаслись отъ забвенія, хотя имъ навѣрное, пріятнѣе было бы забвеніе. Хотя ему, какъ камеръ-юнкеру, предстояло испить чашу камергерства, онъ отнесся къ нему не съ меньшимъ презрѣніемъ, какъ и къ камеръ-юнкерству. Зная о модномъ порокѣ, онъ замѣтилъ, что не понимаетъ, зачѣмъ вѣшаютъ ключъ къ мѣсту, и безъ того всѣмъ отпертому.

Но это не всѣ его грѣхи, онъ писалъ неумолимымъ врагамъ палача-царя въ Сибирь:

„Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните, гордые, терпѣнье,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...
. . . . . .
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
. . . . . .
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ и свобода
Васъ привѣтъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Видно, камеръ-юнкерскій мундиръ не есть еще гарантія!

Благо, что царь и его семейство не знакомы съ запрещенной прессой и вообще съ прессой, иначе не здоровать бы памятнику Пушкина. Если Александръ II

прочтетъ мою статью, я увѣренъ, что онъ тотчасъ велитъ памятникъ Пушкина перелить въ простую пушку. Что же дѣлать, если наши самодержцы предпочитаютъ прессѣ — прессъ, а пушки всякимъ Пушкинымъ.

Послѣ всего, что мы выписали, мы можемъ надѣяться, что хотя и не такъ скоро, но наступитъ время, когда изъ подъ опущеннаго вуаля выглянутъ образы: Герцена, Огарева, Бакунина, Михайлова, Чернышевскаго, Добролюбова и другихъ, и много лѣтъ спустя, не изъ подъ бѣлаго вуаля, но изъ подъ бѣлаго савана, поражая воображеніе нашихъ внуковъ, подымутся величавые образы: казненныхъ декабристовъ, и принявшихъ недавно мученическій вѣнецъ: Каракозова, Соловьева и другихъ. Не толпа, но народъ будетъ ихъ привѣтствовать. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ высочества съ министрами, генералами будутъ вполнѣ отсутствовать, и не Краевскіе, Суворины, Катковы, Цитовичи будутъ воспѣвать народное торжество.

Поэзія беременности

(Посвящается Н. Е. К.)

Диксонъ въ сочиненіи „Новая Америка“ съ смущеніемъ, чуть не страхомъ, заявляетъ, что американскія женщины не обнаруживаютъ желанія имѣть много дѣтей, что самыя образованныя изъ нихъ умудряются имѣть ихъ въ самомъ ограниченномъ числѣ. Онъ утверждаетъ, что затаенная мысль о сокращеньи рожденій гнѣздится въ мозгу у каждой лэди. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство русскихъ женщинъ раздѣляютъ протестъ Диксона, и это понятно: русскія женщины средняго класса славятся пугающимъ, встрѣчающимся только у рыбъ, плодородіемъ. Каждый изъ насъ встрѣчалъ сотни плюгавенькихъ недодѣлковъ, явившимися семнадцатыми или восемнадцатыми на вольный свѣтъ божій. Утроба, выкидывающая такіе пассажи, нерѣдко была способна къ продолженію потомства... Нѣтъ сомнѣнія, что такая способность положительнымъ образомъ поглощала всѣ остальныя. Женщина, кладущая на алтарь отечества такую непомѣрную кучу вѣрноподданныхъ, была ни болѣе ни мѣнѣе, какъ скромно поэтичная тля.

Диксонъ не даетъ себѣ труда вникнуть въ вопросъ поглубже, отбросивъ англійскую, мѣщанскую чадолюбивость и ту шаблонную мысль, что святое назначеніе женщины — всю жизнь страдать потугами и доить изъ себя молоко. Теперь даже конозаводчики даютъ боль-

шія передышки кобыламъ, чтобы спасти ихъ отъ полнаго истощенія, чтобы не ослабить породу. Мужчины на столько эгоистичны, лишены способности входить въ чужое, скверное положеніе, что никакъ не умудряются постигнуть невыносимое положеніе ежегодно рожающей женщины. При томъ соціальномъ положеніи, въ которомъ находится большинство женщинъ, оно по истинѣ ужасно. Аристократкѣ, имѣющей въ распоряженіи громадные дома. огромное количество прислуги, ничего не дѣлающей, вѣчно скучающей, пустой, можно имѣть дѣтей. Пострадавъ девять мѣсяцевъ, она сдаетъ новорожденнаго на руки нянекъ, мамокъ. Всѣ отравляющія, подтачивающія жизнь стороны дѣтскаго возраста не доходятъ до ея ушей — стѣны слишкомъ толсты, а комнаты удалены. Сносно имѣть дѣтей мастодонтамъ купеческаго класса, ожирѣвая мозгомъ, тѣломъ, они рожаютъ кучи дѣтей, которые нарушаютъ пустой сонъ жизни; но жалкая судьба женщины разумной, жаждущей образованія, широкой дѣятельности, которая, за неимѣніемъ большихъ средствъ, сама должна выпянчивать, выкармливать дѣтей. Всмотримся въ ея жизнь со дня замужества: восторженная, нѣжная, она порывисто отдается ласкамъ любимаго человѣка, ея юная головка полна золотыхъ сновъ; она хочетъ быть горячимъ другомъ, помощникомъ мужа, дѣлить его впечатлѣнія, занятія; читать вмѣстѣ съ нимъ то, что такъ побѣдно волнуетъ всякую молодую, стремящуюся къ развитію душу. Если у ней или мужа есть небольшія средства, она мечтаетъ о путешествіи; жажда жизни тянетъ въ яркую даль; передъ мечтательнымъ взоромъ проносятся волшебныя картины: синія, южныя небеса, съ ярко блестящими звѣздами, томительно сладкія ночи, среди благовоннаго воздуха, съ ликующимъ шумомъ, гуломъ лазурнаго моря; грозныя скалы, синія пропасти, съ бурными потоками, въ пестрыхъ цвѣтахъ долины, мелодично шумящіе водопады. Ее манитъ Венеція, выплывающая изъ моря, съ своими потемнѣвшими отъ вѣковъ дворцами; Римъ съ роскошными руинами; Неаполь, съ курящимся Везувіемъ, Сицилія и далекій, таинственный Египетъ. Весь міръ обвѣянъ для нея розовою дымкою. Но въ самомъ разгарѣ радужныхъ грезъ, ледяная, прозаическая дѣйствительность

даетъ первый толчекъ въ видѣ зарождающаго младенца; наступаетъ идиллія беременности: рвота, гнетущее расположеніе духа. Только у сентиментальныхъ враліей — нѣмецкихъ романистовъ встрѣчаются приторныя картинки, изображающія блаженство пузатой женщины, они невиннымъ образомъ умалчиваютъ о поэтическихъ рвотахъ, не менѣе поэтическихъ боляхъ въ поясницѣ, о тоскливой анатіи, могильныхъ предчувствіяхъ. Ихъ эстетическія натуры не даромъ удивительно легко перевариваютъ свинину съ изюмомъ, картофель съ черносливомъ, ростбифъ съ вареньемъ. Много, очень много переноситъ беременная женщина, пока на шагъ отъ гроба, въ страшныхъ мукахъ, слезахъ, родитъ перваго ребенка; но быстро примиряется богатая женская натура, она на долго забываетъ муки, наслаждается, прижимая къ груди кусокъ живаго мяса; она забывается, но не на столько, чтобы смутно не сознавать, что кормленіе, ухаживанія за ребенкомъ истощаютъ ея молодыя силы, отымаютъ всякую возможность умственнаго труда; ея грезы таютъ, какъ грезы опія. Но это первый ребенокъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ путь становится запутаннѣе, мрачнѣе: не успѣла послѣ кормленія мать передохнуть, какъ уже въ распухшемъ животѣ копошится другой претендентъ на безотрадную жизнь.

Было время, когда процессъ рожанія не влекъ за собою особенныхъ попеченій о ребенкѣ; воспитаніе было дѣло не сложное: ребенокъ, рискуя на каждомъ шагу здоровьемъ и жизнью, вслѣдствіе бездоннаго невѣжества папеньки и маменьки, безолаберно выросталъ, а въ извѣстномъ возрастѣ, чтобы не надоѣдалъ дома, его швыряли для полнаго обезличенія въ разныя высшія и низшія заведенія; оттуда искалеченный физически, нравственно, умственно, онъ не выходилъ, но выползалъ въ жизнь. Врядъ ли нужно доказывать, что школы ничему путному не научая, забиваютъ память, живыя способности ребенка, уродуютъ его характеръ, прививаютъ ему подлое рабство и предразсудки. Наше время показало ясно, что воспитаніе — наука изъ наукъ, самая глубочайшая, въ то же время, самая труднѣйшая. Для многихъ стало понятно, что за тяжкимъ процессомъ рожденія ребенка слѣдуетъ еще болѣе тяжкій и сложный: воспитанія ребенка. Мать воспитывать въ

глубокомъ и обширномъ значеніи этого слова, можетъ только одного ребенка; воспитывать ихъ цѣлые десятки, даже съ помощью няпекъ, гувернантокъ, положительно невозможно; и наконецъ, это воспитаніе должно перерываться муками новой беременности, новыхъ родовъ, новой, мелкой, подтачивающей жизнь заботой о новорожденномъ, когда онъ, какъ комокъ мяса, переживаетъ растительную жизнь....

Возня, крики, капризы, мелкія, безпрерывныя хлопоты, неумѣніе справиться съ дѣтьми быстро портятъ лучшій характеръ; женщина становится болѣзненно раздражительной, и эта раздражительность всею тяжестью падаетъ на дѣтей, на мужа. Чтобы воспитывать много дѣтей кое-какъ нужно имѣть большія средства; большое состояніе отъ приращенія нѣсколькихъ птенцовъ становится ничтожнымъ, слѣдовательно, родители ставятъ себя въ невозможность не только поддерживать жизнь дѣтей, но и свою собственную. Но нѣкоторые укажутъ на многіе примѣры, — гдѣ семейства, состоящія изъ 18 человѣкъ, были очень счастливы, что все это народонаселеніе вышло въ люди, т. е. преуспѣваетъ на разныхъ ступеняхъ чиновничьей службы... Скажутъ, что если бы всѣ разсуждали такъ, родъ человѣческій прекратился бы... Бываютъ случаи, что изъ тысячи дѣтей, нѣсколько выхаживаются даже въ воспитательномъ домѣ, другими словами: притонѣ систематическаго убійства. Рожать дѣтей для могилы, рожать несчастныхъ нищихъ, у которыхъ впереди безвыходное горе, непосильный, нескончаемый трудъ, врядъли заслуга передъ человѣчествомъ! Что же касается до прекращенія рода человѣческаго, то пусть успокоится читатель, заводчики и аппараты для рожанія дѣтей никогда не переведутся на нашей землѣ, „лучшей изъ всѣхъ міровъ“.

Но какъ послѣдній доводъ намъ выставятъ самоотверженіе въ пользу дѣтей. Самоотверженіе—святое дѣло, но оно должно быть разумно; если бы мать, цѣною утерянной жизни, давала богатую жизнь десяткамъ людей, такая печальная жертва пошла бы ей въ заслугу; но губить себя затѣмъ, чтобы губить другихъ — занятіе удивительное по своей несообразности; это не самоотверженіе, а непонятное, средневѣковое презрѣніе къ

жизни. Мнѣ кажется, что ничего нѣтъ непозволительнаго въ томъ, что женщина сама хочетъ жить, т. е. трудиться, слѣдить за всѣмъ, что такъ интересуетъ мужчинъ, наслаждаться обществомъ, путешествіемъ, поэзіей и другими удовольствіями, которыми полна жизнь мужчины. Американскія женщины, какъ самыя развитыя, скорѣе другихъ сознали, что кромѣ мукъ беременности, вѣчнаго, механическаго няньченья съ дѣтьми, хроническаго, пчелинаго самоотверженія въ пользу дѣтей, есть жизнь, и что наслажденіе ею законно, разумно.

Пока не будетъ ограничено число дѣтей, всѣ росказни о полномъ равенствѣ половъ будутъ лицемѣрною болтовнею, простымъ заморачиваньемъ; половина рода человѣческаго будетъ обречена на духовное и физическое рабство. Вѣчная беременность будетъ вѣчно сопровождаться отсталостью, затяжнымъ страданіемъ, робкою зависимостью и безпробудною апатіей. Ограниченіе числа дѣтей — вопросъ жизни и смерти для женщины. Удивительнѣе всего, что этимъ вопросомъ не глижируетъ наше время, провозглашавшее уродливое ученіе Мальтуса и Рикардо, — пораженные экономическимъ строемъ нашего цивилизованнаго міра и плохо доказаннымъ открытіемъ, что продукты жизни размножаются въ ариѳметической, а люди въ геометрической пропорціи, они рѣшили оскопить весь трудящійся классъ, чтобы онъ не плодилъ нищихъ; они предписали людямъ труда пожизненное воздержаніе, уговаривали ихъ отказаться отъ любви, и это черствое, невозможное ученіе проповѣдывалось въ то время, когда наука нашла уже способы избѣгнуть оплодотворенія, безъ лишеній со стороны мужчины и женщины, и безъ малѣйшаго для нихъ вреда.

Жизнь современнаго человѣка коротка, а счастіе, молодость, красота быстро переходящи. Нужно откликаться на каждый призывный звукъ жизни, иначе она состроитъ кислую гримассу и безцеремонно повернется къ вамъ задомъ. Наука, поэзія и искусства, служеніе не однимъ дѣтямъ, но и людямъ, дали современному человѣку богатую возможность наслаждаться счастьемъ не эгоистическимъ. Только монашенкѣ простительно растительное прозябаніе въ жизни: такъ какъ мо-

была для нея — ступень въ райскія ворота, въ обитель вѣчнаго блаженства... Трезвая наука разсѣяла загробную иллюзію; смерть переходъ къ уничтоженію; индивидуальность наша, послѣ бурной жизни, переходитъ въ покой, безъ сновидѣній, т. е. расплывается въ ноль. Нашъ таинственный организмъ поступаетъ въ общій складъ природы, которая изъ нашей бренной, и, въ то же время, безсмертной матеріи начинаетъ строить безсознательно, въ силу вѣчныхъ законовъ, новыя формы жизни, которыми она замѣняетъ старыя, разложившіяся.

Наша неумирающая матерія питаетъ землю, воздухъ. Нашу матерію перевариваютъ крошечные желудки роющихся въ землѣ маленькихъ обжоръ, черви выносятъ ее внаружу, и это пожираніе, питаніе родятъ новыя фантастическія формы жизни, которыя не въ состояніи прослѣдить самое утонченное наблюденье и представить необузданное воображеніе. Переставъ тѣшить себя призрачнымъ, небеснымъ царствомъ, мы пристальнѣе стали вглядываться въ земное, поразительно мерзкое царство. Эта загробная правда заставляетъ насъ еще глубже привязаться къ жизни, больше цѣпить ее, больше требовать отъ нея; мы невольно начинаемъ стремиться оставить яркій слѣдъ въ жизни: его шириною, длиною измѣряется личность; чѣмъ правдивѣе наша мысль, чѣмъ плодотворнѣе наша дѣятельность, тѣмъ болѣе шансовъ на наше загробное, духовное существованіе.....

Непрактическіе и практическіе люди

I.

...„Неужели боги, эти небесные англичане, равнодушно созерцаютъ это изъ своего лазурнаго шатра, или, какъ мы ненавидимъ обезьяну за то, что она болѣе всѣхъ похожа на насъ и оскорбляетъ нашу гордость, такъ и боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію; поэтому, чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его боги всякаго рода невзгодами и наконецъ губятъ, тогда какъ маленькихъ скотоподобныхъ милосердно щадятъ...“

Названіе честный человѣкъ до нашего времени еще не утеряло относительнаго значенія, оно профанируется невыносимо часто; большія и малыя общества, разнокалиберные кружки варьируютъ на слово честь съ замысловатымъ, комическимъ разнообразіемъ. Не стану впадать въ нескончаемыя опредѣленія честнаго, свѣтскаго человѣка, честнаго купца, честнаго администратора, политическаго дѣятеля; кто гонится за юморомъ, тотъ можетъ вдоволь наостриться, вдавшись для потѣхи публики — которая любитъ отъ души хохотать сама надъ собою — въ психологію этихъ типовъ. Въ послѣднее время беллетристика силилась изобразить честнаго человѣка, но эта тема оказалась очень головоломною; при столкновеніяхъ героя съ извѣстными жизнен-

ными явленіями, выплывала, приплюснутая свѣтскими и духовными цензурами, головка самаго автора; честь, прихрамывая, спотыкаясь, въ концѣ концовъ превращалась въ безчестіе; авторъ начиналъ кроить ее, растягивать, урѣзывать и совершенно неожиданно проваливался на серединѣ романа. Жизнь послѣдняго времени стала богаче честными людьми; рядомъ съ безчисленною мелюзгою она дала, скупая на такіе подарки, прекрасныхъ личностей; онѣ разбросаны всюду по Европѣ—глухимъ деревенскимъ хлѣвамъ русскаго государства, а болѣе всего, нѣтъ сомнѣнія, въ Сибири; онѣ рѣдки, онѣ—соль земли; путь ихъ тернистый, мрачный, но сами онѣ ярче солнечнаго сіянія. Онѣ много страдаютъ въ жизни за тотъ ужасный недостатокъ, что слишкомъ честны и хороши, а мы слишкомъ подлы и гадки; онѣ напоминаютъ тотъ колоссальный образъ, о которомъ пророчествовали вдохновенные іудейскіе пророки: „воспрянетъ онъ, какъ тростинка слабая, какъ отпрыскъ земли жаждущей; покрытый безчестіемъ, покинутый людьми, онъ станетъ для всѣхъ предметомъ отвращенія, будетъ поруганъ и униженъ, язвимъ онъ будетъ за грѣхи наши, за беззакоія наши и, несмотря на муки, не отверзнетъ устъ своихъ; какъ агнецъ допуститъ вести себя на закланіе, могила его будетъ считаться могилою злодѣя, а смерть — смертью беззаконника.“ Предсказанія, что очень рѣдко бываетъ, сбылись: явился честный человѣкъ, но оплеванный, истерзанный, опозоренный, онъ истекъ кровью на крестѣ. Іисусы нашего времени умираютъ менѣе эфектно, болѣе конфиденціально; ихъ распинаютъ, высасываютъ изъ нихъ жизнь въ продолженіи долгихъ, долгихъ лѣтъ; они угасаютъ тихо, въ нихъ поддерживаютъ жизнь, какъ тлѣющій огонекъ поддерживали весталки, чтобы продлить ужасныя муки; ихъ святое страданіе не многимъ извѣстно; они окружены не Евангелистами, благоговѣйно ловящими каждое слово ихъ, а тюремщиками и безсловесными палачами; исторія ихъ иногда долетаетъ до слуха публики; испуганно она прочитываетъ кровавыя, скорбныя страницы и долго послѣ косится по сторонамъ, какъ будто за угломъ притаился убійца. Жизнь даетъ этимъ избранникамъ муки, а смерть — многимъ изъ нихъ — забвеніе, это потрясающій фактъ!... но черезъ это они намъ

еще дороже. Постараюсь нарисовать слабый абрисъ этого типа: рождаются они по большей части очень сильными физически, чувствительность ихъ въ юношескомъ возрастѣ невѣроятная, воспріимчивость болѣзненная; жертвуютъ они собою на каждомъ шагу, безъ усилія, скромно, чуть не застѣнчиво; учатся они плохо, безобразничаніе надъ свѣжимъ мозгомъ, которое на языкѣ педагоговъ называется воспитаніемъ, для нихъ невыносимо, судить ихъ мы не можемъ: отвращеніе ихъ неизмѣримо сильнѣе нашего, слѣдовательно, побѣдить его въ столько же разъ труднѣе. Ихъ глубоко занимаетъ окружающая ихъ жизнь; блѣдные, они сидятъ задумавшись надъ ея дикими несообразностями, которыя скользятъ мимо насъ незамѣченныя; они тонко наблюдаютъ, жарко переработываютъ тѣ факты жизни, которые мы привыкли въ наивности душевной, считать обыденными, для насъ они обыкновенны, для нихъ необыкновенны; отъ безустаннаго напряженія мозга, они заболѣваютъ нервными горячками и, нѣтъ сомнѣнія, часто умираютъ.

Различныя заведенія на пути подобныхъ личностей —подводные камни; не разбившись объ одно остріе, они распарываютъ себѣ грудь о другое; происходитъ это отъ черезъ-чуръ неравномѣрнаго распредѣленія подлости: на долю однихъ ея выпало неизмѣримо много, на долю другихъ — почти ничего, столкновеніе очень опасно для послѣднихъ. Многіе изъ нихъ погибаютъ, сгорая огнемъ безплоднымъ, но за то съ какою мощною силою развиваются они, попавъ на свою почву! Университетъ, честныя книги, случайныя встрѣчи даютъ направленіе ихъ колоссальнымъ силамъ; выступивъ на свѣтлый путь, они не сворачиваютъ съ него до послѣдняго дыханія жизни; они глубоко, мощно думаютъ и за трудъ имъ дается великое прозрѣніе, слѣпота исчезаетъ, и они начинаютъ понимать до боли ясно все окружающее; они одолѣваютъ загадочное ученіе—умѣть отличать ложь отъ истины. Ложь, богатую противорѣчіями, они разыщутъ всюду, подъ царской и поповской мантіей, чиновничьимъ и военнымъ мундиромъ, подъ фракомъ; истина ихъ не похожа на ту вертлявую, надутую ложь, силящуюся казаться истиной, которую мы тискаемъ, безъ разбора, въ узенькія, крошечныя клѣ-

точки съ безчисленными перегородочками, около которой мы кружимся, играя въ жмурки; ихъ взгляды, не смотря на необыкновенную простоту, престранно дѣйствуютъ, они жгутъ . . . . . Люди такого закала — „сердца изъ золота и стали,“ стоятъ одинокими, они ничего не хотятъ, ни славы, ни отличія, ни денегъ, ни могущества, имъ дороже жизни осуществленіе благихъ стремленій; осуществись онѣ, они безъ боли ступаются, надѣнутъ какія угодно вериги. Они отрицаютъ то, передъ чѣмъ большинство низко извивается, и въ то же время, признаютъ то, что отрицаемо почти всѣми, они нѣжно, безъ натяжки, самоотверженно любятъ людей; не стоитъ и говорить, что они блѣднѣютъ отъ ужаса, омерзенія при словѣ царь. Они презираютъ касты, не признаютъ собственности, съ отвращеніемъ смотрятъ на карающій уголовный законъ, не признаютъ религіи— поповъ, сверхъ-естественныхъ глупостей. Они не похожи на современныхъ христіанъ, — но на первыхъ христіанскихъ апостоловъ, слышавшихъ ученіе Христа изъ его собственныхъ устъ. Людямъ, которымъ спится покойно, живется весело въ свиномъ хлѣвѣ, для которыхъ нѣтъ ничего высокаго въ мірѣ, подобные люди покажутся утопистами, чуть не сумасшедшими; люди съ добрымъ сердцемъ, яснымъ умомъ отнесутся къ нимъ съ глубокимъ благоговѣніемъ: это наши святые; призрачны не они, но міръ, считающій правду, справедливость призраками, а гнусную ложь—дѣйствительностью; сумасшедшіе не они, а тотъ притонъ воровъ, злодѣевъ, мошенниковъ, въ которомъ они заклеймены сумасшедшими. Мелка и жалка жизнь, среди которой они являются рѣдко; они идутъ на проломъ, не умѣютъ ни съузиться, ни умалиться; въ нихъ горитъ неугасимымъ огнемъ безграничная любовь ко всѣмъ людямъ; убѣжденія ихъ непоколебимы, потому что не лживы; эти крестоносцы борятся за свои принципы съ невѣдомою намъ, непонятною для насъ страстностью; смерть для нихъ — торжество; имъ нѣтъ дѣла, что ихъ мало, а зла слишкомъ много; нѣсколько часовъ великой, незапятненной жизни дороже имъ сотенъ лѣтъ копошащагося въ цвѣточной пыли насѣкомаго; ихъ дѣятельность, не смотря на краткость, громадно благотворна. Фанатическая любовь къ истинѣ, страшное напряженіе нерв-

ныхъ силъ отъ ожиданія близкаго мученическаго вѣнца придаютъ имъ сказочное очарованіе; каждое ихъ слово глубоко волнуетъ душу; спящіе тревожно навсегда просыпаются отъ ихъ прикосновенія; они вливаютъ огненную энергію въ упавшихъ духомъ и беззащитныхъ, возбуждаютъ мощныя надежды въ несчастныхъ. Что встрѣчаютъ вѣстники свѣта въ жизни и какъ кончаютъ они, то не безъизвѣстно малому ребенку. Я закончу мой первый типъ честнаго человѣка грустными, надгробными стихами, посвященными одному изъ нихъ:

„Природа мать! когда бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала бъ міру
Заглохла бъ нива жизни“...

II.

„Не плачь надъ ними мученица мать!
Но говори имъ съ молодости ранней —
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣе,
Прекраснѣе терноваго вѣнца“...

Есть и другой типъ честнаго человѣка, болѣе скромный, чаще встрѣчающійся. Темпераменты этихъ людей спокойнѣе, въ ихъ крови менѣе остроты, зноя; они менѣе пропагандисты, у нихъ болѣе сдержанности. Университетъ, книги, случайныя встрѣчи пробуждаютъ въ нихъ великія природныя силы; жажда дѣлъ у нихъ громадная, но они умѣютъ выжидать, уступать; укораниваніе прекрасныхъ порывовъ имъ достается не дешево, ихъ физическая природа истощается отъ натуги, даже въ молодости они становятся очень раздражительными, ядовитыми въ рѣчахъ; ложь жизни ихъ возмущаетъ до дна души, въ пониманіи ея они не уступаютъ первому типу; изъ всевозможныхъ дѣятельностей они выбираютъ только такую, гдѣ менѣе всего имъ приходится сталкиваться съ деспотическою властью; канцеляріи, военной службы, гдѣ требуютъ отъ человѣка, въ силу высочайшихъ, административныхъ капризовъ, чтобы онъ сдѣлался или воромъ, или убійцею, они не выносятъ; уступчивость ихъ такъ далеко не простирается; если они дѣлаютъ уступку, то только

тогда, когда имѣютъ впереди выигрышъ дѣла. Всюду сталкиваясь съ людьми, они на все молодое, свѣжее имѣютъ огромное вліяніе; они невольно заражаютъ своимъ возвышеннымъ жаромъ, умѣютъ натолкнуть на выходъ тѣхъ несчастныхъ, которые, чтобы вырваться изъ омута жизни, нуждаются въ толчкѣ. Они не способны унизиться ни передъ какою властью; посяганіе на ихъ личность, легкое какъ дуновеніе, тяжеле для нихъ свинцовыхъ горъ; они мужественны, безстрашны, какъ древніе пророки — если имъ не удастся вѣчное зануздываніе себя — и они столкнутся въ застѣнкахъ третьяго отдѣленія, глазъ на глазъ съ палачами. Масштабъ для измѣренія всѣхъ жизненныхъ явленій у нихъ колоссальный; они не боятся истины, какою бы горечью она ни отзывалась, какихъ бы жертвъ не требовала; они не выносятъ свѣтобоязненнаго либерализма, который скорючивается отъ палки полицейскаго; и съ жалостью смотрятъ на тѣхъ либеральчиковъ, которыми кишитъ жизнь и которыхъ развитіе мысли до конца приводитъ въ малодушное смущеніе: у которыхъ хватаетъ духу вызвать нагую истину, но когда она явится передъ ними въ терновомъ вѣнцѣ, окровавленная, они униженно молятъ о пощадѣ, трясясь отъ ужаса. Поддѣть ихъ половинчатыми мѣрами, крошечными реформишками, на которыя такъ радостно ловится большинство, невозможно; ихъ вѣчно жаждущую, радикальную натуру напоить нѣсколькими подслащенными каплями невозможно. Умираютъ они недовольные, какъ бы много въ жизни ни свершили; ихъ спасаетъ великая вѣра въ близкое, свѣтлое грядущее. Страдаютъ они много, кончаютъ плохо, если не успѣваютъ бѣжать изъ отечества или умереть въ молодости отъ коверканья организма, въ виду неуступчивости общему мнѣнію, а въ виду большаго блага. Такіе люди, попадая на литературное поприще, бѣжавъ за границу, гдѣ свободное слово снимаетъ съ человѣка оковы, даетъ просторъ честнымъ думамъ, входятъ въ апогею своего могущества; каждое слово ихъ статей дышетъ внутреннимъ, сердечнымъ огнемъ, какъ цвѣтистой чешуей ядовитой змѣи, переливаетъ сарказмами; истину они высказываютъ безтрепетно, поразительно просто и ясно. Долго они не выживаютъ: лихорадочная дѣятельность, борьба за мысль, ог-

ромная воспріимчивость въ одинаковой степени прекраснаго и дурного сводятъ ихъ въ раннюю могилу; они сгораютъ отъ внутренняго огня, какъ горящій уголь въ чистомъ кислородѣ: слѣдъ ихъ въ литературѣ, жизни широкій и ясный; ихъ слова оставляютъ жало въ душѣ, они — неуловимо только для близорукихъ — расширяютъ умственный горизонтъ массъ, подталкиваютъ на горячую борьбу; подъ ихъ побѣдное знамя становится все молодое, сильное. Борьба за истину отъ увеличенія ея поклонниковъ становится успѣшнѣе, ряды густѣютъ и сплачиваются въ ту страшную силу, которая ранѣе, чѣмъ ожидаютъ, завоюетъ дряблый, дряной, грязный, наизнанку сшитый языческій міръ. Для недогадливыхъ читателей я долженъ сказать, что я выбралъ рѣзкихъ представителей, въ каждомъ изъ этихъ очерковъ.

III.

Когда говоритъ Донъ-Кихотъ онъ представляется сидящимъ на высокой лошади, когда говоритъ Санхо-Панса, онъ представляется сидящимъ на своемъ низенькомъ ослѣ.

Гейне.

Рядомъ съ утопистомъ практическій человѣкъ спокойно дѣлаетъ свое дѣло; рядомъ съ яслями, гдѣ выходитъ на свѣтъ искупающая, спасающая міръ идея, стоитъ быкъ, спокойно жующій свое сѣно.

Гейне.

О практическихъ людяхъ Писаревъ говоритъ:

„Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу; если существующій порядокъ хорошъ, т. е. удобенъ для всѣхъ, тогда практичность великое достоинство; если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; Люди замѣчательные, въ такія эпохи, или бываютъ

восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ золотая посредственность, люди мелко плавающіе, съ удивленіемъ и неиріязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ...

„Вы хвалите то, что вамъ по плечу ,а по плечу вамъ то, что кажется мизерно утопистамъ, т. е. людямъ смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Если бы вы жили во времена Галилея, вы были бы въ числѣ его судей.“

Онъ могъ бы прибавить, что современный міръ — ихъ міръ.

Главная добродѣтель, позволяющая имъ ловко, уютно устраивать жизнь, это изумительная эластичность совѣсти, благодаря приноравливаньямъ, подслуживаньямъ, Молчалинской ласковости, они преуспѣваютъ всюду. На нихъ, какъ манна небесная] сыплются: звѣзды, чины, кресты, временныя вознагражденія, пожизненные пенсіоны; эти ржавыя гайки въ надтреснутомъ государственномъ механизмѣ занимаютъ высшія общественныя мѣста. Они сами себѣ улыбаются, и имъ улыбаются жизнь, люди; имъ съ глубокою симпатіею жмутъ руки, имъ кланяются, ихъ даже за что-то благодарятъ; имъ въ ихъ собственныхъ святилищахъ кадятъ ѳиміамчиками; имъ приписываютъ полезность; они гибкіе администраторы, ученые профессора, рѣдкіе хозяева-помѣщики, почтенные земскіе служители, дѣльные чиновники, благонамѣренные литераторы. Они душатъ, тѣснятъ, тормозятъ, каждый по мѣрѣ силъ, и большею частью безсознательно; они даже любвеобильны, но только всѣ ихъ чувства цѣликомъ изливаются на ихъ благонравныя семейства. Непрактическіе люди любятъ людей, практическіе—своихъ дѣтей. Практическіе пьютъ медъ, непрактическіе—отраву; защищаютъ они себя и современный строй съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства, самодовольно, увѣренно, чрезвычайно своеобразно; взгляды ихъ отличаются гранитною неподвижностью: тысячи лѣтъ назадъ слово въ слово такъ защищались ихъ практическіе предки; тысячи лѣтъ протекли, не прибавивъ, не убавивъ ни одного доказательства, не изощривъ логики. Самыя выдающіяся

слова, фразы ихъ доказательствъ: „историческая опытность,“ „мирное развитіе подъ сѣнію государства,„ „нужно дать привыкнуть,“ „сразу ничего нельзя,“ „одни вы ничего не сдѣлаете,“ „вспомните страшные историческіе примѣры,“ „все это прекрасныя утопіи,“ „терроръ,“ „свирѣпая чернь,“ „гибель изящныхъ искусствъ,“ „революція,„ анархія,“ „порядокъ и благосостояніе,“ „развитіе промышленности.“ Потрудитесь развить эти краткія, отрывочныя фразы, обставьте ихъ до ужаса утомительными переливаніями изъ пустого въ порожнее, и вы увидите, что это то бѣличье колесо, въ которомъ вертятся всѣ доказательства практическихъ людей, вся ихъ мудрая опытность.

Удивительнѣйшій фокусъ-покусъ, чудную игру природы представляетъ изъ себя практическій человѣкъ!

„... Боги ненавидятъ людей, созданныхъ по ихъ подобію, поэтому чѣмъ человѣкъ выше, божественнѣе, тѣмъ сильнѣе преслѣдуютъ его боги всякаго рода невзгодами и наконецъ губятъ, тогда какъ маленькихъ, скотоподобныхъ милосердно щадятъ!...“

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О романѣ « НОВЬ » Ив. Тургенева

Я написалъ нѣсколько словъ о романѣ „Новь“ Тургенева въ то время, когда книга моя уже вышла; печатать эти нѣсколько словъ я не думалъ, но въ русскихъ журналахъ начали высказываться такіе удивительные взгляды на молодежь, выведенную въ романѣ, и на представителей либерализма и консерватизма, что даже эти нѣсколько словъ я считаю полезными.

Послѣ романа „ Отцы и Дѣти “ между Тургеневымъ и молодымъ поколѣніемъ порвалась одна изъ тѣхъ нѣжныхъ нитей, связывающихъ живого, талантливаго романиста съ развитымъ, впередъ идущимъ поколѣніемъ. Писаревъ старался, пуская въ ходъ всю силу своей увлекательной діалектики, поднять Базарова въ глазахъ публики, но не смотря на всѣ остроумнѣйшія ухищренія, всѣ продолжали чувствовать, что Тургеневъ, выставляя Базарова, вовсе не думалъ особенно симпатизировать молодому поколѣнію: если вышло кой-что хорошее, то это помимо воли Тургенева, это очень часто случается съ русскими писателями. Отъ Каткова нельзя отнять критическаго чутья, онъ отлично понималъ, что печатаетъ, онъ не могъ простить Тургеневу, что Базаровъ умираетъ отъ заразы трупнымъ ядомъ.

Тургеневъ не могъ переварить типа крайняго реалиста; многіе рѣшили, что Тургеневъ пересталъ понимать Россію и — его громадный талантъ пошелъ по стезѣ многихъ нашихъ очень талантливыхъ писателей, т. е. не впередъ, а назадъ. Послѣдній романъ „Новь," захвативший одну изъ самыхъ животрепещущихъ сторонъ нашей жизни, показалъ, что осужденный на регрессію талантъ Тургенева, способенъ на многое.

За мѣсяцъ до суда надъ 50-ю пропагандистами въ народѣ, вышелъ романъ, заставляющій невольно задуматься. Въ моментъ когда, правительство раскрыло широко пасть, чтобы полакомиться предварительно затерзанными жертвами, г. Тургеневъ не совсѣмъ мягко обратился къ ненасытной пасти съ слѣдующею тирадою: „безобразная пасть! утри кровавую пѣну, набѣжавшую при мысли о лакомомъ блюдѣ; частымъ жраньемъ, жеваньемъ несчастныхъ жертвъ, ты отточила себѣ зубы, укрѣпила челюсти, жевательные мускулы, но сырая, сытная пища, не пойдетъ тебѣ въ прокъ: на днѣ твоей пасти зіяютъ, до костей прогнившія язвы, чѣмъ шире ты раскрываешься, тѣмъ сильнѣе изъ гнилыхъ ямъ выступаетъ зеленоватый гной; ты страшно гніешь внутри, ты не замѣтишь, какъ отвалятся твои крѣпкія челюсти и вывалются отточенные зубы; не въ прокъ идетъ тебѣ гибель невинныхъ, изъ твоей пасти безсмысленное, злое чудовище нестерпимо смердитъ мертвечиною; жри несчастныхъ, но помни, ты поддерживаешь не жизнь, а собственное разложеніе!"

Можетъ быть, читатели найдутъ, что въ рѣчи приписанной Тургеневу, сгущены краски, но что же дѣлать? Всякій объясняетъ все по своему. Постараюсь, какъ можно короче, объяснить, почему я приписываю Тургеневу столь враждебную нашему государственному строю тираду; мы разберемъ молодое поколѣніе, выведенное въ романѣ.

Маленькій уродецъ Паклинъ — мефистофель романа, онъ остритъ такъ умно, замѣчанія его такъ глубоки мѣтки, что я увѣренъ, что самъ Тургеневъ, слышно для всѣхъ, говоритъ его устами, сидитъ въ его уродливомъ тѣлѣ.

Маркеловъ, Неждановъ, Соломинъ, по приглашенію Паклина, заходятъ къ Θимочкѣ и Θомочкѣ Многіе, читая „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя, сомнѣвались въ возможности такихъ типовъ; но каково же должно быть ихъ удивленіе, когда они прочли главы, посвященныя Θомочкѣ и Θимочкѣ! И этихъ птенчиковъ, начала XVIII вѣка, Тургеневъ заставляетъ гадать судьбу молодого, современнаго намъ, поколѣнія! Уходящимъ отъ нихъ молодымъ людямъ приживалка Θимочки и Θомочки—Пуфка кричитъ пророчески-ѣдко: „дураки! дураки!“ XVIII вѣкъ изрекаетъ приговоръ надъ XIX. И дѣйствительно, этотъ комъ навоза въ молодое поколѣніе могъ бросить только XVIII вѣкъ, въ лицѣ Пуфки. Одно изъ двухъ: или Тургеневъ хотѣлъ показать, что нашъ строй можетъ покоиться только на Θимочкахъ, Θомочкахъ, Пуфкахъ, или что проповѣдь соціализма безобразно смѣшна, рядомъ съ подобными пережитками крѣпостничества...

Исключая купца Голушкина, всѣ лица молодого поколѣнія заслуживаютъ не только глубочайшаго участья, но и уваженія. Маркеловъ — фанатикъ; онъ любитъ народъ слѣпо, онъ готовъ пожертвовать послѣднею каплею крови для его блага; схваченный растлѣннымъ рабствомъ народомъ и сосланный потомъ, онъ никогда не изрѣчетъ хулы на народъ. У Маркелова адамантовое сердце и ограниченный умъ; способность жертвовать у него безграничная, непониманіе народа тоже безграничное. Но пониманье огромнаго народа не сходитъ съ неба въ видѣ огненныхъ языковъ; самыя простыя мысли тѣ, до которыхъ человѣкъ доходитъ всего позднѣе; простыя дѣйствія часто — даются труднѣе самыхъ сложныхъ, запутанныхъ... Не даромъ нашъ мозгъ нѣсколько вѣковъ давило императорство вкупѣ и любѣ съ церковью, они знали, что дѣлали... Плоды давленія вышли очень знаменательные: мы хорошо понимаемъ философское и фантастическое юношами, и работая всю жизнь, только въ старости начинаемъ понимать все простое и естественное. Одно поколѣніе Маркеловыхъ ошибется, но послѣдующее не ошибется.

Неждановъ — Гамлетикъ соціализма; какъ всѣ безхарактерные люди, онъ не глубокъ и не силенъ; его

благородное обоняніе не вынесло мужицкой избы и кабака; непривѣтный, прозаическій видъ нищеты, невѣжества затуманилъ ему голову, и онъ творя одну ошибку за другой, кончаетъ дуломъ пистолета. Онъ не съумѣлъ понять народъ; не смотря на искренное, горячее желаніе, не съумѣлъ служить ему, но онъ съумѣлъ честно выйдти изъ заколдованнаго для него круга жизни, онъ не вернулся въ общество Сипягиныхъ и Каломѣйцевыхъ, предпочелъ смерть. Нервы романтика напряглись какъ струны, въ сгущенной, полной электричества революціонной атмосферѣ, издали нѣсколько дикихъ, странныхъ звуковъ, и лопнули, какъ струны. Тургеневъ-Гамлетъ самъ, большой мастеръ обрисовывать этихъ способныхъ, умныхъ, чувствительныхъ, воспріимчивыхъ, и въ придачу ко всѣмъ этимъ качествамъ, ни къ какому упорному дѣлу, неспособныхъ юношей и взрослыхъ.Гамлеты никогда не способны поднять надъ головою красное знамя и повести несмѣтныя полчища на смерть или побѣду, подъ вліяніемъ аффекта, они могутъ попасть въ ряды бойцовъ, но остаться въ рядахъ до конца не могутъ; они сомнѣваются во всемъ, а болѣе всего въ самихъ себѣ; они разнимаютъ себя на тонкіе пласты, перегоняютъ каждую мысль черезъ всевозможныя химическія реторты; они взвѣшиваютъ, перевѣшиваютъ, позируются, восторгаются, приходятъ въ отчаяніе, быстро утѣшаются, то подымаются, то опускаются; мучаются они нестерпимо и мучаютъ нестерпимо другихъ. Въ этихъ разнообразныхъ и запутанныхъ самобичеваніяхъ проходитъ ихъ жизнь, безплодно для другихъ и безплодно для себя. Гамлетики—самое горькое, и въ то же время, неизбѣжное явленіе быстро ростущей жизни, они стоятъ на рубежѣ между отживающимъ и начинающимъ сильно жить. Неждановъ содрогнулся, сбился съ пути, столкнувшись съ рѣзко отталкивающею внѣшностью народной жизни; ступи онъ шагъ впередъ... смрадъ разсѣялся бы, безобразные призраки исчезли, и передъ его взоромъ раскрылся бы міръ великой поэзіи, великаго смысла, препятствіе за препятствіемъ стали бы исчезать, и онъ остановился бы въ благоговѣніи, изумленіи передъ народомъ, который, не смотря на чудовищное, вѣковое рабство, на весь кровавый гнетъ свыше, сох-

ранилъ въ груди ту чудную искру, которая отъ теплаго, живительнаго дыханія стала бы разгораться все свѣтлѣе и свѣтлѣе, пока все, до тѣхъ поръ темное царство, озарилось и наполнилось бы чуднымъ свѣтомъ „Записки охотника“ Тургенева, лучшіе разсказы Льва Толстого, Григоровича и другихъ белетристовъ, блестяще подтверждаютъ мою мысль...

Соломинъ и Маріанна — носители судебъ будущаго. Я вѣрю Тургеневу, что они существуютъ; святою радостью наполняется душа при этой мысли. Эти исполинскія натуры, уравновѣшенныя физически, нравственно и умственно, пророчутъ намъ великое будущее; ихъ не закуетъ правительство въ цѣпи, ирокезскія очи шпіоновъ не выслѣдятъ, они доведутъ до конца начатое дѣло, у нихъ сердце золотое и здоровый сильный умъ, здоровые нервы; они знаютъ не только, гдѣ земля обѣтованная, но и знаютъ дорогу къ ней.

Соломинъ видитъ зорко окружающую жизнь; онъ беретъ въ руки людей, съ осторожностію нѣжной матери, берущей новорожденнаго младенца; онъ не огорашиваетъ народъ мыслями, которыя не по плечу многимъ, изъ передовыхъ людей; онъ забрасываетъ сначала одно зерно въ эту дѣвственную почву, и когда оно пустило ростки и окрѣпло, бросаетъ другое. Жизнь его такъ безупречна, что народъ инстинктивно чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не способнымъ надуть. Если онъ изберетъ человѣка и откроетъ передъ нимъ внутренній міръ свой, всѣ свои планы, надежды, то можно быть увѣреннымъ, что то будетъ ловецъ людей... А кто не помнитъ старой исторіи, какъ ловцы людей завоевали чуть не полъ міра въ нѣсколько столѣтій!... Соломинымъ нужны личности упругія и мощныя, какъ крѣпко выкованныя стальныя пружины; онѣ должны иногда гнуться, но еще быстрѣе разгибаться, а главное, никогда не ломаться. Павелъ именно — такая личность; онъ — образъ, подобіе Соломина, и въ средѣ народной онъ будетъ дѣйствовать не только не хуже, но и лучше его. Но Соломины не ревнивы, господства они не ищутъ; если имъ удастся впустить въ народъ дѣятелей, еще лучше ихъ приготовленныхъ, они будутъ счастливы вполнѣ.

Образъ Маріанны такъ поэтиченъ; въ ея трезвой и чудной натурѣ лежитъ такъ много хорошаго, что ей одной можно посвятить статью. Блѣдная, безъ словъ, стоитъ она надъ трупомъ Нежданова, въ одну недѣлю она переросла его; глядя на его трупъ, она внутренно, навѣрное, говорила себѣ: „бѣдный человѣкъ, ты честно вышелъ изъ внутренней борьбы, не промѣнялъ насъ сильныхъ, на подлыхъ и слабыхъ; дуло для тебя было милѣе Сипягиныхъ и Каломѣйцевыхъ; мнѣ страшно жаль тебя! Но не умри ты, все равно, я покинула бы тебя, у твоего остывшаго трупа стоитъ тотъ сильный, за которымъ я пойду на жизнь великаго труда, радостнаго самоотверженія; если же прійдется погибнуть, мы пойдемъ съ нимъ рука въ руку и не поблѣднѣемъ передъ гибелью“. Она не распиналась и не выла у трупа—только мертвые хоронятъ мертвыхъ — ея сердце чувствительнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ у самой завзятой по этой части барышни, но у ней есть, кромѣ сердца, впереди ширь и свѣтъ безъ границъ...

Но многіе могутъ сказать, что Соломинъ и Маріанна не вполнѣ вырисовываются въ романѣ, что это — яркіе абрисы, тѣни, отбрасываемыя гигантами; но чтобы сказать о нихъ то, что я говорю, довольно и тѣхъ чертъ, которыя показаны Тургеневымъ. Цензура, одно изъ самыхъ нелѣпыхъ, позорныхъ, преступныхъ учрежденій, она силится задавить душу цѣлой націи, она низводитъ ее на степень безсловеснаго стада, она создана для того, чтобы царь съ его черными шайками, могли безнаказанно самоуправствовать, убивать, грабить; она страшная обуза для честнаго писателя, она проходитъ по сочиненію, какъ саранча по богатой жатвѣ; помарки дѣлаются красными чернилами и положительно можно сказать, что не только видъ, но и значеніе цензуры кровавые, она мокаетъ перо въ кровь писателя, вычеркивая его лучшія, задушевныя, искреннія мысли, но на этотъ разъ Тургеневъ долженъ примириться съ нашими законами о печати: не будь ихъ, онъ не въ состояніи былъ бы справиться съ своимъ романомъ; не будь цензуры, мы потребовали бы, чтобы Соломинъ заговорилъ вполнѣ, и этотъ могучій человѣкъ, съ его богатымъ, внутреннимъ міромъ былъ бы разоблаченъ передъ нами до тончайшихъ подробностей. — Я увѣренъ,

что Тургеневъ не съумѣлъ бы заговорить такъ, какъ долженъ говорить нецензурный Соломинъ. Соломины дѣйствительной жизни слишкомъ умны, чтобы вполнѣ разоблачить душу при встрѣчѣ съ г. Тургеневымъ; на немъ слишкомъ тяготѣетъ прошлое: его воспитаніе, взростившіе его кружки, и, наконецъ, долгое и мирное обладаніе большою собственностью. Прозрѣть такое лицо поверхностно возможно для великаго художника, войти же въ детали невозможно: тутъ выходятъ на сцену не однѣ страсти и психическія тонкости души, но цѣлый, обширный міръ мыслей, страстныхъ убѣжденій; чтобы не опрофанировать этихъ идей, ихъ нужно не только понимать, но и глубоко имъ сочувствовать. Геніальный художникъ — Диккенсъ ни разу не рѣшился въ своемъ романѣ выставить радикала-соціалиста: онъ зналъ, что тутъ художественнаго пониманія одного мало, нужно мыслить одинаково съ нимъ. Чтобы произносить зажигательныя рѣчи, нужно проникнуться ими; чтобы глубоко понять ученіе соціализма, мало прочесть нѣсколько умныхъ книжекъ о немъ, его нужно изучать. Отсутствіе художественной полноты въ лицѣ Соломина и Маріанны я не сваливаю на цензуру: Тургеневъ физіологически не могъ войти въ кожу пропагандиста — Соломина.

Я чуть коснулся выдающихся лицъ молодого поколѣнія; о такихъ лицахъ, какъ Машурина, Василій Ѳедоровичъ говорить нечего: о нихъ почти ничего не говоритъ самъ Тургеневъ, но одно несомнѣнно, что они очень честные, до величія самоотверженные люди. Жизнь родины поглощаетъ ихъ личную жизнь. Вспомните любовь молчащей, грубоватой на видъ Машуриной къ Нежданову... Навѣрное, вы не менѣе меня были растроганы святою деликатностью ея чувства.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ строгихъ и неумолимыхъ судьяхъ молодого поколѣнія, которые призваны кроткимъ провидѣніемъ, чтобы покарать его и въ конецъ уничтожить. У нѣкоторыхъ молодыхъ людей романа ограниченный умъ, но за то золотое сердце; у либераловъ и консерваторовъ Тургеневскаго романа умъ еще болѣе ограниченный, сердце же доброкачественностью, впечатлительностью, чувствительностью, не превосходитъ выполированную, оловянную тарелку.

Либералъ и консерваторъ, выведенные въ романѣ, —не исключительныя лица,—это типы типовъ, имя имъ легіонъ ; государственный, такъ называемый, высшій міръ ими живетъ и дышетъ, во время всевозможныхъ кризисовъ это они палачествуютъ. Консерваторъ Каломѣйцевъ поразительно гнусная личность, выставь его Тургеневъ однаго я бы рѣшилъ, что только третьеотдѣленцы, жандармы, провокаторы, шпіоны мерзче его, но узрѣвъ въ романѣ либерала Сипягина, я нашелъ, что Сипягинъ—трипль экстрактъ—квинтъ эссенція мерзости, подлости.

У Каломѣйцева на самой серединѣ лба пылаетъ такое клеймо, что всякій порядочный человѣкъ, завидѣвъ его за версту, поспѣшно свернетъ на первую, попавшуюся тропинку, а если таковой не окажется, то храбро полѣзетъ даже въ трясину. Отъ Каломѣйцева несетъ острымъ, невыносимымъ запахомъ—зданья у цѣпнаго моста ; его можно слышать за три комнаты, онъ ни для кого не опасенъ. Съ Катковыми, Мезенцовыми, Треповыми въ разговоры не вступаютъ.

Сипягинъ опасенъ для многихъ ; юноша раскроетъ ему довѣрчиво объятія, и Сипягинъ, поворковавши надъ нимъ, какъ сизая горлинка, понѣживъ, поласкавъ по головкѣ, немедленно сдастъ его въ самый темный казематъ крѣпости и самъ за нимъ запретъ дверь. Сипягинъ — человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій, безъ внутренняго міра; онъ умѣренно либеральный гражданинъ и великолѣпный шпіонъ; онъ покровитель молодости и, въ то же время, ея тюремщикъ, палачъ; онъ все, что вамъ угодно, конечно, исключивъ все хорошее и честное. Для большей наглядности сравнимъ Каломѣйцева и Сипягина съ двумя гадинами: Коломѣйцевъ — простая, лѣсная гадюга, ее очень легко замѣтить въ самой густой травѣ, и вы пройдете мимо безъ особеннаго желанья убить ее. Сипягинъ — цвѣтистая, ядовитая змѣйка, отливающая цвѣтомъ травы, цвѣтами; неопытный, несвѣдущій приметъ ее за невинную змѣйку, но человѣкъ, нѣсколько знакомый съ мѣстными породами змѣй, непремѣнно ее безжалостно раздавитъ.

Жена Сипягина, pendant къ своему мужу, — это плоть отъ плоти его; она безсердечна, ограниченна, безстрастна и необычайно пошла. Сильная страсть

ищетъ выхода въ удовлетвореніи, мелкой страстишкѣ довольно питаться однимъ раздраженіемъ. Сипягина любитъ щекотать собственный мозжечекъ и дрябленькую, нервную систему, конечно въ самыхъ дозволенныхъ границахъ; ей нравится видѣть, какъ въ человѣкѣ свѣжемъ, сильномъ вдругъ вспыхиваетъ горячее чувство къ ней; отъ собственнаго, какъ принято называть, паденія она застрахована, крѣпко на крѣпко, своимъ бездушіемъ; что же касается до мучительныхъ процессовъ, возбужденныхъ ею, ни за что, ни про что, въ постороннемъ человѣкѣ, ей мало дѣла. Было время, когда многіе не краснѣя, называли этотъ садизмъ кокетствомъ, простительнымъ свѣтской женщинѣ. Но кромѣ этого, Сипягина любитъ сплетничать, залѣзать въ тайники чужой души, прибѣгая къ подслушиваніямъ; если она принимается пилить закабаленное ею несчастное существо, то пилитъ долго, сильно, ея слабыя ручки пріобрѣтаютъ такую неутомимость, что ей могли бы позавидовать самые неутомимые по той же части мужчины.

Господа консерваторы, и вѣчно виляющіе либералы! къ топору васъ приговорилъ не молодой, пламенный, негодующій юноша, а великій сердцевѣдецъ, великій современный писатель, сѣдой старикъ, умудренный опытомъ, всю жизнь тонко и сильно наблюдавшій жизнь.

Югъ Франціи, Ментонъ.

25 марта 1877 г.

Реквіемъ

—

„Всюду на землѣ
Лишь тѣни прокаженныя я вижу,
Да рожи глупыя, и самъ не знаю
Въ больницѣ я, иль въ домѣ сумасшедшихъ.
. . . . . .
О бѣдная земля! твои терзанья
Я знаю, вижу я, какъ грудь твою
Снѣдаетъ пламя, какъ исходятъ кровью
Безчисленныя жилы, какъ широко
Твоя раскрылась рана...

Сумерки боговъ Гейне.

Утромъ я сошелъ къ морю, оно было очень тихо. Первый попавшійся на берегу предметъ поразилъ меня: около воды лежала черная сумка, сбоку — поломанный зонтъ. Недоброе предчувствіе закралось въ душу; я началъ пристально вглядываться въ прозрачное море, неопредѣленная масса лежала, недалеко, на днѣ. Съ ужасомъ, я различилъ ноги, обутыя въ башмаки. Прибѣжали около живущіе рабочіе, работавшіе недалеко въ саду; они видѣли женщину, идущую въ одеждѣ въ воду, много разъ она окунулась, прежде чѣмъ пошла ко дну; они были очень перепуганы, не рѣшились крикнуть.

Рабочій вытащилъ трупъ старухи. Дали знать полиціи; пріѣхали компетентные люди и зашли ко мнѣ въ домъ, чтобы разсмотрѣть сумку, разгадать тайну

утопленицы. Вынули изъ сумки нитки, наперстокъ, нѣсколько лоскутовъ, ничего не разъясняющей бумаги, и маленькій, старый портъ-моне, нашли въ немъ одинъ су и... улыбнулись... Нѣтъ! подумалъ я, это не разгадка: милліоны людей часто живутъ, долго живутъ, не имѣя лишнихъ су въ карманѣ... Рядомъ съ су лежала аккуратно сложенная бумажка, въ ней была тайна смерти. Врачъ развернулъ, прочелъ бумагу, передалъ чиновнику и жандарму. Жандармъ, прочтя, пожалъ плечами, медленно проговорилъ: „Que pensez-vous, docteur?“ Врачъ отвѣтилъ: „il n'a rien à penser, elle est folle, elle avait... savez-vous...“ онъ началъ кружить характерно около своего лба... Но такъ какъ, не смотря на всю силу, ясность доказательствъ, мое лицо выражало недоумѣніе, онъ передалъ мнѣ бумагу, — то былъ сертификатъ, онъ свидѣтельствовалъ неоспоримо слѣдующее: „превосходная женщина, честная, услужливая, добрая, но, къ сожалѣнію, при всемъ желаніи быть дѣятельной, она не можетъ, вслѣдсвіе тяготѣющей надъ нею старости; очень жаль было ей отказать и проч..... „подпись извѣстной въ Ментонѣ богатой лавочницы.....

Трудящаяся всю жизнь, бѣдная женщина выброшена на улицу одинокая, на голодную смерть за то, что, работая всю жизнь, до глубокой старости, она растратила свои силы—ужасное преступленіе, по дѣломъ вору и мука!...

Лазурныя, теплыя волны тихо плескали въ ея распухшія ноги, музыкальнымъ аккордомъ онѣ замирали на берегу. Она лежала съ платкомъ на лицѣ; сладостная тишина была кругомъ; нѣжно-фіолетовые, окутанные дымкою итальянскіе берега отражались въ зеркальной водѣ застывшаго, необъятнаго моря; сіяла вѣчною красотою равнодушная къ человѣку природа, Солнце обдавало такими горячими, полными жизни лучами, что смерть казалась чудовищемъ. Подъ ласкою чуть дышащаго вѣтерка не жить нужно было, но сгорать отъ избытка жизни!...

Холодомъ обдавала сіяющая, нарядная природа; ледянымъ холодомъ обдавалъ трупъ несчастной старухи, съ закрытымъ лицомъ. Но полно, сумасшедшая ли она? Нѣтъ, нѣтъ! она разумнѣйшее существо! Ей

было тяжело, нося смерть въ душѣ, видѣть кругомъ ликующую природу. Страшна была борьба, слабой старухи съ морскими волнами, но много страшнѣе жизнь милліоновъ тружениковъ, ходящихъ по сушѣ: они задыхаются не минуты, но всю долгую жизнь: умирая отъ истощенія, они слышатъ издали надвигающуюся смерть, чуютъ ея костлявыя объятія не дни, но годы! Утонувшая женщина — разумнѣйшее существо!! Несчастная имѣла работу до старости, милліоны тружениковъ ее не имѣютъ очень часто, въ пору цвѣтущей молодости; она осталась до смерти честной, доброй, незапятненной, милліоны тружениковъ и этого сознанія не могутъ унести въ могилу, окруженные безобразною жизнію. Счастливая, въ сравненіи съ своими братьями по труду, счастливая рѣшимостью распорядиться съ своею печальною жизнію, она спитъ на берегу минеральнымъ сномъ, безчувственная, какъ сама природа, и обдаетъ ее своими теплыми волнами, какъ слезами, Средиземное море!...

Письмо къ Тургеневу

Только что кончилъ вашъ маленькій разсказъ: „Отчаянный“. Неопредѣленное, странное впечатлѣніе оставляетъ онъ. Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ я улавливаю эмбріоны могучаго типа послѣднихъ лѣтъ, начинаю различать маленькія, родимыя пятнышки, тонкія, какъ волоски, связующіе нити. Но, при болѣе точномъ анализѣ, желаньи схватить цѣлое, ощупать осадокъ, эти первыя, смутныя впечатлѣнія начинали исчезать.

„Отчаянный“ — не покойный родитель новыхъ людей, но отдаленный родственникъ, и не по матери, а по отцу, и, наконецъ, новые люди вовсе не отчаянные.

Это лицо вызвало въ моей памяти другое, оставляющее глубокое впечатлѣніе своимъ духовнымъ родствомъ съ новыми людьми. Я говорю о Чертопхановѣ; въ первомъ абрисѣ въ немъ уже ярко вырисовывается черта, родственная съ нимп: самоотверженное заступничество за слабыхъ. Въ „смерти Чертопхапова“ выступаютъ другія, еще болѣе знаменательныя. Въ очень характерной сценѣ, разрыва съ цыганкою, рядомъ съ порывами чуть не отелловской страсти, ревности, трогательно проявляются инстинктивныя: человѣчность, сердечность. Послѣ разрыва, эта мощная натура, немогущая ужиться съ пустотою въ сердцѣ, привязывается съ болѣзненною, граничащею съ безуміемъ, страстью, къ лошади. Отъ лошади до слова „конекъ“, а затѣмъ, до идеала — еще далеко. Тотъ же человѣкъ, при другомъ развитіи, другой обстановкѣ, съ тою же силою привязавшись къ идеѣ, сталъ бы творить чудеса. Ночью онъ не ухомъ, а сердцемъ слышитъ, что лошадь крадутъ, онъ бросается, какъ бѣшенный, и послѣ сверхъестественныхъ усилій догнать, падаетъ замертво. Съ этой минуты онъ

начинаетъ искать ее съ неутомимымъ постоянствомъ, нечеловѣческой энергіей. Ни одинъ пилигримъ среднихъ вѣковъ, идущій розыскивать, утерявшагося въ окружающей его жизни, Христа, не отдавался своей иллюзіи съ такою страстностью. Такія исканья приводятъ, смотря по обстоятельствамъ, къ сумасшедшему дому, или дарующему безсмертіе, эшафоту. Чертопханову вскорѣ подвертывается иллюзія, ввидѣ лошади, поразительно схожей съ пропавшею; хватаясь за жизнь, онъ отдается, на время, спасительной мечтѣ. Но такіе цѣльные характеры съ иллюзіями, даже самыми блистательными, не уживаются долго; сомнѣнья, сурово, неотразимо начинаютъ прокрадываться въ эту жаждущую истины душу... Лошадь ухомъ не такъ повела, взглядъ не такой огненный; передъ прыжкомъ черезъ оврагъ, она на минутку задумалась... Съ нытьемъ, замираньемъ, слѣдитъ онъ за этими, для него грозными, признаками, стоитъ только на волосъ покривить душой, и жизнь спасена. Конецъ повѣсти страшенъ своей шекспировской правдой: онъ беретъ ружье и собственноручно убиваетъ неповинную иллюзію, затѣмъ, самъ умираетъ.

Договаривать мою мысль, вытягивать парралель, считаю лишнимъ, — вы отлично поймете, что я хочу сказать и, конечно, съумѣете подсказать мнѣ дальнѣйшіе выводы. Я стараюсь быть до послѣдней возможности краткимъ, — я имѣю дѣло не съ читателемъ, но съ тѣмъ, кто заставляетъ читать.

Отрывокъ изъ статьи „ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“

Какъ погребальный колоколъ въ тихій, осенній вечеръ звучатъ:

Любить, но кого же? На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Страсти? Но рано иль поздно,
Ихъ сладкій недугъ исчезнетъ при словѣ разсудка.

Остается соблазнять и наслаждаться. Но въ этомъ наслажденіи какъ грусти много, а главное — эгоизма. Но эта „душа пустынная“ обращающаяся съ молитвой чистой „къ теплой заступницѣ міра холоднаго,“ могла бы всецѣло отдаться всескорбящей любви къ человѣчеству, къ правдѣ. Онъ, сумѣвшій бросить въ лицо цѣлаго поколѣнія: „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью.“

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...
. . . . . .
И въ насъ царитъ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови .
. . . . . .
Передъ опасностью позорно малодушны,
Передъ властію презрѣнные рабы...
. . . . . .

Былъ человѣкъ, огромно развитой, обладая болѣе обобщающимъ умомъ, чѣмъ Пушкинъ, другъ до гроба декабриста-Одоевскаго, онъ зналъ, что представляетъ собою Николаевское царствованье, — „то была тьма

безъ темноты, бездна пустоты, безъ протяженій и границъ; міръ безъ неба, свѣта и свѣтилъ; сонъ гробовъ." Роковое прозрѣнье было причиною его трагической жизни, трагической гибели. Алчущій, жаждущій, онъ очутился средь пустыни, холодной, черной, съ блѣднымъ низкимъ небомъ. На тускломъ горизонтѣ не могла даже возникнуть греза пустыни — фато моргана. Туманный покровъ закрывалъ ночью яркія звѣзды.

Тридцать лѣтъ забивая ротъ гнилою тряпкою. давя, обезличивая, царилъ большой тѣломъ, микроскопическій духомъ, до ужаса подленькій, мстительный, трусливый, безвольный, нелѣпый, всесвѣтный жандармъ. Исторія только теперь начинаетъ разоблачать этого дряненькаго, хитраго сыщика на тронѣ. Доблесть Россіи—декабристы схоронены были въ Сибири; тридцать лѣтъ вся Россія истекала кровью подъ плетьми, палками, розгами; волочила страшное бремя холопской жизни, безъ протеста.

Въ 48 году отчаянный порывъ кружка Петрашевскаго спасти безплодно погибающую душу, прошелъ безслѣдно. Крѣпостное право, съ помѣщикомъ и попомъ внизу, чиновниками и царемъ вверху, представляло какое-то чудище, съ туловищемъ, головою ядовитой змѣи и хвостомъ скорпіона, оно разило и головою, и хвостомъ, душило страшными кольцами туловища. Какою скребущею проніей звучитъ названье: „Герой нашего времени". Только такіе герои, нося смерть въ душѣ, могли кой-какъ тянуть жизнь въ свинцовое царствованье Сатурна. Для настоящихъ героевъ мѣста не было, а если и было, то только на помостѣ эшафота, въ казематѣ Петропавловской крѣпости, въ тундрахъ Сибири.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

(Примѣчаніе къ овиціямъ)

———

Муза! воспой его добродѣтели,
Онъ набоженъ былъ!!!

Я помню хорошо, что всякій разъ, какъ мнѣ приходилось говорить о Достоевскомъ съ писателями или просто любителями литературы, меня съ изумительнымъ постоянствомъ, точно всѣ сговорились, осыпали быстро лаконическими изреченьями: „драматизмъ Шекспира," „распластывающій анализъ," „рвущее за сердце слово," „изумительныя психическія, проникновенія," „безграничная любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ," „трепетная отзывчивость на потайные звуки русскаго сердца," „истинный патріотизмъ," „вполнѣ русская великая душа."

Вполнѣ признавая, если не Шекспировскій, то во всякомъ случаѣ, огромный драматизмъ, распластывающій анализъ, рвущее за сердце слово, изумительныя психическія проникновенья, я съ сомнѣніемъ остановлюсь: на безграничной любви къ униженнымъ, оскорбленнымъ, на патріотизмѣ, на вполнѣ русской, великой душѣ.

Дифирамбамъ, восторгамъ конца нѣтъ. Пора сказать горькое, правдивое слово доморощеннымъ энтузіастамъ... Съ неслыханною торжественностью, окруженный тысячами людей, гробъ Достоевскаго опущенъ въ землю. Никогда еще русскому писателю не выпадало такой доли. За гробомъ — Пушкина „шли люди въ фризовой шинели и тѣхъ обманомъ отвели, и гробъ тихонько увезли," а объ остальныхъ и говорить нечего!

Стихамъ на смерть счетъ потерянъ, хотя мы предпочли бы прозу, такъ какъ стихи — увы!— отличаются изумительною стряпнею и, несвойственною истинному чувству, трескучестью, ходульностью. Трудно въ тяжкія минуты подгонять рифмы, тѣмъ болѣе для людей, непривыкшихъ къ этой сложной формѣ выраженія чувствъ.

Дворцовый поэтъ, старикъ Майковъ, не смотря на огромную способность строчить стихи на дворцовыя темы, отказался написать въ одинъ присѣстъ.

Торжественнѣйшіе похороны Достоевскій заслужилъ вполнѣ: четыре года каторги дали ему право на болѣе пышные, совершенно другого характера похороны.

Я въ тупикъ становлюсь, просматривая русскія газеты: Катковъ, вникните, господа, торжественно объявляетъ, что онъ другъ Достоевскаго; Суворинъ, котораго на похоронахъ Некрасова, студенты прогнали съ криками: „вонъ, шпіонъ, вонъ пресмыкающаяся тварь“ передовыя статьи и фельетоны посвящаетъ той же дружбѣ; Маркевичъ, „виртуозъ холопства,“—выраженіе Тургенева — тоже описываетъ дружбу. Редакторъ „Минуты,“ опубликованный „Народною Волею“ „шпіонъ,“ тоже—дружбу. Члены царской семьи, третьеотдѣленцы, начальники казенныхъ учебныхъ заведеній, архіереи, попы, учителя, ученики, шли за его гробомъ. Недавно на прогнившемъ Западѣ 100.000 рабочихъ и 300 депутацій отъ рабочихъ обществъ всей Франціи провожали гробъ великаго революціонера-атеиста Бланки, вынесшаго безропотно 40 лѣтъ тюрьмы. Соціалисты, возвратившіеся съ каторги, несли красныя знамена. Мужественныя, свободныя рѣчи произносились на его могилѣ. О попахъ, рѣчи быть не могло, что же касается до мракобѣсцевъ, то они благоразумно хоронились за широкими спинами полицейскихъ.

Газета „Порядокъ“ добродушно объявила: „смерть Достоевскаго произвела большое впечатлѣнье въ стѣнахъ окружнаго суда,“ т. е. въ средѣ смакующихъ кровопійцъ.

Странное смѣшеніе! удивительная вавилонская башня, построенная изъ русскихъ чувствъ! Наши глаза отвыкли отъ сумбурныхъ зрѣлищъ, а уши отъ кликушическихъ выкрикиваній, мы отказываемся не только восторгаться, но и понимать.

Если Достоевскій любилъ безгранично молодежь, какъ заявляютъ русскія газеты, то какимъ образомъ онъ могъ въ одно и то же время быть другомъ Каткова, Суворина, Маркевича? Можетъ быть, мы очень брезгливые люди, но мы увѣрены, что честный писа-

тель ни голой руки, ни въ перчаткѣ, не протянетъ подобнымъ представителямъ печатнаго слова; дѣло идетъ не о различныхъ воззрѣніяхъ, но о простой порядочности. Вспомните о рукѣ Каткова, протянутой такъ легкомысленно Тургеневу, при открытіи памятника Пушкину.

Катковы, Суворины, обдавали бѣшеною пѣною саваны мучениковъ, всходящихъ на эшафотъ; съ завываніемъ краснокожихъ требовали гнилыхъ веревокъ; они жарко защищали урядниковъ, плети, шпіонствующихъ дворниковъ, военные суды, съ неизбѣжными висѣлицами въ 24 часа... Они разыгрывали, что не знаютъ, гдѣ источники крамолы, кто виновенъ во всемъ. И эти теплые ребята оказались друзьями Достоевскаго, безконечно любящаго молодежь!

Архіереи, іереи видятъ въ Достоевскомъ оплотъ православія, нечего сказать похвалили! Бѣлинскій, Герценъ и десятки другихъ выразителей новыхъ идей видятъ въ православіи дремучую тупость, пирамидальную неподвижность, отсутствіе малѣйшей искры нравственнаго принципа, убожество и апотеозу угодливаго хамства. Лютые деспоты помазывались церковью, всѣ ихъ преступленія окуривались церковными ѳиміами, самыя ужасающія удушенія націи сопровождались ихъ благодарственными молитвами.

Суворинъ, оказавшій медвѣжью услугу праху Достоевскаго, идетъ далѣе. Онъ пишетъ: „Политическіе идеалы Достоевскаго были очень широкіе, онъ часто разсуждалъ о земскомъ соборѣ, объ отношеніяхъ царя къ народу, какъ отца къ дѣтямъ; часто говорилъ, что намъ нужна абсолютная свобода прессы“ И по видимому, онъ надѣялся на скорое осуществленіе ѳеноменальной грезы.

Сердечное спасибо любителю молодежи — Достоевскому за дарованіе намъ царя, нѣжнаго папаши. Передъ такимъ папашей блѣднѣетъ Сатурнъ, подкушивающій своихъ малютокъ. И эти гаденькія рѣчи, произнесены были, когда еще не перегнили въ землѣ столбы отъ 24 висѣлицъ!!...

Что же касается до абсолютной свободы слова, я жалѣю, что не былъ знакомъ съ Достоевскимъ, я остановилъ бы этотъ бредъ мгновенно слѣдующими

словами: „боговдохновенный пророкъ Ѳедоръ Михайловичъ! Вѣря вашимъ пророчествамъ — я долженъ надѣяться, что не пройдетъ десяти лѣтъ—срокъ весьма достаточный, и моя брошюра: „Александръ II освободитель“ будетъ перепечатана безъ пропусковъ въ Россіи; при абсолютной свободѣ прессы это легко можетъ случиться!“ Воображаю, какимъ гомерическимъ хохотомъ отвѣтилъ бы наивный покойникъ!

Суворинъ снова продолжаетъ: „Достоевскій хотѣлъ создать типъ русскаго соціалиста, не тотъ ходячій типъ, который мы знаемъ, который выросъ вполнѣ на европейской почвѣ.“

Повидимому, Достоевскій хотѣлъ намъ создать типъ, который мы не знаемъ, въ царскихъ стопахъ лежащій, но то былъ бы плодъ жандармо поповской фантазіи, ни для кого, исключая жандармовъ, поповъ, неинтересный. Къ великому нашему счастью, мы, пока, имѣемъ на лицо только ходячихъ революціонеровъ.

Желали бы мы знать, въ чемъ программа будущаго, напечетанная въ „Землѣ и Волѣ,“ „Народной Волѣ,“ „Черномъ Передѣлѣ“ расходится съ русскимъ народомъ; что въ ней непримѣнимо для русскаго народа? враждебно ему? Можетъ быть, недостаетъ царя и православія! Но неужели нужно доказывать, что эти потерявшія всякій смыслъ безобразія, покоятся на непробудномъ невѣжествѣ, на заматерѣломъ рабствѣ и на полномъ незнаніи, что существуютъ другія разумныя формы правленія, другія вѣрованія и полное безвѣріе... Наши самодержавіе, православіе, въ продолженіи столѣтій вбивались въ націю кнутами, батогами, розгами, тюрьмами... На часахъ у нашей мысли, у нашего слова, стояли день и ночь, жандармъ и цензоръ.

Наступитъ горькая минута, и другой писатель, послѣ восемнадцатилѣтняго снѣжнаго гроба, заплеванный друзьями Достоевскаго, посѣдѣвшій отъ мукъ, физически искалѣченный, успокоится наконецъ въ тишинѣ могилы. Можетъ быть, и ему прійдется испустить духъ не у полюсовъ, но въ Петербургѣ.

Посмотримъ, соберутся ли у гроба великаго мученика, мощнаго, честнаго писателя, члены царской семьи, архіереи, попы, шефы жандармовъ, начальники учебныхъ заведеній; будутъ ли іереи, профессора, бла-

гонравные студенты говорить прочувствованныя рѣчи; будутъ ли сотни вѣнковъ склоняться надъ его гробомъ; окажутся ли въ числѣ его друзей: Катковъ, Суворинъ, Маркевичъ и проч.

Мы съ гордостью отвѣтимъ: нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! ничего подобнаго не разыграется у гроба неодолимаго бойца, презиравшаго византійскаго бога и византійскаго палача — владыку. Не будетъ опозоренъ его гробъ обидною свитою, обидными фарисейскими рѣчами. Самоотверженная молодежь одна пойдетъ провожать его. Казаки съ плетьми, жандармы съ саблями и мясники съ ножами будутъ выпущены на встрѣчу; безшабашныя балалайки забренчатъ варварскія мелодіи; поглядывая на полицейскій флюгеръ, они мгновенно забудутъ его сверхчеловѣческія муки, безграничную любовь къ народу и молодому поколѣнію; грязью и каменьями съ дворцовой площади они забросаютъ его бѣдную могилу.

Фраза: „безграничная любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ“ невольно вызываетъ на память одинъ изъ первыхъ номеровъ „Гражданина,“ вѣрнѣе „хама.“ Въ этомъ ультра мракобѣсномъ журналѣ, Достоевскій, говоря о судѣ присяжныхъ, негодуетъ на то, что присяжные, чуткою душою постигающіе обстановку преступника, часто оправдываютъ его. Онъ проводитъ мысль, что каторга несетъ примиреніе въ душу. Преступникъ, оставленный на свободѣ, измучается, лютое наказаніе сквитываетъ его съ совѣстью и обществомъ. Это очищеніе чудовищно растлѣвающею каторгою не разъ проводилось Достоевскимъ въ его сочиненіяхъ. Онъ выпустилъ бездѣлицу,— то, что наши безчеловѣчные, уголовные законы стоятъ далеко не въ равновѣсіи съ преступленіемъ, и долголѣтняя каторга — черезчуръ изутрированное сквитываніе съ обществомъ, что кандалы, плети, страшныя муки, кровавыя безобразія надъ человѣкомъ, не вносятъ примиреніе въ душу. И въ то время, когда проводились эти торквемадовскія воззрѣнія, на гниломъ Западѣ, другой, дѣйствительно великій и гуманный писатель, въ потрясающихъ образахъ рисовалъ адъ, современной цивилизаціи—каторгу и ея ужасное вліяніе на несчастную жертву общества. На томъ же Западѣ свѣтилы науки отрицали свобод-

ную волю, произносили чудное всепрощеніе, снимали отвѣтственность съ жертвъ жизни. Незадолго до смерти Достоевскаго, выдающійся ученый, Сѣченовъ, очень основательно, изложилъ это ученіе въ „Вѣстникѣ Европы.“ Достоевскій, желая сохранить, вполнѣ русскую самобытность, по видимому, не обратилъ вниманія на западническія утопіи.

Гдѣ, какъ отозвался Достоевскій, когда безгранично любимую имъ молодежь царь-папаша тысячами замаривалъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ, въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ? Когда 24 лучшихъ ея представителя задыхались въ петляхъ?

Вскипѣла ли грознымъ святымъ негодованіемъ его любящая, чуткая къ русскому горю душа? раскрылись ли„ вѣщія зѣницы, какъ у испуганной орлицы “.

Когда царили въ Россіи сатрапы, шпіоны, жандармы, и въ темномъ хаосѣ рисовались висѣлицы, куда улетучились его патріотизмъ, паѳосъ? Почему такъ обидно быстро затухли молніи въ мощной десницѣ русскаго литературнаго юпитера?

Не въ „ Бѣсахъ “ ли онъ защищалъ молодое поколѣніе?

Есть кровавыя годины, когда нападки на люто, безобразно преслѣдуемую молодежъ и замалчиванье черныхъ преступленій правительства становятся несмываемымъ позоромъ, чуть не потворствомъ...

Но многіе скажутъ, что въ Россіи нельзя было не только произнести свободное слово, но и заняться образованіемъ свободнаго звука. Кто любитъ правду, тотъ найдетъ возможность высказать ее до извѣстной степени вездѣ и во всѣ времена. Я не стану говорить о легендарныхъ герояхъ, которые съ петлею надъ головою, бокъ о бокъ съ палачомъ, отстаивали тайными типографіями свободное слово, и съ оружіемъ въ рукахъ, неприкосновенность жилища и личности. Возьмемъ явленіе скромнѣе. Изъ цѣлаго ряда нашихъ лучшихъ писателей вспомнимъ Щедрина; онъ съумѣлъ, не смотря на „лай цербера въ отдаленіи,“ писать статьи, въ которыхъ между строкъ кипѣла желчь, бѣшеное негодованіе; онъ сохранилъ для исторіи будущаго „подтягивателей.“

Безграничная любовь молодежи къ народу увѣнчалась висѣлицею, вѣчною каторгою. Безграничная любовь Достоевскаго къ народу и молодежи — 2 тысячами рублей пенсіона его вдовѣ; подарокъ царя папаши вдовѣ сыночка—защитника.

Фразу: „вполнѣ русская великая душа“ мы разбирать не станемъ. Люди, которыхъ я считаю великими душами, даже у маститыхъ писателей пользуются репутаціей святотатственныхъ злодѣевъ. Великую русскую душу, какъ ее понимаетъ большинство русскихъ, я, къ счастію, не понимаю; чуть только я задумаюсь надъ величіемъ маститыхъ душъ, тотчасъ вспоминается сцена изъ „Ташкентцевъ, обратившихся внутрь.“ Генералъ, напимая и записывая шпіоновъ, торжественно объявляетъ: „важнѣе всего — это имѣть вполнѣ русскую душу.“ Когда нѣмцы просятъ себя записать, крича: „у насъ тоже русская душа,“ генералъ кротко произноситъ: „Нѣмцу всегда можно, потому что у нѣмца всегда русская душа. О! если бы всѣ русскіе обладали такими русскими душами, какія обыкновенно бываютъ у нѣмцевъ.“ Отогнать отъ себя этихъ огненныхъ словъ я не могу. Я невольно опозорилъ бы память Достоевскаго, если бы вздумалъ, въ компаніи съ Суворинымъ, Катковымъ, Маркевичемъ, признать въ немъ великую, вполнѣ русскую душу: мы знаемъ, что эти господа подразумѣваютъ подъ этимъ забористымъ словомъ.

„Истинный патріотизмъ, великое прониковеніе“ невольно вызываютъ въ памяти эпилогъ братьевъ Карамазовыхъ. Излюбленныя идеи Достоевскаго въ немъ приведены къ знаменателю; политическіе широкіе идеалы сказались вполнѣ.

„Я эту Америку, чортъ ее дери! ужъ теперь ненавижу. Развѣ выпесу тамошнихъ смердовъ, хоть они, можетъ быть, всѣ до одного лучше меня, ненавижу я эту Америку ужъ теперь! и хоть будь они тамъ всѣ до единаго машинисты необъятные какіе, али что, — чортъ съ ними, не мои они люди, не моей души! Россію люблю, Алексѣй, русскаго Бога люблю, хоть я самъ и подлецъ!! Да я тамъ издохну! воскликнулъ онъ вдругъ, засверкавъ глазами.

— Слушай! началъ онъ опять, подавивъ волненіе. — Съ Грушею туда пріѣдемъ и тамъ тотчасъ пахать, работать, съ дикими медвѣдями, въ уединеніи, гдѣ нибудь подальше! Тамъ, говорятъ, есть еще краснокожіе, гдѣ-то тамъ у нихъ на краю горизонта, ну такъ вотъ въ тотъ край, къ послѣднимъ Могиканамъ. Ну и тотчасъ за граматику,

я и Груша-Работа и граматика, и такъ чтобы года три. Въ эти три года англійскому языку научимся, какъ самые что ни на есть англичане. И только что выучимся, конецъ Америкѣ! Бѣжимъ сюда, въ Россію, американскими гражданами. Не безпокойся, сюда въ городишко не явимся. Спрячемся куда нибудь подальше, на сѣверъ, али на югъ. Я къ тому времени измѣнюсь, она тоже, тамъ въ Америкѣ мнѣ докторъ какую нибудь бородавку поддѣлаетъ, не даромъ же они механики. А нѣтъ, такъ я себѣ одинъ глазъ проколю, бороду отпущу на аршинъ, сѣдую, по Россіи-то посѣдѣю,— авось не узнаютъ. А узнаютъ, пусть ссылаютъ, все равно, значитъ не судьба. Здѣсь тоже будемъ гдѣ нибудь въ глуши землю пахать, а я всю жизнь американца изъ себя представлять буду. За то помремъ на родной землѣ!“

Да здравствуетъ разумъ; Петропавловскою крѣпостью, лампаднымъ масломъ, Иверскою матерью, полицейскимъ участкомъ несетъ отъ этой сцены. Ноздревъ перепутанный съ эпилептикомъ нагло высовываются изъ каждой строчки монолога, облюбованнаго Достоевскимъ. Наглое невѣжество, самодовольная тупость, смрадное холопство, кисло капустный патріотизмъ сочетались воедино въ каждой строчкѣ.

Прекрасные, свѣтлые, веселые боги Олимпа, спасите насъ отъ хамскаго, скучнаго, глупаго и страшно злаго русскаго бога! отъ кровопійцы царя-папаши! Не даромъ Митя Карамазовъ, говоря, что любитъ русскаго бога, наивно прибавляетъ: „хоть я и подлецъ!“ Замѣчательные русскіе подлецы всегда были очень пристрастны къ русскому богу, и русскому царю-папашѣ, хотя и знали извѣстные стишки Вяземскаго:

„Богъ холодныхъ, богъ голодныхъ,
Нищихъ, вдоль и поперекъ.
. . . . . .
Богъ всѣхъ съ Аннами на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,
Баръ, повышенныхъ въ лакеи,
Вотъ онъ нашъ, нашъ русскій богъ!

Вотъ онъ патріотизмъ самый настоящій! вотъ истинная религія! Не даромъ Катковъ (охъ, посчастливилось покойнику на хвалителей!) сравнилъ, въ патетической статьѣ, его съ Павломъ Леотьевымъ, компанія хоть куда! еще одну каплю патетизма, и — явятся на сцену генералъ Мезенцевъ или Черевинъ.

Разберемъ монологъ, эту Гоголевскую тройку. Митька смотритъ на Америку, какъ Расплюевъ на

Англію: — „боксъ и образованные мореплаватели.“ — „Чортъ дери Америку! будь они всѣ тамъ до единаго машинисты необъятные.“

Отдавать всю страну чорту на раздираніе за то, что въ ней есть хорошіе механики, не совсѣмъ умно и великодушно, всякому свое: у нихъ великолѣпные механики, у насъ незабвенные кабатчики.

Ненавидѣть Америку за то, что она не Россія-матушка, необыкновенно человѣчное чувство! Для поясненія, онъ прибавляетъ: „хотя въ Америкѣ они всѣ до одного лучше меня.“ Дешево, и сердито, а главное, невыносимо глупо.

Грубый, полный самообожанія холопъ, заматерѣлый азіатъ, по неволѣ долженъ ненавидѣть страну, которая своею энергіей добилась, чуть не сто лѣтъ назадъ, свободы, о которой не дерзаютъ мечтать въ 1881 году наши любители русскаго бога, русскаго царя — папеньки

„Чортъ ее дери“ Америка опередила всю Европу благослови ее богъ, Россія отстала отъ Персіи. „Чортъ ее дери,“ Америка имѣетъ абсолютно свободную прессу, свободу собраній, полную религіозную терпимость, неприкосновенность жилища и личности, всеобщее избирательное право. Благослови ее богъ, Россія имѣетъ для политическихъ бойцовъ просторнѣйшія центральныя тюрьмы, каторги, мѣста страшно отдаленныя, а для всѣхъ вообще: сатраповъ, урядниковъ съ плетками, солидное количество шпіоновъ, жандармовъ, пытки и висѣлицы. Царь-отецъ насъ душитъ, грабитъ, бьетъ, топчетъ, поретъ, заточаетъ, вѣшаетъ, сплится удавить въ зародышѣ нашу мысль, наши духовныя силы и, разрѣшаетъ за все это благодарить, даетъ намъ полную свободу класть безпредѣльныя чувства къ стопамъ. Мы живемъ, какъ турки, безъ настоящаго и будущаго; все въ рукахъ православнаго бога и царя-отца; что имъ въ голову взбредетъ, то и будетъ.

У машинистовъ необъятныхъ — демократическая республика; у насъ, холуевъ необъятныхъ, — восточная деспотія. Американскіе „смерды“ титулуются гражданами, мы, полные патріотическихъ благоуханій, именуемся вѣрноподданными.

Великій патріотъ Митинька послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ съ Грушею въ Америкѣ, по сосѣдству съ медвѣдями и съ скрывающимися на краю горизонта краснокожими, вернется въ Россію, но предварительно, чтобы не узнали, онъ отроститъ себѣ бороду въ аршинъ. Созерцая бороду „ Моисея “ Микель-Анджело, мнѣ не приходило въ голову, что подобная борода можетъ существовать въ дѣйствительности, я считалъ ее геніально смѣлымъ, крайнимъ выраженьемъ физической мощи, но, къ удивленію, узналъ, что у нашихъ вполнѣ русскихъ патріотовъ въ три года бороды выростаютъ въ аршинъ. Если любовь къ русскому богу вызываетъ такую растительность, то, чего добраго, въ тридцать лѣтъ борода можетъ вырости въ десять аршинъ! Чудная растительность! бизоны могли бы позавидовать! Аршинная борода,въ тоскѣ по родинѣ, должна посѣдѣть въ три года; все у насъ, русскихъ, изумительно; начиная съ прогресса, безгранично великаго будущаго и кончая непозволительною растительностью волосъ. Если же это окажется недостаточнымъ, то Митенька выколетъ себѣ глазъ, прикажетъ хитрому механику замысловатую бородавку смастерить, затѣмъ вернется на обожаемую родину, залѣзетъ на сѣверъ или на югъ, въ самую безлюдную глушь и будетъ наслаждаться мыслью, что онъ снова на родинѣ подъ охраною русскаго бога и пристава.

Люди, считающіе тоску русскихъ за границей по соленымъ огурцамъ, мощнымъ славянскимъ патріотизмомъ, найдутъ въ неряшливой шумихѣ фразъ Карамазова необузданную страстность, безконечную любовь къ родинѣ, мы — безукоризненное мракобѣсіе. Нашимъ глазамъ предстаетъ обитая войлокомъ комната, человѣкъ въ бѣлой рубахѣ, прикрученный рукавами къ желѣзной постели.

За неимѣніемъ къ кому обратиться, снова обращаюсь къ вамъ, солнечные боги Олимпа! избавьте насъ отъ мертвечины, нравственныхъ, умственныхъ уродовъ, факировъ византійскаго бога! Свѣта, простора намъ нужно, дышать стало не въ мочь. Мы ослѣпли отъ кромѣшной тьмы; наши грезы одѣлись мракомъ, приняли формы апокалипсическихъ чудовищъ. Выкалывающіе себѣ глаза патріоты, юродивые, очищающіеся

каторгами, не наши герои, то герои XV вѣка; это они предсѣдательствовали въ подземныхъ залахъ инквизиціи, и одинъ изъ нихъ слѣпой, трясущійся, весь зеленый, девяносто-лѣтній старикъ, поддерживаемый служителями Христа, толкалъ съ сатанинскою улыбкою, заостреннымъ костылемъ, плачущихъ дѣтей и ихъ несчастныхъ отцовъ, матерей въ пламя костровъ.

Мы должны съ горячею любовью служить нашей родинѣ, мы связаны съ ней языкомъ, дѣтствомъ, жизнію; мы носимъ въ себѣ ея силы и слабость. Но любовь къ ней неразрывно связана съ активной борьбой въ дѣятельной ея средѣ; мы должны ее любить человѣческой любовью, но не слѣпою любовью крѣпостнаго лакея. Мы въ грошъ не ставимъ голую землю на ея пустынной окраинѣ; намъ ничего, кромѣ омерзенія, не внушаетъ русская каторга, ничего, кромѣ ужаса, начальствующіе кровожадные волки. Мы желаемъ очиститься, возродиться свободою, но не Сибирью. Мы глубоко любимъ нашу несчастную родину и презираемъ, ненавидимъ ея палача. Мы устали розыскивать царей-папашъ. Мы сыты по горло опытами столѣтій; Пусть ищутъ славянофилы! Пусть герои бѣличьяго колеса бьются, примиряя непримиримое — человѣка, сознающаго собственное достоинство и вымазаннаго святымъ масломъ царя. Пусть старыя дѣти потѣшаются схоластикой!

Солнечные боги Олимпа! избавьте насъ поскорѣе отъ скучнаго, глупаго, страшно злого, хамскаго русскаго бога, отъ кровопійцы царя-отца!

20 февраля, 1881 г.

Шинель

——

Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній, исключая „Мертвыхъ душъ“, Гоголь не подымался на ту высоту обобщенія и безпощаднаго анализа, какъ въ маленькой повѣсти: „Шинель“. Эта повѣсть — исторія отупѣнія, обезличенья Россіи отъ 1825 до 1855 г. Разсказецъ въ 32 страницы знакомитъ съ Николаевскою Россіею болѣе, чѣмъ десятки томовъ дозволенной исторіи.

Геморроидальный чиновникъ, осыпаемый насмѣшками во время издѣвокъ, осыпаемый бумажками, десятки лѣтъ переписываетъ бумаги. „Онъ полюбилъ нѣкоторыя буквы, если онъ добирался до нихъ, то былъ самъ не свой; и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо; придя домой, онъ наскоро ѣлъ похлебку съ мухами, и когда животъ начиналъ пучиться, онъ вставалъ, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ, если же такихъ не случалось, онъ нарочно для собственнаго удовольствія снималъ копію для себя, особенно если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому нибудь новому или важному лицу. Написавшись въ сласть, онъ ложился спать, улыбался заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра!“

Его хотѣли даже повысить, заставили написать отношеніе; дѣло стояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ, да перемѣнить кой какіе глаголы изъ перваго лица въ третье. Акакій Акакіевичъ потѣлъ, теребилъ носъ и наконецъ сказалъ: „Нѣтъ, ужъ лучше дайте, я что нибудь перепишу“. Это удивительное существованіе озаряетъ новая шинель; она созидается непомѣрными экономіями, самоотверженіями. „Существованіе его сдѣлалось какъ то полнѣе, какъ будто онъ женился, какъ будто какой то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, и по-

друга эта была никто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ себѣ цѣль. Съ лица и поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его".

Воры стаскиваютъ съ него шинель. Бѣдный Акакій Акакіевичъ, калифъ на часъ, нося смерть въ душѣ, мечется нѣсколько дней, и затѣмъ, выдержавъ ни за что эффектное распеканіе отъ значительнаго лица, заболѣваетъ горячкою и умираетъ. Вертеръ не пережилъ своей подруги. Въ концѣ забитый, безропотный, онъ, въ виду быстро надвигающейся смерти, начинаетъ протестовать; въ бреду, рядомъ съ его превосходительствомъ произноситъ слова, заставляющія креститься его старушку хозяйку.

Послѣ смерти, вещей его не описывали. „Осталось у него немного наслѣдства: пучекъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ, три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ и уже извѣстный читателю прежній, старый капотъ. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто въ немъ его никогда не было. Исчезло и скрылось существо никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого неинтересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, непропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ. Существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое также потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на головы сильныхъ міра сего".

Какъ грустно, что у насъ всѣ великіе художники, романисты зачастую лѣзутъ въ публицисты. Пока они творятъ, не „мудрствуя лукаво" свои романы, повѣсти, драмы и комедіи, все идетъ превосходно; часто не желая, не сознавая, они пишутъ великую исторію своего

государства, цѣлые философскіе трактаты, обогощаютъ психологію, психіатрію, но какъ только примутся они за поучительныя письма къ друзьямъ, за дневникъ, за евангеліе, — уши вянутъ, „молоко скисается“, „тяжки словеса пустыя“.

Любви Акакій Акакіевичъ къ женщинѣ не зналъ, хотя и прожилъ болѣе 50 лѣтъ. Любилъ онъ нѣжною любовью нѣкоторыя буквы, и страстною, бурною, короткою, несчастною любовью новую шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ, безъ износу.

Гоголь упрекалъ читающую публику, что она не слышитъ въ его созданьяхъ „сквозь смѣхъ незримыя міру слезу„. Нѣтъ въ нѣкоторыхъ его повѣстяхъ слезы выступаютъ наружу, жгутъ.

Жутко становилось, когда я читалъ эту полную Шекспировскаго трагизма повѣсть; меня неотступно преслѣдовала мысль, что въ грязи растертый, въ прахъ обращенный, злосчастный Акакій Акакіевичъ — братъ нашъ, что онъ имѣлъ не менѣе Николая I права на жизнь, свободу, счастье.

Великъ былъ писатель, рѣшившійся выступить на неслыханный до него путь, онъ вывелъ на сцену безличіе, и имъ разъяснилъ всю сложную не только общественную, но и государственную жизнь. Онъ свершилъ чудо: не свѣточами мстительныхъ Евменидъ, но жалкою, простою лучинкою освѣтилъ необъятный русскій міръ.

Герой повѣсти даже не человѣкъ. Кому придетъ въ голову несчастнаго Акакія Акакіевича назвать человѣкомъ! Героиня повѣсти — шинель, она — завязка и развязка; благодаря ей, облекся въ форму, получилъ яркіе контуры призрачный Акакій Акакіевичъ. Шинель озарила зловѣщимъ блескомъ весь канцелярскій міръ, отъ значительнаго лица до добродушнаго квартальнаго, отъ Николая I до будочника послѣдняго. Россія, опочивающая подъ черными крылами самодержавія и православія, стала намъ до ужаса понятна. Повѣріе о вампирѣ, сосущемъ кровь и усыпляющимъ жертву вѣяніемъ своихъ крыльевъ, свершилось воочію. Только ставъ мертвецомъ, Акакій Акакіевичъ заставилъ о себѣ заговорить весь Петербургъ. Руки мертвеца мстятъ за живаго, стаскиваютъ дерзновенно шинель со значи-

тельнаго лица. Въ нашей фантастической исторіи, самыя значительныя роли выпадали на мертвецовъ. Мертвецъ Дмитрій раздавливаетъ хитроумнаго Годунова, изъ его мертвыхъ устъ вырывается побѣдный крикъ: „вязать Борисовыхъ щенковъ!!“ Мертвецъ, Петръ Ш, преобразившись въ Пугачева, чуть не смялъ корону Екатерины... Историческая Немезида предстала въ образѣ предательски убитаго мужа. Это мертвецъ поднялъ чуть не полъ Россіи, развернулъ паскопное знамя.

Прочитывая „Мертвыя души“, я въ силахъ былъ смѣяться, но когда въ царствованіе Алек. Гатчинскаго мнѣ довелось перечесть „Шинель“, скорбь, ужасъ охватили душу, мнѣ стало страшно за страну, въ которой проживали Акакіи Акакіевичи. Послѣ такихъ страшныхъ запустѣній, длящихся цѣлыя десятилѣтія, должны были неизбѣжно явиться святые мстители за человѣка: Каракозовъ, Соловьевъ, Желябовъ, Гриневецкій, Перовская и проч. Гангрену розовой водой не лечатъ...

Затоптанный, маленькій чиновникъ, тѣнь нуля, густо оттѣнилъ русскую жизнь; микроскопъ, введенный въ литературу, расширилъ нашъ умственный горизонтъ. Намъ стали видны микробы, заражающіе, губящіе государственный организмъ. Герои Толстого, Тургенева, Гончарова, Писемскаго Щедрина, Достоевскаго могутъ быть почтны мыслящимъ европейцемъ, но онъ остановится передъ Акакіемъ Акакіевичемъ, какъ передъ клинообразными письменами.

Наше время начинаетъ понимать, что кружащаяся песчинка на берегу океана поможетъ намъ уяснить глубочайшія тайны неба, и изслѣдованіе клѣточки—сложнѣйшіе жизненные процессы. Я вѣрю, что падающее яблоко навело Ньютона на мысль о всеобщемъ тяготѣніи, и колебаніе люстры въ пизанскомъ соборѣ—Галлилея на мысль о маятникѣ. Левенгукъ изслѣдуя подъ микроскопомъ хвостъ головастика, мгновенно понялъ загадочное обращеніе крови въ волосныхъ сосудахъ.

Акакій Акакіевичъ своимъ несуществованіемъ разъяснилъ самодержавное существованіе, опредѣлилъ какою цѣною оно добывается. Читая „Шинель“ невольно спрашиваешь себя: какая сверхъестественная обстановка породила этихъ тѣней? Сдѣлать изъ человѣка убійцу, вора, при нашихъ радужныхъ соціальныхъ усло-

віяхъ—очень легко. Смастерить Акакія Акакіевича невыразимо трудно: тутъ нужна цѣлая, безгранично нелѣпая, система, мертвящая, ледяная, стихійно-равнодушная, длящаяся изъ часа въ часъ, годы, десятилѣтія. Отецъ Акакія Акакіевича, канцелярскій чиновникъ, навѣрное пивалъ, дрался; въ пьяномъ видѣ протестовалъ, на жизнь жаловался. Акакій Акакіевичъ воды не замутитъ, смиренькій, трезвенькій; протестуетъ онъ только разъ въ жизни, за нѣсколько часовъ до смерти, въ горячечномъ бреду.

Тяжела, тяжела ты, лапа Мономаха!

Герценъ говоритъ: „Николаевское царствованіе — время нравственнаго душегубства, оно убивало не одними рудниками, а своею удушающей, пониженной атмосферой". Что сказалъ бы онъ о царствованіи Александра III?

Николай во время перваго представленія „Ревизора" хлопалъ и смѣялся. Это своего рода „Женитьба Фигаро", разыгранная Маріей Антуанетой и придворными. Впрочемъ, къ Николаю гораздо болѣе, чѣмъ къ городничему, шли слова: „глупъ, какъ сивый меринъ". Онъ ничего не понялъ, онъ не догадывался, что омерзительный міръ, выводимый въ „Ревизорѣ", связанъ съ нимъ пуповиной. И этотъ остолопъ „сивый меринъ" навязался самъ Пушкину въ цензоры. Онъ дерзалъ не только прикасаться своими фельдфебельскими руками къ его геніальнымъ созданіямъ, но даже исправлять ихъ. Только русская жизнь въ состояніи разыграть такой раздирающій, сумасшедшій фарсъ.

Папство, желая отвлечь сильные умы отъ всеразлагающаго анализа, пустило въ ходъ схоластику, закружило умы въ бѣличьемъ колесѣ. Николай, желая предохранить Россію отъ новыхъ декабристовъ, создалъ чиновника, наслаждающагося выводимыми имъ, безмысленными буквами. Идеалъ деспота, въ тайномъ снѣ лелѣемое стремленіе было: свести всю Россію на Акакія Акакіевича и не Башмачкина, но Подметкина. Блистательный планъ почти удался: люди, выпесшіе Гатчинскаго эпилептика и Александра I съ Аракчеевщиной и умудрившіеся сохранить на днѣ души тлѣющій огонекъ, замерзли въ Николаевское царствованіе. Тридцать лѣтъ царила „мерзость запустѣнія", царствующій

„анчаръ, какъ грозный часовой стоялъ одинъ во всей вселенной, природа его въ день гнѣва породила и все вокругъ ядомъ напоила". Историкъ не только перо выпуститъ изъ рукъ, но и голову, и руки, опуститъ въ отчаяніи передъ свинцовымъ Николаевскимъ царствованіемъ и его достойнаго внука Александра III. Библейскіе глады, моры, тридцатилѣтнія войны не обезлюдивали, не губили такъ страну, какъ послѣдовательно проведенныя въ жизнь православіе и самодержавіе. Монгольское иго блѣднѣетъ передъ Катковщиной, Толстовщиной, Побѣдоносовщиной. Продлись послѣднее иго, какимъ нибудь чудомъ, только сто лѣтъ, и Россія перейдетъ въ состояніе зоологическое. Европейцы будутъ охотиться на русскихъ, какъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ на обезьянъ.

Великое пробужденіе человѣка въ первую французскую революцію смертельно напугало власть, она рѣшила на будущее, во избѣжаніе повтореній, совсѣмъ обходиться безъ человѣка. Священный союзъ созиждился на этомъ зыбучемъ основаніи. Главный жандармъ союза — русскій царь — довелъ Меттерниховскую жандармо шпіонскую охрану до геркулесовыхъ столбовъ. Тридцатилѣтняя проба должна была неизбѣжно кончиться или нашествіемъ внѣшнихъ враговъ, колоссальнымъ разгромомъ или страшнымъ воропомъ, о которомъ пророчествовалъ Пугачевъ на допросѣ.

Николай Павловичъ и Акакій Акакіевичъ! Одинъ на самомъ верху административной махины, другой внизу. Вавилонская башня, строившаяся тридцать лѣтъ, при полномъ отсутствіи языковъ, увѣнчалась Подметкинымъ. Величественный самодержецъ, сѣверный колоссъ, заставлявшій однимъ выпучиваніемъ глазъ дрожать нѣмецкихъ королей и принцевъ, выродилъ изъ себя Акакія Акакіевича Башмачкина! Самодержавная гора разрѣшилась канцелярскою крысою...

Дикій деспотъ, въ концѣ своего долгаго, невыносимо мучительнаго для Россіи царствованія, оглянулся на дѣло — вѣрнѣе бездѣлье — рукъ своихъ и на себя, и ужаснулся. Севастопольская война подвела быстро скорбные итоги. Суровый, праведный судъ надъ царемъ свершился при его жизни. Валтасаръ прочелъ невидимою рукою начертанныя, огненныя слова: „Дуралей и

палачъ, ступай въ гробъ! твоя проклятая, античеловѣческая миссія выполнена. Твой сынъ поймётъ, что ты сѣялъ".

1 Марта 1881 года Александръ II заплатилъ свои долги и долги отца.

Жизнь кроваво подтрунила надъ защитникомъ основъ. Неудачи, погромы политическіе закончились отнюдь не политическимъ сифилисомъ. Русскій богъ, подъ самый конецъ, увѣнчалъ главу Николая короной Veneris и помазалъ ему лобъ ляписомъ*); видимо пашелъ, что обыкновенной короны, обыкновеннаго міропомазанія ему мало. Огромная основа, вѣрнѣе дубина, на которой покоился семейный очагъ, вдругъ оказалась подточенною червями. Царскому носу угрожала величественная участь всего его государственнаго строя. Увидѣвъ, что все кругомъ проваливается, разваливается, онъ принялъ ядъ.

Тридцать лѣтъ Николай забивалъ народъ плетьми помѣщиковъ; солдатъ, палками своихъ неразсуждающихъ командировъ, всѣ классы общества, собственною, августѣйшею, широчайшею особою. Великіе отщепенцы были далеко, далеко; онъ захоронилъ ихъ въ снѣгахъ Сибири въ первые дни царствованія. Человѣкъ царю былъ не нуженъ. Царь, опирающійся на человѣка — сентиментальное ребячество, опасное послабленіе. Огромная пространствомъ Россія отмѣжевала человѣку мѣсто на подмосткахъ висѣлицы, разгуляться онъ могъ на просторѣ!... Для преуспѣванія нуженъ молчащій, трясущійся, слѣпо послушный холопъ. Тюрьмы, каторги, плети, розги, III отдѣленіе выступили въ пышномъ, праздничномъ уборѣ, какъ благія орудія всеобщаго обузданья, пресѣченья. Цѣлые лѣса розогъ истрепывались о русскую спину, въ виду оздоровленія корней. „За одного битаго и перебитаго двухъ небитыхъ даютъ". гласилъ долголѣтній государственный опытъ.

Во время севастопольскаго погрома мѣдная, высочайшая голова озарилась, и просвѣтленный царь воскликнулъ: „Около меня пѣтъ ни одного порядочнаго

*) Мы почерпнули это свѣдѣніе отъ друга доктора Мапта. Придворные, помнящіе Николая въ гробу, съ просвѣчивающими черезъ густую мазь пятнами на лбу, врядъ ли будутъ опровергать.

человѣка, всѣ дураки, подлецы, воры!“ И никто, никто не сказалъ ему: „Ваше величество, дураки, подлецы, воры — плоть отъ плоти прочайшей плоти вашей, кость отъ бѣлыхъ костей вашихъ. Вы повелѣвали намъ не разсуждать, мы послушались и подѣлались дураками; вы всемилостивѣйше приказывали намъ не имѣть собственнаго достоинства, собственнаго лица, но быть лишь тусклымъ умѣреннымъ, робкимъ, почтительнымъ отраженіемъ лучей, исходящихъ изъ вашихъ державныхъ внутренностей. Мы послушались и стали тѣлами темными. Черезъ полицейское управленіе, вы неоднократно оповѣщали, что духовная жизнь намъ на вѣки вѣчные строжайше воспрещена, въ случаѣ же малѣйшаго поползновенія, вы грозили чудодѣйственнымъ стуломъ, въ зданіи у цѣпнаго моста. Мы отдались одной животной жизни; внутри было пусто; мы грабили, ѣли, пили, били, сѣкли и веселились. Вы удавили голосъ, взывавшій къ намъ о совѣсти, изобличавшій наши преступленія. Совѣсть, страхъ заспули летаргическимъ сномъ, но за то кровожадный скотъ проснулся въ насъ. Кругомъ было поле быльемъ заросшее, рука руку мыла; насъ дружили: общій позоръ, общая холопская низость. Въ грабежахъ, насиліяхъ, самоуправствахъ, истязаньяхъ вы всегда давали высочайшій примѣръ, мы въ почтительныхъ размѣрахъ старались слѣдовать ему.“

Къ счастью человѣчества, всякій безумный режимъ несетъ въ себѣ самомъ зародышъ неминуемой гибели. Чѣмъ онъ нелѣпѣе, безобразнѣе, тѣмъ невыгоднѣе для воплотившихъ его въ себѣ. Міръ заклевали бы давно коршуны, если бы рядомъ съ наступательнымъ движеніемъ снизу, не шелъ процессъ вѣчнаго самопожиранья вверху...

ЛАВРЫ и РОЗЫ

Alexandre II détails inédits sur sa vie intime et sa mort par Victor Laferté.

I

Признаюсь вамъ, господа, я съ большимъ наслажденіемъ прочелъ игривую сказочку, мечтательную, сердечную исповѣдь княгини Юрьевской. Она, пригорюнившись, приговаривала и пришептывала, услужливый французикъ писалъ и округлялъ. Нѣжныя уста лепетали безсвязныя рѣчи, французикъ вязалъ и вышивалъ... Все тутъ есть:

Шопотъ... робкое дыханіе...
Трели соловья...
Серебро и колыханіе
Соннаго ручья.

Но, не смотря на всю благоуханность исповѣди, невольно, возникаютъ вопросы; съ какою цѣлью книжечка выпущена на французскомъ языкѣ? Предназначалась ли она для образованныхъ читателей или для однѣхъ „Нана“? имѣетъ ли арабская сказочка о мудромъ и благочестивомъ Калифѣ претензію на историческій документъ, или она по просту лебединая, вѣрнѣе гусиная пѣснь отставной разочаровавшейся въ своихъ планахъ помпадурши?

Не только цивилизованные люди въ Европѣ, но даже и наши урядники понимаютъ, что историческая оцѣнка монарха врядъ ли можетъ быть сдѣлана его преданною наложницею, что, кромѣ клубничныхъ добродѣтелей, существуютъ еще государственныя добродѣтели и преступленія. Для историка не особенно важно будетъ знать, какъ велъ себя Александръ II въ теплой постелькѣ, въ уютной дѣтской. Постельные размарины врядъ ли смягчатъ убійственный приговоръ исторіи... Постелька и сытая, бѣлая помпадурша, сами по себѣ, злодѣйства сами по себѣ.

Самый умѣреннѣйшій либералъ, прочтя книжечку, навѣрное, согласится со мною, что она слишкомъ уже переполнена лакейскою угодливостью, насквозь прососана феодальными воззрѣніями; что ею можно только въ конецъ засалить Александра II.

Европейская публика не сплошная дворцовая лакейская или конюшня; выпуская панигирикъ нужно было не забывать этого невиннаго обстоятельства.

Книжечка полна замысловатыхъ arrières pensées; она сшита очень скверно грубыми нитками; провести кого нибудь ею трудно.

Но, помимо воли автора, въ исповѣдь вкрались очень веселенькія картинки, и мы отъ себя сдѣлаемъ къ нимъ комментаріи.

На сколько хватитъ силъ, мы будемъ пропагандировать интересную исповѣдь; она послужитъ дополненіемъ къ запрещеннымъ статьямъ объ Александрѣ II, онѣ его рисовали тупымъ, безвольнымъ злодѣемъ, Юрьевская нарисовала его шутомъ гороховымъ.

Упоминая о морганатическомъ бракѣ, увѣнчавшимъ долголѣтній блудъ, Юрьевская посвящаетъ нѣсколько страницъ дому Романовыхъ и Долгорукихъ, невольно спросишь, какое отношеніе имѣетъ домъ Романовыхъ къ подброшенному чухнѣ Павлу I-му? Совѣтую читателямъ, прежде, чѣмъ углубиться въ родословный кладезь, на днѣ котораго валяется остовъ стараго крокодила, прочесть, недавно вышедшую на французскомъ языкѣ, замѣчательную книгу русскаго ученаго доктора П. Якоби: „Etudes sur la sélection dans les rapports avec l'hérédité chez l'homme.“ Оцѣнена она не одними диллетантами, но и европейскими свѣтилами науки Сомнѣ-

ваться въ ея безукоризненной, строгой научности невозможно. Книга очень суровая, и въ то же время, очень веселая, смотря съ какой точки на нее взглянуть; выводы изъ нея для всѣхъ родовъ, домовъ, привилегій получаются неожиданные и крайне раздирающіе. Прочти книгу французикъ, вышивавшій панпирикъ, и я ручаюсь, что онъ посовѣтовалъ бы кн. Долгорукой не вытягивать свой родъ въ тысячу лѣтъ, а, если можно, то сократить его въ одно столѣтіе. Ей гораздо было бы выгоднѣй имѣть въ качествѣ дѣдушки не Рюриковича, но простаго го...чиста. Послѣ этой книги всѣ господа, ведущіе родъ прямехонько отъ лицъ не существовавшихъ въ исторіи, должны смириться и весело признаться, что навѣрное въ недалекомъ прошломъ кучеръ съ окладистой бородой, или смазливый лакей обновляли ихъ аристократическій родъ, а по женской линіи его совершенствовали Глаши, Даши, Маши и проч. Не будь этихъ импровизированныхъ обновленій, аристократическіе юноши давно бы фигурировали en masse въ сумасшедшихъ домахъ или же обречены были бы на безплодіе, вслѣдствіе рѣзкаго идіотизма. Если кто и уцѣлѣлъ изъ нашей знати, то только потому, что у насъ, по выраженью Пушкина, „Нова рожденьемъ знатность и чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.“ Домъ, правильнѣе хлѣвъ, такъ называемыхъ Романовыхъ, произведшій въ короткое время порядочную кучу злыхъ идіотовъ, сказочныхъ воровъ, сумасшедшихъ, совсѣмъ не прекратился вслѣдствіе того только, что онъ начинается съ Павла I, подброшеннаго чухны изъ деревни Котлы.

Кн. Юрьевская находитъ, что Александръ II прелестно поступилъ, женившись въ концѣ концовъ на ней, и поздній бракъ не только былъ возстановленіемъ личнымъ, но и удовлетвореніемъ чести всей аристократической касты“ (86 стр.) „Я горжусь женитьбой на кн. Долгорукой,“ сказалъ старый рамоли... Ведя свой родъ отъ чухонца сожженной деревни Котлы, онъ конечно могъ гордиться...

Но хорошенькаго понемногу, въ 82 году долго говорить объ отросткахъ, вѣткахъ какихъ-то хлѣвовъ и домовъ, болѣе чѣмъ неприлично, это въ своемъ родѣ оскорбленіе добрыхъ правовъ.

Описывая подробно послѣдніе часы и смерть Ал. II, Юрьевская упустила маленькую характерную подробность, пополняю ее изъ календаря Суворина 1882, стр. 256. „Государь сказалъ: „накройте меня платкомъ;“ и на замѣчаніе Кобелева, что платокъ грязенъ, вторично произнесъ: „Накройте.“

О, небеса! „все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ.“ Шапка Мономаха и засмарканный платокъ жандарма Кобелева! Не даромъ французская пословица гласитъ: les extrèmités se touchent. Думалъ ли Іоаннъ, царь грозный, что священная шапка Мономаха, которую онъ съ благоговѣніемъ и гордостью воздѣвалъ на помазанную богомъ главу, впослѣдствіи будетъ блистательно замѣнена, по требованію самаго царя, засмарканнымъ платкомъ жандарма. „По Сенькѣ и шапка!“

Юлій Цезарь завернулся въ тогу и палъ мертвый къ подножію статуи Помпея. Александръ II — къ ногамъ жандармскаго полковника Дворжицкаго. „И ты, Брутъ!“ воскликнулъ, умирая Цезарь... „Возьмите его, сукина сына!“ скомандовалъ Александръ II.

Садясь въ коляску передъ смертью, Александръ II, указывая перстомъ на петербургское небо, о которомъ далеко нельзя сказать:

Сводъ неба былъ такъ лазуренъ, чистъ
И такъ блисталъ прозрачной красотой
Что только Богъ былъ ясно видѣнъ въ немъ.

Сонъ. Байрона.

произнесъ: „онъ одинъ можетъ спасти меня, если онъ отвернется, то меня никто не въ состояніи спасти.“

Какой трогательный упрекъ сказался въ этихъ, нѣсколько избитыхъ словахъ, по направленію къ тайной полиціи. 12 милліоновъ въ годъ, и все таки приходится обращаться къ небесному шефу жандармовъ! На него одного разсчитывать.

Іегова, спасавшій его, неизвѣстно за что, пять разъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, плюнулъ и сказалъ: „Шалишь, Саша, умѣешь кататься, умѣй саночки возить! У меня бездна дѣлъ и безъ тебя, у тебя достаточно своихъ полицейскихъ, довольно на нихъ милліоновъ шальныо спускаешь.“ Послѣ чего онъ обернулся

къ нему божественнымъ задомъ..... Александръ II взлетѣлъ...

Народъ, пишетъ Юрьевская, бросился со стонами клокотаньями, гоготаньями, завываньями, рыданьями собирать лохматки, съ мыслью хранить ихъ, какъ реликвію. По моему, немного трудно проникнуть въ души собиравшихъ лохматки; пословица говоритъ, чтобы узнать человѣка, нужно съѣсть съ нимъ пудъ соли. Полицейскіе служители одни въ состояніи въ одинъ мигъ прозрѣть сердце народное и обывательское, стоитъ только крикнуть шефу провокаторовъ, и ихъ орлиные очи тотчасъ же проникнутъ во внутренній міръ 100 м. государства. Они не только въ одинъ часъ все прочтутъ, поймутъ, взвѣсятъ, но даже успѣютъ докладъ составить въ участкѣ, и, за тѣмъ, разослать его во всѣ газеты. Мы, жалкіе смертные, въ безсиліи останавливаемся передъ ихъ чудеснымъ спиритическимъ яснови-дѣніемъ. Можетъ быть, толпа собирала бренные остатки для храненія, какъ реликвію, но и легко можетъ быть, что патріотическія души имѣли въ виду комерцію. Недаромъ носились и носятся всевозможные слухи.—Полковникъ Дворжицкій, увѣряютъ одни, въ одну зиму по дорогой цѣнѣ продалъ около 150 саней, и на всѣхъ на нихъ ярко алѣла обожаемая кровь, и на всѣхъ на нихъ Освободитель ѣхалъ. По увѣренію другихъ, одинъ ловкій жуликъ, подъ секретомъ, очень долго продавалъ августѣйшую ногу; его поймали на шестидесятой ногѣ. О засмаркапномъ платкѣ Кобелева и говорить нечего, давно платокъ превратился въ платки, видимо, острый насморкъ превратился въ хроническій.

Но на этомъ странные слухи не остановились... Золотая молодежь пустила въ обращеніе разсказъ о неожиданно найденной въ снѣгу столь исключительной реликвіи, что понадобилось ее показать кн. Юрьевской, какъ особѣ вполнѣ компетентной. Бросивъ косой взглядъ на реликвію, вдова, краснѣя, воскликнула: „Клянусь мощами Александра Невскаго, это не принадлежитъ моему Александру!“ На слѣдствіи открылось, что это даже не реликвія, даже не носъ маіора Ковалева, не сыскапный до настоящей минуты, а такъ, чортъ знаетъ, что такое и принадлежитъ онъ пострадавшему при взрывѣ провокатору Жеребцову...

Недоумѣвая, откуда берутся подобные слухи, я въ исповѣди напалъ на тотъ базисъ, на которомъ созиждился фривольный разсказъ.

„Офицеръ началъ раскапывать снѣгъ, и, къ удивленію, нашелъ маленькій пальчикъ съ ножки Алексан. II. Онъ спряталъ его въ шкаликъ, наполненный сивухою, и затѣмъ приподнесъ безутѣшной вдовѣ.“ (56 стр.)

На страницѣ 25 разсказывается трогательная, нѣсколько подтасованная исторійка: Монархъ, произнесшій памятныя слова: „Но только безъ иллюзій,“ въ день смерти подписалъ таинственную бумагу, въ ней таилась ячейка, изъ которой, при очень благопріятныхъ климатическихъ и гигіеническихъ условіяхъ, могла бы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ пышно развернуться конституція, не хуже, а, можетъ быть, даже и лучше турецкой. Конечно, послѣ такого открытія, цѣлая страница, полная слезъ, проклятій, посвящается крамольникамъ: не захотѣли злодѣи сотенку, другую лѣтъ подождать! не захотѣли лишній десятокъ лѣтъ пожуировать по тюрьмамъ!

Бумаги освободительнаго характера, подписанныя въ день смерти или тотчасъ же послѣ смерти, уже не разъ пускались въ ходъ конюшенными историками, но, — увы, — любезное клише совсѣмъ истерлось; возобновлять его внѣ Россіи никто не рѣшается: слишкомъ уже жалобно и смѣшно.

Упреки крамольникамъ совершено неожиданно кончаются истерическимъ бредомъ. Народъ, жалуется Юрьевская, черно неблагодаренъ; Александръ II освободилъ его и — о ужасъ! — изъ его среды вышли его убійцы... Головы нашихъ дворцовыхъ умалишенныхъ отлично перевариваютъ коронованнаго, мягкотѣлаго злодѣя, утопавшаго въ роскоши, похотяхъ, сосавшаго не только кровь, но и самый мозгъ изъ костей народа, губившаго все сильное и честное. Александръ II — явленіе нормальное, муропомазанное: несчастный народъ, выдвинувшій изъ себя послѣ столѣтій рабства самоотверженныхъ героевъ-освободителей, выражаетъ собою злобу и неблагодарность, Александръ II — Богъ Саваоѳъ, народъ — Іовъ; онъ всевышній можетъ все дать и онъ же всевышній — все взять.

Я начинаю вѣрить, что Долгорукая ведетъ свой родъ отъ Рюрика. Но Рюриковскія воззрѣнія не слѣдовало бы показывать въ свѣтъ, а хорошенько и хорошенько припрятать.

„Я такъ счастливъ, сказалъ Александръ II незадолго передъ смертью, обращаясь къ Юрьевской, что я боюсь моего счастья.“

Фраза не отличается новизною и оригинальностью, помнится, ее произнесъ Иванъ Выжигинъ (герой Фадея Булгарина), прощаясь съ Вильгельминою, дочерью дворцоваго колбасника.

Да, слащавый селадонъ! помимо твоей воли, тебя давили 24 висѣлицы; предсмертный хрипъ замучиваемыхъ часто врывался ужаснымъ диссонансомъ въ твое голубиное воркованье. Саваны, черные гробы, обезображенныя муками лица, непрошенные, вставали передъ тобою, отравляли старческія похоти.

По показанію Юрьевской, послѣ нѣсколькихъ дерзкихъ покушеній Александръ II часто спрашивалъ у окружающихъ: „Чего хотятъ отъ меня нигилисты?“ и онъ вперялъ телячій взоръ въ даль, какъ бы стараясь разрѣшить удручающую его проблему.

Немногаго, могли бы отвѣтить революціонеры: Мы не хотимъ тебя, допотопный самодержецъ, твоихъ палачей, провокаторовъ, третье-отдѣленцевъ, сатраповъ, Сибири, тюремъ, пытокъ, крѣпостей, грабежа, растлѣнія народа твоею особой, удавленія свободной мысли.

Описывая похороны, она восклицаетъ: „свѣжіе, натуральные цвѣты посыпались на его гробъ со всѣхъ концовъ обширной имперій.“ (72 стр.)

Прошу вспомнить: пассажъ произошелъ 1 марта; хамскій, жаркій энтузіазмъ растопилъ снѣгъ въ самой Сибири, и льды въ Ледовитомъ океанѣ; холуйская теплота вызвала южные цвѣты по всей Россіи изъ подъ снѣга.

Сынъ повѣшеннаго декабриста генералъ Рылѣевъ, доказавшій, что повѣшенье отца можетъ служить повышеньемъ сыну,* у царскаго гроба впалъ въ атеизмъ,

*) Николай I поступилъ вполнѣ по царски, убилъ тѣло отца и душу сына, но онъ пошолъ далѣе, онъ женилъ сына Волконскаго на родной внучкѣ шефа искаріотовъ — Бенкендорфа...

чуть не въ крамолу, пересталъ креститься; произносилъ проклятья. Думали ли вы, революціонеры, что мощная пропаганда зайдетъ такъ далеко? что самъ вѣрный генералъ Рылѣевъ, у гроба Александра II впадетъ въ терроризмъ·

Но вы, конечно, спросите: каковъ вырисовывается Александръ II изъ безпристрастной книжечки?

— Не царь, а цаца. Былъ онъ нѣжнѣе сизаго голубя, кротче курчаваго барашка, религіознѣе Тихона Задонскаго. Онъ былъ хорошъ, какъ Апполонъ; таинствененъ, какъ быкъ Аписъ; находчивъ и дальновидѣнъ, какъ Протей; совѣсть его была чище, свѣтлѣе бѣлоснѣжнаго ложа Діаны.

Онъ былъ храбрѣе Ричарда-Львиное Сердце и передалъ онъ свою львиную храбрость Алекс. Ш-му.

Онъ былъ изящнѣе Людовика XIV, шаловливѣе Генриха IV, подобно ему, онъ носилъ малютокъ на плечахъ и катался съ ними кубаремъ по полу.

Его обожали дворяне, и онъ благосклоненъ былъ къ дворянамъ. Имъ восторгались купцы, мѣщане, кабатчики, и онъ снисходилъ къ нимъ. Его боготворили добрые русскіе поселяне и онъ разрѣшалъ боготворить, но съ непремѣннымъ условіемъ: чтобы хамы не зазнались.

Изъ 224 страницъ 150 посвящены амурамъ и помпадурству. Картина семейнаго счастья, послѣ морганатическаго брака — „пѣснь о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ“, лимбургскимъ сыромъ пахнетъ.

Коварные люди кричали: „Александръ II высосалъ всю кровь изъ государства и довелъ его безумными тратами до банкротства.“ Оказывается, что бѣлый царь всея Руси жилъ въ темномъ корридорчикѣ, спалъ на матрацѣ твердомъ, какъ доска и жидкомъ, какъ блинъ. Онъ ѣлъ свинство и цѣлые дни зябъ. У него, въ Царскомъ селѣ, въ турецкомъ кабинетѣ, иногда дымилъ каминъ. Благодаря Юрьевской, онъ сталъ ѣсть свѣжую пищу, спать на мягкой постелькѣ, она отогрѣла его захирѣвшаго своимъ дебелымъ тѣломъ, законная супруга, картофельная нѣмка, только холодила его.

Въ Царскомъ Селѣ, послѣ морганатическаго брака, вдругъ пересталъ дымить каминъ.

Говорили: Александръ II лютый пьяница; на самомъ дѣлѣ онъ пилъ одну содовую воду (содовая вода—вода подозрительная).

Всѣ кричали: Александръ II распутникъ, дряблый селадонъ, онъ превратилъ Смольный институтъ въ публичный домъ; къ нему таскали безъ мѣры, числа балетчицъ, актрисъ, фрейлинъ, дворянокъ и купчихъ: (мужичекъ выносить не могъ).

На самомъ дѣлѣ — онъ былъ цѣломудреннѣе Ньютона, и если онъ отпробовалъ, прежде чѣмъ приступить къ Юрьевской, ея сестру, то не болѣе, какъ съ высокою, чистою мыслью: сравнить ихъ, и затѣмъ отдать, преимущества послѣдней.

По общему мнѣнію, покойникъ еле умѣлъ по русски читать; не былъ любопытенъ, изъ лириковъ онъ зналъ одного Баркова, изъ романистовъ — Фадея Булгарина, изъ ученыхъ — одного Побѣдоносцева.

На самомъ дѣлѣ, Александръ II былъ талантливый беллетристъ, фривольный фельетонистъ и замѣчательный скромный ученый; на твердомъ, продырявленномъ стулѣ онъ сидѣлъ цѣлые дни и ночи, зарывшись въ книги. Онъ очень любилъ пописывать фельетоны, всѣ статейки въ „Новомъ Времени“ подъ псевдонимомъ „Незнакомецъ“ принадлежатъ ему; злые придворные, пользуясь его ученою разсѣянностью, подкладывали смертные приговоры крамольникамъ; онъ подмахивалъ ихъ, думая, что подмахиваетъ фельетонъ.

Денегъ у хозяина земли русской не было, часто не на что было выпить; онъ занималъ на право, на лѣво и кредитора нестерпимо отравляли жизнь бѣдняжки. 30 мил. въ годъ шли на друзей и знакомыхъ.

И въ то же время, благодаря экономіи и оборотамъ, онъ оставилъ 20 милліоновъ рублей Юрьевской и двѣ сотни милліоновъ убогому семейству. Имѣя двѣсти милліоновъ въ запасѣ, можно было бы легко обойтись безъ займовъ, но, повидимому, расчетливый монархъ накопленныя деньги отдавалъ подъ недозволенные проценты, а у друзей занималъ безъ процентовъ.

Плачь, муза, плачь!!

Гатчинскій храбрый Роландъ, въ виду ярой экономіи, отмѣнившій пуговицы на солдатскихъ штанахъ,

назначилъ оспротѣвшей, пущенной по міру съ двадцатью мил.рублей,Юрьевской сто тысячъ въ годъ пенсіона, а на женскіе медицинскіе курсы приходится по копѣечкѣ собирать, къ частной помощи прибѣгать!!...

Лупите смѣлѣй шкуру съ несчастной Россіи! долой мясо съ костей! Романовская семейка, на случай революціи, капиталами запасается.

Законные дѣти сатаны, господа крамольники! за что заклали вы агнца пасхальнаго? поразили отравленною стрѣлою горлинку?

Разбитые въ конецъ доводами книжечки, мы, какъ утопающіе, хватаемся за соломинку и въ отчаяніи восклицаемъ:

Но куда же провалились висѣлицы, пытки, тюрьмы, урядники, жандармы, сатрапы, полицейскіе разбойники, солепыя розги, выколачивающія изъ пустоты недоимки?

Если каждый крестьянинъ, благодаря Освободителю, имѣетъ курицу въ супѣ, то кто же выдумалъ лебеду?

Вздоръ, господа, то былъ ужасный сонъ... Вальпургіева ночь, нами пережитая и переживаемая не болѣе, какъ страшная декорація, балетная картинка!

Оглянитесь кругомъ: совы давно разлетѣлись, и кругомъ поютъ соловьи; мракъ навсегда разсѣялся, насъ слѣпитъ солнце свободы; Дантовскій адъ намъ приснился, мы живемъ между тигромъ и... въ Эдемѣ.

Расплюевъ

(Клубъ анархистовъ въ Лондонѣ. „Русск. Вѣстн.“, январь 1882)

Перовскую плънила
пьедестал мученицы,
революционные поэмы
сумасшедшаго Алисова
воспевшаго ее белоснежные
одежды, веревку и саван...
(Клуб анархистов в
Лондони Русский Вестник Янв. 82 г.

„Я взглянулъ на этого человѣка, на лицѣ котораго, по собственному его свидѣтельству, не было мѣста, гдѣ не оставила бы по себѣ слѣда человѣческая пятерня“.

(*Письма къ тетенькѣ*)

I *

Цѣлый годъ мы переживаемъ сказку о „Синей Бородѣ“, Русское правительство взываетъ ежечасно, впродолженіи цѣлаго тода, къ народному возстанію, бомбамъ, взрывамъ цѣлыхъ улицъ; провокація принимаетъ все болѣе, болѣе острый характеръ. Гробовая тишина, прерываемая хрипомъ, стонами замучиваемыхъ и рычаніемъ палачей, водворенная тюрьмами, инквизиціонными трибуналами, удавленіемъ всей прессы, всегда кончается страшно...

Девятаго февраля изъ двадцати трехъ заключенныхъ, двадцать одинъ предстали, въ запертую со всѣхъ сторонъ, живодерню, остальные: мужчина и женщина съума сошли въ тюрьмѣ отъ мягкаго обращенія; мясники ихъ не приговорили, а попросту зарѣзали въ живодернѣ. Министръ юстиціи, — о небеса! Набоковъ, удостовѣрившись въ смерти жертвъ, препроводилъ мясо въ гатчинскій звѣринецъ для гіены, содержащейся въ клѣткѣ подъ № III.

Правительство, въ своихъ органахъ, не разъ заявляло, что большинство въ Россіи сочувствуетъ ему и питаетъ отвращеніе къ святотатственнымъ злодѣямъ; что злодѣи проповѣдуютъ утопіи, безумный вздоръ и не имѣютъ ни малѣшей поддержки въ обществѣ. Если такъ, то зачѣмъ поручать ихъ рѣзать Муравьеву и К° въ потьмахъ?? Они проповѣдуютъ бредни! Въ такомъ случаѣ, публикуйте ихъ бредни въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, распространяйте, разочаровывайте общество. Если все это бредъ ничтожный, то нечего дрожать

* Пленила ли Перовскую написанныя прозою возвеличенныя поэмы мои брошюры я не знаю но что я воспел ее брошюрою «Александр III Милостивый»: ее белоснежныя одежды веревку виселицу и саван вполне верно

отъ страха, затаивать ихъ слова, сказанныя передъ смертью. Страшна истина; вздоръ не страшенъ, онъ не выдержитъ перваго столкновенія съ здравой критикой. Отдайте ихъ слова, мнѣнія, идеалы на растерзаніе вашимъ литературнымъ псамъ, пусть рвутъ; вздоръ побѣдить не трудно, ваши псы и тѣ побѣдятъ.

Нѣтъ! не удастся вамъ утаить истину, ваша петля ее не удушитъ. Не скроете вы побѣдоносныхъ рѣчей, карающихъ ваше лютое бзсиліе, безсмысленныя преступленья. Облетятъ онѣ всю Россію, заронятся въ самые темные уголки... *Я* вамъ аплодирую, идіоты! Раздувайте пожаръ, махайте во мракѣ дубинами! Все, все падетъ на васъ. за все вы отвѣтите!... По одному васъ всѣхъ повытаскаютъ изъ пагнаннаго вами мрака и прикрутятъ къ позорнымъ столбамъ на омерзеніе всѣмъ, на всеобщее заплеваніе...

Съ водвореніемъ Игнатьева, способность творить гнусности, злодѣйства, усилилась до размѣровъ безпредѣльныхъ. Мясники замѣтили, что убійства оказали имъ очень плохую услугу; распятые третьяго апрѣля оставили незгладимое впечатлѣніе; слава убитыхъ растетъ; фантастическія легенды ходятъ по Россіи. Самые лютые враги молодежи и тѣ, съ невольнымъ уваженіемъ, склоняются передъ ихъ непреклонною стойкостью, мужествомъ, самоотверженіемъ. Понадобилось наплевать въ лица мертвымъ, побезобразничать надъ трупами казненныхъ; пытки, петля, гнилыя веревки, оказались недостаточными; къ пьяному палачу Фролову нужно было на подмогу вызвать газетчика Расплюева. Началось торжище, заказали исключительный пасквиль; за неимѣніемъ серебряниковъ, вытащили кучу бумажекъ, въ случаѣ же полной удачи, обѣщали пожаловать чинъ тайнаго совѣтника.

Въ газетномъ мірѣ предатели, подлецы встрѣчаются во всѣхъ странахъ. Въ Германіи, по циничному выраженію Бисмарка, для нихъ существуетъ „фондъ пресмыкающихся“. Но русскій литераторъ-подлецъ всѣхъ ихъ за поясъ заткнетъ. Въ Европѣ они строчатъ, рискуя обезображеніемъ своихъ физіономій; ихъ гонятъ отовсюду въ шею, имъ угрожаютъ очень непріятныя опроверженія; у насъ же—ничего подобнаго. Смѣшно предположить, что заявленіе Гартмана о томъ, что онъ не ду-

малъ бесѣдовать съ Катковскимъ агентомъ провокаторомъ, будетъ напечатано Катковымъ..,

Видали ли вы трупъ, терзаемый собаками? Если видѣли, то, навѣрное, помните, что тутъ же рядомъ, непремѣнно сидитъ воронъ и, испуганно косясь, тоже рветъ клочья... Михаилъ Никифоровъ, въ отношеніи всѣхъ замученныхъ, казненныхъ, всегда игралъ роль трусливаго, но лакомаго до мертвечины, ворона. Онъ храбръ потому, что знаетъ, что ни одинъ революціонеръ не удостоитъ исхлестать его по щекамъ или сдѣлать на него надобность, какъ сдѣлали это юные лицеисты на его друга Леонтьева. Безнаказанность съ одной стороны, чинъ тайнаго совѣтника, денежныя награды, съ другой.

Но правительство выпустило изъ виду, что ему служили, служатъ только безпардонные писаки, всѣхъ родовъ Булгарины. Мудрено съ помощью такихъ господъ вліять на какое бы то ни было общество...

Скажите, положа руку на сердце, сыщется ли въ цѣлой Россіи такой мастодонтъ, который вздумаетъ искать правду о революціонерахъ, ихъ ученіи, въ такихъ маститыхъ органахъ, какъ „Московскія Вѣдомости“, „Берегъ“, „Полицейскія Вѣдомости“, „Новое Время“?

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; за январь, помѣщена фальшивая кредитка, конечно, безъ имени. Расплюевъ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Гартманомъ и другими террористами. Будь разсказъ напечатанъ въ „Новомъ Времени, — и я удивляюсь, какъ оно не предвосхитило его — я подумалъ бы на Молчанова — онъ цѣловался съ китайскимъ бохдыханомъ, трепалъ по плечу бразильскаго императора, давалъ совѣты Гамбеттѣ по внутренней и внѣшней политикѣ, журилъ президента Греви за республиканскую форму правленія, хвалилъ короля Гумберта за конституцію, но просилъ не увлекаться; пилъ кофій съ султаномъ, валялся съ его женами въ гаремѣ; распекъ шаха за излишнія путешествія по Европѣ, не одобрилъ возимаго имъ всюду мальчика; королеву Викторію упрекалъ за питье чрезмѣрное виски... Онъ одинъ обладаетъ способностью приписанной Каліостро: въѣзжать и выѣзжать въ одинъ и тотъ же часъ изъ ста городовъ, не рѣдко удаленныхъ

одинъ отъ другого на тысячи верстъ, конечно, ему побесѣдовать съ Гартманомъ было бы плевое дѣло! Я всегда думалъ, что Молчановъ, въ своемъ родѣ единственный, и что угнаться за его „тридцатью тысячами курьеровъ“ мудрено; но наконецъ и ему сыскался соперникъ сильный и лукавый въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Не выходя изъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, Расплюевъ звонитъ въ квартиру Гартмана, въ Лондонѣ. Гартманъ выходитъ на встрѣчу; и начинается интимнѣйшая бесѣда. Гартманъ въ восторгѣ отъ встрѣчи съ шпіономъ, онъ спѣшитъ высказать всѣ свои мнѣнія, обнаружить планы, тайны. Остановимся на секунду на замѣчательно правдоподобныхъ привѣтствіяхъ. На вопросъ Гартмана, о чемъ желаетъ побесѣдовать съ нимъ Расплюевъ, не выходя изъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, тотъ отвѣчаетъ: „О чемъ вамъ угодно, о театрѣ, женщинахъ, кабакахъ“.

Будь это заявленіе сдѣлано развязнымъ, любопытнымъ Расплюевымъ въ Лондонѣ, конечно, Гартманъ счелъ бы долгомъ, не тратя ни секунды времени, спустить негодяя съ лѣстницы, въ случаѣ же очень мягкаго настроенія, желанія запомнить физіономію шпіона, онъ отвѣтилъ бы приблизительно слѣдующее: „Если вы явились ко мнѣ, то, конечно, съ цѣлью вышпіонить меня, но вы слишкомъ нагло развязны, невыносимо наивны и глупы. Во время моего пребыванія въ Россіи, я налюбовался вашимъ братомъ; не смотря на всѣ ихъ ухищренія, часто тонкія, имъ не удалось словить меня. Говорить о кабакахъ, публичныхъ дѣвкахъ, врядъ ли вы имѣете надобность, такъ какъ ужъ, навѣрное, наговорились до сыта о нихъ въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей.“ Не тратя по-пусту время, возвратитесь скорѣе въ литературный домъ терпимости, прославшій васъ ко мнѣ...“ И на этомъ бы все дѣло кончилось, но спиритическія бесѣды въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ напротивъ начинаютъ все болѣе и болѣе оживляться, получать полицейскія закругленья. Гартманъ, т. е тѣнь, вызванная профессоромъ Вагнеромъ, по просьбѣ Каткова, начинаетъ ругать на пропалую всѣхъ своихъ товарищей: Рысакова, Гессю Гельфманъ и другихъ. Онъ увѣряетъ, что 1-ое марта страшно по-

вредило партіи, затѣмъ влагаются въ уста тѣни вопросы о томъ, что дѣлается въ Россіи, съ прибавленіемъ, что по слухамъ, всѣ молодыя аристократическія дамы и генералы грезятъ конституціей, и для этой цѣли всюду устраиваются вечера, говорильни. Внимательный читатель, конечно, пойметъ, что презрительные отзывы о Рысаковѣ, Гессѣ Гельфманъ пущены въ ходъ съ цѣлью, чтобы молодые люди, прочтя, увидѣли, что въ случаѣ героическаго акта, они, кромѣ висѣлицы, подвергнутся еще насмѣшкамъ даже со стороны тѣхъ, которые вдохновили ихъ на подвигъ. О молодыхъ генералахъ и дамахъ пущенъ доносъ, чтобы пострищать ихъ. Около года назадъ, я, слово въ слово, читалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ тотъ же отзывъ про генераловъ и аристократическихъ дамъ, въ корреспонденціи изъ Петербурга. Расчитывая на плохую память читающей публики, Расплюевъ вложилъ всю свою корреспонденцію, цѣликомъ въ уста Гартмана. Ловкій писака!

О Перовской тѣнь Гартмана отзывается въ такомъ кабацкомъ топѣ, что мнѣ тошно выписывать сказанныя въ спиритическомъ снѣ слова. Гартманъ составленъ по всѣмъ Катковскимъ правиламъ, начиная съ Нечаева, всѣ революціонеры изображались слѣдующимъ незамысловатымъ образомъ:

Катковскій революціонеръ неизбѣжно долженъ вздуваться, кривляться, завинчиваться, жмуриться, хрипѣть и выворачивать, подобно Ольдриджу въ Отелло, бѣлки; наружность должна быть злая, отталкивающая; образъ мыслей, выраженій — бѣглаго, безграмотнаго каторжника, съ прибаутками Ноздрева и Буренина. Конечно, денегъ онъ не долженъ платить ни за ѣду, ни за квартиру, хотя бы у него карманы были набиты свертками золота; вши должны кишать въ волосахъ не только головы, но и всего тѣла, ванна—производить судорги; желаніе обобрать, оболванить должно просвѣчивать въ каждомъ словѣ, взглядѣ.

Революціонеръ-женщина должна мыться въ банѣ разъ въ двадцать лѣтъ, хотя бы она отъ нея была въ двухъ шагахъ, и входъ въ нее былъ безплатный. Она обречена всю жизнь брать табакъ въ долгъ и выкуривать, по малой мѣрѣ, фунтъ въ день, при этомъ

харкать во всѣ углы и непзбѣжно имѣть 200 или 300 любовниковъ, по малой мѣрѣ.

Хотя въ сущности общество, окружающее маститаго тайнаго совѣтника, немного страдаетъ послѣдней чертой. Замужнія, свѣтскія женщины, защитницы семейныхъ основъ, большею частью пробавляются клубничкой и романами въ духѣ Маркевича...

Но перевернемъ позорныя страницы. Всякому, пожелавшему вкусить жандармско-полицейскую блевотину, не трудно будетъ достать „Русскій Вѣстникъ“ за январь. Я напомню читателю обвинительный актъ, составленный изъ показаній замученнаго Гольденберга. Заподозрить актъ, составленный Муравьевымъ, въ поэтизированіи, прикрасахъ, очень трудно.

Цѣлыя безконечныя недѣли, день и ночь, Гартманъ работалъ подъ землею: рылъ, задыхаясь, могилу царю. Во рту у него былъ ядъ — онъ боялся, что земля обвалится, и ему придется задыхаться нѣсколько часовъ въ своемъ гробу. Перовская звонила въ колокольчикъ, проведенный подъ землю, въ то время, когда полицейскіе проходили по полотну дороги. То былъ страшный, погребальный звонъ, зовущій къ пыткамъ, висѣлицамъ, и онъ часто раздавался. Въ эти минуты Гартманъ слышалъ ледяное дыханье смерти, чувствовалъ на своихъ плечахъ лапу пьянаго палача. Смерть чутко караулила его подъ полотномъ во время работы, и въ домѣ во время краткаго отдыха..... Наконецъ, наступилъ роковой часъ. Самодержецъ всея Руси, помазанникъ божій, между чемоданами, кострюлями, провизіей прошмыгнулъ въ Москву. Вагоны, украшенные царскими коронами, шли мимо пустые, и эти вагоны съ коронами взлетѣли, и на два аршина взлетѣлъ именно тотъ вагонъ, въ которомъ долженъ былъ опочивать вѣшатель. Рука, соединившая проволоки, на секунду не дрогнула, на секунду не опоздала...

Когда я кончилъ читать этотъ сухой актъ, я помню, что не смотря на настежъ раскрытыя окна, мнѣ вдругъ стало не хватать воздуха. Безсильный на великій подвигъ, я склонился передъ недоступнымъ мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, подумалъ я, если эта проклятая страна, полная подлыхъ, самодовольныхъ хамовъ, можетъ выдвинуть изъ себя такихъ людей, не все еще пропало для насъ!

И этотъ человѣкъ, закаленный, какъ дамаскій клинокъ, по тюрьмамъ, въ подземной борьбѣ, гибкій, находчивый; въ случаѣ тайны—молчаливый какъ могила, вдругъ вступаетъ въ интимнѣйшія словоизверженія съ первымъ разлетѣвшимся къ нему на всѣхъ парахъ, шпіонишкой, провокаторомъ!

О, наглые! подлые! безмозглые шуты гороховые! За какихъ идіотовъ вы принимаете читающую публику!

Въ томъ же обвинительномъ актѣ вырисовывалась другая личность. Въ то время, когда рылась могила вѣшателю, Перовская, въ минуты опасности, звонила въ колокольчикъ, проведенный подъ землю. Смерть, ужасная смерть витала, какъ легкое дуновенье, день и ночь, долгія недѣли надъ ея головою. Она рѣшилась, въ случаѣ прихода полиціи, взорвать выстрѣломъ банки съ динамитомъ, съ тѣмъ, чтобы весь домъ взнести на воздухъ, погибнуть, но не отдаться своимъ, безмысленно свирѣпымъ врагамъ. Она вызвалась, полная святаго восторга, дать сигналъ для взрыва поѣзда... Это она, все она, раздала 1 Марта бомбы освободительницы, и затѣмъ, въ великій, славный, безсмертный моментъ махнула платкомъ... Заглянувъ въ глаза разорванному въ лохмотья, самодержцу, удостовѣрившись въ смерти, она не бѣжала, но осталась на мѣстѣ борьбы... Съ гордымъ, всепобѣднымъ взоромъ, пылающимъ, вдохновеннымъ лицомъ, она взошла на страшный помостъ и не дрогнула въ рукахъ пьянаго палача... Изнемогающій на эшафотѣ юноша Рысаковъ, встрѣтивъ ея, сіяющіе мистическимъ огнемъ, глаза, обрелъ упавшее мужество. Если моей дочери выпадетъ на долю свершить то, что свершила Перовская и затѣмъ умереть ея дивною смертью, я безропотно снесу страшную потерю, не поблѣднѣю передъ эшафотомъ, передъ ея бѣлымъ саваномъ. Лучшей жизни, и лучшей смерти мое воображеніе безсильно представить.....

„Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣе,
Прекраснѣе терноваго вѣнца".

Да, старый Расплюевъ! сколько не цѣпляйся зубами, не брешн. не фальсифируй, но у этихъ людей выше подошвы тебѣ не достать, да и самой подошвы ихъ

сапогъ не прогрызть. Лопайся сотни разъ отъ безсильной злобы, и не смотря на все, они были и есть великія, чистыя личности, спасители родины, — ты же и твоя братья были и есть полицейскія, кровяныя собаки. Они станутъ, неизбѣжно, славою, гордостью возрожденной Россіи, вы останетесь ея стыдомъ. Имъ вѣчная слава, вамъ — позоръ, конечно, не вѣчный, такъ какъ и это слишкомъ много для васъ.

II

Я, господа, много разъ очень неуважительно, отзывался о Михаилѣ Никифоровичѣ, но кто же не знаетъ, что онъ не терпитъ неуважительныхъ отзывовъ, въ особенности онъ сталъ заносчивъ послѣ того, какъ ему посчастливилось, послѣ 30 лѣтней литературной дѣятельности, стяжать себѣ отъ великаго сатирика названіе „чавкающей правду свиньи“ и за тайныя дѣла — чинъ тайнаго совѣтника. Послѣднее время я предчувствовалъ, что готовится мнѣ мзда за мои грѣхи. Въ рукахъ Михаила Никифоровича находятся всевозможные снаряды для наказанія виновныхъ, — снаряды нѣсколько ветхіе, колеса въ нихъ поломаны, все разболтано до такой степени, что масло не держится, льется вонъ; пыль, масляная гарь, липкая паутина завелись всюду, но Катковъ не унываетъ и продолжаетъ весело говорить: „На мой вѣкъ хватитъ!“ — Да хватитъ ли? — сказалъ разъ подслушавшій его слова механикъ. „Хватитъ“. Механикъ покачалъ головою и проговорилъ: „Если такъ, то вашъ вѣкъ не дологъ“. Снаряды называются: „Московскія гнусности“ и „Вѣстникъ жандармской воли“.

Пріемы прокатыванья не совсѣмъ новые. Если виновный — писатель, то конечно, онъ — дерзкій безумецъ, злодѣй пера, извергъ слова, невѣжда, диллетантъ, поверхностный отрицатель и проч., проч. безъ конца. Но не это меня страшило, я былъ убійственно равнодушенъ къ подобнымъ импровизаціямъ, прелести сюрприза онѣ не имѣли. Еще юношей я читалъ игривыя біографіи извѣстныхъ лицъ, — но увы! — замѣтилъ, что біографія во всѣхъ случаяхъ одна и та же; весь

фокусъ въ именахъ и фамиліяхъ, сфабриковать первый пасквилъ, нанизать всѣ пороки, недостатки, было трудно, но потомъ пасквиль перешелъ въ клише.

Недавно я открылъ, что Катковъ медіумъ; раболѣпные, подвластные ему духи передаютъ ему все про эмигрантовъ; Катковъ, отдѣленный отъ нихъ тысячами верстъ, до эмиграціи не слыхавшій ихъ фамилій, вдругъ, совершенно неожиданно, проникаетъ въ самую глубь ихъ кармановъ, въ самую сущность ихъ мозговой, нервной дѣятельности; неожиданно, точно, узнаетъ ихъ жизнь отъ колыбели до могилы и даже послѣ могилы. Эмигранты сами себя такъ не знаютъ, какъ ихъ знаетъ нашъ поразительный медіумъ. Одно не хорошо: онъ дѣлится загадочными откровеньями, почерпнутыми у подвластныхъ духовъ, съ агентами охраны; мистеріи этимъ сильно профанируются.

Но не это меня страшило. Средствъ, въ родѣ сухихъ банокъ и кровоочистительныхъ настоекъ изъ корней лопуха, бузины, я не боялся; меня ужасало совсѣмъ другое. Я думалъ: у Каткова есть средство страшнѣе огня, желѣза, на счастіе намъ, не сознанное имъ, средство это: похвалить запрещеннаго писателя. Похвали, и пропалъ человѣкъ! Будь онъ самъ Гарибальди, Кошутъ, Маццини, Бланки, смерть на барикадахъ не смоетъ Катковской похвалы. Лелѣй въ душѣ замыслы Каракозова, будь радикальнѣе Бакунина, — и до самой смерти будешь слыть тончайшимъ шпіономъ, на роскошнѣйшемъ окладѣ. Сама смерть не выведетъ правду наружу. Погибъ въ настоящемъ и загробномъ мірѣ. Я боялся Катковской похвалы, какъ потери гражданской чести. Послѣднее время, я съ минуты на минуту приготовлялся къ казни; мысль, что онъ догадается, въ чемъ его сила, не давала мнѣ покою; я ходилъ днемъ подобно лунатику. Ложась въ постель, борясь съ безсонницей, я говорилъ себѣ: а ну какъ похвалитъ! Я засыпалъ, а мой языкъ лепеталъ: Похвалитъ... хвалитъ... валитъ... Сны мрачнѣе петербургскихъ, октябрьскихъ ночей, давили мою грудь. Приснилась мнѣ большая зала, шныряли въ ней геморроидальные чиновники, въ чинахъ, ветхенькіе, глаза злые, губки тоненькія, подбородки бритые, усовъ нѣтъ. Гордо выступали мясистые, выстриженные подъ гре-

бенку генералы, очень старые, но сохранившіеся. Шлялась молодежъ зеленая, близорукая, безъ жизни, движенія вялыя, точно адвокаты, послѣ защиты какого нибудь расподлѣйшаго дѣла. Говорили мало, зѣвали много. Уныло восхваляли классицизмъ, мрачно ругали реализмъ; толковали довольно пылко о повышеніяхъ, вспомоществованіяхъ, о словахъ, сказанныхъ во дворцѣ, безъ свидѣтелей. Рѣзко выдавались крики о „мерзавцахъ", лекарства предписывались такія энергичныя, что само кротоново масло казалось средствомъ, тонирующимъ слизистую оболочку. Но наступаетъ тишина... Входитъ хозяинъ дома Катковъ; его обступаютъ; его хотятъ слушать; онъ хочетъ говорить... Но, ай! ай! ай! у него подъ мышкою книга. Я тревожно мечусь во снѣ, я узнаю книгу по оберткѣ. Хозяинъ проситъ гостей успокоиться и говоритъ: „Господа! за границей вышла книга, которую я вамъ отъ души совѣтовалъ бы прочесть, прекрасная книга господина Ал." Я вскрикиваю и просыпаюсь. Холодный потъ выступаетъ у меня на лбу; я дурѣю отъ страха до такой степени, что хочу свершить даже крестное знаменье, произнести: „чуръ, чуръ меня!" И затѣмъ, конечно, слоняюсь до утра, страшась моей постели, какъ гильотины; кошмары совсѣмъ разстроили нервы; я начиналъ вѣрить въ предчувствія и помышлялъ даже приняться за Вагнера. Въ одинъ незабвенный день мой другъ Б..., котораго я окунулъ въ пучины моей несчастной души, появился съ книгой, лицо сіяло, книгу онъ держалъ высоко надъ головой, не захотѣлъ онъ томить меня, по обыкновенію всѣхъ друзей, и прямо, во все горло закричалъ: „Выругалъ!" Я опустился на стулъ... Къ концу дня воротился апетитъ, предчувствія, которыя могли бы меня привести прямехонько къ Тихону Задонскому, Иверской божьей матери и затѣмъ въ сумасшедшій домъ, вдругъ исчезли; сны посѣтили легкіе, очень пріятные: я купался въ прохладномъ источникѣ, гулялъ въ тѣнистомъ, сѣверномъ лѣсу, обонялъ ландыши. Но душевныя потрясенья не прошли даромъ, наступилъ возвратъ. Снова странный сонъ: Мих. Никиф. сидитъ въ кабинетѣ, съ зоркостью хищной птицы просматриваетъ корректуру, видно смакуетъ новый пасквиль. Человѣкъ докладываетъ: „ Разносчикъ газетъ

пришелъ". — Позови. — Но вообразите моё удивленіе, вмѣсто разносчика, въ двери вползаетъ громадная кипа газетъ и вслѣдъ весь красный, потный, дешевый разноситель умственнаго бремени. „Ни одной газеты не берутъ, хоть тресни, Михаилъ Никифоровичъ, не черезъ полицію же торговать! да еще издѣваются; одинъ подвернулся и говоритъ: Ишь рухлядь тащитъ въ Ножовую линію мясникамъ продавать, хочешь ломаный грошъ за пудъ? А я говорю..." — Молчать, прохвостъ!— раздался повелительный голосъ. Былъ въ жандармской командѣ? — „Былъ". — Ну что же? (иронически) тоже не покупаютъ? — „Не покупаютъ; даромъ возьмемъ, говорятъ, отчего не взять, бумага всегда нужна, а за деньги, проваливай!" Раздался вздохъ, въ которомъ ясно слышалось „Элои! Элои! ламма савахвани!" — У полковника Слезкина былъ? — „Былъ". — Ну что же? — „Камердинеръ газету посмотрѣлъ, отдалъ да и говоритъ: ваша планида проходитъ". — На желѣзную дорогу носилъ? — „Близко къ платформѣ не подпущаютъ, машинистъ изъ новыхъ кричитъ: отдай даромъ на растопку, въ одну минуту твою старую полицейскую крысу въ трубу спущу, а я говорю..."—Молчать!—Лицо Каткова было покойно, но—только легкая судорога бродила въ лѣвой ноздрѣ; онъ тихо проговорилъ: — странно! очень странно! въ этомъ номерѣ была описана замѣчательная, по истинѣ чудесная встрѣча одного изъ нашихъ съ однимъ изъ ихнихъ, и кромѣ этаго, поразительная статья, по поводу порокъ подъ заглавіемъ: „Встаньте господа, правительство идетъ!"— Снова входитъ человѣкъ; не успѣлъ онъ пикнуть, какъ за нимъ начали вваливаться кучи газетъ; разносчики шли толпами, валили груды на полъ, въ безпорядкѣ великомъ; баррикады, столь ненавидимыя Михаиломъ Никифоровичемъ, начали расти вокругъ, еле-еле выглядывала изъ нихъ респектабельная лысина; но и она скоро затонула въ газетномъ омутѣ. За газетами повалились книги „Русскаго Вѣстника": въ комнатѣ стало становиться душно, подвальною вонью понесло. Катковъ всталъ: но газетныя баррикады окружали его отовсюду. Раздался страшный шумъ, масса мальчишекъ хлынула въ комнату съ ворохами книгъ. Греческіе словари, почтеннѣйшіе греческіе, римскіе авторы, образцы

благородныхъ чувствъ, стиля, въ дикомъ смѣшеніи падали около Каткова. Все выше, выше росли злобѣщія, ненавистныя, проклинаемыя баррикады. Лицо Каткова выражало крайнюю степень ужаса. Мысль, какъ зарница, блеснула въ его головѣ, омертвила мозгъ. „Все пропало, террористы осаждаютъ меня!“ Не знаю, откуда вдругъ посыпался градъ изъ буквъ; свинцовыя буквы сыпались, кружились, прыгали, ложились грудами. Тѣ самыя буквы, изъ которыхъ слагались волшебныя импровизаціи про Б. Г. Д., летѣли въ макушку Михаилу Никифоровичу, подпрыгивали на ней, какъ градинки по мостовой. Стало темнѣть отъ свинцоваго дождя, невыносимо тяжело дышать отъ цѣлыхъ горъ умныхъ книгъ; визгливые голоса мальчишекъ раздавались громче, громче; дребезжащій, какъ порванная струна, хохотъ гремѣлъ сверху, съ боковъ, съ низу; красные, длинные языки вылѣзали изъ всѣхъ газетъ, книгъ, дразнились...

Михаилъ Никифоровичъ, забывъ лѣта, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, какъ послѣдній школьникъ полѣзъ на баррикады, но онѣ сыпались, руки выхватывали „Московскія Вѣдомости“ и Катковъ, не смотря на чинъ тайнаго совѣтника, кубаремъ постыдно катился внизъ; онъ отчаянно лѣзъ снова и снова катился. Во время паденія смѣхъ разливался звончѣе, свинцовыя буквы сыпались гуще. Газеты стали вздуваться, какъ тѣсто, въ которое бросили дрожжи; все начало принимать дикій, кабалистическій характеръ; совсѣмъ стемнѣло..... Я проснулся.

Сонъ оставилъ на меня такое подавляющее впечатлѣніе, что я, тотчасъ же, натощакъ, написалъ къ Каткову, прося его немедленно извѣстить, какъ онъ себя чувствуетъ, хорошо ли идутъ „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“, хорошо ли учатся и ведутъ себя лицеисты, цѣлы ли ихъ книги... . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

12 марта 1882 г.

Катковъ

—

„Прелесть царской власти
Въ сердцѣ ощутивъ,
. . . . . .
Онъ цѣпей законность
Сладостно воспѣлъ.“

Герценъ.

„И что за музыка, ей, ей!
Не поймешь, хоть тресни!
И всего то было въ ней
Двѣ плохія пѣсни:
Бога славила одна,
А царя другая!“

Лавровъ.

Тысячи лѣтъ назадъ трупъ его величества Фараона выставлялся на судъ толпы. Всякій имѣлъ право высказать суровый приговоръ. Если зло перевѣшивало, его хоронили тихонько, безъ пышныхъ обрядовъ, и историкъ высѣкалъ на камнѣ мрачный народный приговоръ. Видно, въ то время между царями и ихъ вѣрноподданными, полные негодяи встрѣчались не особенно часто. Въ нашъ чудный вѣкъ, среди управителей и всевозможныхъ общественныхъ дѣятелей, ихъ расплодилось столько, что явились на сцену уловки, самообманы, хитрыя заморачиванья; одна изъ такихъ іезуитскихъ уловокъ: „очень свѣжая могила.“ Благодаря ея свѣжести, самый отчаянный, классическій подлецъ, на нѣсколько недѣль, дѣлается чуть не честнымъ и даже прекраснымъ человѣкомъ. При малѣйшей попыткѣ высказать правдивое слово, люди изъ одной клики съ покойнымъ патетически восклицаютъ: „Не успѣли еще

зарыть! не успѣлъ еще остыть трупъ! Если не хотите уважать покойнаго, уважайте смерть: она примиряетъ!“

Не смотря на всевозможныя углубленія, мы никакъ не могли постигнуть, почему очень свѣжая могила требуетъ болѣе почтенія, чѣмъ совсѣмъ залежалая; послѣдняя лучше: на ней начинаютъ расти цвѣты, трава; мошки и букашки рѣзвятся въ ней; щепка на щепку лѣзетъ; частички покойнаго, если его не очень закупорятъ, утерявъ свою пахучесть, начинаютъ переходить въ землю, вступать въ вѣчный жизненный круговоротъ.

Мы не могли понять, почему неостывшій, незарытый покойникъ неприкосновеннѣе, цѣннѣе давно зарытаго, въ конецъ разложившагося. Съ химической точки всѣ выгоды на сторонѣ послѣдняго: онъ *ничто*, другими словами: навозъ... Рано или поздно, черви вынесутъ его изъ глубины въ верхніе слои почвы. Сколько, сколько писакъ и другихъ soi-disant общественныхъ дѣятелей, въ самую цвѣтущую пору ихъ жизни, стоили неизмѣримо менѣе той кучки навоза, которая образовывается послѣ ихъ смерти; сколько изъ нихъ были не *ничто*, а полнѣйшее *ничто*.

О, Мещерскій, Суворинъ, Евгеній Марковъ, „Русскій странникъ“ и проч. умоляю васъ, не дѣлайте себѣ гробовъ изъ новыхъ досокъ! Не задерживайте великаго закона круговращенія матеріи, переходите скорѣй во всеобщую мать землю! Съ какимъ удовольствіемъ читающая публика узритъ васъ въ состояніи удобрительномъ. Все вами настроченное — чертополохъ. Вы глушили живительныя сѣмена. Легко можетъ быть, что войдя въ природу, вы начнете производить сочную траву; ею выкормится теленокъ, а теленка съѣдятъ порядочные люди, можетъ быть, даже студенты въ дешевой столовой, въ этомъ смыслѣ смерть примиряетъ. Она примиряетъ еще, въ томъ смыслѣ, что нѣсколько гадкихъ, подлыхъ людишекъ перестаютъ пакостить обществу. Кто знаетъ, можетъ быть, на могилѣ „чавкавшей правду свиньи„ выростетъ дубъ развѣсистый, и его желудями откормится добрая, породистая, славная свинья, и усладитъ она многихъ честныхъ труженниковъ своими копченными окороками, колбасами, сосисками и... безъ три-

хинъ. И чѣмъ чортъ не шутитъ! Можетъ быть,въ тѣни этого дуба юнопа будетъ читать, написанную мною и уже дозволенную въ Россіи, нижеслѣдующую характеристику Михаила Никифорова Каткова... Въ этомъ смыслѣ смерть примиряетъ. Особенно уважать смерть, говоря по душѣ, не за что: рядомъ съ лиллипутами она губитъ и титановъ. Я не имѣлъ случая бесѣдовать съ нею. Корреспонденты „Новаго Времени“: Молчановъ, Яковлевъ, кажется, интервьювировали ее. Но судя по ея выходкамъ, видно, что она презираетъ общественное мнѣніе, зная превосходно, что общественныя мнѣнія переходящи, а она вѣчная.

Выводъ ясенъ. Если покойникъ былъ клейменый подлецъ и проходимецъ, высказать о немъ суровое мнѣніе можно тотчасъ же; остылъ ли онъ или застылъ, свѣжій ли онъ или свѣжепросольный, это рѣшительно все равно. Свѣжепросольные огурцы—вещь превосходная, но ихъ отнюдь не нужно смѣшивать съ умершимъ общественнымъ дѣятелемъ. Если же почившій былъ предатель страны родной, ея палачъ, если онъ священный даръ размѣнивалъ на кредитныя бумажки, выручалъ за него субсидіи, чины, цацки, долгъ всякаго честнаго гражданина не ограничиваться рѣзкимъ отзывомъ, онъ всенепремѣнно долженъ стараться вбить осиновый колъ въ его очень свѣжую могилу.

Можно жалѣть дѣтей и родныхъ покойнаго, но разъ дѣло идетъ о политическомъ дѣятелѣ, они отодвигаются на задній планъ, многострадальная Россія на одну секунду не должна выходить изъ головы, и вы не должны сдерживать огонь негодованія, словъ проклинающихъ.

Обозрѣвая поразительно гнусную, длящуюся чуть не тридцать лѣтъ полицейско-литературную дѣятельность Каткова, безпристрастные люди не разъ указывали, что при царѣ Горохѣ онъ былъ знакомъ, чуть не близокъ съ Герценымъ, Огаревымъ, Станкевичемъ, Грановскимъ, что онъ защищалъ англійскую конституцію; его газету разъ или два, даже запретили на нѣсколько дней. Тѣмъ хуже для него: родись онъ съ мѣдною, нелуженою кастрюлею, вмѣсто головы, à la Мещерскій, онъ заслуживалъ бы болѣе снисхожденья. (Какъ должна была страдать бѣдная княгиня Мещерс-

кая при родахъ „Гражданина“.) Одно изъ двухъ: или Катковъ продажная, тряпичная душенка, переметная сума, или, въ самую лучшую пору своей дѣятельности, онъ, вдругъ, остановился въ развитіи, сталъ быстро дичать, тупѣть, перешелъ въ состояніе невмѣняемости.

Обскурантъ, обращающійся въ либерала, затѣмъ— радикала и, наконецъ, крайняго соціалиста — явленіе вполнѣ нормальное: это путь прогресса; обратный ходъ — нравственное вырожденіе, оподлѣніе, умственное паденіе. Бѣлинскій началъ „ Бородинскою годовщиною,“ кончилъ „письмомъ къ Гоголю,“ и, исключая шефа жандармовъ Дуббельта, всѣ оцѣнили его мощный, духовный ростъ. „Письмо къ Гоголю“ заставило всѣхъ искренно забыть „Бородинскую годовщину“. Достоевскій началъ участіемъ въ тайномъ обществѣ Петрашевскаго, восторженнымъ чтеніемъ запрещеннаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, кончилъ „Бѣсами“, „Братьями Карамазовыми“, „Дневникомъ писателя“, и онъ возбуждаетъ брезгливое чувство, смѣшанное съ жалостью. На вѣсахъ исторіи гаденькое, но очень характеризирующее Пушкина, стихотвореньице: „Клеветникамъ Россіи“ потянетъ чашу внизъ, во мракъ, не смотря на то, что на другой сторонѣ вѣсовъ будутъ лежать всѣ его геніальныя, вольныя стихи юности, могучія созданья: „Вольность“, „Кинжалъ“.

Катковъ боролся съ честною прессою, не словомъ. Онъ сознавалъ что его статьи не слово, но завываніе кликушъ, холопское гоготанье, безобразничанье надъ забитымъ, не смѣющимъ пискнуть обществомъ. Онъ убивалъ честную мысль старческими трясущимися руками дѣтоубійцы Толстого, холодными, вошючими лапами онанпка Побѣдоносцева. Онъ орудовалъ не однимъ перомъ, онъ былъ сыщикъ, шефъ тайной литературной полиціи по преимуществу; онъ лучше всѣхъ цензоровъ слѣдилъ за литературой, зная духъ, направленіе каждаго выдающагося писателя, онъ угадывалъ всѣ его тайныя мысли, онъ доносилъ. Рабски, пошло, гнусно льстивый, когда касалось царя, дающаго ему деньги, чины, ордена, онъ становился необузданно грубъ, наглъ, когда обращался къ платящимъ ему подписчикамъ; его идіотскія

статьи дышали издёвкою, въ нихъ ясно слышалось: „Мнѣ наплевать на васъ, вы всему повѣрите, все снесете, переварите; съ вами, жалкими политическими недоумками, церемониться нечего“.

Послѣднія пять лѣтъ, онъ, буквально, управлялъ нашимъ фантастическимъ, государственнымъ кораблемъ; онъ смѣнялъ и назначалъ министровъ. Не защищай онъ Толстого, Побѣдоносцева, первый сидѣлъ бы давно въ сумасшедшемъ домѣ, а второй, вмѣсто святѣйшаго сѵнода, засѣдалъ бы у себя на квартирѣ, днемъ читая акафисты Богородицѣ, ночью наигривая на флейтѣ. Благодаря ему, недавно выползли: удавитель гласныхъ судовъ темненькій, гаденькій, не по разуму усердненькій Манасѣинъ и чудесный поправитель высочайше турецкихъ финансовъ Вышнеградскій. Самодержца всея Гатчины онъ мялъ въ своихъ рукахъ, какъ кусокъ булки, каталъ изъ него шарики, обучалъ его дипломатіи, углублялъ его въ остолопію. Великое знаменіе времени! Монстръ Ш преслѣдуя съ иступленіемъ печатное слово, самъ вполнѣ подчинился писателю, искалъ у него защиты, дорожилъ имъ болѣе, чѣмъ всѣми министрами взятыми вмѣстѣ. Онъ инстинктивно сознавалъ, что пресса — сила силъ, но жалкій простофиля не понималъ, что мощью безграничною одухотворено только правдивое, свободное слово.

Катковъ широко пользовался царскими прерогативами; изгоняя порядочныхъ людей отовсюду, онъ быстро замѣнялъ ихъ своими холуями. Смѣло шли къ нему: заштатный шпіонъ; проворовавшійся въ пухъ высшій чинъ; уличенный на судѣ доносчикъ; вышвырнутый товарищами, заплеванный профессоръ, жаждущій покарать революціонеровъ церковными проповѣдями попъ; выгнанный изъ службы истязатель; желающіе присосаться къ государственному пирогу всевозможные мракобѣсцы. Давъ имъ полизать державную десницу, проморивъ хорошенько въ лакейской, съ цѣлью испытать, искренепъ ли консерватизмъ, онъ тотчасъ же ихъ пристраивалъ. Такіе люди гатчинцу были очень нужны: алтарь, тронъ безъ подобныхъ людей немыслимы. Отворять двери порядочнымъ, умнымъ людямъ — другими словами отворять двери революціи.

Послѣ ирокезскихъ воплей на могилахъ польскихъ мучениковъ, оргій монгольскаго патріотизма, послѣ серебрянаго пера и чернилицы, онъ началъ падать съ удивительною быстротою, шкурные, желудочные инстинкты начали брать верхъ надъ духовными. Кровь польскихъ мучениковъ не пошла ему въ прокъ; съ этимъ напиткомъ нужно быть очень осторожнымъ: тѣлу онъ приноситъ пользу, въ душу вноситъ смерть. Совсѣмъ обратное происходитъ съ тѣми, кто прольетъ царскую кровь: тѣло — на растерзаніе пьяному палачу, но духъ, духъ туда — гдѣ сверкаютъ „семь полярныхъ звѣздъ въ ярко освѣщенной залѣ безконечной“... Серебряное перо стало невыносимо подло писать, чернило въ серебряной чернилицѣ — плѣснѣть, подлость, глупость— расти, принимать все болѣе, болѣе сумбурныя, призрачныя очертанія... Какъ всегда бываетъ при защитѣ неправаго дѣла, пошли въ ходъ доносы, передержки, вывиливанья, схоластическая болтовня, дикое заморачиваніе. Незадолго до смерти онъ договорился до двухъ статей невѣроятныхъ, ихъ нужно вырѣзать на его могильномъ мраморѣ. Въ одной онъ доказывалъ, что Россія самая свободная страна въ мірѣ, что всѣ передовые умы Европы разочаровавшись вполнѣ въ пресловутомъ парламентаризмѣ, бросивъ шаблонныя, пустозвонныя фразишки, начинаютъ съ завистью поглядывать на самодержавную Россію, и въ глубинѣ души мечтаютъ о великихъ, русскихъ правахъ и гражданскихъ обязанностяхъ. Въ другой—онъ немилосердно длинно, доказывалъ, что у насъ самая свободная пресса на всемъ земномъ шарѣ, что вездѣ она зависитъ отъ кружковъ, партій, у насъ же только отъ царя, жандармеріи и полиціи. Возлюби ихъ, и ты свободенъ, какъ вѣтеръ въ безпредѣльной пустынѣ.

Катковъ слишкомъ сжато выразился. Пресса у насъ зависитъ отъ царя, придворныхъ, дворцовой прислуги, министровъ, лакеевъ министровъ, отъ правительствующаго синода, сената, государственнаго совѣта, всѣхъ комитетовъ; отъ духовныхъ и свѣтскихъ цензоровъ, родныхъ, друзей, знакомыхъ цензоровъ; шефа жандармовъ, жандармовъ, помощниковъ жандармовъ, явныхъ и тайныхъ шпіоновъ; отъ митрополитовъ, архіереевъ, іереевъ; діаконовъ, дьячковъ, монастырскихъ служекъ;

отъ губернаторовъ, ихъ женъ, любовницъ, канцелярій губернаторскихъ, полицмейстеровъ, исправниковъ, приставовъ, околодочныхъ, ночныхъ сторожей, дворниковъ, урядниковъ, пожарной команды; отъ смотрителей сумасшедшихъ домовъ, содержателей публичныхъ домовъ, начальниковъ арестантскихъ ротъ, директоровъ учебныхъ заведеній, учителей, классной прислуги; отъ кабатчиковъ, деревенскихъ старостъ, писарей и проч. и проч. Всѣ сіи силы могутъ положить печать на уста писателя или прямымъ путемъ, или доносомъ. Нечего прибавлять, что партіи, кружки у насъ существуютъ, какъ и вездѣ въ Европѣ. Что же касается до зависти къ нашему строю, то передовымъ людямъ Европы не мѣшало бы еще позавидовать Турціи, Персіи. Султанъ и шахъ окажутся почище нашего гатчинца. Во время открытія памятника Пушкину, Катковъ, повидимому, на минуту заглянулъ въ себя и ужаснулся; овація, прекрасныя рѣчи подѣйствовали; поворотъ къ либерализму показался прочнымъ.Волнуемый разнообразными чувствами, онъ протянулъ черную руку честнымъ людямъ, но уже было поздно: протянутая въ воздухѣ рука, тщетно ищущая пожатія, оставила нехорошее впечатлѣніе; въ искреннее покаяніе стараго закоснѣлаго литературнаго доносчика, сыщика, никто не повѣрилъ. По мнѣнію всѣхъ, протянутая рука искала не примиренія, она протягивалась вновь возникающей силѣ, замышлялось новое предательство. Старая полицейская крыса хотѣла покинуть идущій ко дну корабль.

Пріемы его борьбы всѣмъ извѣстны. Нужно уничтожить гласный судъ, капельку стѣсняющій высокопоставленныхъ самоуправцевъ и грабителей, онъ вопитъ о государствахъ въ государствѣ, внутреннихъ республикахъ, крамолѣ, польскомъ ржондѣ, роковой рукѣ. Если не помогаетъ,— начинаетъ выдвигаться съ разными заклинаньями, пришептываньями, процессъ Вѣры Засуличъ.

Нужно уничтожить земство—снова кровавыя длани, роковыя руки, внутренняя измѣна, польская интрига, шатаніе богомъ установленной державной власти, подмигиванья подпольной прессѣ, улыбки динамитчикамъ.

Нужно убить, ограбить честный журналъ — снова шуллерскія передержки, откапыванія земныхъ и воздушныхъ корней, отыскиваніе нитей и сходствъ съ крамольною прессою; въ каждой невинной, либеральной строчкѣ ясно усматриваются: потоки петролеума, мины, взрывчатые снаряды, яды, призыванья къ возстанью.

Либеральный писатель, съ философскимъ безпристрастіемъ, тихо шелестя страницами исторіи, доказываетъ, что религіозная терпимость составляетъ украшеніе нашего вѣка, что безъ нея мудрено обойтись государству, претендующему на цивилизацію. Находитъ, что обращеніе сектантовъ на путь православія острогами, плетьми, розгами не совсѣмъ гармонируетъ съ концомъ XIX вѣка, вѣкомъ альтрюизма по преимуществу. Катковъ вопитъ: „Заигрываніе съ Кропоткинымъ!!... взрываніе церквей! интернаціоналка!... Динамитные патроны на рельсахъ!... требованіе говориленъ!“

Либеральный писатель, съ длинными оговорками, всеможными реверансами, спокойнымъ, но гордымъ тономъ заявляетъ, что сѣчь безпредѣльно обожающаго, добраго поселянина, безъ суда и малѣйшихъ поводовъ не слѣдуетъ, что такіе пріемы врядъ ли развиваютъ умственно, нравственно народъ, и въ интересахъ самой высшей власти врядъ ли могутъ быть допущены. Катковъ рокочетъ: „Маски долой!... За одно съ Гартманомъ. Гриневицкимъ!... Апплодированіе Желябову!... Поддакиванья женевскимъ листкамъ!“

Либеральный писатель, вооружившись сотнями страницъ цифръ, цѣлыми томами тщательно подобранныхъ фактовъ, не забывъ ссылки, на древнюю, среднюю и новую исторіи, ровнымъ топомъ доказываетъ, что женскіе медицинскіе курсы не только очень пріятны, но и полезны и что Побѣдоносцевскія духовныя семинаріи, школы, отъ сосѣдства съ ними пострадать не могутъ. Снова — гоготанья, змѣиное шипѣніе, свистъ, раскатистые вопли: „Маски долой!... За одно съ Перовской!.. Апологія цареубійства! Пополненіе рядовъ динамитчиковъ.“ Дворцовые мерзавцы подсовывали эти жупелы, кликушническій бредъ, державному идіоту, и онъ сот-

рясался, а затѣмъ все шло, какъ хотѣли мерзавцы, по одеждамъ Россіи метавшіе жребій.

Мы, революціонные писатели помимо желанья, не разъ вредили нашимъ либераламъ. Разъ только мы выскажемъ здравую мысль, она становится преступной, правительство кладетъ на нее свое табу. Критическое наше положеніе! Не можемъ же мы, изъ за желанья спасти гонимую либеральную прессу, превратиться въ Катковыхъ, безъ этой же плачевной метаморфозы, наши мысли не разъ будутъ сходиться.

Во время либеральныхъ вѣяній, диктатуры сердца, Катковъ каждый революціонный фактъ раздувалъ въ цѣлые Гималайскіе хребты; онъ ежедневно увѣрялъ, что мы танцуемъ не на одномъ, но на цѣлой цѣпи дѣйствующихъ вулкановъ. Когда онъ самъ съ своею разбойничье воровскою бандою, захватилъ власть, Россія, въ одинъ часъ, превратилась въ небесные чертоги, непокорные подданные подѣлались тихими праведниками, созерцающими съ трепетомъ подножье престола Іеговы; крамольная рѣчь замолкла, и вмѣсто нея стала возноситься, подобно ладану, пѣснь „о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ“ о богѣ русскомъ всѣ пѣли и хвала не притворна была, въ участкахъ впервые она расцвѣла. Тайныя общества продолжали расти въ ширь и глубь; революціонная пропаганда стала охватывать армію; среди неслыханной безгласности молодежь замучивали, убивали въ запертыхъ со всѣхъ сторонъ вертепахъ, и по настоянію Каткова, газетамъ было запрещено, подъ страхомъ пріостановки, пискнуть одинъ звукъ по поводу этихъ событій. Страшно преступнымъ молчаніемъ думали надуть себя и Россію. Они не догадывались, что слухи, одинъ зловѣщѣе другого, рождались каждую минуту и облетали Россію съ быстротою неслыханною. 1-го Марта 87 пришлось нарушить краснорѣчивое молчаніе: на Невскомъ были остановлены трое молодыхъ людей съ снарядами, начиненными динамитомъ и отравленными пулями. Не краснѣя, Катковъ сталъ увѣрять, что это послѣдняя вспышка революціоннаго пламени и что оно вполнѣ и навсегда потушено имъ, Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ, въ компаніи съ Толстымъ

и Побѣдоносцевымъ, однѣми молитвами и лампаднымъ масломъ.

Прочитывая гомерическое, горячечное, холопское сквернословіе, наполняющее Московскія Вѣдомости, многіе спрашивали себя: „Неужели въ Россіи существуютъ такіе рахитическіе младенцы, которыхъ можно провести подобными статейками? Неужели этотъ вѣчный „жупелъ“ можетъ запугивать шутовъ, божьей милостью царящихъ надъ злополучной Россіей? Публику мало мальски грамотную врядъ ли удавалось проводить. Въ наше время на такого высушеннаго червяка трудно выудить дряхлаго жандарма. Что же касается до Гатчинскаго Левіаѳана, онъ, несомнѣнно ловился,— статьи исключительно писались для него, въ заговорѣ были всѣ на верхъ пролесшія банды, онъ сотрясался лысина потѣла отъ ужаса, растерянный, онъ продолжалъ уповать, что Катковъ съ компаніей спасутъ его отъ просыпающейся Россіи,успокоятъ ее неспокойную. О, царство глупыхъ, дѣтскихъ сновъ, безобразныхъ, кровавыхъ призраковъ!!

Нужно ли упоминать о попыткахъ Каткова двигать политическими событіями? По истинѣ онѣ чудно сплетаются, расплетаются, переливаются. Въ Кремзирѣ и Скерневицахъ деспотія цѣлуется въ засосъ съ Австріей и Пруссіей. На могилѣ Меттерниха кляется въ вѣчной любви и вѣрности! И не успѣли еще отлетѣть подошвы съ сапожищъ жандармскихъ, какъ та же лютая деспотія обнимается съ радикальной республикой, клянется эшафотомъ Людовика XVI, что о ней одной и думала, къ ней одной стремилась; несомнѣнно, она повѣнчана съ Германіей передъ святыми иконами, но это — бракъ съ цѣлью скрыть отъ злого свѣта связь съ любовникомъ—французомъ...

Но подожди, читатель! это главная картина, сбоку не могутъ не обратить на себя вниманія и другіе, веселенькіе пейзажики: ночное низверженіе, съ револьверами, Баттенберга, его бурные aller et retour... Каульбарсъ въ Болгаріи... Регенты... Заплеваніе Гатчинца, оплеухи безъ конца... Но довольно! Довольно!

Нужно ли говорить о проклинаемомъ всѣми классицизмѣ, который Катковъ, съ политическою заднею мыслію, съ такимъ упорствомъ, черезъ Д. Толстаго,

проводилъ въ жизнь? Чтобы спасти пещерную деспотію, онъ стремился сгубить цѣлое поколѣніе, подѣлать изъ нашихъ молодыхъ людей идіотовъ, холоповъ, шпіоновъ. Жандармо поповскія народныя школы, распространяемыя Побѣдоносцевымъ — дальнѣйшее развитіе плановъ Каткова. Красносиній Сива, сидящій на тигрѣ, опоясанный змѣями, съ черепами на шеѣ, требуетъ этаго: православіе, самодержавіе могутъ жить только падалью.... .

Алек. I кончилъ Аракчеевщиной, Алек. III ею началъ. Во всѣхъ нескончаемыхъ злодѣйствахъ, невообразимыхъ ужасахъ, нелѣпостяхъ его царствованія Катковъ принималъ огромное участіе; онъ былъ шефъ-провокаторъ. Тюрьмы, висѣлицы безъ суда, административныя ссылки безъ счету, ограбленіе, разореніе страны, уничтоженіе гласныхъ судовъ, земства, превращеніе университетовъ и всѣхъ учебныхъ заведеній въ сыскные притоны, лютыя гоненія на науку, удушеніе прессы и проч. все это плоды, взлелѣянные въ теплицахъ Страстнаго бульвара.

Когда мы выйдемъ изъ Александровскаго царствованья, изъ залитого блевотиной, зараженнаго люпанарія, тогда только мы вполнѣ оцѣнимъ его самаго и его святую тройцу: Каткова, Толстого, Побѣдоносцева. Не пройдетъ нѣсколько лѣтъ и фамилья Каткова, брошенная въ лицо врагу, непремѣнно вызоветъ пощечину.

Алек. III потерялъ въ Катковѣ не правую руку, но ноги, руки и голову. Съ настоящей минуты надъ нами будутъ самодержавствовать оставшіеся державный животъ и высочайшіе половые органы. О, возликуй! возгордись, Россія!! Но Алек. III не нужно забывать, что этимъ выдающимся въ нашемъ государственномъ управленіи частямъ, съ нѣкоторыхъ поръ не везетъ: 1-го Марта 81 года они первые взлетѣли на воздухъ...

Замѣнить Каткова некѣмъ. При первомъ слухѣ о его тяжкой болѣзни, претенденты уже начали подымать голоса. Изъ глубины выгребной ямы „Новаго Времени“ вырвалась, какъ раздирающій диссонансъ, безтыжая, напрашивающаяся на подачку хвала старому литературному сыщику, блудодѣю слова, пѣпившемуся

въ пустотѣ: „Если намъ удастся хоть на время—думаетъ газетишка — взмылить эту черпую личность, то легко, можетъ быть, и нашему брату повезетъ послѣ, смерти, хваля его, мы хвалимъ и себя.“ Пишущіе въ Новомъ Времени и другихъ полицейскихъ журналахъ должны всегда помнить слова Гейне: „Есть людишки, которыхъ надо бить палками при жизни, потому что послѣ смерти ихъ уже нельзя наказывать, нельзя срамить, позорить, клеймить ихъ имя, по той простой причинѣ, что они не оставляютъ послѣ себя никакого имени!“

Опроставшееся, очень выгодное мѣстечко сбоку государственнаго пирога, съ перспективою субсидій, чиновъ, цацокъ, манитъ, разжигаетъ бестіальскіе инстинкты. Но, увы, мы знаемъ всю эту чающую движенья воды сволочь; она безъ прошлаго, имени, безъ тѣни вліянія на общество и власть. Пока она сумѣетъ прославиться на всю Россію Ноздревскою наглостью, баши-бузукскою свирѣпостью, Расплюевскимъ пыломъ, Держимордскою готовностью, Молчалинской низостью, отъ настоящаго вполнѣ русскаго Катково - Побѣдоносцаго строя не останется камня не камнѣ.

О, глубокая иронія! Каткова, ползущаго ракомъ, жизнь — наградила ракомъ!

Августъ 1887.

Цвѣты холуйскаго краснорѣчія

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ.

Мы слѣдимъ давно за нашею низкоподданническою прессою, и въ послѣднія десять лѣтъ видали виды: низость, пошлость, наглое мороченье, путанья иногда доходили до такихъ размѣровъ, что мы, невольно, произносили: нѣтъ, нѣтъ, далѣе этого мерзость идти не можетъ, мы коснулись дна! Но, увы, черезъ нѣсколько дней новый сюрпризъ, еще почище, а за нимъ еще и еще. Мы помнимъ раздиранье одеждъ на могилахъ Мезенцева, Алек. II-го, чудовищно-напыщенныя хвалы, расточаемыя Достоевскому, Скобелеву, Аксакову, но, положа руку на сердце, все, написанное и продѣланное послѣ смерти Каткова, превосходитъ все предъидущее. И на этотъ разъ, не смотря на прошлые промахи, утверждаемъ, что это—вѣнецъ, послѣднее слово.

Какимъ образомъ редакторы „Москов. Вѣдом.“ и „Рус. Вѣстн.“ если у нихъ уцѣлѣлъ хотя одинъ атомъ здраваго смысла и нравственнаго чутья, рѣшились напечатать всю эту жандармо-поповскую ерунду? Они, какъ баба въ Ревизорѣ, сами себя высѣкли; съ непостижимымъ тупоуміемъ отдали себя на посмѣшище своимъ безчисленнымъ врагамъ.

Неужели они не сознавали, что всѣ эти ходульныя, фантастически карикатурныя, трескучія, риторическія выкрикиванья, кликушническія подвыванья, безобразно смѣшны, жалки, что хвалы, образчики которыхъ мы представимъ ниже, неизмѣримо хуже самой отчаянной, площадной брани. Мы, питающіе ненависть и презрѣніе къ Каткову, какъ предатели страны родной, никогда не въ состояніи были бы такъ глубоко унизить, втоптать его въ грязь, какъ сдѣлали они, его восторженные послѣдователи, поклонники, ученики. Чисто дѣло идетъ о китайскомъ публицистѣ, о которомъ что ни ври, все сойдетъ. Каткова мы хорошо знаемъ, статьи его цѣлы, его служеніе деспотіи у всѣхъ на виду. Мнѣ порой сдается, что много телеграммъ было прислано неумолимыми врагами Каткова, съ цѣлью вышутить его и умныхъ редакторовъ.

И удивительнѣе всего, что они не постарались даже припрятать заросшее волосами свиное ухо. Телеграммы, посланія обнаруживаютъ ясно, что Толстой, Деляновъ, Побѣдоносцевъ не дремали, и пока Каткова мариновали въ Знаменскомъ, обдѣлывали свои темненькія, пакостныя дѣлишки; щедрою рукою разсыпали полицейскія повѣстки, приказы, кроткія увѣщанія, приглашенія, воззванія къ истиннымъ, вполнѣ русскимъ чувствамъ.

Побѣдоносцевская, Деляновская, Толстовская арміи спасенія прошли передъ нами парадным маршемъ, и мы полюбовались... Всѣ одного роста, всѣ головы „рѣдьки хвостомъ вверхъ," тыквы для соленыхъ огурцовъ.

Революціонныя сочиненія ретрограды называютъ „подпольными." Ихъ посланія мы назовемъ подземными, это своего рода окаменѣлости юрской формаціи.

Наборъ не удался: Европейская и Азіатская Россія насилу поставили нѣсколько сотъ рекрутовъ „печальнаго образа," они напомнили мнѣ грозное воинство Фальстафа, состоящее изъ Тѣни, Плѣсени, Слабости, Заплѣснѣвѣлаго. Пылкихъ обскурантовъ, готовыхъ бросить полтинникъ на телеграмму, во всей Россіи оказалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Помните, что умеръ шефъ мракобѣсія; желаніе не ударить лицомъ въ грязь должно было одушевлять всѣ ретроградныя сердца. Швырнуть пятьдесятъ копѣекъ разъ въ пятьдесятъ лѣтъ было не трудно, не тяжело для кармана.

Адресы и телеграммы посланы желающими блеснуть низкоподданническою готовностью и желающими прямо заполучить. Почти всѣ телеграммы, посланія скрѣплены печатью околодочнаго или урядника, ихъ подписали губернаторы, жандармскіе полковники, полицмейстеры, пристава, директора, инспектора училищъ, іереи, крѣпостники-помѣщики, кабатчики, кулаки, купеческіе прикащики. Что же касается до газетъ, пускавшихъ мыльные пузыри, то не трудно догадаться, къ какой категоріи онѣ принадлежатъ; хвала ихъ своего рода — смертный приговоръ писателю и общественному дѣятелю; хваля, они клеймятъ; всѣ они на

практикѣ показали, что „услужливый дуракъ опаснѣе врага.“

Клише, разосланное губернаторамъ, жандармскимъ начальникамъ, архіереямъ каждый вѣрноподданный сдобрилъ своими нѣсколькими словцами, чтобы придать букетъ мѣстнаго чернозема.

Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Казань, Курскъ, Воронежъ и проч. большіе города, повидимому, очень не богаты смѣлыми ретроградами: каждый изъ этихъ городовъ доставилъ по три, по четыре телеграммы и по одному, по два посланія, остальныя — изъ глухихъ, полуазіатскихъ городишекъ и захирѣлыхъ деревушекъ — по просту медвѣжьихъ угловъ отъ какихъ то, якобы обожающихъ помѣщиковъ, вполнѣ русскихъ. Интересно было бы узнать, сколько подписчиковъ у „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“, даже считая, обязательныя, казенныя подписки.

Чтобы читатели могли правильно судить о цвѣтистости слога, жаркомъ полетѣ лакейскихъ чувствъ и умственномъ развитіи пославшихъ хвалы, я сдѣлаю выдержки изъ телеграммъ и посланій, конечно, самыя пахучія, заклейменныя истиннымъ питритизмомъ, несомнѣннымъ идіотизмомъ.

Нелѣпая телеграмма Александра Гатчинкаго была трубнымъ звукомъ, военною командою, начальническимъ рявканьемъ, въ ней ясно слышалось: „Истинные холуи земли русской, собирайтесь, стройтесь, откликайтесь, идемъ спасать луну!“

Въ будущемъ телеграммами и посланіями воспользуются „Весельчаки“, „Стрекозы“, „Пчелы“. Наша пресмыкающаяся партія заготовила для нихъ каламбуровъ лѣтъ на сто, и съ этой точки изліянія, безпредѣльныхъ чувствъ заслуживаютъ полнаго одобренія.

Когда съ русскаго слова спадутъ каторжныя кандалы, Каткова и комп. притянутъ къ суду праведному; горе его обожателямъ, въ порывѣ лакейскаго усердія подписавшимъ свои фамиліи: они подѣлаются мучениками, ихъ и Каткова разнимутъ на кусочки и каждый кусочекъ за тѣмъ будетъ облюбованъ отдѣльно. Rira bien qui rira le dernier. Армія мракобѣсцевъ, армія

спасенія показала себя во всей ослѣпительной красѣ, она насъ поразила „широко мѣдными лбами“; какъ ни скверно мы о ней думали, на дѣлѣ она оказалась неизмѣримо жальче, смѣшнѣе. Мы сдѣлали смотръ мрачному сонмищу, живодерамъ, палачамъ Россіи и узнали ихъ настоящую силу. Спасибо вамъ, милые мракобѣсцы!

Чтобы не сразу оглушить читателей, я начну съ телеграммъ внушительныхъ и закончу монументальными; начну писаньями пылкими, закончу истерическими, припадочными. Нечего и говорить, что пальма, вѣрнѣе березовый банный вѣникъ первенства, принадлежитъ нашимъ попикамъ, руководимымъ Побѣдоносцевымъ, впрочемъ, они насъ подготовили; прочитывая ихъ „вполнѣ прочувствованное“ прохладное слово, я вспомнилъ одного изъ нихъ—отца Дмитрія, настоятеля церкви матроской богодѣльни, произнесшаго, по приказанію Онана Петровича Побѣдоносцева, слѣдующую рѣчь надъ гробомъ казненнаго предателя, провокатора, жандармскаго полковника Судейкина:

„И такъ возлюбленный о Господѣ братъ, ты совсѣмъ окончилъ свою доблестную службу. Подвигомъ добрымъ ты подвизался, вѣру христіанскую православную соблюлъ и потому не обинуясь можешь сказать вмѣстѣ съ апостоломъ: соблюдается мнѣ теперь вѣнецъ правды, которымъ меня наградитъ судья праведный, да, ты получишь вѣнецъ мученическій, ты вѣдь воистину сталъ мученикомъ за царя, вѣру и отечество! Ты своею жизнію училъ насъ, (такихъ какъ ты учить, только портить) какъ нужно исполнять свои обязанности, какъ и съ какимъ самоотверженіемъ долженъ служить отечеству всякій вѣрноподданный! Что же мы можемъ воздать тебѣ, какой можемъ поставить тебѣ, за твою самоотверженную любовь памятникъ? (церковь выстройте на томъ мѣстѣ, гдѣ ему голову проломили). Больше и выше той любви нѣтъ, кто душу свою положитъ за друзи своя. Братья христіане, языкъ человѣческій при подобныхъ случаяхъ черезвычайно безцвѣтенъ, бѣденъ, Да успокоитъ Богъ душу раба, мученически за царя, вѣру и отечество животъ свой положившаго.“

Эта рѣчь — этапъ къ поповскимъ посланіямъ. Переходъ отъ жандармскаго полковника Судейкина къ тайному совѣтнику Каткову не рѣзокъ: одинъ защищалъ азіатскую деспотію естествомъ своимъ, другой языкомъ, перомъ; одинъ служеніемъ священному долгу раздобывалъ тысяченки, другой свою питритическую аферу довелъ до двухъ милліоновъ. Одинъ пріялъ мученическій вѣнецъ въ нужникѣ, въ видѣ желѣзнаго лома по головѣ, другой, въ тысячу разъ болѣе вредный и преступный, умеръ въ собственной, пышной постели, естественною смертью.

Телеграммы.

Петербургъ. Словъ нѣтъ выразить горе. Истоминъ. (Не томился, — кратко хватилъ.)

Петербургъ. Умеръ борецъ за русскую, настоящую правду. Самъ горѣлъ и зажигалъ огни въ сердцахъ. Онанъ Доносцевъ.

Вильна. Плачетъ съ вами вся русская земля. Алексѣй Архіепископъ. (Развѣ и тебя дьяволъ взводилъ на гору и показывалъ всю землю?).

Дерптъ. Умеръ тотъ, которому внимали обширная Русь и вся Европа. (Безъ имени. Видно домашней фабрикаціи).

Друзеники. Смолкли уста, вѣщавшія истину всему міру. (На какомъ же языкѣ онъ вѣщалъ? Видимо подразумѣвается міръ русскій полицейскій.)

Котеге. Всѣмъ сердцемъ сочувствую. (Чему? Смерти?) Кавалерственная дама ордера св. Екатерины.

Усть-Нарва. Страшно огорченъ, поражонъ. Врангель. (Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.)

Унгены. Смерть его положитъ къ ногамъ православнаго царя всѣхъ враговъ православія. Вогороди. (Нагородилъ. Въ такомъ случаѣ Алекс. Ш долженъ радоваться его смерти).

Рѣчи, посланія, газетныя статьи

Слово лицейскаго попа Соловьева. Отъ престола царскаго до ветхой хижины поселянина все было предметомъ его заботливой думы. Онъ былъ Архистратигъ

Руси православной. Вспомните его грозныя обличенія ложнаго либерализма, проповѣдывающаго новое язычество въ видѣ матеріализма и соціализма, съ его животными инстинктами... Мудрый, какъ змѣй (змѣя былъ) въ охраненіи народной жизни отъ недруговъ нашихъ, онъ въ кругу дѣтей былъ цѣлъ, какъ голубь. (Частенько кормилъ дѣтишекъ пощечинами, готовилъ царю истинныхъ подданныхъ.)

Слово Владыки Александра на 40 день. Да, вѣримъ, что вѣрный слуга царя земнаго сталъ теперь служителемъ царя небеснаго. (Изъ временнаго лакейства попалъ въ лакейство вѣчное.)

Отъ крестьянъ и лицъ разнаго званія. Потеряли строгаго обличителя и карателя опаснаго нигилизма, зловреднаго безвѣрія и предосудительнаго направленія образа мыслей вредныхъ для богомъутвержденнаго царскаго самодержавія. (Святѣйшій прокуроръ Оберъ Онанъ, эту пакость ты составлялъ.)

Отъ служащихъ Москов. товар. станціи Москов. Рязанской желѣз. дор. Таково значеніе имени Каткова, что и „каменіе возопіетъ“ видя стягъ всея самодержавныя Россіи какъ бы потрясающимся при роковой вѣсти, о смерти доблестнаго носителя этого стяга. Смерть его затмѣваетъ (солнце, луну и звѣзды) всѣ остальныя явленія Европейской жизни, выбылъ величайшій боецъ россійской рати, но надъ прахомъ его, (какъ опенки послѣ дождя,) возникаютъ необозримыя полчища всеславянскаго воинства... Добрыя сѣмена взойдутъ сторицею на вѣрноподданнической нивѣ. (При такомъ густомъ уповаваніи).

Петербургъ. Катковъ это Златоустъ, апостолъ величія и славы самодержавной Руси. Разумихинъ.

Венеція. Мнѣ довелось узнать о міровой потерѣ (скромно выразился) въ курортѣ во Франценсбаденѣ Ко мнѣ постучалъ французъ, монархистъ чистѣйшей крови и со слезами на глазахъ (что ему Гекуба?) дрожащимъ голосомъ прочелъ вѣсть о кончинѣ великаго публициста. Поповъ.

Ловцы. Въ Россіи и даже заграницей молятся объ упокоеніи поборника писателя. (На ловца и звѣрь бѣжитъ).

Лондонъ. Умеръ единственный публицистъ, передъ именемъ котораго дрожали Германія и Англія. Рада Бай или Елена Блаватская. (Ловко хватила! Ну и страшенъ же былъ покойникъ.)

Нижній-Новгородъ. Слезы каплятъ по великомъ патріотѣ. Морокинъ. (Не морочь ты намъ голову.)

Новочеркаскъ. Молю вседержителя упокоить душу Каткова въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, Исааковыхъ и Іаковыхъ, а на мѣсто его на свѣшницу московской публицистики да воздвигнетъ подобныхъ ему (типунъ тебѣ на языкъ). Инякинъ.

Одесса. Да! Мих. Никифоровичъ былъ нашимъ Палладіумомъ, нашими Ѳермопилами (нашимъ участкомъ). Онъ, подобно Леониду Спартанскому, боролся одинъ. (а тайную полицію съ жандармеріей забылъ!) Федоровъ.

Серпуховъ. Замолкли тѣ золотыя уста, изъ которыхъ лились чудныя, удивительныя и дорогія для истинно русскихъ передовыя статьи „Моск. Вѣдом.“, которыхъ такъ сильно трепетали враги Россіи. Весь міръ прислушивался къ голосу московскаго мудреца. Томашевскій. (Видно, очень хорошо знакомъ съ міромъ, но только полицейскимъ.)

Харьковъ Когда рѣчь покойнаго лилась бурно, и враги, и друзья соединялись вмѣстѣ въ одну семью у его трибуны слышать его направляющее, помогающее и одобряющее слово. Южанинъ. (Южная, можно сказать, экваторіальная фантазія!)

Нижегородскій полицейскій листокъ... Приближаться къ царю своему русскіе люди могутъ несомнѣнно, какъ приближаются дѣти къ любящему родителю. (Сунься-ка къ нему, какъ къ любящему родителю въ моментъ, когда онъ изъ Петербурга продираетъ въ Гатчину.)

Кіевское слово. Подобно тому, какъ англійскій парламентъ—Палладіумъ ея гражданской свободы, царская власть въ Россіи — Палладіумъ единенія русской земли и равноправія русскаго народа. (Передъ произволомъ, насиліемъ всѣ равны.) Языкъ Каткова не былъ языкъ В. Гюго, Гейне; языкъ Каткова былъ вродѣ новенькаго червонца, звонкій, блестящій, ловко закругленный и до нельзя для всякаго убѣдительный. (Что

же можетъ быть убѣдительнѣе закругленнаго червонца, не то что наши бумажки. Навѣрное авторъ статьи держитъ мѣняльную лавку.)

Минута... Болѣзненнымъ стономъ отзовется смерть Каткова въ русскомъ обществѣ... Съ какою жадностью всѣ бросались на органъ великаго патріота (не кавалерственныя ли дамочки?)... Въ каждой его фразѣ лежитъ безпредѣльное чувство преданности, (но безпредѣльность сія вознаграждалась.) Къ голосу Каткова прислушивались даже иностранцы, которымъ еще такъ недавно довелось очень жутко считаться съ мнѣніемъ нашего *царелюбца*... Ни къ какой партіи онъ не принадлежалъ. (Къ дворцовой охранѣ.)

О значеніи Каткова Аверкіева... Былъ истинно вѣрующимъ сыномъ православной церкви („церквинъ сынъ")... Это былъ своего рода Вольтеръ (полиціи)... Вѣра Каткова, что русскій Государь есть охранитель всякой свободы, оправдалась на немъ самомъ... Катковъ былъ вѣрноподданнымъ въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, онъ прямилъ своему Государю, имъ двигало высокое чувство вѣрноподданническаго долга, ничѣмъ не стѣсненнаго, не затемненное, вполнѣ свободное (свободный хамъ!)... Подъ вліяніемъ Каткова (и жандармеріи) русское общество отрезвѣло, успокоилось, власть вступила въ свои права. Заслуги Каткова были оцѣнены, удостоились высочайшей награды. (Можетъ быть и ты, любезный, что нибудъ за эту мерзостную ерунду получишь!)... Онъ умеръ, по выраженію чешскаго писателя, „на рубежѣ земли обѣтованной". (Если все, что мы видимъ въ Россіи — рубежъ, то какова же должна быть земля обѣтованная!?).

Православное обозрѣніе... Да даруетъ Мздовоздаятель вѣрному рабу, воину, страстотерпцу русской земли вѣчное упокоеніе. (Если онъ вамъ, хамы, дѣйствитель но дорогъ, пожелайте ему забвенья.)

Московскія церковныя вѣдомости... Въ послѣдніе годы количество печатныхъ убѣжищъ не русскаго (читай не жандармско-поповскаго) направленія уменьшились, они частью закрылись (врешь, попъ, ихъ закрыли)... Удивленіе передъ Катковымъ иностранной прессы дошло до того, что начала, (скорѣе хвосты) защищаемыя имъ, становятся ей понятны, мало того, свя-

щенными и высокими, это какъ бы признаніе превосходства Россіи... Эти республиканцы съ благоговѣніемъ говорятъ о царѣ (хороши республиканцы!). Одна французская газета говоритъ, что русскій народъ видитъ огражденіе своей свободы въ неограниченной власти царя и не нуждается въ жалкихъ, бумажныхъ клочкахъ конституціи... (Да, народъ огражденъ неограниченнымъ царемъ; стѣны каторжнаго острога высоки, но на наше счастье, среди насъ стали часто появляться Минины-Сухоруковы, вооруженные динамитомъ, и клянусь солнцемъ и вѣчными звѣздами, подземная работа идетъ, и острожныя стѣны рухнутъ!... Не знаю, чѣмъ окажется наша конституція, но что настоящіе наши кредитные рубли — бумажные клочья, это несомнѣнно. И эти клочья рано или поздно не только ограничатъ, но и провалятъ неограниченную деспотію; ихъ разрушительная сила поспоритъ съ силою динамита.)

...Погасъ свѣтильникъ, поставленный на высокомъ свѣчникѣ... Рушился градъ, стоящій на верху горы... Умолкъ могучій голосъ высшаго разума, святой правды и чистѣйшей чести... Погрузилась въ море вѣчности гранитная скала, (передъ тѣмъ, какъ писать, нагрузился) о которую разбивались тлетворныя волны легкомысленнаго космополитизма, узкаго эгоизма, низкой продажности и презрѣнія къ высшимъ идеаламъ человѣка, христіанина и честнаго гражданина... Кто во дни ложнаго либерализма возвысилъ могучій голосъ противъ разрушенія священныхъ узъ семьи, противъ безначалія, противъ грубѣйшаго произвола въ нашемъ самоуправленіи?? Кто громилъ затѣмъ правовой порядокъ и какъ бы грудью цѣлаго русскаго народа отстаивалъ драгоцѣнное наслѣдіе его исторіи: православную вѣру и самодержавную власть?... Не этотъ ли голосъ раскрылъ всю глубину обуявшаго насъ зла и заглушилъ собою безстыдное рукоплесканіе убійцамъ? (Намъ казалось, что у насъ можно рукоплескать не тѣмъ, которыхъ вѣшаютъ, а только тѣмъ, кто вѣшаетъ.) Кто больше, Гамбетта или Катковъ бросили въ землю сѣмянъ, которыя будутъ прорастать въ самой вѣчности?.. Высшіе идеалы Каткова были: Богъ и вѣчность! (и соленые въ тыквахъ огурцы.)

Вранкъ, газета издающ. въ новомъ Садѣ (не въ зоологическомъ ли саду?...) Катковъ преклонилъ ухо къ народной груди, онъ первый услышалъ біеніе сердца русскаго народа (да, онъ былъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ проповѣдниковъ біенія)... Западный парламентаризмъ былъ мерзокъ ему, (за то восточный деспотизмъ былъ любъ ему) но онъ видѣлъ, что на западѣ свобода ложная (у насъ самая настоящая).. Катковъ былъ, противъ ввоза политическихъ доктринъ. Зачѣмъ Россіи ложный парламентаризмъ? Россія имѣетъ свободу и безъ ложнаго парламентаризма (ай люли, ай люли!) Онъ былъ истолкователь чувствъ и мыслей девяноста милліоновъ славянъ...

Сербобранъ издающ. въ Загребѣ. Весь славянскій горизонтъ повитъ трауромъ, (что за перо!) Аксаковъ, Скобелевъ, Катковъ, эта тройца лежитъ подъ чорною, землею а надъ ними вампиры и волкодлаки душатъ славянское дитя, чтобы грызть его сердце и пить драгоцѣнную славянскую кровь... Выгрызайте наши мускулистыя сердца и пейте нашу сладкую кровь вы, вампиры и волкодлаки! (Ахъ, матушки ужасти какія!) Но вы сломаете ваши острые зубы и захлебнетесь славянскою кровью, ибо мать Славія имѣетъ еще болѣе ста милліоновъ сердецъ, которыя прольютъ рѣки крови, чтобы отомстить за сердца Скобелева, Аксакова, Каткова. (Сто милліоновъ сердецъ, очень мускулистыхъ, изливающихъ рѣки крови изъ за трехъ сердецъ, картина поразительно восхитительная!)

Взоры Каткова, Скобелева, Аксакова устремлялись на всѣ дворцы и хижины, дышавшіе славянскою душою (какая образность!). Отъ одного ихъ взгляда трепетали славянскіе враги и падали ницъ отъ одной ихъ рѣчи. (Наконецъ-то объяснилась настоящая причина всѣхъ землетрясеній на югѣ Европы)... Когда Аксаковъ или Катковъ въ своихъ статьяхъ врагамъ славянскимъ говорили: „тс“ тогда душманы чувствовали, что у нихъ ребры чешутся сильнѣе чѣмъ отъ казацкаго кнута... Рѣчь Каткова электризировала не только сто милліоновъ русскихъ, но и весь міръ; (клянусь быкомъ Анисомъ, я не измѣнилъ ни одного слова). Тѣло Каткова мертво, но духъ его, на страхъ врагамъ, живетъ въ ста милліонахъ сердецъ, которыя теперь

плачутъ, къ этимъ слезамъ присоединимъ и мы нашу сербскую слезу „жалостницу“.

Моск. Церк. Вѣдомости и сербская „жалостница“ замыкаютъ собою выдержки; я нарочно ихъ оставилъ для дессерта. Газетчикъ сербъ обнялся и облобызался съ московскимъ газетчикомъ попомъ; объединеніе съ братьями славянами на почвѣ неизмѣримой глупости свершилось. Кто изъ нихъ умнѣе и краснорѣчивѣе, я, право, не знаю; оба вполнѣ заслужили и вѣнокъ изъ лопуховъ, и рюмку перцовки.

Не привожу нѣсколькихъ телеграммъ изъ Франціи отъ разныхъ глупцевъ, мечтающихъ о реваншѣ и нѣсколько выдержекъ изъ бонапартистскихъ газетишекъ; вся эта безсшабашная галиматья уже оцѣнена по достоинству; независимая, свободная пресса въ одинъ голосъ назвала этихъ, не въ мѣру расшалившихся и черезъ чуръ поторопившихся писакъ, шутами позорящими Францію. Гдѣ существуетъ свободная пресса, тамъ подобные кошемары длятся очень недолго. Не нужно забывать, что ни одинъ изъ писавшихъ хвалы не прочелъ ни одной Катковской строчки. О Катковѣ стали изрѣдка говорить во фран. газетахъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, по поводу нечистоплотнаго воображаемаго алліанса съ русской, медленно издыхающей деспотіей, и только благодаря ему, нѣкоторыя рѣшились написать панегирикъ Каткову, изъ за этого дикаго алліанса еще такъ недавно Мадамъ Адамъ расхвалила самаго экспшефа шпіоновъ, провокаторовъ— Оржевкаго и шефа дворцовыхъ шпіоновъ Черевина. „Times“ въ самомъ разгарѣ восхваленій заявилъ, что близкое къ банкротству, закрывающее народныя школы, учебныя заведенія, русское правительство тратитъ ежегодно пять милліоновъ франковъ на растлѣніе иностранной прессы, что за помѣщенье цѣликомъ статьи, составленной тайной полиціей, оно, охотно, уплачиваетъ по двадцати и болѣе тысячъ франковъ. Нечего и прибавлять, что первыя статейки о Катковѣ въ иностранныхъ газетахъ были написаны, находящейся при нашемъ посольствѣ тайной полиціей, не подозрѣвая источника, нѣкоторые наивные газетчики повторили ихъ.

Нужно ли упоминать о стеченьи народа на похоронахъ Каткова, которымъ такъ восхищается извѣстный проходимецъ „Русскій странникъ“? Пышныя похороны съ шутовски разодѣтыми митрополитами, архіереями, протоіереями, іереями, архидіаконами, хорами пѣвчихъ и пр. декораціями для городской публики — просто зрѣлище, это тѣже человѣкъ-собака, сросшіеся задами близнецы... Въѣздъ царя, прослѣдованіе персидскаго шаха, маскарадныя похороны — по просту даровой спектакль. Придавать имъ значеніе, выѣзжать на нихъ могутъ только царскіе холопы и кликуши. Толпится народъ около гроба Аксакова, Каткова, наши низкоподдапные кричатъ: „Добрый, славный мужичекъ!“ „исполинское народное чувство, признательность, невольно, хлынувшіе изъ народной груди.“ Соберись завтра та же самая толпа около гроба Чернышевскаго, и она мгновенно, превратится, по увѣренію, наемныхъ писакъ въ кучу пьяныхъ мерзавцевъ, въ лженародъ, тронутый тлетворною пропагандою. За послѣднія десять лѣтъ похороны одного Тургенева въ Петербургѣ можно назвать значительными: тысячи людей, слѣдовавшіе за его прахомъ, знали, кто онъ. Похороны, имѣющія характеръ народной манифестаціи, въ родѣ похоронъ Бланки, Жюль Валеса, Виктора Гюго, въ Россіи пока не мыслимы. Наши истинные, народные герои, дивные праведники, великіе мученики умираютъ на эшафотѣ или на каторгѣ; ихъ хоронятъ по ночамъ жандармы съ заряженными револьверами и казаки, съ саблями на голо. Когда революціонный огонь схватитъ всю Россію, тогда только мы увидимъ настоящій почетъ мертвымъ и настоящія манифестаціи живымъ.

Когда я кончилъ читать толстый отдѣлъ въ „Русскомъ Вѣст.“ посвященный памяти Каткову, (придетъ часъ, когда вы, глотая горькую правду, будете желать всею душою, чтобы его какъ можно скорѣе и навсегда забыли) радостное чувство охватило меня: такіе враги своего рода находка для страны, Европейская демократія намъ можетъ позавидовать; наше персидское самодержавіе и идіотское, дремучее православіе до ужаса слабы. Навѣрное, обскуранты, печально озираясь вокругъ, думаютъ: „Разъ гуси могли спасти Капитолій,

то почему же и намъ не спасти самодержавіе и православіе, чѣмъ мы хуже гусаковъ?..“

Неужели старуха Каткова, редакторъ, сотрудники, печатая непозволительные отзывы, не сознавали свою непроходимую гомерическую глупость: неужели они думали взять одною безпардонною наглостью?

Въ дни революціи на такихъ взрослыхъ шалуповъ жалко будетъ тратить хорошія веревки, ихъ удавятъ бараньими кишками. Джонъ Стюартъ Милль назвалъ англійскихъ консерваторовъ дураками, какъ назвалъ бы онъ нашихъ бурбоновъ, охраняющихъ, восхваляющихъ лютую деспотію, позорное рабство, повальный грабежъ, всесословное предательство, полицейскій разбой, административныя ссылки, плети, висѣлицы?

Ни одна самая испорченная собака не станетъ лизать собственную цѣпь и плеть, которой ее бьютъ, истинный вполнѣ русскій низкоподданный перещеголялъ собаку...

Сентябръ 87

ВОЛЬНАЯ ПРЕССА

(Посвящается господину Van der Meij)

> Французскіе дворяне смѣялись надъ теоріями философовъ... Одинъ изъ нихъ написалъ брошюру „Теорію общественнаго договора“ и второе изданіе этой брошюры вышло въ переплетѣ изъ дворянской кожи...
>
> Карлейль.

Въ надпольной прессѣ часто ехидно проводился взглядъ, извѣстный еще со времени Герцена, что подпольная пресса страдаетъ отсутствіемъ сильныхъ дарованій. Соболѣзнованія, раздающіяся изъ кабачка „Кинь грусть“ „Новаго Времени“, изъ мелочной лавочки шипучаго „Курьера“, изъ вертепа, содержимаго Михаиломъ Катковымъ, могутъ только забавлять. Воображаю, какая невообразимая паника охватила бы подпольную прессу, если бы эти, вполнѣ безпристрастные, вполнѣ независимые отъ полиціи цѣнители, вздумали ее похвалить.

Въ Россіи о революціонныхъ писателяхъ, какъ объ самодержцахъ, можно говорить, съ грѣхомъ пополамъ, правду только черезъ сто лѣтъ, послѣ ихъ смерти, но на этомъ почетъ не останавливается: съ ними поступаютъ, какъ со святыми угодниками. О чудесахъ въ „Бозѣ почившаго“ Герцена уже начинаютъ поговаривать, и въ 1969 году его мощи непремѣнно откроются, начнутся поклоненія.

Катковъ, Мещерскій, Цитовичъ, Суворинъ, Буренинъ и прочіе — люди черно-неблагодарные: они не сознали до настоящей минуты, что запрещенные авторы и вообще революціонеры, ихъ невольные благодѣтели: благодаря имъ, они получаютъ чины, ленточки, крестики, похвальные листы, аттестаты благонадежности. Катковъ за двѣ пакости („Русскій Вѣстникъ“ Январь и Февраль 82) получилъ чинъ вполнѣ тайнаго совѣтника и прощеніе тридцати-тысячнаго долга за аренду „Моск. Вѣдом“. Князь Мещерскій, за завыванія противъ революціоне-

ровъ, за превознесеніе до седьмаго неба плетей и педерастіи, получилъ право навязывать увѣсистые плоды, то есть тыквы своего ума, всѣмъ казеннымъ заведеніямъ, присутственнымъ мѣстамъ. Этотъ прямой налогъ, конечно, ему приноситъ десятки тысячъ. Генералъ Богдановичъ, староста Исаакіевскаго собора,своими похабно православными брошюрками, громящими нигилизмъ и превозносящими азіатскій деспотизмъ, рабство, кнутобойство, висѣлицы, предательство, идіотскіе предразсудки, сбилъ себѣ кругленькій капитальчикъ и разукрасилъ себя цацками, и этотъ, наглый холопъ, достойный публичныхъ пощечинъ, рыщетъ, всюду является въ собранья... Цитовичъ, за дикія безобразничанья надъ замученнымъ Чернышевскимъ, получилъ 100 тысячъ... Милѣе всего, что этотъ черный аферистъ, послѣ долгаго пребыванія на зараженномъ микробами „Берегѣ“ не выдержалъ даже карантина, и очутился снова на опозоренной имъ каѳедрѣ. Цитовичъ въ роли воспитателя молодаго поколѣнія!! Вѣкъ Александра III затмитъ вѣкъ Люд. XIV. Какая чудная группировка: Александръ III. Судейкинъ, Черевинъ, Побѣдоносцевъ, Толстой, Катковъ, Цитовичъ, кн. Мещерскій!

Что же касается до Суворина, Буренина и ком. я не рѣшусь обвинять ихъ въ полученіи чиновъ, денегъ; за ихъ неопрятныя статейки противъ крамолы, очень значительное лицо, обыкновенно подчуетъ ихъ рюмкою водки изъ собственныхъ рукъ и, затѣмъ, позволяетъ пожать палецъ; получи они деньги отъ тайной полиціи, они тотчасъ пошли бы хвастаться.

Виноватъ, я забылъ Евгенія Маркова, автора „У Голгоѳы“ и панегириста палача Фролова-Аверкіева. Если имъ не перетянули шею ленточкою съ крестикомъ и не вознаградили доходнымъ мѣстомъ, то я вмѣстѣ съ Нелькинымъ, воскликну: „Тайная полиція, гдѣ же ты? зачѣмъ ты“?

Недавно въ „Новомъ Времени“ мнѣ попались двѣ образцовыя гнусности: „Похороны Ткачева“ и „Madame Роланъ изъ Тамбова“, подписаны онѣ парижскимъ корреспондентомъ Яковлевымъ. Въ „Общемъ Дѣлѣ“ № 30 мы посвятили статейку русскимъ корреспондентамъ въ Парижѣ; новый проходимецъ вынуждаетъ прибавить къ ней нѣсколько теплыхъ словъ.

Посланники Каткова, Суворина и пр. попавъ въ Парижъ, сначала стараются вползти къ какому нибудь модному французскому писателю, благо модные писатели не знаютъ, что такое „Новое Время“, „Московскія Вѣд.“. За позволеніе понюхать и поговорить, они строчатъ имъ пламенныя рекламы, при чемъ врутъ на пропалую. Вспомните вездѣсущаго, но не всемогущаго Молчанова, перецѣловавшаго всѣхъ коронованныхъ особъ и даже женъ султана, распекшаго всѣхъ министровъ Европы, того чудеснаго Молчанова, который въ тотъ же часъ, въ тотъ же мигъ, пребывалъ въ Парижѣ, Новохоперскѣ, Лондонѣ, Бердичевѣ, Ріо-Жанейро, Константинополѣ, Каирѣ, Холуйской слободѣ и отовсюду, благодаря личнымъ свиданіямъ, доставлялъ массы сырого и даже варенаго матеріала.

Отъ модныхъ писателей они, потихоньку, стараются перейти къ извѣстнымъ, проживающимъ за границей, русскимъ эмигрантамъ. Шалуны до такой степени не сознаютъ, что они собою представляютъ, что въ порывѣ откровенности раскрываютъ печальную профессію—вытаскиваютъ желтый билетъ. Конечно, корреспондента тотчасъ же берутъ вѣжливо за ухо и молча, медленно выводятъ. На первый разъ онъ не унываетъ, объясняя случившееся грустнымъ недоразумѣніемъ, интригою; пріотдохнувъ и почерпнувъ новыя силы въ русскомъ посольствѣ, онъ снова лѣзетъ навязываться, но, увы, опять, еще болѣе грустное недоразумѣніе и интрига, еще болѣе сложная... Смутно предчувствуя, что дѣло можетъ кончиться „кувыркомъ, кувыркомъ“ и взявъ въ разсчетъ крутизну и зигзаги лѣстницъ, онъ смиряется, и принявъ видъ иностранца, бросается съ жаромъ подслушивать по кафе. Можете судить, какихъ диковинокъ понаслушаетъ субъектъ, ничего не смыслящій въ соціализмѣ и на столько развитой политически, что считаетъ за честь участвовать въ „Новомъ Времени“ или „Моск. Вѣдомостяхъ“!

Статейки о подслушанномъ поступаютъ въ редакцію. Въ этомъ очистительномъ горнилѣ онѣ округляются, вычищаются, полируются, нашпиговываются подходцами, передержками, коламбурчиками и всерадостно пускаются въ ходъ; затѣмъ, какъ водится, смотря по статейкѣ — чинъ, крестикъ, или по просту рюмка водки, палецъ

очень значительной руки, позволеніе войти въ кабинетъ.

Безжалостность, отвращеніе, обнаруженныя Тургеневымъ въ одномъ изъ „Стихотвореній въ прозѣ“ къ корреспонденту, „котораго бьютъ“, становятся понятными, когда вспомнишь Яковлева.

Но революціонеры не только ускорили обращеніе чиновъ, орденовъ, но и спасли многихъ отъ вѣчной каторги — стоитъ только убійцѣ или очумѣлому вору, на судѣ, прочесть передовую статью „Московс. Вѣд.,“ громящую революціонеровъ и запрещенную прессу, и пылко воскликнуть, что шпіонство, предательство, провокаторство рѣдкія доблести, а III отдѣленіе—одно изъ самыхъ передовыхъ учрежденій, и высочайшее помилованіе уже готово. „Гряди, гряди, голубица!“ „Войди праведникъ въ широко отверстыя врата царствія русскаго!“

Прошу извинить за отступленіе, послѣ него, врядъ ли мнѣ нужно заявлять, что не эти достойные люди заставляютъ меня сказать нѣсколько словъ о вольной прессѣ; я ихъ посадилъ на булавку, придравшись къ случаю.

Постараюсь сдѣлать самыя сжатыя характеристики, чтобы онѣ могли войти въ маленькую брошюру, на прочтеніе которой потребовалось бы нѣсколько минутъ. Подробные разборы сочиненій запрещенныхъ авторовъ придутъ позднѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ только спадутъ кандалы съ пудовыми ядрами съ прессы, и нѣмыя уста отверзнутся, вольной прессѣ будутъ посвящены цѣлые томы. Но, въ ожиданіи суда „милостиваго и праведнаго,“ не мѣшаетъ попробовать сказать хоть что-нибудь. Указывая безъ колебаній на извѣстную личность, какъ на силу, талантъ, мы облегчаемъ читателю выборъ.

Если въ моихъ характеристикахъ встрѣтится недостаточная оцѣнка или, невольно, вырвется шутка, могущая какимъ нибудь образомъ уколоть автора, то надѣюсь, мнѣ простятъ невольное прегрѣшеніе, взявъ въ разсчетъ мои сердечныя отношенія къ революціонной прессѣ, не взирая на партіи, мое постоянное стремленіе къ примиренію и полное отсутствіе въ моемъ прошломъ задираній.

П. Аксельродъ. Мы не имѣемъ подъ рукой всѣхъ его произведеній и поэтому не беремся выска-

зывать законченное мнѣніе. Несомнѣнно, что это личность выдающаяся, очень талантливая, его соціалистическія статьи, по слухамъ, пользуются извѣстностью не въ одномъ своемъ кружкѣ, но и среди передовой молодежи.

П. Ѳ. Алисовъ. Позвольте умолчать, такъ какъ отзывъ можетъ выйти нѣсколько пристрастнымъ. Хвалить не рѣшаюсь: боюсь пересолю; обнаруживать недостатки не желаю: легко можетъ быть, что будущій критикъ, безъ моей помощи, нѣкоторыхъ изъ нихъ не замѣтитъ.

П. В. Григорьевъ. Его стихотворенья вышли недавно маленькой книжкой; невольно останавливаешься на нѣкоторыхъ, написанныхъ народнымъ языкомъ, обвѣянныхъ народнымъ духомъ: „Деревня“, „Деревенскій нищій“, „Пастухъ“, „Крестьянское счастье“, „Дмитрій Каракозовъ“, „Пѣсня голытьбы“. Что же касается до „Первое свиданіе“, „Смерть ребенка“, „Не пойманъ—не воръ“, то подъ такими стихотвореніями не постыдился бы подписать свое имя и самъ Некрасовъ. „Царь подъ Плевною“, разсказъ очевидца — прозою, необыкновенно хорошъ по складу рѣчи и юмору. „Портретъ Александра III“ (экспромптъ) настолько мѣтокъ, что его можно вырѣзать на могильномъ камнѣ Ал. III.

М. П. Драгомановъ. Написалъ цѣлую „Громаду“, но на этомъ подвигѣ не остановился; онъ пошелъ на чудеса: прочелъ ее разъ въ корректурѣ (хорошо какъ одинъ разъ) и одинъ разъ на чисто. Горе, горе, горе человѣку, который разомъ заполучитъ всѣ томы „Громады“ и, по неопытности, съ Рахметовскою жадностью примется осаждать ихъ! Горе тебѣ, Харазинъ! Горе тебѣ, Вифсанда!

Если бы Драгомановъ не написалъ брошюры „Тираноубійство“ когда еще не перегнили столбы висѣлицы 3 апрѣля, не участвовалъ бы въ „Вольномъ словѣ“ и не написалъ нѣсколькихъ мрачныхъ кляузъ на эмиграцію и террористовъ, онъ былъ бы очень пріятный публицистъ.

То, что я говорю о „Громадѣ“ отнюдь не относится къ маленькимъ брошюрамъ противъ правительства, онѣ отличаются простотою, живостью, согрѣты малороссійскимъ юморомъ.

Жемановъ. Жеманову слѣдуетъ меньше жеманиться и побольше писать; онъ похожъ на алоэ, которое только разъ даетъ цвѣтокъ и потомъ засыхаетъ.

Жуковскій. „Шильонскаго узника“ не переводилъ, но самъ рисковалъ не разъ сдѣлаться узникомъ, когда отряхнувъ прахъ съ ногъ, удалялся въ Швейцарскія горы и равнины проповѣдывать новое откровеніе. „Орлеанской Дѣвы“ не переводилъ, но воочію убѣдился, что она можетъ появиться и въ наше прозаическое время, конечно въ исправленномъ, дополненномъ видѣ. Назвать его талантливымъ сотрудникомъ „Общины“ не хочу — слишкомъ банально; назвать его очень талантливымъ писателемъ не рѣшаюсь, если будущій критикъ рѣшится, я пожелаю его мнѣнію успѣха.

В. А. Зайцевъ. Пиши онъ по французски противъ французскаго правительства такъ, какъ онъ писалъ по русски противъ русскаго, его имя стояло бы въ первомъ ряду среди французскихъ журналистовъ. Его бурные, желчные, блестяще остроумные памфлеты выдержали бы десятки изданій, служили бы образцами. Для подкрѣпленія моихъ словъ напомню статьи въ „Общемъ Дѣлѣ„: „Навуходоносоръ“, „Манифестъ лакеизма“, „Покушенія“, „Конституція, революція и Nihil“, „Новая нравственность“ и пр. и пр. Русская революціонная печать, даже послѣ смерти, о немъ не проронила ни одного слова и „Общее Дѣло“, въ которомъ онъ участвовалъ, только одно тепло отнеслось къ нему.

П. Кропоткинъ. Его ученую и революціонную дѣятельность опредѣлить очень легко: образъ его очень рѣзко обозначился. О его литературныхъ произведеньяхъ не рѣшаюсь высказать законченное мнѣніе, я нѣкоторыхъ изъ нихъ не читалъ. Онъ написалъ много статей на французскомъ языкѣ, и онѣ пользуются вполнѣ заслуженною, огромною популярностью и переведены почти на всѣ языки.

П. Л. Лавровъ. Ученый, философъ, публицистъ; вліяніе его не только на молодежь, но и на всю читающую публику было и есть большое. Онъ можетъ быть смѣло поставленъ рядомъ съ Герценомъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, но у него есть недостатокъ, котораго у вышеупомянутыхъ лицъ не было; недостатокъ этотъ выростаетъ въ цѣлое несчастье, когда онъ прояв-

ляется у писателя, сочиненія котораго предназначены для пропаганды. На очень ученыхъ людяхъ часто лежитъ „особый отпечатокъ"—продолжительное погруженіе въ бездонно скучные и мало дающіе источники утомляетъ; невольно являются вялость, сухость, монотонность. Дремучіе фоліанты бросили густую тѣнь на мозгъ Петра Лавровича. Мишле, Кине, Ренанъ, Маколей, Дреперъ, Прескотъ, Лассаль, Элизе Реклю составляютъ удивительное исключеніе, они стоятъ на высотѣ не въ особенно большомъ обществѣ и тщетно ждутъ компаньоновъ. Ко всѣмъ большимъ сочиненіямъ Петра Лавровича я приступалъ съ робостью, но зная свойства его таланта, конечно, преодолѣвалъ вялыя мѣста и былъ всегда вознаграждаемъ десятками страницъ подъ рядъ, дышащими могучею силою убѣжденія, полными новизны, оригинальности.

Для нагляднаго сравненія возьму Везувій и приложу его къ сочиненію „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ". Отъ 1 страницы до 32 — дымъ, но помните, не легенькій отъ папироски, но тяжелый, большой, сѣрный изъ вулкана. Отъ 32 с. до 82 — ручеекъ лавы. Отъ 82 с. до 181 — дымъ. Отъ 181 с. до 192 с. струйка лавы.

Если бы вы знали, господа, какъ лава идетъ къ старику Везувію. Я помню его въ Январѣ 78 года, его верхушка покрылась снѣгомъ, и среди снѣга текла лава; днемъ огонь былъ не видѣнъ, но когда на ослѣпительно бѣлой вершинѣ гасъ послѣдній розовый солнечный лучъ, огонь выступалъ ярко, и чудно было это смѣшеніе снѣга и огня.

Сколько юныхъ сердецъ лихорадочно бились при чтеніи „Историческихъ писемъ", не миртовъ они заслуживали, но лавровъ, и мое больное сердце ширилось, когда въ Москвѣ, въ двухъ шагахъ отъ нашего ненавистника Каткова, я въ первый разъ читалъ ихъ. Могучая, свѣтлая вѣра пробуждалась въ душѣ, когда въ той же Москвѣ мнѣ попадались листки „Впередъ". Тотъ, кто въ первый разъ прочелъ потайное слово за границей, никогда не пойметъ того чарующаго впечатлѣнія, которое оно производитъ на родинѣ. И этой-то великой силы тайнаго слова, къ счастью, не сознаютъ слѣпорожденные: Александръ III, Побѣдоносцевъ, Толстой;

съумѣй заглянуть они въ живую душу—и ихъ объялъ бы неописанный ужасъ за свое будущее, будущее своихъ дѣтей, опустились бы руки, поддерживающія чудовищный строй.

Н. Морозовъ. Не стихотворенія составятъ его славу, хотя между ними есть много глубоко поэтическихъ, одухотворенныхъ высокою мыслію. Слава его — славная жизнь, полная великой борьбы. Мы не будемъ украшать его молодую голову вѣнкомъ лавровымъ, къ чему? русское правительство уже увило его вѣнкомъ терновымъ.

Никитина (Жандръ). Очень симпатичная, очень талантливая писательница. Своими статьями въ „la Justice", „La Nouvelle Revue" она оказала большую услугу революціонной партіи; она познакомила французскую публику съ сказочными богатырями; въ статьѣ „La Russie revolutionaire" она освѣтила и *освятила* ихъ дивные образы.

Н. А. Авторъ „Василисы". Появись этотъ люминозный романъ въ „Отечественныхъ запискахъ" или „Дѣлѣ" онъ вызвалъ бы много критическихъ оцѣнокъ. Въ революціонной прессѣ этотъ романъ не вызвалъ одной строчки.

Мы были не разъ свидѣтелями глубокаго впечатлѣнія, производимаго этимъ романомъ на нашихъ соотечественниковъ, въ особенности же соотечественницъ. Такая спльная пропаганда соціализма чего нибудь да стоитъ!..

Но многіе указываютъ на страстный характеръ нѣкоторыхъ сценъ и нежелательное дѣйствіе ихъ на нервы. Не стану ссылаться на Золя, которому, повидимому, нравится взбудораживать половые инстинкты, но прочтите Доде, Флобера, вспомните сцену въ зеркальной комнатѣ въ романѣ „Человѣкъ, который смѣется" Гюго.

Я читалъ „Василису" въ первый разъ въ двухъ шагахъ отъ горнаго источника, вырывающагося изъ снѣжнаго ущелья; вокругъ меня были холодные цвѣты—бѣлыя альпійскія розы; день былъ прохладный; я нашелъ упреки неосновательными; но повторяю, я былъ окруженъ снѣгомъ, холодною водою, холодными цвѣтами и... день былъ прохладный.

Во второй разъ я читалъ „Василису“ въ волшебной обстановкѣ и...

Краткое, свѣтлое революціонное прошлое началось и кончилось этимъ романомъ.

Г. Плехановъ. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и свѣдущихъ послѣдователей Маркса. Пишетъ много и чрезвычайно доказательно, живо пишетъ; когда задѣтъ за живое, становится золъ, страстенъ и даже пристрастенъ. Не смотря на всю мою храбрость и готовность претерпѣть отъ своихъ, я не особенно желаю, чтобы онъ принялся за меня. Горька чаша его критики. Печально, что неоцѣненныя качества: желчность, страстность, остроуміе, были недавно пущены въ ходъ противъ людей одного дѣла, въ книжкѣ „Наши разногласія“. Хотя разногласіямъ и посвящена цѣлая книжка, я ихъ не замѣтилъ, впрочемъ это легко объясняется тѣмъ, что у меня нѣтъ микроскопа.

Н. В. Соколовъ. Написалъ, надѣлавшее много шума и оставившее сильное впечатлѣніе, сочиненіе „Отщепенцы“ и затѣмъ отщепился отъ литературы.

Степнякъ. Этотъ широко безфамильный писатель сохранитъ свою фамилію въ исторіи долѣе многихъ знаменитыхъ писателей, подписывающихъ свою фамилію. „Подпольная Русь“ на итальянскомъ языкѣ великолѣпна, на русскомъ — немного напыщена — говорю о выдержкахъ изъ нея въ „Календарѣ Нар. Воли“ и выдержкахъ съ коментаріями Каткова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Это, впаденіе по временамъ въ Марлинскаго, Бенедиктова, мы замѣчали и прежде, стоитъ вспомнить отзывъ о рѣчи Мышкина и о В. Засуличъ въ „Общинѣ“. Утѣшимъ себя, что это „силъ избытокъ“ состояніе переходное; не одни Бенедиктовъ, Марлинскій страдали этимъ недостаткомъ, въ меньшей степени онъ проявился и у самаго Бѣлинскаго.

Н. Саблинъ. Подъ его стихотвореніемъ: „Новь“ напечатанномъ въ „Родинѣ“, могъ бы подписать свою фамилію не Гейне изъ Тамбова, но Генрихъ Гейне, въ немъ звучитъ его молніеносный сарказмъ, его рвущія сердце трагическія нотки. Въ Саблинѣ мы потеряли не только великаго революціонера, но и поэта, обнаружившаго великіе зачатки. Онъ перо промѣнялъ на бомбу,

чернило — на динамитъ, и для Россіи погибъ его „животворящій гласъ“.

Сидорацкій. Пишетъ мало, мы случайно познакомились съ его разсказами „Она убѣжала“, „Поймали“. Въ нихъ много оригинальности, ѣдкаго остроумія, возвышеннаго чувства, авторъ слегка подымаетъ уголокъ завѣсы, за которой притаилась жизнь ужаса... Много перенесъ онъ отъ русскаго правительства, и повидимому, много его жертвъ зналъ лично; онъ и за себя и за товарищей умѣетъ великолѣпно мстить.

Тарасовъ. Статьи его въ „Вѣстникѣ Н. Воли“ отличаются большой энергіей. Не знаю лѣтъ его; если онъ молодъ, изъ него несомнѣнно выработается мощный боецъ.

Л. Толстой — авторъ запрещенныхъ произведній: „Моя Исповѣдь“ и „Въ чемъ моя вѣра“. Ни исповѣдь его намъ не нужна, ни вѣра.

Т... — авторъ статьи „Драгомановъ въ роли обвинителя“ (Набатъ годъ 4). Она написана такъ бойко, зло, остроумно, что мы жалѣемъ, что авторъ ея мало пишетъ. Мы также жалѣемъ, что его желчь была излита не на главу Александра Романова, но на главу Михаила Драгоманова.

П. Н. Ткачевъ. Сдѣлаю нѣсколько выдержекъ изъ прекрасной примирительной рѣчи П. Л. Лаврова, сказанной на его могилѣ: „Литературная дѣятельность Ткачева вся принадлежитъ революціонному движенію нашей родины. Его блестящій талантъ писателя, его разнообразныя свѣденія дѣлали его драгоцѣннымъ сотрудникомъ изданій, которыя продолжили дѣло Чернышевскаго, Добролюбова, подрывая политическую, экономическую и литературную рутину во всѣхъ ея сферахъ и подготовляя обширное движеніе соціаль-революціоннаго апостольства, начавшагося въ 1873 г. Статьи Ткачева читались молодежью въ школахъ и заставляли биться много молодыхъ сердецъ ненавистью къ тиранніи и эксплуататорамъ народа.

А. Х. Х. О его статьяхъ въ „Общемъ Дѣлѣ“ правительство можетъ сказать: „мягко стелетъ, да жестко спать“. Его „Высочайшая идиллія“ можетъ служить образцомъ сатиры. Если эмиграція додумается до „Сбор-

ника выборныхъ революціонныхъ статей", его многія статьи займутъ въ немъ очень видное мѣсто.

Черкесовъ. Написалъ брошюру „Драгомановъ изъ Гадяча", до этого помѣщалъ статьи въ „Общинѣ". Положительно не знаю, что сказать о немъ.

П. И. Якоби. Ученый „безъ отпечатка". Я не встрѣчалъ человѣка, болѣе его смѣющагося надъ ученою важностью, скучною серьезностью, и въ то же время, онъ — ходячая энциклопедія.

Рядомъ съ пикантною, въ своемъ родѣ единственною статейкою: „Изъ древней исторіи" (Общее дѣло № 43) онъ написалъ, по размѣру и содержанію, громадную книгу: „Etudes sur la sélection dans les rapports avec l'hérédité chez l'homme", въ которой открываетъ новый законъ жизни; съ тонкимъ юморомъ и съ тщетнымъ покушеніемъ на объективность онъ стираетъ съ лица земли не только архинелѣпую монархію, ушедшіе въ брюхо привелегированные классы, но онъ пророчитъ вырожденіе даже таланту, генію, разъ они вздумаютъ почить на лаврахъ. Не смотря на всю многостороннюю ученость книги, она читается такъ же легко, какъ романъ.

Но я, поклонникъ великой латинской расы, ужасаюсь при мысли, что онъ самому Парижу, бродилу, приводящему въ движеніе умственный міръ, пророчитъ, на случай, если онъ не приведетъ въ порядокъ своихъ нервовъ, неумолимое вырожденіе, никакіе приливы людей со всѣхъ концовъ Франціи и цѣлаго міра не помогутъ, онъ пугаетъ трубочистами, они тихіе, мрачные, орудующіе на высотѣ, надъ Парижемъ, его чистители, вполнѣ уравновѣшенные, унаслѣдуютъ землю... Предостереженіе сдѣлано, и если Парижъ, въ одну прекрасную ночь вылетитъ въ трубу, пусть винитъ одного себя. Слова: „Liberté, Egalité, Fraternité" въѣвшіяся въ известку парижскихъ домовъ (ахъ, еслибъ онѣ поскорѣй въѣлись въ сердца!) будутъ замазаны сажею, и на ихъ мѣстѣ исполинское помело начертитъ только одну фразу: „Васъ, господа, Якоби предупреждалъ"...

А. В. Амфитеатровъ въ апрѣлѣ 1906 г. сталъ издавать въ Парижѣ „Красное Знамя". Журналъ безукоризненно революціонный, литературный, необыкновенно живой, остроумный, поэтичный, издаваемый не для

партій, но для всей интеллегентной Россій. Изъ статей Амфитеатрова особенно выдается „Сказка объ одной головѣ и ея обладателѣ“. Эта, замѣчательная по ѣдкости, глубинѣ революціоннаго чувства сказка, въ будущей революціонной хрестоматіи, займетъ очень видное мѣсто...

Какъ видите, жалобы на бѣдность революціонныхъ силъ, на упадокъ талантовъ, не совсѣмъ основательны; желая быть скромными, мы замалчивали ихъ и этимъ, невольно, вредили распространенію дорогихъ намъ идей.

Французы говорятъ: „Есть судья умнѣе Вольтера, Дидро и прочихъ геніевъ, судья этотъ — читающая публика“, сначала шопотомъ, украдкою, затѣмъ все громче, громче, и наконецъ оглушительно, она произнесетъ послѣднее слово. Дожидаться послѣдняго слова намъ, писателямъ, не слѣдуетъ; мы должны поймать его на лету, иначе насъ, впослѣдствіи, упрекнутъ въ злостномъ умолчаніи и навяжутъ намъ на душу такія низерныя чувства, которыя намъ не снились во снѣ, а приснись онѣ, я увѣренъ, мы бы даже во снѣ сплюнули.

Потребность оцѣнки вольной прессы, повидимому, чувствуется многими; въ „ Кал. Нар. Воли“ она была заявлена, но, по недостатку мѣста, отложена.

Повторяю, оцѣнка очень нужна для пропаганды. Благодаря Александру III, жажда вкусить отъ древа познанія, по слухамъ, съ каждымъ днемъ ростетъ въ почтеннѣйшей публикѣ; имѣя въ рукахъ характеристики, она не будетъ разбрасываться, терять время надъ выборомъ.

Первое слово, высказанное рѣзко и опредѣленно, всегда вызываетъ сомнительныя улыбки, но нужно помнить поговорку: „Смѣяться будетъ тотъ, кто будетъ смѣятся послѣднимъ“...

Февраль 86.

Иванъ Аксаковъ

28 Января умеръ Иванъ Аксаковъ. Считаемъ долгомъ уронить, если не слезу, то по крайней мѣрѣ цвѣтокъ на его могилу. Покойный былъ упрямый холопъ и обскурантъ; вся его пустозвонная проповѣдь зиждилась на царѣ и православіи, т. е. на застоѣ, мракобѣсіи, лютомъ рабствѣ. Защищая православіе, онъ, невольно, топталъ современную науку, прогрессъ. Защищая царя, онъ топталъ человѣка, гражданина. Катковъ его ученіе проповѣдуетъ во всей наготѣ, это сифилисъ внаружу, у Аксакова онъ внутри. Объединить славянъ царемъ и православнымъ попомъ, другими словами — азіатскимъ деспотизмомъ и допотопнымъ невѣжествомъ мудрено. Этими двумя мертвящими жизнь страшилищами можно только оттолкнуть. Не мы славянъ присоединимъ, а славяне насъ въ тотъ моментъ, когда они сплотятся въ федеративную республику.

Прикрываясь полушубкомъ, онъ, вначалѣ, морочилъ даже порядочныхъ, неглупыхъ людей, но когда въ Россіи появились настоящіе народники, печальники, когда рѣчи Петра Алексѣева, Бардиной, Мышкина прогремѣли въ залахъ инквизиціоннаго трибунала, когда одинъ за однимъ стали по позорнымъ ступенямъ входить въ безсмертіе дивные праведники, и тысячи молодыхъ людей потянулись въ кандалахъ „безконечною, снѣжною степью на трудъ и печаль“ — маска свалилась съ холопской рожи, и православный рабъ принялся, съ завываньями краснокожаго, бросать грязью и тяжелыми каменьями въ народившуюся исполинскую силу. Но онъ на этомъ не остановился: онъ харкалъ въ лица распятымъ 3 апрѣля, безобразничалъ надъ ихъ „казненнымъ прахомъ“. За всѣ свои гражданскіе подвиги онъ вознагражденъ вполнѣ: его превознесли до небесъ Катковъ, Мещерскій, Суворинъ, Буренинъ, Комаровъ; его почтилъ Александръ III. За упокой его души молились Толстой, Побѣдоносцевъ, Черевинъ, Треповъ, Муравьевъ... „вотъ тебѣ коршунъ награда!!“

Варѳоломей Александровичъ
ЗАЙЦЕВЪ

20 января 82-го г. скончался въ Кларанѣ на 40 году В. А. Зайцевъ, надорванный изнурительнымъ умственнымъ трудомъ. Россія, бѣдная талантами, протестующими силами, лишилась крупнаго, безпощаднаго борца за свободу, блестящаго мыслителя и ученаго. Выдающаяся дѣятельность В. А. Зайцева въ „Русскомъ Словѣ“ и его ученые труды, нѣтъ сомнѣнія, будутъ разобраны, взвѣшены по достоинству нашими учеными и критиками. Мы постараемся сказать нѣсколько словъ о его запрещенной дѣятельности, о которой не посмѣютъ пикнуть въ Россіи.

В. А. Зайцевъ умеръ въ моментъ, когда Россія, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ людяхъ, подобныхъ ему. Мы вступаемъ на путь ожесточенной политической борьбы. Восточная деспотія, не смотря на огромныя дозы мускуса, позорно издыхаетъ въ дворцовомъ вертепѣ. Смерть наложила свое роковое клеймо на лбы тупыхъ, слѣпыхъ злодѣевъ, тщетно силящихся бороться съ неумолимыми законами исторіи. Скоро наступитъ время, когда личность В. А- Зайцева подымется во всемъ своемъ громадномъ значеніи.

Мы, такъ поздно начавшіе жить политическою жизнію, скоро почувствуемъ незамѣнимую потерю. Одинъ замѣчательный русскій ученый, выпустившій недавно книгу на французскомъ языкѣ, вносящую новый законъ въ исторію, въ своемъ письмѣ ко мнѣ высказалъ, по поводу смерти В. А. Зайцева, правдивую и горькую мысль: „Грустная судьба русскихъ писателей. Будь произведенія Зайцева писаны по французски, вся Ев-

ропа, навѣрно, восхищалась бы ими. Многія изъ его вещей, писанныхъ за послѣднее время, будь онѣ писаны по французски — цитировались бы, какъ образцовые памфлеты, вошли бы въ христоматіи; писанныя по русски — онѣ прочтутся съ наслажденіемъ десятками, съ равнодушіемъ сотнями, со скрежетомъ зубовнымъ тысячами.“ Нужно прибавить, что долго, очень долго всѣ наши литераторы, божіи коровки, будутъ стараться умалить его значенье, долго, долго слизняки, столь корректные въ борьбѣ съ высшимъ начальствомъ и безпощадно, кабацки грубые въ нападкахъ на революціонеровъ, будутъ его злостно упрекать, за неслыханныя оскорбленья царской ливреи, за поношенье самодержца и царелюбскихъ чувствъ.

В. А. Зайцевъ, обладая ослѣпительнымъ остроуміемъ Рошфора, кромѣ этого, обладалъ поэтическимъ даромъ. Всѣ его статьи проникнуты горячимъ чувствомъ, глубочайшей искренностью, обвѣяны поэзіей. Необыкновенно симпатичный, кроткій, великодушный, снисходительный въ частной жизни, онъ становился суровымъ, неумолимымъ, огненнымъ борцомъ, разъ дѣло касалось дорогого для него принципа. Зная его коротко, я никогда не замѣчалъ въ немъ малѣйшаго колебанія, тѣни раздумья передъ будущимъ. Я увѣренъ, что самая тѣсная дружба, родственныя связи ни на минуту не остановили его, разъ онъ замѣтилъ бы несправедливость, легкую измѣну себѣ, минутную слабость въ борьбѣ. Живя за-границею, слѣдя внимательно и постоянно за европейскимъ движеніемъ, онъ выработалъ въ себѣ обширное политическое образованіе, ту законченность-которыя очень и очень рѣдко встрѣчаются у русскихъ.

Соціалистъ, революціонеръ, другъ Бакунина, онъ въ 77 году выступилъ на путь политической борьбы. Нужно было обладать рѣдкою самостоятельностью, большимъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы выступить на этотъ путь въ то странное время. Послѣ смерти Герцена, цѣлыхъ десять лѣтъ преобладало соціалистическое, безъ политической окраски, направленіе, чистое народничество, ему служили самые честные, самоотверженные, развитые люди... Человѣкъ, признававшій необходимость политической борьбы, заподазривался въ глубокой нѣжности къ розово-либеральной конституціи, въ

способности удовлетвориться ею вполнѣ. Послѣ трехъ революцій, ужасной іюньской бойни, разстрѣла коммунаровъ, послѣ неудачъ, жертвъ, на Западѣ созрѣло разочарованіе въ парламентаризмѣ и въ политическихъ махинаціяхъ. Революціонное чрево въ ужасныхъ мукахъ породило анархизмъ, ученіе логичное, по временамъ полное анализа, основанное на трагическомъ опытѣ. Громадно отдаленное будущее несомнѣнно приведетъ къ лозунгу: „ni Dieu, ni maitre" вѣчный избытокъ начальства къ безначалію... Имѣть успѣхъ это ученье можетъ только въ самыхъ свободныхъ республикахъ, гдѣ уже добыта возможность широкой борьбы, сплоченья силъ.

Анархизмъ становится мертвящею доктриною въ странѣ, не вышедшей изъ азіатчины, состоянія животно-растительнаго... Десятки лѣтъ надъ нами надругивались по тюрьмамъ, втихомолку замучивали; тысячи изъ-за шкуры царствующаго Минотавра, шли умирать медленною, мучительною смертью въ Сибирь, и мы даже не знали именъ своихъ лютыхъ палачей! Мы сервировали себя на закуску людоѣду, и при этомъ, успокаивали себя мыслью, что для осуществленія соціалистическаго будущаго лучшая республика и пещерное самодержавіе въ сущности одно и тоже, что между турецкимъ, персидскимъ, русскимъ и швейцарскимъ правительствами, съ этой точки, не существуетъ ни малѣйшихъ градацій. Мы выпустили изъ виду, что не будь этихъ, съ нашей точки, жалкихъ республикъ, всѣ чудомъ спасшіеся, всѣ бѣжавшіе изъ каторги, тюремъ, русскіе революціонеры были бы зажарены на легкомъ огнѣ и съ разстановкою скушаны, что безъ политической свободы невозможенъ ростъ самаго соціализма.

Соціализмъ не завоюетъ міра безъ полной свободы прессы, сходокъ, пропаганды, митинговъ, конгрессовъ, не въ видѣ же огненныхъ языковъ сойдетъ полное пониманіе! Весь успѣхъ революціи будетъ зависѣть отъ нихъ. На нашихъ глазахъ все сильное, молодое, талантливое, честное, шло въ тюрьму и на смерть, и мы продолжали вѣрить въ незыблемость нашего ученія! Наши дѣти не поймутъ насъ, примутъ наше время за сумбурную сказку; не повѣрятъ, что теплая кровь текла въ нашихъ жилахъ...

Великая дѣвушка, повинуясь голосу прекраснаго сердца, явилась съ заряженнымъ револьверомъ къ злодѣю, пустила въ него пулю. Не убивъ Трепова, она убила наповалъ доктрину. Искуственное, навѣянное рухнуло; свѣтлая, здоровая жизнь вошла въ свои права. Вѣра Засуличъ, идя на вѣрную смерть, конечно, не справлялась съ ученіями и партіями, не спрашивала позволеній, не взвѣшивала выгодъ и невыгодъ для партіи, своего поступка... Сигналъ былъ данъ; грозный переворотъ свершился. Идеальный порывъ сердца задушилъ книжныя выкладки. Съ Александромъ II стали считаться; мы узнали имена своихъ палачей. Потрясая всю Россію сверху до низу, приводя міръ въ изумленіе, явились на сцену: кинжалы, револьверы, динамитъ, бомбы; величавые подвиги, легендарныя событія стали рости, съ захватывающей духъ, всенаверстывающей быстротой. Послѣ такихъ титаническихъ побѣдъ духа —возвратъ назадъ невозможенъ. Наши Геркулесы, по разившіе Лернейскую гидру, не засядутъ, подобно Гретхенъ, за прялку. Развернувъ черное знамя, неся въ рукахъ смерть, терроризмъ завоевываетъ свободную жизнь, счастіе для будущихъ поколѣній.

Мы желали бы отъ всей души, чтобы статьи В. А. Зайцева, помѣщенныя въ „Общемъ Дѣлѣ“ и все найденное въ его бумагахъ, вышли отдѣльной книгой, то былъ бы богатый вкладъ въ нашу запрещенную литературу.

1 февраля 1882 г.

СЛОВО ВОЗСТАВШАГО

Кропоткинъ

Критическая замѣтка.

Не одни „Каннибалы порядка“, но иногда даже сами соціалисты, изъ партіи божьихъ коровокъ, при словѣ анархія, начинаютъ безцеремонно валить на буйныя головушки анархистовъ собственныя, сумбурныя импровизаціи и шаловливыя фантазіи. Можно и должно вышучивать, позорить, топтать въ грязь современный намъ государственный строй, религію — они сотканы изъ безсмыслія, преступленій и держатся только на всеобщей глупости, баснословномъ невѣжествѣ, проникшей до мозга костей рутинѣ и гнусномъ рабствѣ. Но преступно вышучивать чистое, прекрасное, великое; нельзя, не позоря себя, скалить зубы надъ безкорыстнымъ стремленіемъ къ самому возвышенному идеалу, надъ ученіемъ создававшимся самыми доблестными, передовыми умами нашего вѣка, срывающимъ тяжкія оковы съ тѣла и духа.

Въ послѣднее время — и этому очень должны радоваться анархисты — они стали всесвѣтнымъ козломъ отпущенія; во всѣхъ движеніяхъ, начиная съ колоссальнаго, кончая мизернымъ, предполагаются непремѣнно ихъ руки. Заморенные голодомъ, запытанные каторжнымъ трудомъ, бельгійскіе рабочіе, наконецъ, подымаются, запаливаютъ яркимъ огнемъ фабричныя галеры и роскошныя виллы сосущихъ изъ нихъ жизнь богачей.

Со всѣхъ четырехъ угловъ небосклона раздается ревъ: „анархистовъ бѣшеннымъ собакамъ! анархистовъ на смерть!“ Шпіонъ-провокаторъ, подкупленный буржуазнымъ правительствомъ, кладетъ казенный динамитный патронъ на рельсы — „анархистовъ голоднымъ собакамъ! Они виноваты, они!“

Правительства, не могущія никогда сговориться, разъ дѣло идетъ о народныхъ нуждахъ*), мгновенно проявили склонность къ поцѣлуямъ и священному союзу, когда дѣло коснулось анархистовъ; на перерывъ всерадостно предложили свои новенькія тюрьмы и старые эшафоты.

Всѣ правительства, наконецъ, почувствовали, что анархисты ихъ настоящіе могильщики; не даютъ имъ спать стукъ ихъ заступовъ, зловѣщій свѣтъ ихъ факеловъ, черныя одежды, черное знамя. „Крамольные утописты“, вопятъ они, „хотятъ обходиться безъ насъ, желаютъ ужаснаго общества, безъ судьи, шпіона, солдата, палача!“ Этого продерзкаго хотѣнія анархистамъ не могутъ простить даже своя братья — соціалисты. Повидимому, нѣжная тоска по будочнику хоронится на днѣ самыхъ свободныхъ душъ.

Книга Кропоткина явилась во время; блестящимъ, литературнымъ языкомъ, просто, доступно для ребенка, въ ней изложено все ученіе анархистовъ.

Въ статьѣ „Вольная пресса“ мы не рѣшились высказать опредѣленнаго мнѣнія о Кропоткинѣ, какъ о писателѣ, вслѣдствіе недостатка матеріаловъ; „Parole d'un revolté“ выводитъ насъ изъ неопредѣленнаго положенія; мы съ радостью признаемъ въ Кропоткинѣ мощнаго публициста, неоцѣненнаго пропагандиста. Книга его, несмотря на всецарящій оппортюнизмъ, будетъ

*) Государственные столбы, постоянно толкующіе о соціализмѣ считаютъ утопіей даже восьми-часовой рабочій день, принятый многими конгрессами новаго свѣта. Пусть поклонники государственнаго соціализма полюбуются рѣчью Бисмарка въ защиту предохранительныхъ мѣръ противъ соціалистовъ. Не смотря на нашъ очень сумрачный взглядъ на государственный геній Бисмарка, мы не вѣрили глазамъ, читая рѣчь, она блестяще обнаружила гомерическое невѣжество, абсолютное незнакомство даже съ азбукой соціализма, жандармское нахальство, штыкъ—юнкерскую самодовольную тупость. И такіе фельдфебеля записываются въ Вольтеры, берутся разрѣшать соціальные вопросы!

имѣть большой успѣхъ. Элизе Реклю, издавшій разбросанныя, безъимянныя статьи, оказалъ большую услугу французскому рабочему. Три года тюрьмы, въ конецъ разстроившіе и безъ того слабое здоровье Кропоткина, придадутъ его словамъ особенно злое значеніе. Три года республиканское правительство, выбранное всеобщею подачею голосовъ, гробовою крышкою давило больную грудь. Честность, безстрашіе, искренность, безграничная любовь къ добру и справедливости — страшныя преступленія.

Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель
Должна просить прощеніе у порока,
Да ползать и молить, чтобъ онъ позволилъ ей
Творить ему добро...

Половина книги посвящена безпощадной критикѣ буржуазнаго строя, картина выходитъ поучительная, своего рода „послѣдніе дни Помпеи“. Самый благонравный читатель, могущій получить пять балловъ съ крестомъ за поведеніе и успѣхи въ наукахъ, прочтя книгу, невольно, воскликнетъ: „Нѣтъ! такое общество жить долго не можетъ, это не живое тѣло, но сплошной нарывъ. Люди, потерявшіе стыдъ, призракъ убѣжденій, живущіе однимъ брюхомъ и половыми органами, обречены на вырожденіе. Общество, вѣрящее въ одинъ карманъ, живущее настоящимъ днемъ, утопающее въ грабежѣ, скотскомъ распутствѣ, трясущееся день и ночь за свою выхоленную шкуру, защищаться не можетъ, оно можетъ жить только подъ полою обезличеннаго солдата, въ арріергардѣ разбойничьихъ армій. Если его нынче покинетъ армія, противъ него смѣшно, стыдно подымать оружіе — персидскаго порошка за глаза довольно,“

Не будемъ останавливаться на этомъ суровомъ обвинительномъ актѣ, подъ нимъ подпишутся обѣими руками соціалисты всѣхъ партій, остановимся на спорныхъ пунктахъ.

1) Анархистовъ упрекаютъ въ отсутствіи подробныхъ программъ для будущаго. Имъ, обыкновенно, говорятъ: „Укажите, что дѣлать въ дни революціи, какъ поступать съ частною собственностью и вообще имуществомъ? какъ дѣйствовать при столкновеніи съ арміей? какъ

разобраться, примирить всѣ противорѣчія, побѣдить безчисленныя препятствія?...“

Мы находимъ, что отсутствіе пунктуальныхъ программъ, самоувѣренныхъ указовъ, повелѣній, разумно, послѣдовательно — дѣло идетъ о революціи — возможно ли массамъ, дерущимся на баррикадахъ, лихорадочно возбужденнымъ, посылать указы? Неужели бумаженки выдержутъ дыханіе революціонной бури?? Въ великіе дни революціонная мудрость насмѣется надъ кабинетною, то будетъ торжество не холодныхъ, окаменѣлыхъ догматовъ, но горячей жизни; на каждомъ шагу она поставитъ новые вопросы, произнесетъ неожиданныя откровенія; изъ темныхъ массъ встанутъ невѣдомые герои и свершатъ дѣла, непредчувствуемыя нами. Важны основы, а не крошечныя детали, онѣ прійдутъ сами собою, ихъ продиктуетъ до дна взволнованная жизнь. Главное нужно знать истиннаго врага, нужно заранѣе тщательно изучить его костюмы, маскарадныя принадлежности. Всѣ промахи революціи происходили отъ вливанія вина стараго въ мѣхи новые, отъ недостатка дерзости. Что же касается до отрицанія высшаго начальства и священнаго участка, то ссылаюсь на книгу П. Лаврова: „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“. Основы въ ней отрицаются съ восхитительной логикой, и, какъ всѣмъ извѣстно, П. Лавровъ вовсе не анархистъ. Могучій защитникъ сильной революціонной власти Бланки на 70 году жизни, послѣ 40 л. тюрьмы, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, начертилъ на своемъ издырявленномъ вражьими, буржуазными пулями, знамени: „Ни бога, ни господина!“

2) Пропаганда дѣйствіемъ. Если полезна печатная проповѣдь, то врядъ ли возможно сомнѣваться въ громадной пользѣ пропаганды дѣйствіемъ. Нужно принять слѣдующее положеніе: если членъ правительства осмѣливается безнаказанно выступать изъ закона и покушаться на самовластіе, онъ дѣлается болѣе или менѣе Алекс. II и III и, какъ они, долженъ быть немедленно предоставленъ бомбамъ, начиненнымъ динамитомъ или препровожденъ на фонарь. Справляться о томъ, гдѣ опочиваетъ это твореніе, подъ черными ли крылами восточнаго деспотизма или подъ трехцвѣтною тряпкою, совершенно лишнее.

Если бы парижскіе рабочіе, при шествіи на кладбище, съ красными знаменами, при первомъ натискѣ, въ русскомъ духѣ, полицейскихъ, угостили бы ихъ горячимъ, теплымъ и прохладнымъ оружіемъ, я увѣренъ, что полицейскіе служители укротили бы чувствъ пламенныхъ избытокъ, и въ будущемъ не разъярялись, подобно испанскимъ быкамъ, при видѣ краснаго цвѣта; онъ сталъ бы для нихъ „блѣднымъ цвѣтомъ, тоски примѣтою".

Мы особенно рекомендуемъ читателямъ статью, посвященную состоянію умовъ во Франціи до революціи 89 года. Народъ прошелъ чудную элементарную школу и если онъ былъ великъ, онъ вполнѣ обязанъ странствующимъ агитаторамъ, ихъ летучимъ, огненнымъ листкамъ, разжигающимъ картинкамъ, дригающимъ на веревочкахъ игрушечкамъ, съ ярлыками на лбу. Всѣ пропаганды хороши: словомъ, дѣломъ; никогда одна не исключаетъ другой. Всѣ укладыванья рвущейся на просторъ жизни въ разныхъ величинъ гробы никогда не удадутся. Проклинайте, громите анархизмъ на всѣхъ площадяхъ и уличныхъ перекресткахъ по цѣлому міру и, не смотря на все, онъ будетъ пускать корни въ глубь, ширь, вверхъ, къ солнцу; все дѣло въ темпераментѣ: одинъ можетъ всего ждать отъ благонравія народа и, изъ преданности къ тишинѣ и порядку, готовъ поджидать лучшаго строя чуть не сотню лѣтъ; другой, видя, какъ среди этой тишины милліоны вымираютъ въ незаслуженныхъ мукахъ, не выдерживаетъ, разворачиваетъ красное знамя, беретъ въ руки бомбу...

3) Парламентаризмъ. Человѣкъ, самый небрезгливый, созерцая выборы, почувствуетъ отвращеніе; въ эти скверные дни бестіяльскіе инстинкты выступаютъ съ апломбомъ. Итальянскіе шарлатаны, съ высоты своей телѣжки призывающіе покупать по дорогой цѣнѣ помои, въ красивыхъ флакончикахъ, клянущіеся, что они излѣчиваютъ всѣ болѣзни, въ особенности неизлѣчимыя, покажутся скромными въ сравненіи съ нѣкоторыми представителями великой націи. Всюду наглое вранье, грязные подкупы, интрижки, ребяческія ссоры, клеветы другъ на друга, пошлыя самовосхваленія... Послѣ удавшихся выборовъ—непостижимо скорое забвеніе обѣщаній, клятвъ, программъ, постоянное, систе-

матическое надувательство народа. Вѣчный разладъ, когда на сцену выходятъ рабочія, кровавыя нужды, братскій союзъ, когда — свои карманныя.

„Не нужно вотировать!“ кричатъ возмущенные всѣмъ видѣннымъ анархисты, „республика, монархія, деспотія — все одно и тоже. Всеобщею подачею голосовъ мы поддерживаемъ трупъ, косметиками замазываемъ пожирающую насъ гангрену.

Если не нужно парламента, если республика, конституціонная монархія и деспотія одно и тоже, то не угодно ли вамъ, господа, отпробовать безпредѣльно обожаемаго Александра III съ Толстымъ и Побѣдоносцевымъ!? Начинайте съизнова переживать не исторію, а зоологію, тащите изъ ветхозавѣтной тьмы Навуходоносоровъ, Валтасаровъ. Я глубоко убѣжденъ, что это самый слабый пунктъ въ ученіи анархистовъ; угрожай завтра дѣйствительная опасность этому гнилому парламенту, этой лицемѣрной республикѣ, и анархисты, какъ самые энергичные революціонеры, очутятся на баррикадахъ въ первыхъ рядахъ, первые подставятъ груди подъ картечь. Если же, не смотря на великія жертвы, на вызолоченное судно всползетъ новая гадина, рука того же анархиста разнесетъ ее въ лохмотья.

Александры хороши на нѣсколько мѣсяцевъ: всякую живую страну они тотчасъ доведутъ до бѣлаго калѣнья, въ мертвомъ расшевелятъ ненависть, презрѣнье, жажду мести; они неоцѣнимы, какъ послѣдняя карта, какъ смертная чаша, перелитая черезъ край, но долго забавляться этою черною смертью нельзя: земля перестанетъ давать плодъ, людская раса выродится, обростетъ шерстью. Бросьте взоры на востокъ, каждый камень выжженныхъ, безконечныхъ пустынь вопіетъ противъ нихъ.

Послѣ іюньской бойни парижскій народъ отдалъ буржуазію, спутанную по рукамъ и ногамъ, Наполеону III; поражая на жертвенномъ алтарѣ жирный тукъ, народъ ранилъ себя ножомъ страшно глубоко; 18 лѣтъ его безнаказанно топтали ногами полицейскіе, 18 лѣтъ онъ носилъ намордникъ и ломалъ шапку передъ распутнымъ предателемъ, и если даже до настоящей минуты парижскій рабочій (вникните, парижскій) выдерживаетъ, ограничиваясь мелодраматическими возгласами,

побои отъ жандармовъ, онъ обязанъ вполнѣ Наполеону Ш. Самая лучшая монархія неизмѣримо хуже самой худшей республики. Монархія съ изумительною силою растлѣваетъ націю идолопоклонствомъ, она всегда, вездѣ въ союзѣ съ попомъ, она до ужаса послѣдовательна; гнуснѣйшее холопство и его вѣчные спутники: низость, трусость охватываютъ не одни привелигированные классы, онѣ просачиваются въ народъ, изъ артерій и вѣнъ переходятъ въ волосные сосуды, въ гной превращаютъ народную кровь, вся нація буквально обращается въ сумасшедшій домъ, въ которомъ перепутываются всѣ понятія.

Республика, не смотря на всѣ усилія ея правителей, по существу своему демократична, она не успокаиваетъ, но толкаетъ впередъ, вызываетъ новыя и новыя требованія; что прощается монархіи, не прощается ей; изъ всѣхъ золъ, царящихъ надъ людьми, она меньшее, и ее должно промѣнять въ послѣдній часъ только на соціалистическій строй.

Парламентъ до настоящей минуты представлялъ, по выраженію анархистовъ „самое жалкое изъ всей націи“, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: пока всюду правитъ одинъ буржуазный парламентъ; свою буржуазную миссію, нужно сознаться, онъ выполняетъ до отвращенія превосходно: все, все для себя, ничего для народа. На всѣ „проклятые вопросы“ одинъ отвѣтъ: штыки и пули. Рабочаго парламента не было, и заранѣе обрекать его неудачамъ мы не имѣемъ права, намъ будутъ не безъ основанія возражать: „Подождите опыта, не предупреждайте исторію; только на дняхъ три рабочихъ выступили на парламентскую трибуну, и они уже обратили на себя вниманіе всей Франціи, ихъ мужественныя, честныя рѣчи печатаются на казенный счетъ; благодаря парламенту, онѣ разносятся не только по всей Франціи, но и по всей Европѣ, вербуютъ новыхъ соціалистовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что скоро рабочіе, умудренные тяжкимъ опытомъ, начнутъ выбирать депутатовъ съ писанными программами на одинъ годъ, и въ случаѣ малѣйшей измѣны, будутъ судить ихъ, какъ злоупотребившихъ общимъ довѣріемъ.

Но если впослѣдствіи окажется, что парламентскія стѣны на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ силу, даже рабочихъ превращать во враговъ рабочихъ, мы всѣ послѣдуемъ за вами.

Всѣ ученія, политическія и соціалистическія создавались людьми необыкновеннаго ума, безупречной логики, они исчерпывали литературу занимающаго ихъ предмета до дна, взвѣшивали всѣ противорѣчія: въ данный моментъ ихъ ученіе было „послѣдняя правда", но затѣмъ, послѣдователи ученія старались его немедленно, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, занести на каменныя скрижали и торжественно внести въ „святая святыхъ;„ эта печальная сторона всѣхъ ученій, всѣхъ партій. Но жизнь каменнаго догмата долго не переноситъ, она вывѣтриваетъ самый твердый камень, поправки этого сурового цензора рано или поздно признаетъ самый дерзкій умъ. Мы, русскіе, были свидѣтелями всепобѣждающаго жизненнаго процесса—выстрѣлъ Засуличъ можетъ служить мнѣ роскошнѣйшей иллюстраціей, выстрѣломъ она разбила скрижали, убила наповалъ одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ анархизма, что политическая борьба безполезна, что республика, конституціонная монархія, въ духѣ англійской, и деспотія представляютъ одно и то же.

Рѣчь Ламанскаго

въ славянскомъ обществѣ

Въ „Новомъ Времени“, на видномъ мѣстѣ, мы узрѣли рѣчь Ламанскаго. Не смотря на нѣкоторый позывъ на тошноту, мы рѣшились преодолѣть ее. На первыхъ же страницахъ начинается хлестаковщина: „съ тридцатью тысячами курьеровъ“, „меня цитируютъ иностранныя газеты“, „славянская печать избаловала меня своимъ вниманіемъ“, „я 32 года изучаю славянщину“ и пр. Послѣ такихъ скромныхъ заявленій, всякій наивный читатель, незнающій, что представляетъ собою наше татарское славянофильство, вправѣ ожидать колоссальныхъ обобщеній, грандіозныхъ выводовъ, чрезвычайныхъ откровеній, не даромъ же, съ позволенія сказать, онъ 32 года изучалъ! Дочитавъ длинную, предлинную морфалафію, мы пришли къ тому, что ожидали, а именно: что имѣемъ дѣло съ лукошкомъ à ля Страховъ.

Распушилъ онъ, какъ водится, Европу, залихватски выругалъ болгарскихъ регентовъ: подлецами, мерзавцами, ростовщиками. Желая блеснуть нѣжностью къ жандармеріи, лягнулъ со всего размаха русскихъ революціонеровъ; затѣмъ пошелъ пережевывать газетную неблагопристойность; въ результатѣ: выѣденное яйцо, ломанный грошъ. Ученый дятелъ, 32 года долбящій древо знанія, поглотившій бездну крошечныхъ, не напитавшихъ его насѣкомыхъ, провозгласилъ: „уши выше лба не растутъ“.

Презрѣнные людишки знаютъ превосходно, что ничего не умѣютъ и не смѣютъ сказать, и суются говорить, лѣзутъ печатать въ газетахъ казенную мудрость.

Любезнѣйшій профессоръ! урокъ свой вы отдолбили превосходно и, конечно, заслуживаете 5 баловъ за

успѣхи въ наукахъ и 5 съ крестикомъ за поведеніе, но жаль, что прогуливаясь по славянскимъ садамъ, залѣзая во времена непозволительно отдаленныя, вы позабыли сдѣлать выводы изъ путешествій. Божественнымъ элементомъ проникнута ваша рѣчь—она безъ начала и конца. Вы выругали регентовъ мерзавцами, ростовщиками, но, вы, прекраснѣйшее россійское созданіе, забыли хотя однимъ фактомъ подкрѣпить поздревскій отзывъ; съ вашей славянофильской точки — мерзавцы тѣ, которые осмѣливаются, не взирая на Александра III, отстаивать свободу, независимость своей родины; ростовщики, негодяи тѣ, которые тактомъ, мужествомъ, энергіей возбудили къ себѣ и своей странѣ симпатіи цѣлаго міра*). Но къ такимъ оцѣнкамъ мы привыкли; давно ли Ив. Аксаковъ плевалъ въ лица дивнымъ праведникамъ, распятымъ 3 Апрѣля, надругивался надъ ихъ подвигами? Терроризмъ у васъ всѣхъ стоитъ поперекъ горла; вы сознаете его непобѣдимое могущество, знаете, что вся ваша пустозвонная схоластика разлетается дымкомъ ничтожнымъ при соприкосновеніи съ нимъ.

Вы желаете объединить славянъ самодержавіемъ и православіемъ, не сомнѣваюсь, что они вамъ очень по душѣ: подъ ихъ черными крылами вамъ привольно, весело живется; они не убиваютъ ни вашего краснорѣчія, ни полезной дѣятельности. Но нужно справиться, раздѣляютъ ли ваши тонкіе вкусы, аппетиты братья славяне. Вы привыкли къ мертвой петлѣ, носите ее какъ парадный галстукъ, орденскую ленточку, считаете выступать безъ нея передъ публикой неприличіемъ; вы ворочаете въ ней шеей весьма свободно; но легко

*) Ламанскій почему то исключаетъ Францію, увѣряетъ, что она оставалась вѣрною царю-батюшкѣ, за это благолѣпіе онъ посылаетъ крѣпкое, русское спасибо (о возрадуйся, возгордись Франція! помни кто тебѣ посылаетъ; его цитируютъ иностранныя газеты, его избаловали славяне и проч. и проч.). Читая Gaulois Ціона и кой какія оппортюнистскія газетишки, онъ принялъ ихъ за общественное мнѣніе. Совѣтую ему перелистать дѣйствительно свободную прессу и пусть полюбуется, какъ говоритъ она о царѣ и о его янычарѣ — Каульбарсѣ. Ламанскій повѣрилъ Кувыркасу, что онъ получилъ нѣсколько писемъ изъ Франціи; если таковыя существуютъ, то несомнѣнно они присланы русскими шпіонами, добровольцами, практикующими въ Парижѣ.

можетъ быть, что братья славяне найдутъ мертвую петлю нѣсколько стѣсняющей кровообращеніе. Ваша слоновья кожа къ розгамъ и полицейскимъ оплеухамъ вполнѣ нечувствительна, но легко можетъ быть, что кожа братьевъ славянъ много тоньше и снабжена нервами. Вы смотрите на генерала Кувыркаса, какъ на доблестнаго слугу царскаго, болгары — какъ на гнуснаго холопа царскаго. Зачѣмъ такъ размашисто вы суете шеи вашихъ несчасныхъ братьевъ въ петлю и ихъ благородное, жаждущее свободы сердце подъ, царскій ножъ? Неужели вы не сыты гибелью чуть не цѣлаго молодого поколѣнія въ Россіи, и вамъ нужна въ придачу молодежь болгарская? Что можете вы, славянофилъ, другими словами: царскій и поповскій рабъ, вѣрящій въ „твердость царя, въ его горячую любовь къ Россіи", предложить славянамъ? Вы краснѣете, нѣмѣете, оглядываетесь испуганно по сторонамъ, когда приходится отвѣчать на этотъ прямой вопросъ. Вы боитесь сознаться, что несете въ Болгарію розги, тюрьмы, висѣлицы безъ суда, пытки, административныя ссылки, полицейскій разбой, всесословное предательство, безконтрольный грабежъ, свирѣпое удавленіе прессы и голоса человѣческаго. Что представляетъ соблазнительнаго ваше, всѣмъ навязываемое, православіе? — Громадную кучу доносчиковъ, пьяницъ, проходимцевъ, невѣждъ. Что вноситъ православіе въ русскую жизнь въ лицѣ Побѣдоносцева и проч. жандармствующихъ архипастырей? — Одно, одно допотопное невѣжество, одни идіотскіе предразсудки, рабскую покорность, подлое убожество. Чѣмъ торгуетъ ваша православная церковь въ концѣ XIX вѣка? — Она торгуетъ среди бѣлаго дня святыми, набитыми трухой, куклами, мироточивыми черепами, носами, матерями троеручицами и прочими мерзостями. Прочтите брошюрки Исаакіевскаго собора, рѣчи пастырей противъ штундистовъ, недавнюю рѣчь харьковскаго архіепископа противъ Льва Толстого. Если вы не кастратъ, вы, невольно, заткнете уши и носъ. И вы рѣшаетесь возставать противъ пропаганды протестанства среди славянскихъ племенъ! Мы питаемъ безграничное презрѣніе къ безвязному, картавому, младенческому лепету, именуемому религіей, но разъ намъ предложили бы выбирать одно изъ двухъ: православіе или проте-

ство, мы на секунду не задумываясь, выбрали бы послѣднее, какъ зло меньшее.

Мы освободили славянъ изъ подъ султанской пантуфли, конечно, не за тѣмъ, чтобы согнуть ихъ подъ казацкіе сапожищи Александра III. Предложите славянамъ на выборъ: султанское или царское иго и, нѣтъ сомнѣнія, они предпочтутъ султанское: попомъ давящимъ меньше.

Пусть завтра Россія сдѣлается вполнѣ свободной, и славяне, безъ помощи славянскихъ комитетовъ, радостно протянутъ намъ руку. При теперешнемъ строѣ они пойдутъ на насъ войною, при малѣйшемъ покушеніи захватить ихъ въ ненавистные, царскіе когти. Если они бросаются въ объятія Австріи, Англіи, то по той простой причинѣ, что объятія ихъ слаже нашихъ; наши, при Александрѣ III, по своей чарующей нѣжности, очень подходятъ подъ объятія Нюренбергской желѣзной дѣвы, съ ножами внутри. Вы требуете отъ болгаръ любви неземной, институтскаго обожанія, колечка съ бирюзой, медальона съ пучечкомъ волосъ, это не только пошло, но и гнусно, теперь и въ романахъ рѣдко встрѣчаются дѣвы, влюбляющіяся безъ ума въ завѣдомыхъ воровъ, душегубцевъ. Истина эта, конечно, горька, но она — истина математическая. Мнѣ кажется, что даже вамъ, она изрѣдка, приходитъ въ голову, но вы открещиваетесь отъ нея, какъ отъ рогатаго черта, вы догадываетесь, что проникновеніе такой истиной ведетъ фатально „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, свершить такой шагъ можетъ только обладающій человѣческимъ сердцемъ, а ваше недоразвито, съ наперстокъ. Какъ покойный Аксаковъ и десятки другихъ, вы провертитесь всю жизнь въ бѣличьемъ колесѣ, будете выбиваться изъ силъ, стараясь создать подобіе зданія на зыбучемъ пескѣ.

Въ вашей рѣчи вы упоминаете, что 1884 году путешествовали по Болгаріи, Румыніи, Сербіи. Скажите, положа руку на сердце, много ли вы встрѣчали среди интеллигенціи людей, сочувствующихъ вамъ, помните то было до Каульбарса!! Увы! теперь, послѣ казацкаго визита ни для кого не секретъ, что подъ вашею дутою риторикою, увиливаньями, кроются: порабощенье, застой, мракобѣсіе. Вы прососаны самодержав-

ною и православною мертвечиною до мозга костей и хотите эту черную смерть привить всѣмъ. Вы похожи на школьниковъ, выучившихся гадостямъ и которые, почему то, всегда болѣзненно стремятся ихъ преподать въ новь поступившимъ. Вы вопите объ объединеніи съ славянами, и нѣтъ въ Россіи людей, которые болѣе бы васъ, славянофиловъ, разъединяли.

Вы не доросли до пониманія, что высочайше-широчайшая, разбойничья банда и Россія общаго ничего не имѣютъ. Самодержавіе — палачъ, Россія — изнемогающая въ цѣпяхъ жертва. Вы никакъ не умудритесь понять, что заплёвывающіе, позорящіе, топчащіе ногами и наконецъ убивающіе палача, освобождаютъ жертву.

Газетчики, у которыхъ вы черпаете свѣденія о Болгаріи, валятъ на головы регентовъ всѣ ужасы, царящіе въ Россіи. Не зная, что выдумать, они пустили входъ „песочныя кишки и увѣряютъ, что ими били навербованныхъ Каульбарсомъ въ Болгаріи агентовъ-провокаторовъ. Они забыли, что это чудовищное орудіе цѣликомъ принадлежитъ намъ, имъ били, безъ шума, до полусмерти, политическихъ жертвъ, протестовавшихъ изъ за рѣшетки, во время истязанія Боголюбова Треповымъ. Если бы „Русскій странникъ“ и проч.клейменные проходимцы, притащенные Каульбарсомъ, на казенный счетъ, осмѣлились орудовать въ другой странѣ такъ, какъ они орудовали въ злосчастной Болгаріи, ихъ тотчасъ бы всѣхъ утопили въ первой отхожей ямѣ. Тираны-регенты, не шевельнувъ пальцемъ, вынесли нашихъ неистовствующихъ корреспондентовъ; цѣлыя долгія недѣли они неслыханно клеветали, шпіонили, доносили, ругали площадными словами регентовъ, устраивали заговоры, подговарирали убійцъ, и, не смотря на все, выѣхали изъ Болгаріи невредимыми. Помните, что тутъ дѣло шло не о терпимости чужихъ убѣжденій, тутъ была терпимость сволочи, выпущенной изъ дома терпимости.

Прислушайтесь, что говоритъ весь цивилизованный міръ, какъ одинъ человѣкъ, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ. Онъ изо дня въ день твердитъ все одну и ту же зловѣщую фразу: „въ концѣ XIX вѣка свершается нѣчто невозможное, граничащее съ галлюцинаціей: сто милліонная страна, прилегающая къ Европѣ, управляется

буйнымъ, помѣшаннымъ, который въ припадкѣ уже успѣлъ убить одного изъ своихъ приближенныхъ. Вся Европа находится, къ стыду своему, въ рукахъ взбѣсившагося отъ страха, онъ можетъ въ умоизступленіи двинуть на Европу свои безсмысленныя татарскія орды, зажечь всемірную войну. Онъ, погубившій тысячи невинныхъ у себя, можетъ погубить въ безплодной войнѣ сотни тысячъ невинныхъ чужой страны". Газеты не договариваютъ послѣднее, роковое слово, но угадать его не трудно, оно у всѣхъ на устахъ, оно стоитъ въ наэлектризированномъ воздухѣ: „смерть, скорѣе смерть чудищу, существованіе котораго — „стыдъ природы", оскорбленіе человѣчества". Не только радикалы, соціалисты, но и умѣренные либералы всѣхъ странъ, безтрепетною рукою подписали смертный приговоръ коронованному каторжнику, одобрили тираноубійство; великое, великое знаменіе времени!! Не прошло еще шести лѣтъ съ позорнаго дня воцаренія Александра III, и вся Европа перешла на сторону террористовъ, ждетъ, не дождется бомбъ освободительницъ.

Послѣдній часъ, наконецъ, пробилъ самодержавію; Снизу его неустанно, неустанно подкапываютъ революціонеры, вооруженные страшными орудіями разрушенія, сверху оно само себя жретъ съ ужасающимъ аппетитомъ,

Январь 1887.

Балъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

Я получилъ въ одинъ и тотъ же день: „На родинѣ“ № 3 и „Правительственный Вѣстникъ“. „На родинѣ“ производитъ впечатлѣніе, граничащее съ пыткою, чисто кожу сдираютъ. Біографіи, кореспонденціи полны потрясающихъ фактовъ, они много говорятъ уму, сердцу, подсказываютъ зловѣщія мысли. Книжки „На родинѣ“ пріобрѣтутъ громадное значеніе, онѣ посвящаются не однимъ революціонерамъ, но и публикѣ; горячее слово сѣетъ всюду страшную ненависть къ истязателямъ, глубокую любовь къ истязуемымъ. На послѣдней страницѣ помѣщено воззваніе одесской партіи „Народной Воли“, оно перепечатано во всѣхъ запрещенныхъ журналахъ и во многихъ иностранныхъ газетахъ. Политическихъ заключенныхъ начинаютъ загрызать всюду безъ промедленія; царь повелѣлъ губить ихъ безъ пощады; къ сырости, голоду, холоду, прибавились побои и всевозможныя истязанія; убійцы сняли маски и съ хохотомъ заглядываютъ въ глаза умирающимъ. Тюремный докторъ Розенъ съ улыбкой совѣтуетъ больнымъ, голоднымъ всасывать, нажитые тюрьмой, опухоли, нарывы; онъ рычитъ на всю тюрьму, что политическимъ жертвамъ не докторъ нуженъ, но палачъ. Мечтая о денежкахъ, повышеніи, онъ забылъ, что самъ уже давно не докторъ, но восторженный палачъ, что не такъ давно,

во время казни Халтурина, Желвакова, онъ училъ неопытнаго палача дѣлать петлю и съ прибауточками примѣривалъ ее на шеяхъ приговоренныхъ. Пусть рожа проклятаго подлеца, выкреста до самой смерти будетъ всеобщею грязной лоханью, пусть умретъ онъ подъ оплеухами!

Смотритель тюрьмы Зубочевскій вступилъ въ соревнованіе съ Розеномъ: умирающихъ въ чахоткѣ онъ швыряетъ въ карцеры, приказываетъ умирающихъ бить; пытки перешли предѣлы возможнаго, вспыхнулъ голодный бунтъ. Александровская креатура не смутилась, весело заявила: „Это у насъ не ново, мы будемъ ихъ питать клистирами!“

Если гадамъ не всадятъ пулю въ лобъ, они далеко пойдутъ, составлятъ себѣ блестящую карьеру.

Душа изнемогла я закрылъ скорбную лѣтопись; раскрылъ „Правительственный Вѣстникъ“, первая страница посвящена описанію бала въ Зимнемъ Дворцѣ.

„Въ восемь часовъ вечера ярко освѣтилась громадная Николаевская зала. Подъ сѣнью двухъ гигантскихъ латаній возвышалась эстрада декорированная краснымъ сукномъ и тепличными растеніями. На эстрадѣ помѣщался придворный оркестръ, въ парадныхъ красныхъ кафтанахъ. Въ помпеевской галлереѣ были устроены большіе буфеты съ шампанскимъ, мороженымъ, сластями и фруктами. Вся тропическая растительность зимняго сада и его бьющій фонтанъ были изящно иллюминованы. Дамскій буфетъ былъ въ Ротондѣ; для высочайшихъ особъ въ малахитовой гостинной.

Его величество былъ въ кавалергардскомъ бальномъ мундирѣ, Ея Величество въ блѣдно розовомъ бальномъ платьѣ; голова была украшена брилліантовой діадемой.

Въ 12 часовъ ночи послѣдовалъ ужинъ на 2800 человѣкъ. Въ залахъ, занятыхъ ужиномъ, кромѣ газоваго освѣщенія и лампъ, горѣли 30,000 свѣчей. Сервировка столовъ отличалась великолѣпіемъ. Особенно художественно были сервированы 9 столовъ. Противъ куверта государыни, кромѣ драгоцѣннаго столоваго сервиза, массивныхъ вазъ, съ рѣдкими живыми цвѣтами и фруктами, былъ раскинутъ столовый коверъ изъ живыхъ ландышей и гіацинтовъ.“

Поймет ли ненасытная грабительница, что фіалки, ландыши, гіацинты выросли на нашемъ обезображенномъ трупѣ? Поймет ли сказочный грабитель, нагло издѣвающійся цѣлыхъ два года надъ Россіей, что драгоцѣнныя вина, льющіяся рѣкой — кровь нашего истерзаннаго сердца!?

Кто вразумитъ рѣзвящихся самцевъ и самокъ? Какая сила, исключая силы взрывающей, пробудитъ совѣсть у паразитовъ, безпрерывно впитывающихъ и извергающихъ пищу? Они рождены безъ нея и околѣютъ безъ нея. Совѣсть сослана на каторгу, она изнываетъ въ тюрьмѣ; дворецъ свободенъ отъ нея. Отвратительный спрутъ раскинулъ по всей Россіи чудовищныя плети, съ кровососными банками; студенистая масса сосетъ и душитъ, плети тихо ползутъ къ нашему горлу...

30000 свѣчей!!! Встала передо мной занесенная снѣгомъ лачуга; сидитъ въ ней ребенокъ весь синій, въ дерюгѣ, щелкаетъ желтыми зубами; потухающимъ огонькомъ горитъ лучинка...

Безчисленныя, убогія лачужки, разбросанныя по необъятной Россіи, своими послѣдними грошами, создаютъ, питаютъ это ужасающее, по своей преступности, великолѣпіе. Коронованная дрянь, тебя ослѣпили 30000 свѣчей, громадные брилліанты твоего ожерелья, твоей діадемы, бальная атмосфера одурила всѣхъ васъ, вы не слышите, что высоко, высоко надъ вами вѣетъ прохладное дыханіе смерти.

Приглядись пристально, царица, покрытая брилліантами, въ брилліантовыхъ браслетахъ! тамъ вдали, куда не проникаетъ свѣтъ отъ 30000 свѣчей, въ полумракѣ стоитъ призракъ-дѣвушка, больная, блѣдная, вся въ бѣломъ; у ней веревка на шеѣ; на блѣдныхъ, тонкихъ рукахъ висятъ черныя цѣпи; кровь падаетъ каплями изъ-подъ желѣзныхъ браслетъ. Дѣвушка знакомая; много, много разъ мы встрѣчали милыя, добрыя черты; она на всѣхъ похожа; печальные глаза устремлены на пирующихъ и неразгаданная тайна свѣтится въ нихъ. О, если бы, царица, твоя птичья головенка въ состояніи была понимать только то, что уже стали понимать наши дѣти, и комокъ въ твоей пустой груди въ состояніи былъ бы биться въ тактъ съ человѣчес-

кимъ сердцемъ, ты постаралась бы узнать тайну, скрывающуюся въ безконечно печальномъ взорѣ и умолила бы все, все разсказать.

Разсказала бы тебѣ больная дѣвушка, покрытая кровью, съ цѣпями на блѣдныхъ, худыхъ рукахъ, съ веревкою на шеѣ, исторію ужасовъ; развернула бы картины невѣроятныхъ незаслуженныхъ мукъ, длящихся изъ минуты въ минуту, изъ часа въ часъ, годы, цѣлую жизнь. Діадема загорѣлась бы на твоей головѣ, какъ заколдованный вѣнецъ Медеи; почернѣли бы брилліанты на твоемъ ожерельѣ, и брилліантовый ошейникъ удавилъ бы тебя!

Наслаждайтесь, пируйте, вѣнчайтеся цвѣтами, самодовольные злодѣи, лютые воры! Вы танцуете бѣшеный танецъ на своихъ собственныхъ гробахъ.

Смерть позоветъ васъ въ часъ, когда менѣе всего вы будете приготовлены... Надъ вашими головами тихо вѣетъ черное, таинственное знамя. Каменный гость стоитъ у дверей...

. . . . . .

Февраль, 1883.

ФАУСТЪ

на закатѣ XIX вѣка

Сцена происходитъ въ Америкѣ, на берегу громаднаго озера. Лабораторія Фауста. Въ полумракѣ блестятъ ящики причудливой формы и разныхъ величинъ. На столахъ разложены соблазнительные сѣверные и южные плоды; изящныя дѣтскія игрушки; портмоне, портсигары, иконы чудотворцевъ, въ дорогихъ ризахъ, и въ самомъ темномъ углу, на возвышеніи, вырисовывается нѣчто странное, непонятное, на видъ очень простое. Лабораторія полна волшебной жизни; смѣшиваются фантастическіе звуки: глухой шорохъ маленькихъ колесъ, удары маятниковъ, нѣжный звонъ стальныхъ пластинокъ, шумъ легкій, ровный, похожій на дыханіе младенца. . . . . .

Фаустъ. — Со смѣхомъ, грустью вспоминаю нѣкогда произносимые мною пышные монологи (декламируетъ). „Всевышній духъ, ты все, ты все мнѣ далъ, о чемъ тебя я умолялъ. Ты далъ природу мнѣ, какъ царство во владѣніе. Ты далъ душѣ моей даръ чувствовать ее, далъ силу наслажденія; иной едва скользитъ по ней холоднымъ взглядомъ удивленія, но я могу въ ея таинственную грудь, какъ въ сердце друга заглянуть". Подовавшій большія надежды, злой, острый бѣсъ, Мефистофель понялъ меня превосходно.. Мнѣ, изнывавшему надъ тайнами земли, неба, онъ подсунулъ грудь, не таинственную, но нѣжную, бѣлую, дѣвственную! и ... я заглянулъ ... (горько смѣется) я, жаждавшій постигнуть вѣчное, охватить необъятное, связался съ нѣмочкой, стройною, съ пепельными волосами, синими глазками, пунцовыми губками. Небесное созданіе, сотканное изъ луннаго блеска, ароматовъ распускающихся въ горячихъ лучахъ солнца, лилій, и въ тѣни лѣсовъ ландышей, я не понялъ, не оцѣнилъ тебя! Непозволительно долго возился съ тобой! Послѣ волшебной сцены въ саду, мнѣ, непремѣнно, слѣдовало справить

тебѣ приличное приданое, дать векселъ на солиднаго берлинскаго банкира и, затѣмъ, живо пристроить за вѣрнаго королю колбасника. Забывъ поэтическое веретено, ты стала бы весело вязать мужу теплые, ночные колпаки, чулки, фуфайки. По воскреснымъ днямъ вы пили бы большими кружками баварское пиво, а возвратясь домой, кушали бы, припѣваючи, вкусно приготовленныя тобою, жареныя сосиски, съ лукомъ, вареньемъ, кислою капустою. Послѣ нѣсколькихъ родовъ, ты располнѣла бы чрезвычайно и насмѣялась всѣмъ своимъ существомъ надо мною, злѣе Мефистофеля. Онъ, трунившій въ началѣ, такъ обидно, подъ конецъ, самъ впалъ въ трагическій тонъ. Къ чему были таинственныя искушенія въ соборѣ, тюрьма, отверзтыя небеса, „погибла“, „спасена“? Зачѣмъ спускался я въ міръ солнца, жаркихъ грезъ, мраморныхъ коллонадъ, звенящихъ фонтановъ, въ мірь стройный, прекрасный, какъ сонъ языческаго Бога? Какія дикія несообразности: сентиментальная дѣва изъ буржуазной семьи, обрывающая лепестки съ маргаритки и „матери“!... Мемистофель! Мефистофель! (въ углу съ ужаснымъ трескомъ взрывается бомба, въ дыму, пламени показывается Мефистофель).

Мефистофель. — Старый другъ, узнаешь ли меня? На мнѣ нѣтъ красной шапочки, съ невинными, чуть не балаганными рожками; я сбросилъ маскарадный плащь и сломалъ блестящую, рыцарскую шпагу. Я не корчусь болѣе въ судорогахъ передъ крестомъ; взирая на него, я смѣюсь и плачу. Не предложу тебѣ дѣвочку, мнѣ теперь не къ лицу роль сводника. Маргаритъ много навезли и въ Америку, ихъ доставляютъ пароходы изъ Гамбурга, брось нѣсколько долларовъ и будешь нѣжно любимъ, безъ трагическихъ аксесуаровъ, несносныхъ хлопотъ. Не стану спорить съ тобою величественно тонко, ѣдко, о выѣденной скорлупѣ, предвѣчномъ движеніи ноля. Не приглашу спуститься въ міръ изящной похоти, знойнаго упоенія; но мы насладимся съ тобою зрѣлищемъ Вальпургіевой ночи. Охваченный могильнымъ смрадомъ, ты увидишь обожженныя, черныя скалы до небесъ, пропасти безъ дна. Во тьмѣ гремятъ бѣшеные вопли, проклятія, призывы къ нескончаемой мести, раздаются дѣтскій, судорожный плачъ, кроткія мольбы,

На кровавомъ фонѣ небесъ предстанутъ передъ тобою черныя висѣлицы, кровожадныя птицы жадными клювами начнутъ оголять кости повѣшанныхъ. Въ сіяющемъ саванѣ предстанетъ образъ дивной праведницы ; онъ вольетъ огонь въ твои увядшія артеріи, вдохнетъ мощь исполинскую, дерзость безумную ... сердце безконечно расширится.

Фаустъ. — Всесильный духъ разрушенія, духъ движенія, созданія, вотъ рука моя! я иду за тобою на смерть или побѣду!

ГОДЪ СПУСТЯ

Обстановка таже. ФАУСТЪ и ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

Путешественникъ. — (Пристально взглядываясь въ *„ничто“*), Гражданинъ! извините за нескромный вопросъ. Неужели эта, въ нѣкоторомъ родѣ, гипербола предназначена... (закашливается).

Фаустъ. — Вы не ошиблись, она предназначена для него. Изъ всѣхъ негодяевъ, злодѣевъ стараго міра, обреченныхъ казни, онъ самый невѣроятный, самый ужасный.

Путеш. — Какой срокъ нуженъ гиперболѣ... т. е. я хочу сказать, если ее завести висящимъ тамъ хорошенькимъ ключикомъ, то черезъ сколько недѣль наступитъ праздникъ Вознесенія?

Фаустъ. — Тотъ, кто заведетъ ее въ старомъ свѣтѣ, будетъ дожидать ея дѣйствія въ этой самой лабораторіи. Мучительно замретъ сердце, задумчиво склонится голова, полная грозныхъ думъ, когда стрѣлка часовъ начнетъ близиться къ часу освобожденія, часу великой праведной казни.

Путеш. — Гражданинъ, вамъ болѣе, чѣмъ кому нибудь извѣстно, что онъ спускаетъ чуть не половину бюджета на Искаріотовъ. Гостинницы, рестораны, кабаки, частные дома, ночлежные пріюты, дома терпимости, учебныя заведенія, казармы, канцеляріи, министерства — наполнены предателями; всеобщее безстыдство, позорная трусость бодрятъ ихъ; проклятые гады смѣло втираются всюду ; не спѣша вскрываютъ письма, телеграммы; они кишатъ на границѣ, за границей, рыскаютъ во всѣхъ поѣздахъ, со всѣми заговариваютъ, провокиру-

ютъ; удары, наносимые имъ, изощрили въ нихъ зрѣніе, обоняніе, въ особенности слухъ; многіе изъ нихъ увѣряютъ, что слышатъ по ночамъ, какъ „звѣзда съ звѣздою говоритъ".

Фаустъ.— Если онъ сто милліоновъ своихъ холоповъ превратитъ въ шпіоновъ, сонъ его не сдѣлается покойнѣе; достаточно одного человѣческаго сердца на сто милліоновъ *полыхъ мускуловъ*, и все взлетитъ къ вѣчнымъ звѣздамъ, какъ протестъ земли къ пустымъ небесамъ (показывая мячикъ). Между этою цацкою и вашими револьверами, кинжалами, такая же разница, какъ между зазубренною лапатою каменнаго періода и машинами, просверлившими гранитныя твердыни, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ С.-Готарда. Дѣтская ручка, вооруженная ею, остановитъ на полномъ ходу тріумфальное шествіе деспота, окруженнаго тысячами охранниковъ. Представьте себѣ этотъ мячикъ въ рукахъ Каракозова, Соловьева и другихъ, тщетно покушавшихся ..... Будь онъ въ рукахъ Березовскаго, онъ въ одинъ мигъ освободилъ бы двѣ громадныхъ страны. Появись бомба Кибальчича 50 лѣтъ назадъ, Европа въ настоящую минуту была бы единой федеральной республикой. Маленькая пушка убила феодализмъ; бомба, вспыхивающая при паденіи, убьетъ монархію.

Путеш. — Вы правы! Конвои въ кирасахъ, стальныя кареты, послѣ бомбы Кибальчича, стали кровожаднымъ подсовываніемъ невинныхъ людей подъ смерть. Но вы забыли, что можно еще довольно долго протянуть, играя въ прятки.

Фаустъ. — Добровольное заточеніе — своего рода самоубійство; говоря словами библіи — *„пожираніе плоти, мышцы своей"*. Высочайшая власть, проводящая лучшіе часы жизни въ сортирѣ, дрожащая при взглядѣ на собственную тѣнь — не власть, но всесвѣтное посмѣшище; она потонетъ въ плевкахъ; такую высочайшую власть дворцовые куртизаны скоро пачнутъ въ уголъ и на колѣни ставить, посѣкать розочкой, оставлять безъ пирожнаго.

Путеш. — Но можно иногда вылазки дѣлать, стремительные набѣги на весьма отдаленные города, а министръ, черезъ недѣлю по возвращеніи, будетъ катать

телеграммы о безпредѣльныхъ чувствахъ и безконечныхъ „ура“.

Фаустъ. — Неумолимая смерть будетъ караулить гнуснаго шута за каждою дверью, окномъ; всюду будетъ раздаваться звонъ, натачиваемой смертью косы, вездѣ найдетъ она: „на сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами, за потаенными замками, на ложѣ сна, въ семьѣ родной“.

Путеш. — Но, гражданинъ! снимая съ царей и королей человѣческій обликъ, вы не можете отнять у нихъ чисто животныхъ ощущеній — ему будетъ больно, когда высочайшіе члены, вдругъ, отдѣлятся отъ августѣйшаго туловища.

Фаустъ. — Отцамъ, матерямъ было не больно, когда, волнуемый шкурными инстинктами, онъ отрывалъ у нихъ отъ сердца невинныхъ дѣтей, швырялъ на растерзаніе палачамъ!?

Путеш. — Если они не любятъ людей, то, иногда своихъ дѣтей, какъ волкъ волченятъ. Если взглянуть съ философской точки — они даже не виноваты: они искусственные монстры; съ ихъ, безъ того жалкими, пустыми, головами, дворцовые, ненасытные грабители поступаютъ, какъ съ женскою ножкою въ Китаѣ, и общественное мнѣніе всей Европы, Америки не совсѣмъ справедливо ставитъ ихъ внѣ закона, ниже взбѣшившейся собаки; на международномъ конгрессѣ, по поводу выдачи цареубійцъ, нѣкоторые предложили вопросъ: почему убійства простаго человѣка считается тяжкимъ преступленіемъ, а убійство царя — актомъ высочайшей гражданской доблести?

Фаустъ. — Замолчите! Мы знаемъ наизустъ лакейски-шпіонскую, жандармо-полицейскую мораль; ваше позорное клише совсѣмъ истерлось, и такіе презрѣнные людишки, какъ Мартенсъ и другіе, пускаютъ его въ ходъ, оглядываясь по сторонамъ; одною рукою защищая никогда некраснѣющія щеки, другую же протягивая по направленію къ тайной полиціи за подачкой. Для политическихъ актовъ есть критеріумъ, старый какъ міръ; царства сметались съ лица земли, но онъ оставался невредимъ. Разбойничьи, воровскія шайки, именуемыя правительствами, пользуясь правомъ животной силы, иногда нарушали этотъ критеріумъ, но они возбуждали

этимъ всегда отвращеніе,, негодованіе у націй; при столкновеніи съ нимъ, въ пухъ разлетаются правительственные софизмишки, застѣночная логика, юридическая схоластика. Въ продолженіи тысячъ лѣтъ несчетное число разъ мѣнялись государственная и общественная мораль; преступленіе становилось добродѣтелью, добродѣтель — преступленіемъ; нравственное въ одной странѣ, превращалось въ безнравственное въ другой;—критеріумъ же для политическихъ дѣйствій у всѣхъ націй оставался одинъ и тотъ же, и въ самыя дикія времена ни одна изъ нихъ не падала до отрицанія его. Все заключается въ вопросѣ: „что толкало вашу руку при свершеніи извѣстнаго поступка, стремленіе къ общему благу или личному? „Если будетъ доказано, что вы всего себя отдавали на жертву общему благу, то что бы вы не свершили, вы — праведникъ и самое ужаспое, что можно придумать противъ васъ, въ случаѣ неудачнаго, даже вреднаго дѣйствія, — это назвать его святою ошибкою, святымъ заблужденіемъ. Не революціонные промахи, жертвы революціи страшны; страшно, „когда ничего нѣтъ страшнаго“, когда въ задавленной странѣ смолкаетъ революціонный протестъ, замираетъ готовность жертвовать собою за общее благо. Представьте себѣ на одну минуту царствованіе Александра III, безъ заговоровъ, бомбъ, словомъ безъ протестовъ, и, я увѣренъ, что вы тотчасъ же проклянете родину, часъ рожденія и уйдете на край свѣта, чтобы не слышать заражающей вони чудовищнаго трупа. Революціонные удары всегда падали на головы коронованныхъ и спасающихъ ихъ неотвѣтственныхъ преступниковъ. Но не забывайте, что поразительныя, коронованныя *головенки* сами добровольно выгородили себя изъ человѣчества, поставили внѣ законовъ; разъ они не люди, то — лютые звѣри и на нихъ нужно охотиться.

Путеш. — Монархи съ ужасомъ прислушиваются къ апологіи тираноубійства, которая все оглушительнѣе раздается въ Европѣ и Америкѣ, ни одно правительство не осмѣливается заикнуться о выдачѣ политическихъ дѣятелей; самые отдаленные *подходцы*, тонкія заговариванія вызываютъ омерзенье. Урокъ, данный французами, по поводу Гартмана, еще живъ въ памяти. Впрочемъ, недавно, въ газетахъ пронесся слухъ, что

старый Бисмаркъ сталъ поставщикомъ висѣлицъ и тайкомъ отъ страны, выдалъ Александру III русскаго революціонера, какъ простого убійцу; газеты всей Европы отказались этому вѣрить.

Фаустъ. — Загляните въ греческую и іудейскую мифологіи, онѣ — апологіи террористической борьбы. Минотавръ, Лернейская гидра, Аргусъ, гарпіи это — цари, короли, хищники; Авгіевы конюшни — дворцы; Геркулесъ, Тезей, Язонъ — идеальные первообразы Спартака, Брута, Гармодіуса, Вильгельмъ Телля, Орсини, Каракозова, Березовскаго, Соловьева, Желябова, Гриневицкаго. Прометей, сердце котораго рвали коршуны, — герой мысли, увитый терновымъ вѣнцомъ. Самсонъ, пошатнувшій колонны подъ пирующими Филистимлянами, воскресъ въ образѣ Халтурина, пошатнувшаго Зимній дворецъ, Юдиѳь — въ чудномъ образѣ Перовской. Вы произнесли: цари искусственные монстры, они невиноваты, они система, они сфабрикованы огромными шайками, для поддержанья произвола, грабежа, разбоя... Все это несомнѣнно. Но прошу васъ представить слѣдующую картину: бѣшенный волкъ на вашихъ глазахъ врывается въ толпу играющихъ дѣтей; кругомъ плачь стоны, кровь, проклятія выпотрошенныя внутренности. Неужели, имѣя въ рукахъ ружье, вы, вмѣсто того, чтобы броситься на встрѣчу бѣшенному звѣрю, пойдете на второй этажъ и съ балкона начнете холодно объяснять, что волкъ на волосъ невиноватъ, на томъ простомъ основаніи, что не получилъ въ волчьей ямѣ приличнаго воспитанія, и при этомъ, бѣшенный; что какъ больной, онъ заслуживаетъ участья. Но бѣшенный волкъ, — пасхальный барашекъ, въ сравненіи съ чудищемъ коронованнымъ, — оно пожираетъ цѣлые десятки тысячъ людей на выборъ, самыхъ лучшихъ; оно рветъ не сразу, но съ адскою медленностью, жилку за жилкой выматываетъ; для своихъ необузданныхъ прихотей, оно облупливаетъ до костей стомилліонную страну; трясясь за свою мерзкую шкуру, оно деретъ кожу съ ста милліоновъ невинныхъ людей. Убившій бѣшеннаго волка, встрѣтитъ благодарность; поразившій порфироносное страшилище, идетъ на ужасныя пытки, позорную казнь. Ренанъ въ „жизни Іисуса“ говоритъ: оппозиціонная партія всегда творила славу

своей страны, и самые величайшіе люди націи были тѣ, которые осуждались на смерть"... Горькая иронія жизни!... Проходятъ десятки лѣтъ, иногда вѣка, кости великаго *заступника* становятся летучимъ прахомъ, и только тогда начинаютъ ему воздвигать громадные памятники; геніальный художникъ создаетъ ему мраморную эпопею, и сотни тысячъ съ слезами восторга, ликованьями, несутъ золу отъ него въ Пантеонъ, и преодолѣвъ могильный мракъ, имя оплеваннаго нанятыми писаками, запытаннаго, казненнаго, Пачинаетъ свѣтить ярче небесныхъ звѣздъ, какъ слава, надежда.

Путеш. — Но жертвъ напрасныхъ сколько!...

Фаустъ. — (съ презрительнымъ хохотомъ). Не тысячи лѣтъ назадъ — семь лѣтъ, желая приподнести *освободителю тріоновъ* побѣду въ день имянинъ, генералы—куртизаны зарѣзали подъ Плевною пятнадцать тысячъ невиннѣйшихъ изъ невинныхъ! Каждая подлѣйшая бойня, во славу новыхъ навуходоносоровъ, стоила десятковъ тысячъ жертвъ. Коронаціи, дворцовыя оргіи, священныя охраны, свадьбы, царская плодливость, и тысячи паразитовъ, кружащихся въ лучахъ короны, — плодятъ голодный тифъ, медленное вырожденіе и вымираніе милліонныхъ массъ. Разбой, грабежъ всегда принимаютъ сказочные размѣры въ странѣ, гдѣ они возведены въ высочайшій санъ, вымазаны божественнымъ муромъ, увѣнчаны брилльянтовою короною. Августѣйшая, ненасытная шайка, стоящая внѣ законовъ, развязно, на глазахъ у всѣхъ, разграбливающая государственное казначейство, даетъ всѣмъ блестящій примѣръ, всѣхъ растлѣваетъ, всѣхъ толкаетъ на позоръ, преступленія; и поэтому у васъ всѣ очумѣлые воры и разбойники, начиная съ царя, кончая послѣднимъ *урядникомъ*. Самый грубѣйшій видъ буржуазнаго царства представляетъ ваша Россія. Передъ Побѣдоносцевыми, Толстыми блѣднѣютъ чума, азіатская холера, черная оспа, дифтеритъ. И помните, что они злодѣи безсмысленные: губя безпощадно живую жизнь, душу, разумъ, науку, мысль, они даже себя не спасаютъ; они борятся за волчью яму, кладбище; имъ нужны не люди, но могильные черви, которые пожрутъ ихъ самихъ...

Путеш. — Трагичнѣе всего, что всѣ наши царствованія кончаются непремѣннымъ впаденіемъ въ религію,

и какъ только явится на сцену, во всемъ своемъ мракобѣсіи, православіе, всѣ уже заранѣе знаютъ, что царство мертвой петли наступило, тьма кромѣшная спускается ... Вы правы, гражданинъ, такіе историческіе недуги, можно лѣчить только вонъ тѣми южными плодами, что разложены у васъ на столахъ. Самые кроткіе, умѣренные начинаютъ понимать, что переговоры, мирные протесты не болѣе, какъ жалчайшія самоутѣшенія. Но многіе боятся, что террористическая борьба, въ концѣ концовъ, зачерствитъ самихъ революціонеровъ.

Фаустъ. — Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Душа сроднившаяся съ чудным идеалами, можетъ только безконечно шириться, становиться все лучезарнѣе, лучезарнѣе. Прочтите — доступныя мнѣ только въ переводѣ, блѣдныя біографіи Желябова, Кибальчича, Суханова, Гриневицкаго, Перовской—ея предсмертное письмо къ матери, и каменное сердце *возопіетъ*; у нихъ два лица: обращенное къ царямъ, къ хищникамъ дышетъ олимпійскимъ гнѣвомъ, презрѣніемъ; блѣдное, задумчивое лицо, обращенное ко всѣмъ страждущимъ, бѣднымъ, обойденнымъ жизнью, униженнымъ, полно безграничной любви, жалости. Любовь, доходящая до полнаго отрѣченія отъ личнаго счастья, самой жизни; энтузіазмъ, любовь, не блѣднѣющіе не только передъ мучительною смертью, но и передъ азіатскими пытками, такъ сказочно прекрасны, велики, что нужны всѣ усилія разума, чтобы не впасть въ мистицизмъ.

Путеш. — Ваши лабораторіи, гражданинъ, принимаютъ такіе размѣры, что можно, съ часа на часъ, ожидать коалиціи всѣхъ монарховъ, и ваше правительство вынуждено будетъ стѣснить вашу дѣятельность.

Фаустъ. — Мудрено застращать всю Америку, ея правительство не похоже на французское, гдѣ жадные лавочники, не смотря на негодованіе народа, продолжаютъ облизывать царскія и королевскія подметки, униженно извиняясь за республику.

Путеш. — Они боятся священной лиги.

Фаустъ. — Шарлатаны, трусишки, обманомъ, кривляніемъ пролѣзшіе въ правительство, не сохранившіе въ себѣ ни одной живительной капли крови *93 года*, на волосъ не понимаютъ націю, ихъ, по ошибкѣ вы-

двинувшую и всю грозную силу, таящуюся въ европейской демократіи; помѣшанные на наживѣ, выдохшіеся, безъ принциповъ, идеаловъ, они судятъ по себѣ возрождающіеся народы. Понимай они свою несложную, историческую миссію, они, вмѣсто воровскихъ тонкинскихъ и мадагаскарскихъ экспедицій, — тратили бы милліоны на тайную пропаганду, адскія машины, динамитъ, съ завѣтною мыслью: взорвать европейскую монархію, и истинно говорю вамъ, цари, короли, снявъ низко коронки, заползали бы передъ ними на четверинкахъ, умоляя о пощадѣ, отстрочкѣ; народы взглянули бы на Францію, какъ на всеобщую освободительницу; мысль о войнѣ съ ней вызвала бы въ любой странѣ революцію.

Путеш. — Вы заговорили о войнѣ, но ваши сверхестественныя орудія разрушенія сдѣлаютъ ее еще истребительнѣе; они погубятъ міръ своею *злою* громадностью.

Фаустъ. — Спасутъ! не только въ концѣ XIX в., но и въ самыя отдаленныя времена, арміи разорвали бы въ куски сумасшедшаго, предложившаго имъ идти на войну, изъ которой никто живымъ не выходитъ. Война всегда сулила отличія, славу, она была только рискомъ; непослушному грозило разстрѣляніе, и онъ боялся его, изъ двухъ золъ выбиралъ меньшее: съ одной стороны — шансы уцѣлѣть, отличиться, съ другой — вѣрная смерть. Представьте себѣ Бисмарка, обращающагося къ стотысячнымъ арміямъ, съ слѣдующей рѣчью: „Господа! вы прекрасные, рослые, здоровые работники; вы цвѣтъ вашей страны; поведеніе ваше примѣрное, но не могу скрыть, что нынче всѣхъ васъ ждетъ неминуемая мучительная казнь; въ нѣсколько часовъ еле видимый непріятель истребитъ васъ динамитными бомбами и другими разрывающими въ лохмотья снарядами; спасутся императоръ, *я* и еще нѣсколько маститыхъ командировъ, но только благодаря тому, что мы будемъ созерцать поголовную бойню внѣ досягаемости. Мы объявили Франціи войну за то, что она — страна превратная, она желаетъ уничтожить тиранію; какъ гигантская электрическая батарея, она день и ночь даетъ толчки, сыплетъ искры; онѣ зажигаютъ сердца, воспламеняютъ

къ бунту; изъ нея выходятъ снопы лучей, и нашъ мракъ отъ нихъ кажется еще гуще".

Путеш. — Довольно! Вы правы, гражданинъ! Я сознаю себя вполнѣ побѣжденнымъ.

Фаустъ. — (глубоко взволнованный). Зову тебя, всесильный духъ движенія и созданія! Близокъ, близокъ часъ всесвѣтнаго освобожденія. Довольно міръ страдалъ! (прислушиваясь) Слышите ли вы этотъ, чуть слышный шумъ, похожій на дыханіе спящаго младенца, отъ него скоро падутъ стѣны Ерихона. Новый міръ скоро взорветъ вашъ старый, проросшій гангреною, обматанный гнойными лохмотьями; въ немъ смысла нѣтъ, онъ дышетъ заразою, преступленіями. Мы ударились о послѣдніе предѣлы и должны быстро превратиться въ людей или еще быстрѣе въ животныхъ. Послѣдній песъ, жрущій объѣдки по навознымъ ямамъ, неизмѣримо счастливѣе человѣка. Тысячи лѣтъ невѣроятныхъ страданій, цѣлыя моря невинной крови, въ грязи растоптанныя, поруганныя человѣческія права, правосудіе, совѣсть, подымаются все выше, выше, требуя неумолимаго суда и казни. Ветхозавѣтная тьма разсѣевается и скоро, ангелы смерти, ангелы правосудія, съ огненными мечами, сойдутъ на опозоренную землю, и, при свѣтѣ ужасныхъ огней, начнутъ отдѣлять плевелы.... Когда кровавое зарево вспыхнетъ на всѣхъ четырехъ углахъ небосклона, я умру тихо, полный радосной вѣры.

Іюль, 1884 г.

Послѣднее слово оппортунизма

(Société de St.-Pétersbourg par Paul Vasili)

Тотъ, кто рѣшается представлять народу истину подъ всевозможными прекрасами и личинами, можетъ быть ея сводникомъ, но никогда не быть любовникомъ.

Лессингъ.

Я всегда питалъ инстинктивное, непреодолимое отвращеніе къ разнымъ компромиссамъ съ таинственнымъ большинствомъ; не только измѣнить, въ угоду ему, мысль, но и одно слово, мнѣ казалось непростительною дряблостью, чуть не низостью. — Не одинъ разъ люди, сочувствующіе мнѣ, просили, въ виду якобы большого распространенія, смягчать грубыя выраженія; покорнѣйше просили Побѣдоносцева называть не прямо святѣйшимъ онаникомъ, но Давидомъ, играющимъ на арфѣ, смиряющимъ Саула III; защитника святого очага, Мещерскаго не прямо педерастомъ, но необузданнымъ, не смотря на маститость, адептомъ Нерона, неисправимымъ классикомъ. Имъ также не совсѣмъ правились лаконическіе эпитеты: убійцы, воры, мерзавцы, червонные валеты. Они увѣряли, что на кроткое, свѣтское, капельку слизистое большинство гораздо пріятнѣе, сильнѣе подѣйствуютъ слѣдующія изящныя измѣненія: субъекты безъ малѣйшихъ основъ элементарной нравственности; люди безъ критерія, какъ бы смѣющіеся надъ всѣмъ тѣмъ, что составляетъ сущность трезваго прогресса; люди, неумѣющіе упорядочить игру въ карты и для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, не только подъ луною, но и подъ солнцемъ. Люди, забывшіе доблестныя имена, при одной мысли о которыхъ, радостно трепещетъ человѣческое сердце, для которыхъ ловкое передергиванье въ карты составляетъ квинтъ-эссенцію жизни. Желая мнѣ добра, совѣтовали, по временамъ, въ отличіе отъ анархистовъ, нѣчто лирическое произносить по поводу мелькающей за далью непогоды, конституціи съ твердымъ самодержцемъ во главѣ. — Одинъ день

мнѣ запрещали говорить о религіи (де всѣмъ извѣстно), другой день — объ анархизмѣ, третій — о коллективизмѣ. Неуловимое, невидимое, вездѣсущее, часто одной, двумя встрѣчами измѣряемое, большинство, стояло передо мною всюду; при малѣйшей попыткѣ двинуться впередъ, я толкалъ его, наступалъ на него, плевалъ въ него. Большинство, въ видѣ разныхъ запятыхъ и точекъ, наполняло воздухъ; микробы не давали дышать, говорить, мыслить. Не понимаю, какъ я не заразился и не умеръ въ качествѣ редактора какого-нибудь Игнатьевскаго или Судейкинскаго слова.

Мнѣ всегда казалось, кажется и теперь, что непостижимое и столь же таинственное, какъ святая тройца, большинство, если ему поддаваться, можетъ по легонечку, по тихонечку привести къ участку и даже зданію у цѣпного моста, и ужаснѣе всего, что очутившись на краю цѣпного моста, не на кого пѣнять, не на комъ сорвать бѣшенную злость, — ищи, лови, хватай большинство, оно, какъ богъ, вездѣ и нигдѣ; это что то вродѣ анонимнаго общества, съ капиталомъ въ сто милліоновъ рублей, которое послѣ громоносныхъ заявленій и ограбленій, вдругъ оказывается кучею проходимцевъ, съ дырою въ карманѣ.

Если мое перо послушно моему уму и сердцу, и я иду куда меня ведетъ свободный умъ, я непремѣнно — слабое или сильное отраженіе выдвинувшей меня жизни, я представляю собою лицо, и оно, непремѣнно, кому нибудь понравится. Но если я перемарываю десятки разъ каждое мое слово и коверкаю мою мысль въ угоду пріятному большинству, я — паяцъ, кривляющійся на канатѣ, тѣнь нуля, и въ концѣ концовъ, его величество настоящее большинство, скажетъ: „Поди прочь, вертлявый писака, напрасно слѣзалъ ты съ крыши, на которой указывалъ, откуда дуетъ вѣтеръ, я не знаю и не хочу знать тебя, въ твоей душенкѣ ничего не было завѣтнаго, иначе ты бы такъ легко не уступилъ; ты не умѣлъ сильно ненавидѣть, слѣдовательно и любить; призракомъ большинства ты старался прикрыть трусость, ограниченную умѣренность, рвущуюся внаружу низость.“ Слизняки, у которыхъ, вмѣсто крови, обращаются слизь и слюни, любятъ выдавать себя за большинство и осуждать, оскорбляющія лакейскія души, рѣзкость, гру-

бость. Они готовы позволить бить своего барина по щекамъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы румянецъ отъ пощечинъ не переходилъ въ багровое пятно... Если, на самомъ дѣлѣ, существовало бы такое большинство, то долгъ всякаго честнаго писателя всячески стараться превратить его въ близкое къ нолю меньшинство...

За насъ, непримиримыхъ, до боли ярко и образно, говоритъ сама жизнь. — Современный оппортунизмъ можетъ служить намъ роскошнѣйшей иллюстраціей. — На дняхъ отдѣльною книжкою вышли, печатаемыя въ Nouvelle Revue, письма Paul Vasili: „La société de St.-Pétersbourg“. Назидательнѣе всего, что онѣ выходили въ журналѣ, въ которомъ помѣщались революціонныя статьи Жандръ (Никитиной) и, полныя основательныхъ свѣденій о Россіи, статьи Леруа Больe. Мадамъ Адамъ, если не первый человѣкъ, то, во всякомъ случаѣ, одна изъ первыхъ женщинъ Парижа, атеистка, нѣкогда выдающаяся республиканка, еще недавно другъ не только голубыхъ, но и красныхъ выдающихся дѣятелей, рѣшилась сфабриковать изъ свѣденій, почерпнутыхъ у отставныхъ шефъ-провокаторовъ, куртизановъ, святошъ, книжку, носящую громкое названіе: „Петербургское общество“. Книженка пропитана лакейскимъ потомъ, дворцовою лестью, полна дѣтскихъ противорѣчій, она смѣшна, жалка до послѣднихъ размѣровъ, отъ такой книги, мы увѣрены, отказался бы даже Суворинъ — въ бояхъ подлыхъ посѣдѣлый, подлипальствомъ, пролазничествомъ, круженьемъ по вѣтру, нажившій себѣ большое состояніе. Воспѣваніе азіатскаго деспотизма, апологія провокаторства, шпіонства, разнообразныя вылизыванья и подлизыванья, конечно, пущены не даромъ. То послѣдняя карта оппортунизма; книженкою хотятъ связать французское правительство съ русскимъ. Я увѣренъ, что госпожа Адамъ, не смотря на свой оппортунизмъ, въ глубинѣ души отчаянно презираетъ людей, передъ которыми въ своей книжкѣ затепливаетъ лампадки съ вонючимъ масломъ. Изъ любви къ родинѣ она пошла на позоръ, она отдалась Олоферну, но, увы, не вынесла изъ его спальни ни его пьяной, пустой головы, ни договора. На нашихъ глазахъ, во Франціи, отъ циклопа и сытой лавочницы, родился оппортунизмъ,

гадкій ребенокъ, съ безобразными ушами, отвислымъ, непомѣрно растяжимымъ животомъ, съ крошечной головкой и челюстями гориллы. Онъ намъ омерзителенъ былъ въ пеленкахъ, мы ему предсказывали недоброе и не ошиблись. — Изъ за союза съ деспотіей, изъ за трусости передъ монархіями, Гамбетта распустилъ парламентъ въ день казни палача-деспота. Изъ за союза высылались изъ Франціи русскіе революціонеры и запрещались ихъ брошюры; изъ за союза, такъ называемое республиканское правительство, на свой счетъ устраивало въ главныхъ городахъ Франціи черные кабинеты для выслѣживанія русскихъ революціонеровъ и обнималось съ третье-отдѣленскими провокаторами. Оппортунизмъ не сконфузился, не зарумянился передъ самой висѣлицей, съ обрывающимися веревками; не подыми голосъ нація, онъ отдалъ бы палачамъ Гартмана; веревкою съ его шеи думали связать республиканскую Францію съ дышащею на ладанъ русской азіатчиной.

И въ награду всему, у самаго носа, позорящихъ великую страну, лакеевъ, тупой деспотъ лобзался съ каучуковымъ Маѳусаиломъ и обѣими руками жалъ руку стараго, но бодраго заплечнаго мастера Бисмарка.

Время покажетъ, что госпожа Адамъ совершенно даромъ позорила свою, начинающую сѣдѣть, голову. Русскіе мушары и эх-члены священной дружины, торопя ее выпустить лестную для нихъ книжку, конечно, клялись союзомъ и вѣчною вѣрностью. Но разъ она выпущена, они, чтобы загладить дерзости передъ Бисмаркомъ, снова поволокутъ гатчинскаго каторжника Ш лобзать мощи въ бозѣ сохранившагося Маѳусаила — Гиля I-го.

Забавнѣе всего, что наши заплечные мастера, благодаря безграничному невѣжеству, воображаютъ, что взмыливанья ихъ грязнѣйшихъ особъ послужитъ къ чему-нибудь; они увѣрены, что книжка госпожи Адамъ смоетъ съ нихъ цѣлые геологическіе пласты крови, грязи, подыметъ ихъ немного въ общественномъ мнѣніи Европы. Книженку прочтутъ, какъ скандальную хронику, своего рода Сару Барнумъ, и затѣмъ она потонетъ въ плевкахъ. За каждымъ шагомъ русскаго правительства слѣдятъ нѣсколько тысячъ газетъ; ежедневныя

фантастическія злодѣйства, ежечасныя, безумныя безобразія отмѣчаются кровавыми значками. Общественное мнѣніе Европы строится не на полицейскихъ диѳирамбахъ, но на фактахъ, ежедневно доставляемыхъ телеграммами. Не только демократія цѣлаго міра презираетъ, ненавидитъ современный русскій строй, его презираетъ, въ него не вѣритъ сама умѣренная буржуазія. и, при каждой попыткѣ новаго займа, бьетъ его по щекамъ и карману. Убійцы, воры, предатели могутъ, съ помощью тюремъ, пытокъ, вѣшаній безъ суда въ Шлиссельбургской крѣпости, на нѣкоторое время, задушить вопли, стоны, проклятія своей несчастной родины, но имъ никогда не удастся закупить всю Европу и Америку. Вѣчный ножъ у горла, петля на шеѣ, собачій намордникъ, повторяемъ еще разъ, ненадолго отсрачиваютъ страшную казнь. Мы говорили, продолжаемъ говорить, что близокъ часъ грознаго правосудія, святаго мщенія. Близокъ часъ, когда не только сами палачи, но и ихъ невинные дѣти расплатятся страшно за все. Они неистовствовали надъ бѣдною страною, душили съ ненасытною кровожадностью все честное, великое, прекрасное, полное молодыхъ силъ, жизни; своими жандармопоповскими, шпіоно-классическими школами рыли могилу не только настоящему, но и будущему поколѣнію, и они заплатятъ разомъ за все своею кровью, кровью своихъ дѣтей. Съ ними поступятъ безпощадно, и эту безпощадность воспоютъ не только поэты, но и сама исторія. Ихъ казни будетъ аплодировать весь міръ; людямъ, растоптавшимъ ихъ въ крови и грязи, воздвигнутся возносящіеся до небесъ памятники.

Первое письмо посвящено Александру III. Гатчинскій неудачникъ, зайчишка, дурачишка, не умѣющій связать двухъ мыслей и подобрать двухъ словъ, позабывшій въ Гатчинѣ грамоту, восхищающійся „пѣнящимся въ пустотѣ“ Катковымъ, черпающій государственную мудрость у снимающаго пѣнки съ мракобѣсія, флейтиста Бѣдоносцева и шефа шпіоновъ Черевина, оказывается весьма неглупымъ, чуть не образованнымъ человѣкомъ.

Александръ III, истрачивающій около двадцати милліоновъ въ годъ на тайную полицію съ цѣлью спасенія августѣйшей мастодонтовой шкуры, швыряющій милліоны на позорныя вылазки въ Скерневицъ, Кремзиръ,

Данію, Крымъ, обворовывающій разбойничьи нагло, среди бѣлаго дня, все государство, оказывается честнѣйшимъ человѣкомъ, карателемъ хищеній. Первый высочайше величайшій воръ земли русской осмѣливается преслѣдовать свое микроскопическое подобіе, плоть отъ царской плоти своей, кость отъ бѣлыхъ костей своихъ; въ чужомъ глазу онъ видитъ соринку, въ своемъ не видитъ цѣлую Александровскую колонну. Недавно онъ отщипнулъ нѣсколько грошей на тайную полицію отъ десятковъ милліоновъ, пожираемыхъ семейкою Романовыхъ. Совѣтую многолюдному семейству держать ухо востро, изъ-за дворцовой охраны Алекс. III рѣшится на все, шпіонская, жандармо-полицейская прорва, ширится, ширится безъ конца, когда очень туго придется, онъ прикоснется и къ милліонамъ, десятинамъ лучшей русской земли, составляющимъ недвижимую собственность бѣдненькаго семейства.

Александръ III, запытавшій и затѣмъ повѣсившій на виду у всѣхъ 12 человѣкъ (сколько въ потьмахъ — мы узнаемъ впослѣдствіи), удавившій въ тюрьмѣ беременную и ея младенца, сославшій безъ суда въ Сибирь тысячи невинныхъ,—нѣжнѣйшій папаша, добродѣтельный супругъ, прекраснѣйшій человѣкъ!

Но сюрпризы на этомъ не останавливаются, онъ — бездонный политикъ, охранитель національнаго достоинства; Гирсъ — не болѣе какъ вѣрный, слѣпой исполнитель его великихъ предначертаній; изъ тиши его кабинета вылетятъ столь чудныя дѣла, что Европа не только ахнетъ, но и охнетъ. Совершенно справедливо, Гирсъ не учавствуетъ въ политикѣ, учавствуй онъ, она была бы капельку сноснѣе. Въ Скерневицкихъ объятіяхъ, въ Кремзирскомъ выцаловываніи, въ Болгарской позорной галиматьѣ участвуетъ одинъ Алекс. III, одинъ!!! одинъ!!! Отовсюду торчатъ не на сажень, но на цѣлую географическую милю его августѣйшія уши.

Второе письмо посвящено императрицѣ; когда читаешь его, невольно хочется танцовать; подъ конецъ я не выдержалъ, подхватилъ стулъ и протанцовалъ. Она рѣзвушка, душка, ангелъ, ея неоперившаяся, прикрытая парикомъ головенка, полна младенческой прелести, въ своемъ родѣ она сосунъ игривый. Въ театрѣ въ Петербургѣ я разъ навелъ на нее бинокль, по жандармскій

полковникъ остановилъ меня, видимо, онъ ее приревновалъ. Она нагружается брилліантами, перлами до упаду, и танцуетъ до упаду. Танцоръ кавалергардъ разъ закрутилъ ее такъ, что она поскользнувшись, подкатилась подъ диванъ... Въ письмѣ такъ трогательно воспѣты ея брилліантовыя доблести, что я чуть не умилился. Передъ моимъ духовнымъ взоромъ предсталъ озаренный казенными брилліантами херувимъ, но не успѣлъ я вглядѣться, какъ между нимъ и мною всталъ, оледенившій душу, образъ легендарной дѣвушки, въ саванѣ, съ веревкой на шеѣ, съ сіяющимъ терновымъ вѣнцомъ на головѣ; въ одинъ мигъ чернѣе угля стали корона и блестящія ризы, осыпанныя драгоцѣнными каменьями, ангельскій образъ превратился въ дьявольскій... Нѣтъ! нѣтъ! между нами и гатчинскимъ херувимомъ стоятъ гробы, висѣлицы, запытанная въ потьмахъ беременная, удавленный въ тюрьмѣ младенецъ. Ангельчика съ брилліантами застятъ голубые архангелы съ аксельбантами, пьяный палачъ въ красной рубахѣ, съ гнилой веревкою въ рукахъ.

Къ характеристикамъ Владиміра и его супруги намъ прибавлять нечего — гнилая, развратная баба и гнилой, распухшій отъ пьянства, свирѣпый бурбонъ, изображенны довольно вѣрно, безпристрастіе объясняется очень просто : жена Владиміра слыветъ за шпіонку Бисмарка...

Отставные воры-дядюшки и нравственные уродцы, грабители, пропойцы братцы, также не очень изукрашены.

Игнатьеву, Побѣдоносцеву, Черевину приписаны добродѣтели, до „которыхъ другимъ далеко“. Они честные, чистые, почти идеальные люди. Черевинъ, въ порывѣ лиризма, названъ сторожевою, царскою собакою. Всѣ они, дѣйствительно, собаки необыкновенныя! Чтобы ярче оттѣнить добродѣтели и придать отзывамъ характеръ безпристрастности, указаны недостатки. — Игнатьевъ честнѣйшій человѣкъ, но... но... безпардонный враль. Онъ очень уменъ, но ничего умнаго не дѣлаетъ; онъ великолѣпный администраторъ и, въ то же время, строитель вавилонской башни, взглядовъ никакихъ... Побѣдоносцевъ необыкновенно широкъ и необычайно узокъ; онъ очень уменъ, дальновиденъ, но далѣе по-

лицейскаго участка, церковной паперти и собственнаго носа ничего не видитъ; онъ украшаетъ царствованіе Александра III, въ нѣкоторомъ родѣ конецъ XIX вѣка, но опъ могъ бы безпрепятственно украшать и XIII. Онъ мудръ и опъ тайный инквизиторъ; опъ не можетъ спасти Александра III, заставить его жить съ достоинствомъ, но, въ случаѣ сотрясенія гатчинскаго дворца, можетъ его научить съ достоинствомъ умереть. Онъ не проходимецъ, знающій, что можетъ сохранить свою власть и колоссальное содержаніе только при пещерномъ строѣ, но удивительнѣйшій фанатикъ. Онъ тотчасъ же самъ себѣ отрѣжетъ ножемъ правую руку, если на секунду отступитъ отъ тайно инквизиторскихъ принциповъ. Не знаю, отрѣжетъ ли онъ себѣ правую руку, но я знаю, что ему на ночь надѣваютъ рукавички, чтобы нѣсколько упорядочить фанатизмъ и инквизиторство; чтобы уберечь отъ ножа его правую руку, его это лѣто купали въ Нарзанѣ.

Сторожевая собака, генералъ Черевинъ, смѣлъ, рѣзвъ, обоятеленъ, онъ мышиный жеребчикъ по преимуществу; опъ очень любитъ придворныхъ дамъ и придворныя дамы его очень любятъ, но это не все — рогатые мужья, желающіе повыситься, тоже его любятъ. Ни одного слова не сказано о томъ, какъ рѣзвый Черевинъ донесъ на старуху, замѣнившую ему мать за то, что она дала пріютъ польскому инсургенту; ни слова о томъ, какъ прячась за Мезенцева, онъ люто истязалъ въ крѣпости несчастныхъ юношей. Впрочемъ, не скрыто, что выстрѣлъ Мельникова вывелъ его въ люди; выстрѣлъ удостовѣрялъ слишкомъ наглядно, что сторожевая собака — Черевинъ — кровожадная царская собака. Люди, хотящіе стать одесную гатчинца, должны пройти школу тяжкихъ преступленій, предательствъ, ихъ должна непремѣнно ненавидѣть, презирать вся Россія.

Толстому посвящены нѣсколько страницъ. Довольно правдиво переданъ эпизодъ его отставки, не скрыты безграничныя презрѣніе и отвращеніе, обнаруженныя всею грамотною Россіей, при вѣсти о ней. Опъ дѣтоубійца, палачъ, тупой обскурантъ, мстительный, мелкій злодѣй, и онъ свѣтлый администраторъ, умный, искренній, съ принципами человѣкъ; онъ губитъ Россію,

выравниваетъ почву для либераловъ и онъ — неоцѣненная поддержка трона; онъ не только подыметъ достоинство Россіи, но и выведетъ ее на обѣтованный путь. Расширеніе правъ, освобожденіе прессы, конституція, пока, не нужны Россіи; нуженъ Дмитрій Толстой и война съ нѣмцами.

Письмо о тайной полиціи носитъ наивно шаловливый характеръ, оказывается, что всѣ слухи о ея чудовищной свирѣпости преувеличены въ Европѣ; шпіоновъ, провокаторовъ у насъ совсѣмъ нѣтъ; бѣдняжечекъ ищеекъ проклятые террористы проводятъ на каждомъ шагу, они польуются ихъ добротою, распущенностью, откровенностью. Конечно, наши жандармы, шпіоны и агенты-провокаторы не вполнѣ ангелы, но и не архангелы. Заканчивается письмо такимъ пассажемъ, что мы, знакомые съ передовыми статьями Каткова, Суворина, Мещерскаго, нѣсколько разъ ощупали свои руки. Шефъ шпіоновъ Оржевскій — честнѣйшій человѣкъ, но, увы, безъ малѣйшихъ правилъ; онъ благороднѣйшее созданіе, но онъ, ни на секунду не задумываясь, замучаетъ, повѣситъ невиннаго и приголубитъ каторжника, разъ онъ ему можетъ быть полезенъ. Онъ похожъ на Ришелье и, кромѣ этого, на цезаря Борджіа и Макіавелли; будущее у него огромное. (Еще бы! при этой похвальной способности мучать, вѣшать невинныхъ и приголублвать каторжниковъ). До прочтенія этой монументальной мерзости, мы думали, что о шефахъ шпіоновъ, палачахъ не принято говорить, какъ о людяхъ не только въ салонахъ, но и писсуарахъ, что ихъ могутъ бояться, какъ нѣкогда боялись по большимъ дорогамъ разбойниковъ, но что подать имъ не только руку, но и кончикъ сапога, ни одинъ мало мальски опрятный человѣкъ не рѣшится. Одна изъ первыхъ парижскихъ женщинъ вывела насъ изъ предвзятаго мнѣнія: политическихъ шпіоновъ можно не только въ салонахъ принимать, но и поэтизировать, сравнивать съ людьми, игравшими громадную историческую роль. Если это не послѣднее слово оппортунизма, мы скоро на страницахъ „Nouvelle Revue“ узримъ тепло написанную біографію палача Фролова. Онъ тоже прекрасный человѣкъ, но безъ малѣйшихъ правилъ. Если Оржевскій — Ришелье, то почему Фролову не быть Мазарини? — Если Оржевскій —

Макіавелли, Фроловъ — Беккарія. Если Оржевскій — цезарь Борджіа, Фроловъ — Филиппъ II испанскій.

Mme Адамъ, пережившая наполеоновскую Францію, не знаетъ, что политическихъ шпіоновъ обыкновенно вербуютъ по тюрьмамъ, вертепамъ, притонамъ разврата; она не знаетъ, что общественное мнѣніе всѣхъ націй, безъ малѣйшихъ разногласій, ставитъ ихъ безконечно ниже убійцъ, воровъ, и шефъ этой доблестной арміи — Ришелье! О! великій историкъ Франціи, Мишле! думалъ ли ты, что черезъ много лѣтъ послѣ твоей смерти, послѣ того, какъ вся Франція, нѣсколько разъ перечтетъ твою книгу, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ сравнитъ третье-отдѣленскаго пса, охотящагося на лучшую русскую молодежь, съ Ришелье?!

Послѣ гимновъ тайной полиціи, о революціонерахъ оставалось сказать немногое. Они болѣе не существуютъ; въ Петербургѣ о нихъ не только не говорятъ, но и не думаютъ; „нигилизмъ выходитъ изъ моды“. Недавнія висѣлицы въ Варшавѣ, непрерывающіеся политическіе процессы, одинъ значительнѣе другого, обнаруженная по всей Россіи пропаганда въ арміи—не болѣе, какъ отблескъ остывающей лавы. Оказывается, что Александръ II казненъ не за палачество, но за берлинскій трактатъ, женитьбу на Юрьевской, за либеральныя реформы. Такъ какъ Александръ III обожаемой родинѣ ничего не обѣщаетъ, исключая тюремъ, висѣлицъ, провокаторовъ, земскихъ начальниковъ, урядниковъ, то онъ обезпеченъ вполнѣ, терроризмъ теряетъ всякій смыслъ. Если такъ, то зачѣмъ Солитеръ III продолжаетъ упорно солитерствовать въ Гатчинѣ? Къ чему постоянныя вылазки? Къ чему, какъ у ложа Соломонова, шесть тысячъ шпіоновъ на право, шесть тысячъ провокаторовъ на лѣво? Смѣлѣе въ путь, ваше широчайшество, вы пока еще не посѣтили путнымъ образомъ ни одного города въ Россіи; остановитесь въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ. Но, остановитесь какъ слѣдуетъ, дайте встрѣтить васъ балами, обожаньями, завываньями, дрожаньями, ликованьями! Терроризмъ снова провалился подъ землю, но уже болѣе тамъ не работаетъ, минъ подъ васъ не подкладываетъ. Смѣлѣе въ путь, „терроризмъ выходитъ изъ моды“.

Когда, подъ Москвою, Гартманъ соединялъ проволоки электрической баттареи, Катковъ выпускалъ статью, въ которой вопилъ; „Крамола подавлена на вѣки, святотатственные злодѣи, наконецъ, съ позоромъ сложили преступное оружіе. Да здравствуетъ жандармерія и да процвѣтаютъ шпіонство и висѣлицы!“ Въ то время, когда набирались эти пророческіе возгласы, вагоны съ коронами довольно высоко подпрыгивали по рельсамъ, и одинъ изъ нихъ очутился колесами вверхъ. Не прошмыгни самодержецъ всея Руси получасомъ ранѣе, въ обществѣ поваровъ, по сосѣдству съ нечищенными кострюлями, лоханками съ помоями, онъ почилъ бы въ бозѣ непремѣнно. За день до превращенія державнаго вождя въ очень неприличную массу, тѣ же побѣдные клики раздавались изъ жандармскаго лагеря, и не успѣла отойти панихида по крамолѣ, какъ уже началась панихида по Александру II. Когда парламентъ, выбранный всеобщею подачею голосовъ, безъ монарха во главѣ, будетъ исполнять народную волю, терроризмъ въ его настоящей формѣ исчезнетъ, но до этого вожделеннаго часа онъ будетъ продолжать быть въ модѣ, и по временамъ, не только оживлять, но и сотрясать память у самыхъ забывчивыхъ людей.

Въ письмѣ, озаглавленномъ „Русская пресса“, Каткову, Аксакову приписаны удивительныя качества; выжившій изъ ума обскурантъ, пустомеля, Катковъ, защищающій, какъ онъ самъ выражается, принципъ 29 апрѣля 81 года *), т. е. плети, тюрьмы, пытки, висѣлицы, III отдѣленіе, бѣшенное самоуправство и самодержавный разбой, пожалованъ въ замѣчательный талантъ; его вліяніе на гатчинскаго балбеса возведено въ умъ,

*) Мы знаемъ, что существуютъ принципы 89 года, но мы сражены открытіемъ принципа 29 апрѣля 81 г. (манифестъ о продленіи самодержавія). Это напомнило намъ слѣдующую быль: тюремный начальникъ, перекликивая арестантовъ спрашивалъ каждаго по какому онъ дѣлу. Одинъ очень развязно отвѣтилъ: „по дѣлу 5-го августа“. Начальникъ задумался; вспомнилъ онъ Декабристовъ, Петрашевцевъ, знаменитые политическіе процессы послѣднихъ лѣтъ, но, увы; никакъ не могъ вспомнить дѣло 5-го августа; сконфуженный и уже на вы онъ снова обратился къ арестанту: „Разскажите пожалуйста, въ чемъ заключается это дѣло?“ — Меня въ этотъ день приговорили за кражу со взломомъ 12 столовыхъ ложекъ. —

ловкость. Начните вліять на отчаяннаго дурака, частнаго человѣка, васъ будутъ всѣ вышучивать, начните вліять на коронованнаго — и вы — очень умный человѣкъ.

Божій и царскій рабъ Иванъ Пустозвоновичъ Аксаковъ оказывается, не болѣе и не менѣе, какъ маякъ, озаряющій океанъ. Онъ замѣчательная русская душа, замѣчательный русскій писатель; онъ безграниченъ, какъ сама Россія; онъ умеръ очень рано (чуть не сосуномъ) поживи онъ до 200 лѣтъ, онъ непремѣнно ввелъ бы Россію въ тихую пристань и объединилъ бы всѣхъ славянъ царемъ и попомъ... И рядомъ съ диѳирамбами — грустное сознаніе, что у Аксакова не осталось послѣдователей и нѣкая кликуша Новикова одна въ состояніи поддержать выпавшее знамя, цвѣтовъ сторожевой будки.

Пламенный адептъ Нерона Мещерскій своею газетою „Ликующій холуй“ восхищаетъ нѣкоторые кружки въ Петербургѣ; его въ какомъ то мѣстѣ (навѣрное въ отхожемъ) превозносятъ до небесъ.

Александръ II, о которомъ еще такъ недавно кричали до припадковъ, какъ о великомъ реформаторѣ, незабвенномъ мученикѣ, безцеремонно отпихнутъ на задній планъ. Алекс. III неизмѣрно выше, какъ реформаторъ и какъ мученикъ, томящійся въ Гатчинѣ. Всѣ дѣятели царствованія Алексан. II стушевались передъ Толстымъ, Побѣдоносцевымъ, Черевинымъ, Оржевскимъ; даже Милютинъ, Лорисъ Меликовъ загнаны въ мракъ, они потонули въ густой тѣни, отбрасываемой пресвѣтлыми Толстымъ и Побѣдоносцевымъ.

Чтобы обезпечить предпріятіе, пущена скандальная хроника, выведены на сцену жаждущія рекламъ наши аристократическія дамочки; какъ камушки въ калейдоскопѣ переливаются ихъ образы, полуземные, полунебесные. Всѣ онѣ, до одной, геніальныя, сверхъестественныя, чудныя, незабвенныя. Все перепутано, свалено въ одну хаотическую кучу: грязныя куртизанки, царскія фрейлины, по просту дѣвки, и честныя, хорошія женщины, стоящія въ оппозиціи; распутныя прихвостницы деспотизма, воспитанныя на „Нана“ и умныя, серьезныя, образованныя, независимыя женщины.

Въ нашемъ, въ высшей степени низкомъ большомъ свѣтѣ, оказалось столько незабвенныхъ геніевъ, что патріотическій духъ мой сталъ уже довольно быстро возноситься въ небо, но онъ отяжелѣлъ и сталъ спускаться, когда я вспомнилъ, что перо, щедро одѣляющее поразительными качествами дамочекъ, одѣлило почти такими же флейтиста Побѣдносцева, дѣтоубійцу Толстого, шефа шпіоновъ Оржевскаго, и шефа дворцовыхъ искаріотовъ Черевина. Мой духъ чуть совсѣмъ не разбился о землю, когда подъ самый конецъ, я прочелъ что надъ всѣми геніями, на недосягаемой высотѣ паритъ калмыцкій геній Лизы Трубецкой. Многіе упорно увѣряютъ, что у сверхъестественнаго генія, не менѣе сверхъестественный слухъ, дивно подслушивающій не только разговоры ближнихъ (конечно политическіе), но и дальнихъ.

Удивительный Петербургъ, сколько въ немъ геніевъ и какъ мало геніальныхъ дѣлъ!

Разставаясь съ угодливой книжкою, мы считаемъ долгомъ исправить грубую, непростительную ошибку: не бомба Рысакова разнесла въ лохмотья вѣшателя, но бомба Гриневицкаго. Не предавайте, госпожа Адамъ, забвенію великое, славное, святое имя, оно обречено жить вѣчно въ памяти людей; много свѣта, лучезарной славы у него впереди. Безсмертный юноша не только поразилъ тирана, но связавъ его съ собою, сохранилъ его для вѣчныхъ проклятій.

Августъ 1886.

Апогей и перигей

(Щедринъ и министръ Д. Толстой)

Околѣла свинья всю жизнь „ чавкавшая правду “, умерла и частичка вѣчной правды въ лицѣ великаго писателя. Какая бездна ненависти, презрѣнія, отвращенія выпала на долю министра внутреннихъ свинскихъ дѣлъ,и какая бездна любви,признательности,искреннихъ сожалѣній, слезъ—на долю великаго обличителя, безпощаднаго сатирика!

Мы должны успокоить близкихъ Каткова, Толстого: не ихъ однихъ подразумѣвалъ сатирикъ подъ „чавкавшею правду свиньей“, но все русское правительство съ идіотомъ III во главѣ. Но чавканіемъ сходство не исчерпывается: гораздо ранѣе, въ своемъ поэтическомъ ясновидѣніи, Крыловъ, въ баснѣ „свинья подъ дубомъ“, предвосхитилъ царствованіе чухонцевъ, выдающихъ себя за Романовыхъ. Да, русское правительство два раза свинья: свинья чавкающая правду и свинья, подрывающая корни, питающаго ее дуба.

Околѣвшая свинья въ квадратѣ была всероссійскій первый визирь. Падишахъ былъ въ его рукахъ, вѣрнѣе... въ ногахъ. Подъ страхомъ пріостановки газеты, никто не смѣлъ, даже послѣ смерти, пикнуть о немъ правдивый звукъ. Чтобы уцѣлѣть, нужно было превозносить его не хуже Каткова. Но такъ была подавляюща всеобщая ненависть и глубоко всеобщее отвращеніе, что самыя жалчайшія обскурантныя и прочія, кружащіяся по вѣтру, газетишки, не осмѣлились подняться до дифирамбовъ; онѣ, еще такъ недавно дерзнувшія назвать публициста, „пѣнившагося въ пустотѣ“, великимъ публицистомъ; по поводу его перваго ученика, могильнаго, свинцоваго министра, полушопотомъ,

картавя, заикаясь, произнесли: „то былъ крупный, государственный дѣятель, необыкновенный характеръ". Но тогда воришка, двадцать разъ попадавшій въ тюрьму, и продолжающій чистить карманы тоже — необыкновенный характеръ!! Крупный дѣятель тотъ, кто неустанно, непреклонно преслѣдуетъ великія цѣли, разчищаетъ дорогу свѣтлому будущему. Такимъ чавкающимъ министрамъ, какъ Толстой, характеръ совсѣмъ не нуженъ, чѣмъ менѣе его, тѣмъ лучше для Россіи, и для нихъ самихъ — проклинать будутъ менѣе.

Поучительны были похороны министра могильныхъ дѣлъ, провожали его царь съ семьей, генералы, жандармы, третьеотдѣленцы и всевозможные тайные и явные совѣтники внутреннихъ пакостныхъ дѣлъ.

Умершій незабвенный писатель былъ глубоко любимъ, цѣнимъ всей читающей Россіей и, въ силу этого, глубоко ненавидимъ русскимъ правительствомъ, оно люто мстило ему за суровыя обличенія, за увѣковѣченіе чудовищныхъ образокъ, мерзкихъ дѣяній. За нѣсколько лѣтъ до его смерти, оно убило его журналъ, и до конца дней вырѣзывало его лучшія статьи. Газеты всей Россіи рискуя попасть въ неблагонадежныя, произнесли громкую хвалу Щедрину, и какъ ни громка, велика хвала, она стоитъ ниже его дѣйствительныхъ заслугъ. Правительство изъ силъ выбивалось, желая превознести „царелюбца" Каткова, оно не жалѣло угрозъ и подачекъ. Безконечно преданные писаки выбивались изъ всѣхъ силъ, и вышло одно колоссальное посрамленье — выдавленная изъ души, дутая, подлая, безобразная, риторическая хвала, оказалась хуже самой грубой брани, мерзавецъ пера остался мерзавцемъ пера.

Похороны Щедрина затмили похороны Тургенева; весь интеллигентный Петербургъ провожалъ его. Читающая Россія, за не имѣніемъ возможности въ порядочной формѣ выразить свои чувства, отслужила по немъ панихиды. Могила его не была опозорена царскою телеграммою.

Щедринъ огненными бичами своей сатиры хлесталъ хранителей трона и алтаря: палачей, предателей, грабителей, гасителей, душителей, святошъ, самоуправцевъ.

Толстой ему ихъ поставлялъ.

Щедринъ призывалъ къ справедливости, человѣчности, къ широкому, свободному будущему. Вся его дѣятельность — движеніе, жизнь. „Онъ проповѣдывалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья".

Толстой взывалъ къ висѣлицамъ, тюрьмамъ, плеткамъ, плетямъ, очумѣлому произволу; тянулъ несчастную Россію въ ночь безъ разсвѣта.

Щедринъ будилъ въ человѣкѣ все доброе, прекрасное.

Толстой изъ безднъ человѣческой души вызывалъ все чорное, омерзительное; онъ плодилъ разбой, грабежъ, предательство; подымалъ брата противъ брата, сына противъ отца.

Щедринъ съ священнымъ благоговѣніемъ относился къ безтрепетному, свободному слову, сознавалъ его всемогущество, въ безгранично свободной прессѣ видѣлъ все спасеніе.

Толстой съ свирѣпостью инквизитора, тупоумiемъ аракчеевскаго фельдфебеля, преслѣдовалъ мысль. Презрѣнный шутъ думалъ надуть всю Россію, царя и себя роковою тишиною, изъ подъ ножа. Подъ конецъ, онъ дошелъ до того, что революціонный ударъ, превратившій весь царскій поѣздъ въ безобразную груду, повѣлѣлъ считать „случаемъ", „дивнымъ знаменьемъ милости божіей".

О, богъ Саваоѳъ! не скупись! почаще посылай намъ, горемычнымъ, дивныя знаменья!

Щедринъ, своею мощною, пламенною сатирою подымалъ души стараго и молодого поколѣній. Безчисленныя жертвы самовластія чуяли въ его „желѣзномъ словѣ", облитомъ горечью и злостью, месть за поруганныя, человѣческія права, за попранную, оскверненную жизнь.

Аракчеевъ II преслѣдовалъ старое поколѣніе, и своими распроклятыми, классическими школами нещадно, медленно губилъ молодое.

Щедринъ всю жизнь старался поднять ту завѣсу, за которою скрывается, въ ослѣпительныхъ лучахъ, идеалъ.

Толстой денно и нощно рылъ могилу Россіи; съ годами все глубже и глубже уходилъ въ могильную тьму.

Щедрину, безпощадному обличителю, врагу темныхъ силъ, благодарная Россія воздвигнетъ, изъ бѣлаго, чистаго какъ онъ самъ, мрамора, колоссальный памятникъ. На могилѣ Толстого она поставитъ колоссальную, чугунную свинью, жрущую младенца. Въ этой чугунной аллегоріи вполнѣ олицетворится вся его крупная государственная дѣятельность, весь его чугунный характеръ.

Миръ твоему праху, великій сатирикъ! Ты умеръ въ то страшное время, когда должны были бы смолкнуть всѣ сладкіе, убаюкивающіе звуки лиры и гремѣть одни громы сатиры. Самодержавіе, замучившее всѣхъ твоихъ великихъ предшественниковъ, замучило и тебя. Но участь твоя была легче — они не видѣли конца проклятой, пожирающей ихъ силѣ, ты присутствовалъ при началѣ ея агоніи. Миръ твоему праху страдалецъ, русскій писатель! За всю долгую жизнь тебѣ не дали на одинъ мигъ, развернуть полнымъ размахомъ орлиныя крылья. И ужаснѣе всего, что правители, третирующіе писателей, какъ мальчишекъ, издѣвающіеся такъ преступно нагло надъ свободною мыслію, — мощью, гордостью, славою родной страны, — приказывающіе безцеремонно марать, поправлять, вырѣзать, были и есть идіоты, не умѣвшіе и не умѣющіе связать двухъ мыслей, написать двухъ строкъ.

Лежи смирно, ненавистная, чавкавшая всю жизнь правду, свинья, счастье для тебя въ забвеніи!

Теплое слово о предательствѣ

Переходъ Тихомирова изъ стана погибающихъ въ станъ убивающихъ за „великое дѣло любви„, оживилъ революціонную прессу. Вышелъ цѣлый рядъ блестящихъ, одна лучше другой, статей и брошюръ ; статьи были помѣщены въ „Свободѣ“, „Самоуправленіи“ „Соціаль-Демократѣ“ ; брошюры выпущены : Серебряковымъ, Лавровымъ, Плехановымъ. Самой пикантной, безупречно логичной, считаю брошюру Плеханова. Карточные домики, построенные преданнымъ Тихомировымъ „ съ усердіемъ все превозмогающимъ“ были разрушены однимъ дуновеніемъ. Благодаря ему, наше ретирадное самодержавіе было лишній разъ наказано на тѣлѣ, лишній разъ заплевано, вышучено. Іудинъ грѣхъ Тихомирова вполнѣ искупился : врядъ ли, оставаясь революціонеромъ, онъ могъ бы написать столько великолѣпныхъ статей, сколько написано по поводу его превращенія и исчезновенія.

Очень грустно, что статьи, столь полезныя нашей публикѣ своими безпощадными нападками на допотопный строй, окажутся полезными Тихомирову ;—красная цѣна ему теперь ломаный грошъ, но благодаря даровымъ рекламамъ : Серебрякова, Лаврова, Плеханова и проч. онъ будетъ купленъ за нѣсколько тысячъ рублей. Умное русское правительство, невольно, подумаетъ : „видно Тихомировъ былъ необыкновенный революціо-

неръ, если о немъ такъ много говорятъ, сожалѣютъ, нужно назначить приличное его положенію содержаніе".

Можетъ быть, я и ошибаюсь, но въ патетическихъ обращеніяхъ къ Тихомірову его товарищей, невольно слышится желаніе вразумить, обратить на старый путь. Отдавая полную дань великодушнымъ желаніямъ, я считаю ихъ крайне фантастичными: Тихомировъ въ Россіи и заграницей имѣлъ случай прочесть всѣ запрещенныя произведенія. Онъ сталкивался съ людьми, закаленными въ „превратныхъ толкованьяхъ". Прелесть самовластія онъ испыталъ не одними боками, но всѣмъ существомъ. Онъ прожилъ послѣдніе годы не въ бухарскомъ клоповникѣ, но въ самой свободной столицѣ міра. Обращаться къ его уму, сердцу слишкомъ поздно, — дѣло не въ нихъ, но въ голодавшемъ долгіе годы, истощенномъ желудкѣ; завязка, развязка предательской драмы въ немъ; изъ него все вышло. Это пустой, алчущій желудокъ сомнѣвался, каялся, извивался въ софизмахъ, стремился поступить на содержаніе къ царю. Это онъ проклятый продиктовалъ пакостную, нелѣпѣйшую изъ нелѣпѣйшихъ брошюрку; черезъ него Тихомировъ пересталъ быть революціонеромъ, пересталъ быть честнымъ человѣкомъ, — желудокъ перешелъ на сторону царя. Всегда и вездѣ желудкомъ, однимъ желудкомъ, переходили па сторону правительства. Мы искали въ его статьѣ логики, истекающей изъ разума, забывъ, что въ ней одна логика отощавшаго желудка; его прозаическій, мрачный голосъ росъ не по днямъ, а по часамъ, голосъ мозга, напротивъ, ежечасно ослабѣвалъ. Животный аппетитъ съ одной стороны, анемія мозга съ другой.

Тихомировъ въ Парижѣ, приблизительно, переживалъ то, что переживаютъ матросы, затерянные среди безбрежнаго океана, безъ пищи; готовые въ нормальномъ состояніи отдать жизнь другъ за друга и подѣлиться послѣднимъ кускомъ, они, въ ужасномъ положеніи, бросаютъ жребій и съ замѣчательнымъ аппетитомъ пожираютъ собственнаго товарища. Но разница въ томъ, что спасенные матросы принимаются за бифштексы и невинную зелень, тогда какъ Тихомирова заставятъ кушать своихъ товарищей всю жизнь.

Но мнѣ возразятъ: „Развѣ одинъ Тихомировъ терпѣлъ нужду; многіе изъ революціонеровъ спасаясь за границу, попадая въ чуждую имъ среду, тщетно ищутъ работы; товарищи самоотверженно помогая изъ послѣднихъ силъ, скоро доходятъ до тѣхъ предѣловъ, когда уже нечѣмъ помочь. Но не смотря на всю нужду и горе, предателей можно счесть по пальцамъ, они явленіе исключительное. Но не только эмигранты, но и люди изнывающіе долгіе годы на каторгѣ и въ тяжкой ссылкѣ, замучиваемые по тюрьмамъ, крѣпостямъ, не сдаются, къ покаянію не прибѣгаютъ, въ литературные прихвостни къ палачу—царю не запсываются.“ Совершенно справедливо; но это показываетъ только, что революціонный міръ — міръ героическій, что то племя богатырей. Въ оправданіе Тихомірова можно сказать: онъ роста средняго и не герой.

Постараюсь остановиться на участи предателя; она поистинѣ трагична и поучительна. Казнь невольно вытекаетъ изъ поступка; винить некого; никто не приговаривалъ, никто не накликивалъ бѣды. Карающій мечъ опускаетъ сама жизнь: то сводитъсчеты разворачивающая звенья жизни, неумолимая Немезида.

Казнь для Тихомирова и подобныхъ ему наступаетъ не сразу, она ждетъ, пока желудокъ вполнѣ успокоится, пресытится изысканной, пріятной пищей, и анемичный мозгъ снова пріобрѣтетъ свѣжесть и старое пониманіе. Полная, лютая казнь наступаетъ тогда, когда на время подавленный желудкомъ разумъ и захирѣвшая совѣсть снова вступятъ въ свои святыя права. Кто только одинъ часъ жилъ полною человѣческою жизнью, хотя на одинъ мигъ позналъ, что такое самоотверженіе, служеніе правдѣ, общему благу, для того страшный судъ сердца, разума будетъ невыносимъ; въ такія минуты у безвыходно падшаго, невольно, вырвется вопль: „Оставь меня совсѣмъ, мой разумъ! твой свѣтъ невыносимъ. Пусть сгущается мракъ въ головѣ, съ нимъ легче въ моемъ положеніи “.

Представимъ себѣ фантастическую картину: Тихомировъ, строчащій, въ качествѣ приблуднаго сотрудника, жалостныя статейки противъ старыхъ товарищей, въ идіотскихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, вдругъ, по

царскому велѣнію дѣлается ихъ главнымъ редакторомъ. Самодержавная банда, желая поддержать травлю революціонеровъ, открываетъ ему сундуки государственнаго казначейства, полные новенькихъ бумажекъ. (Къ зелененькимъ не совѣтую прикасаться: въ нихъ мышьякъ. До сихъ поръ правительство въ конецъ разоряло вѣрноподданныхъ бумажками, теперь начинаетъ ими отравлять). Онъ заводитъ роскошнѣйшую квартиру, нанимаетъ поразительнаго повара — француза и не менѣе поразительнаго русскаго. Онъ поглощаетъ самыя рѣдчайшія явства, самыя старыя, дорогія вина; чтобы потѣшить упитанную плоть, заводитъ на сторонѣ, рѣзвую, роскошную француженку. Его приглашаютъ въ критическія минуты въ Гатчину; всемилостивѣйше разрѣшаютъ цѣловать палецъ, плечо; ему неистово завидуетъ Мещерскій, ему нѣжно улыбается нѣкогда преслѣдующая его тайная полиція; по временамъ его креститъ шаловливою рукою Побѣдоносцевъ и треплетъ по щечкѣ самъ Черевинъ. Онъ даетъ обѣды, балы... Но, увы, чѣмъ болѣе будетъ расширяться вокругъ него этотъ животный, плотоядный, хищный, отвратительный міръ, тѣмъ все страшнѣе будетъ шириться дыра въ собственной душѣ. Ни одинъ честный человѣкъ конечно не подастъ ему руки, но за то его полѣзетъ лизать вся сволочь, нагрѣвающая руки у престола и алтаря... Если подъ вліяніемъ свѣтлыхъ образовъ прошлаго, въ тяжкій моментъ пробужденія совѣсти, онъ вздумаетъ, брезгливо, вытереть огаженныя губы, ему плюнутъ въ лицо и не сморгнувъ глазомъ, скажутъ: „Ты чего ломаешься, Іуда, мы не переметная сума, какъ ты; мы были и есть хамы вѣрные; мы простили тебя и щедро вознаградили съ условіемъ, чтобы ты изъ всѣхъ силъ служилъ полиціи и батюшкѣ царю. Мы тебя откармливаемъ, какъ пса, чтобы травить революціонеровъ, но разъ зубы твои притупятся, мы выбросимъ тебя въ живодерню; назадъ къ товарищамъ ты воротиться не можешь, и поэтому намъ вовсе не страшенъ! такихъ, какъ ты, писакъ сыскать не трудно, стоитъ только кошелькомъ тряхнуть, позвонить. Щербань не хуже тебя строчитъ; все твое счастье, — что ты былъ революціонеръ; ты намъ нуженъ, какъ приманка, примѣръ. Ты червячекъ, на который мы думали

выудить еще нѣсколькихъ революціонеровъ. Если хочешь продолжать вкушать отъ государственнаго лакомаго пирога, то не зазнавайся, не финти, держи весело хвостъ трубкою...“

Я нарисовалъ картину, въ которой всѣ аппетиты Тихомирова удовлетворяются съ сказочной быстротой и безъ перипетій. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго, конечно, не случится. Кто знаетъ, можетъ быть за подачку съ роскошнаго стола тайной полиціи, его заставятъ, не только строчить гнусности противъ старыхъ товарищей, но и все раскрыть, тихонечко указать на уцѣлѣвшихъ въ великой борьбѣ, удачно скрывающихся, продолжающихъ борьбу. Окружающіе теперь Тихомирова скорпіоны, змѣи, много, много изъ него высосутъ, прежде чѣмъ капельку вознаградятъ.

Мнѣ жаль Тихомирова! Онъ проведшій лучшіе годы молодой жизни среди людей чистыхъ, прекрасныхъ, самоотверженныхъ, томившихся духовною жаждою, полныхъ вѣры въ идеалъ, очутится среди Сувориныхъ, Цитовичей, Аверкіевыхъ, Скирмундовъ. Онъ такъ долго ласкаемый свободною, мощною рѣчью, услышитъ подленькую, гаденькую, путающуюся въ жалчайшихъ софизмахъ, безпредѣльно, лакейскую рѣчь; рука его, сжимавшая руки Желябова, Перовской, начнетъ жать „безтрепетныя руки“ блудодѣевъ слова, подлецовъ, трусовъ, шпіоновъ.

Мнѣ жаль Тихомирова! За измѣну, вышедшую изъ желудка, онъ приметъ страшную казнь, несоразмѣрную съ преступленіемъ.

Май 89.

Немезида

—

Если бы неправда охватила всю землю, то и тогда справедливость, успѣвшая притаиться въ тѣни былинки, разрослась бы и наполнила благоуханьемъ весь міръ...

Эдгаръ Кине.

I

Книга Кеннана: „Сибирь и Ссылка“ такъ нетерпѣливо всѣми ожидаемая, наконецъ, вышла въ русскомъ переводѣ въ Парижѣ. Мощныя обличенья запрещенной прессы начинаютъ тяжеловѣсно подкрѣпляться иностранцемъ, передъ путешествіемъ въ Сибирь, предубѣжденнымъ противъ революціонеровъ.

Книга Кеннана — страшный судъ надъ нашей дагомейской деспотіей. Самый прѣсный низкоподданный почувствуетъ стѣсненіе въ груди при ея чтеніи; самые безупречные Маниловы, если не сердцемъ, то головою, поймутъ терроръ. „Сибирь“ Кеннана—послѣдній кругъ Дантовскаго ада, гдѣ русское правительство, среди льдовъ и тьмы, грызетъ своего врага. Для будущаго историка революціонной борьбы „Сибирь“ Кеннана станетъ, неизбѣжно, настольною книгою, ключемъ къ аду, она озаряетъ Сибирь зловѣщими свѣточами Эвменидъ; терроръ нашего времени и безпощадный—будущаго станетъ вполнѣ понятенъ.

Вышедшій первый выпускъ — только рѣзкій фонъ адской картины; это, пока, еще не фигуры во весь гигантскій ростъ, но обдающія могильнымъ холодомъ тѣни; это не самыя муки, но только сильный намекъ на нихъ.

Желаемъ Кеннану, какъ можно скорѣе, справиться съ раздирающимъ душу колосальнымъ матеріаломъ. Мы увѣрены, что скорбная, кровавая лѣтопись, переведенная на всѣ языки, распространенная не только среди интеллигенціи, но и народныхъ массъ, произведетъ впечатлѣніе ужасающее. Мы увидимъ не только тѣ сцены, которыя происходили въ Америкѣ, когда Кеннанъ, не довольствуясь огромнымъ распространеніемъ книги, объѣзжалъ всѣ большіе города и, при многолюдныхъ собраніяхъ, разворачивалъ картины нечеловѣческихъ мукъ, выпавшихъ на долю доблестныхъ людей Россіи, но и en grand сцены, происходившія въ Марсели, послѣ извѣстія, что беременная Гельфманъ обречена, въ тюрьмѣ, пять мѣсяцевъ ожидать казни.* Нашихъ посланниковъ, консуловъ осадятъ въ ихъ жилищахъ, иностранныя правительства принуждены будутъ вышвырнуть представителей допотопной деспотіи; перестанутъ отвѣчать за ихъ жизнь.

Можно смѣло сказать, что Кеннанъ проволокъ порфироноснаго жандарма по всей Америкѣ, привязаннаго за ноги къ его побѣдной колесницѣ. Онъ ему, казнящему слово, показалъ, какая ворочающая горами сила заключена въ немъ. Мы получили нѣсколько писемъ изъ Америки,— насъ извѣщаютъ, что въ самыхъ глухихъ городишкахъ пасторы въ церковныхъ проповѣдяхъ превозносятъ самоотверженныхъ героевъ, русскихъ революціонеровъ, призываютъ небесныя кары на голову ихъ лютаго палача.

Всѣми уважаемый маститый сенаторъ, въ присутствіи полнаго собранія заявилъ, что съ такимъ правительствомъ, какъ русское, можно говорить только бомбами.

---

*) Извѣстный марсельскій медикъ передавалъ намъ, что по его личнымъ наблюденіямъ и товарищей — докторовъ это извѣстіе имѣло вліяніе на роды, они начали принимать очень дурной характеръ.

Слава, честь правдивому, мужественному, талантливому американцу за его сердечную, пламенную, неутомимую защиту „нашихъ праведниковъ, святой вольности угодниковъ!“ Имя Кеннана не умретъ въ Россіи, оно связано съ безсмертными мучениками, легендарными героями.

Со слезами умиленья мы прочли его отзывъ о „святотатственныхъ злодѣяхъ, извергахъ“, которыхъ попы проклинаютъ въ церквахъ, и мракобѣсцы — въ лакейскихъ газетишкахъ, которыхъ затерзываютъ въ тюрьмахъ, вѣшаютъ безъ суда, хоронятъ въ затерянныхъ, въ снѣжной пустынѣ, улусахъ.

„То что я видѣлъ и узналъ въ Сибири, затронуло самыя затаенныя струны моего сердца, открыло мнѣ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, очистило и возвысило мои нравственныя понятія. Я познакомился тамъ съ характерами, воистину героическими, съ типами, столь же великими, какъ самые великіе, какіе только извѣстны намъ въ исторіи человѣчества. Я встрѣтилъ тамъ людей мужественныхъ и сильныхъ, съ изумительной преданностью, до гибели, своимъ убѣжденіямъ, съ безконечною готовностью и способностью къ жертвѣ... Вы не можете представить себѣ, какое дѣйствіе имѣло для меня знакомство съ этими людьми. Вы знаете, что я ѣхалъ въ Сибирь, сильно предубѣжденный противъ политическихъ ссыльныхъ; а уѣзжая, я разставался съ ними съ глазами полными слезъ, цѣлуя и сжимая ихъ въ своихъ объятіяхъ... Вы поймете, конечно, что нужны были необыкновенныя условія, чтобы вызвать во мнѣ такую перемѣну.“

Выслушивая разсказы жертвъ о томъ, какъ пришли онѣ къ террору, видя, на каждомъ шагу, богатую сильную жизнь, въ конецъ разбитую произволомъ, онъ не разъ сжималъ въ гнѣвѣ кулаки, не могъ сдерживать нахлынувшихъ, горячихъ слезъ.

Разсказавъ исторію одной страдалицы, онъ прибавляетъ:

„Если бы читатель выслушалъ эту трагическую исторію изъ устъ очевидцевъ, которые изо дня въ день наблюдали эту медленную смерть, онъ пересталъ бы удивляться тому, что подобные факты порождаютъ

террористовъ; онъ удивился бы, какъ вся страна, въ которой продѣлываются такія вещи, не обращается къ террору!"

Исторію Волховскаго онъ заканчиваетъ словами:

„Царь можетъ убѣлять сѣдинами головы такихъ людей, какъ Волховскій; онъ можетъ замуровывать ихъ въ казематахъ крѣпости, или посылать въ арестантскихъ халатахъ въ Сибирь. Но прійдетъ время, когда ихъ имена, а не его, будутъ отмѣчены на страницахъ исторіи, и когда память о ихъ страданіяхъ и жизни будетъ служить источникомъ героическихъ внушеній для всѣхъ русскихъ, любящихъ свободу и свою страну."

Встрѣтивъ двухъ дѣвушекъ „почти дѣтей" въ Сибирской пустынѣ, онъ бросаетъ въ лицо гатчинскаго трусишки облитый горечью сарказмъ:

„Если бы я былъ царемъ,— сказалъ я Фросту,— съ арміей солдатъ и полиціей за спиною, и если бы тѣмъ не менѣе, не могъ спокойно спать изъ страха передъ этими робкими дѣвочками, пока онѣ не высланы куда-нибудь за тысячи миль, — я отказался бы отъ престола въ пользу кого нибудь болѣе сильнаго и менѣе трусливаго.

Мысль, что могущественное русское правительство не можетъ защитить себя отъ гимназистокъ, не вырвавъ ихъ изъ семьи и не бросивъ въ далекую азіатскую пустыню, — казалась мнѣ просто нелѣпостью."

Онъ, человѣкъ закаленный, съ желѣзною волею, непобѣдимою энергіей, сознается, что безконечно длинный рядъ ужасающихъ картинъ, совершенно обезсилилъ его, изболѣлась душа, изныли нервы.

Многіе становятся въ тупикъ передъ „богатыремъ протопопомъ" Аввакумомъ, передъ способностью выносить сказочныя муки за святыню убѣжденій. Если взять въ разсчетъ разницу въ кожной и нервной чувствительности у человѣка XVII в. и конца XIX, я нахожу, что „протопопъ богатырь" блѣднѣетъ не только передъ нашими мужчинами, — революціонерами, но даже передъ слабыми дѣвушками. Прочтите только первую книгу Кеннана, и вы ясно убѣдитесь, что я не преувеличиваю.

II

Революціонная литература начинаетъ представлять огромный матеріалъ для историка; не смотря на вскрыванія писемъ, инквизиціонные осмотры квартиръ, ярыя преслѣдованія, она давно проникаетъ всюду; одна книжка прочитывается сотнями людей, тщательно переписывается, и нѣтъ симнѣнія, что всѣ усилія остановить пропаганду приведутъ, какъ и всегда бывало, къ еще большему распространенію.

Что будетъ, когда послѣ послѣдняго удара, всѣ сказочные ужасы, невѣроятныя, правительственныя преступленія предстанутъ передъ всенародныя очи, и всего болѣе гонимыя сочиненія распространятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ?... Мемуары, дневники въ Россіи ведутся сотнями людей. Въ тайной полиціи, крѣпостяхъ, на каторгѣ, въ ссыльныхъ городахъ, въ глухихъ провинціяхъ есть люди, неустанно заносящіе въ журналы всѣ возмущающія душу, правительственныя звѣрства, всѣ волнующіе общество слухи. Многіе изъ медленно умирающихъ по тюрьмамъ и въ ссылкѣ, нѣтъ сомнѣнія, не забудутъ все пережитое, призовутъ къ общественному суду своихъ истязателей.

О, тупыя, дикія чудищи! въ концѣ XIX вѣка, вы осмѣливаетесь мечтать, задушить свободную мысль, остановить духовный ростъ колоссальной страны, смирить всеобщее негодованіе, ненасытимую ненависть, презрѣніе къ вамъ. Во времена оно, когда не было телеграфа, желѣзныхъ дорогъ, газетъ, журналовъ, когда грамотный человѣкъ былъ феноменъ, и государственные столбы еле умѣли подписать свою фамилію, когда письмо состовляло событіе, вѣсть объ убіеніи Петра III либеральною супругою, воспитанною на энциклопедистахъ, молніей облетѣла всю Россію. Разбои, грабежи, неистовства любовниковъ Екатерины были извѣстны всей Россіи. Разносящихъ превратные слухи били батогами, пороли нещадно плетьми; у самыхъ смѣлыхъ пропагандистовъ вырывали языки, и не смотря на всю внушительность мѣръ, слухи принимали все болѣе, болѣе грозные размѣры, и самый крамоль-

ный изъ нихъ воплотился въ Пугачовѣ. Его клейменые палачемъ буйные генералы носили фамиліи „орловъ Екатерины."

У Пугачова писалъ манифесты одинъ Швановичъ, и не смотря на это, вѣрноподданническая Москва, съ лихорадочнымъ трепетомъ, ожидала царя Пугачова, какъ избавителя.

Замученные праведники дѣлали и продолжаютъ дѣлать исторію. Это мертвецы рушили тропы и государства, давали упругость стали новымъ ученіямъ. Кровь, пролитая на римскихъ аренахъ, легенда Голгоѳы, были тѣмъ связующимъ цементомъ, чудодѣйственною силою, благодаря которымъ христіанство въ нѣсколько столѣтій завоевало міръ и сохранилось до нашего времени; изъ казненнаго праха вѣчно выходили непобѣдимые легіоны...

На нашихъ глазахъ трупомъ Бодена, Викторъ Гюго, Роиформъ, Гамбетта доканывали Наполеона III.

Но нигдѣ иронія исторіи не выступала такъ мистически мрачно, какъ въ Россіи. Доведенный до отчаянья крѣпостнымъ палачествомъ, черною неправдою въ судахъ, народъ выдвигалъ во время возстаній мертвецовъ, ими казнилъ бездушныхъ властителей.

Мертвецъ Дмитрій раздавливаетъ Бориса Годунова; это его мертвыя уста замыкаютъ драму побѣднымъ крикомъ: „вязать Борисовыхъ щенковъ." Когда у Шереметьева давалась поучительная драма, не сжалось ли сердце у присутствовавшихъ чухопо Романовыхъ при этомъ роковомъ крикѣ?

Мертвецъ Петръ III чуть не стаскиваетъ корону съ коронованной Барковщины. Народная Немезида предстала въ лицѣ предательски убитаго мужа, народъ умерщвляемый крѣпостнымъ правомъ, выдвигалъ страшныхъ, какъ крѣпостное право, мертвецовъ. Екатерина дарила своимъ любовникамъ русскую землю, русскихъ людей, Пугачевъ отбиралъ. Ничего ужаснѣе не могъ бы придумать самъ геній иронін, сарказма... Ни одинъ нашъ вымазанный святымъ масломъ людодѣдъ не ускользнулъ отъ карающей десницы исторической Немезиды. Это святые мертвецы расплюснули Алек. II и тѣ же святые мертвецы съ грязью смѣшаютъ

кровь всей семейки Романовыхъ. Это изъ ихъ мертвыхъ устъ раздастся повелительный крикъ: „смерть, смерть проклятому отродью.“

Тупыя чудовищи, на волосъ не зная своей и всеобщей исторіи, обманутыя прохвостническою, жандармскою прессою, мусульманскими адресами изъ подъ ножа, корыстнымъ холопствомъ, отвратительной лестью, вы думаете спастись, уйти отъ каменной десницы каменнаго командора! Васъ обложили пылающими угольями, а вы, вопите: „Мы побѣждаемъ, мы побѣждаемъ!“ Десятки лѣтъ накопляются всеобщія ненависть, отвращеніе, презрѣніе. Рядомъ съ раболѣпною ложью, невѣдомыя вамъ руки пишутъ настоящую вашу исторію, и невидимые заступы роютъ вамъ бездонную могилу.....

Чѣмъ дольше было терпѣніе, тѣмъ дольше будетъ месть; чѣмъ долѣе будетъ сгнетаться общественный гнѣвъ, тѣмъ страшнѣе будетъ взрывъ.

Московскій сборникъ

К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА

———

Рядъ отвратительныхъ мыслей, точно рядъ каторжныхъ, изъ которыхъ каждый заклейменный; авторъ ведетъ ихъ на цѣпи.

Гейне.

Духовныя и свѣтскія цензуры, колодническіе и околодочные законы о печати, административныя ссылки, тюрьмы, вѣшанья безъ суда, видимо, недостаточно спасаютъ самодержавіе. Къ цѣлымъ арміямъ явныхъ и тайныхъ полицій оно начинаетъ прибавлять писакъ, но новое воинство, подобное воинству Фальстафа — изъ Тѣни, Слабости, Заплѣснѣвѣлаго, не окупаетъ расходовъ. Эфектъ, производимый брошюрками Исаакіевскаго собора и кой-какими газетными статейками, въ послѣднее время сильно заподозрился... Въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ слышутся голоса: „мѣры не знаютъ, переслюнявливаютъ, да и слюна подозрительная, точно меркуріальная; дашь палецъ полизать, а они подъ камергерскій ключъ лѣзутъ; брошюрокъ мало, книги нужны, цѣлый сводъ нуженъ„. Побѣдоносцевъ внялъ призыванію, выпустилъ книжищу.

Многіе прочтя ее, придутъ къ выводу, что Бѣдоносцевъ считаетъ читателей троглодитами и страшно обидятся за свою родину.

Но за такія книжищи не обижаться слѣдуетъ, но благодарить. Такая книжища, въ нѣкоторомъ родѣ, раскрытая до невозможности волчья пасть, полная запекшейся крови, съ обрывками мяса на зубахъ; са-

модержавіе, православіе вырисовываются вполнѣ. Калибаны встаютъ нагишомъ, узнаешь, чего отъ нихъ ожидать, на что они способны.

Вѣетъ отъ книжки Алексѣевскимъ равелиномъ, застѣнкомъ, чѣмъ-то слизлымъ, заросшимъ масляною гарью, сѣрымъ, полнымъ сѣрыхъ пауковъ. Только совсѣмъ разжиженный мозгъ дряхлаго, безнадежно больного эксъ-опаника могъ создать такую сѣрую книгу.

Передъ нею книга Страхова: „Борьба съ западомъ“ покажется чуть не умной, чуть не логичной, чуть не вольнодумной.

Никакъ не поймутъ допотопныя ящеры, что не съ западомъ намъ нужно бороться, но на смерть съ Востокомъ, съ лютой, вышедшей изъ исторіи, азіатчиной, что пора намъ заживить на спинахъ раны отъ азіатскихъ бичей, а въ душѣ язвы отъ восточнаго рабства.

Какова форма правленія, таковы и защитники, по Сенькѣ и шапка, по Николкѣ Побѣдоносцевъ.

Невольно является вопросъ: въ силу какого добра, какихъ принциповъ этотъ пустосвятъ, просвирникъ, мракобѣсецъ возстаетъ противъ всякаго движенія, не разрѣшеннаго тайной полиціей, противъ разума, науки, свободы мысли, совѣсти, печати, противъ человѣческаго достоинства, критической мысли, мощной индивидуальности, словомъ всего мірового прогресса?

Противъ какого индивидуализма возстаетъ онъ, разъ его идея, вѣрнѣе ахинея самодержца—послѣднее слово чудовищнаго, болѣзненнаго индивидуализма? На сотняхъ страницъ онъ показываетъ намъ вытертый, ломанный грошъ и выѣденное яйцо и предлагаетъ, во здравіе самодержавія, православія, жить этимъ грошомъ, питаться этимъ яйцомъ.

Зачѣмъ суетъ эта „тварь милости придворной“ свое вонючее постное масло, разъ никто не хочетъ возжигать лампадъ передъ его кровавыми, уродливыми идолами?...

Главы книги, по ихъ внутреннему содержанію, слѣдовало бы озаглавить болѣе яснымъ, точнымъ образомъ, а именно:

Взглядъ очень древняго, захирѣвшаго онаника на безпутство революцій, съ удивительными выписками изъ сочиненій иностранныхъ философовъ.

Многосторонній взглядъ опытнаго, въ большихъ чинахъ администратора на легкость и безплодность отрицанія.

Розга — не забава, лоза юношей питаетъ, научаетъ, самодержавіе укрѣпляетъ...

Революціи всѣхъ вѣковъ и народовъ, разсматриваемыя какъ простое недоразумѣніе, какъ непростительный недосмотръ полиціи.

Отрицаніе, съ точки зрѣнія начальственной положительности...

Полное посрамленіе афеизма (атеизма) цѣлой серіей волшебныхъ, но въ тоже время и достовѣрныхъ разсказовъ, о млекѣ и потѣ пресвятой Богородицы-троеручицы; о мѵроточивыхъ черепахъ кіевскихъ пещеръ; о сохранившейся губкѣ, съ уксусомъ, побывавшей въ устахъ Бога нашего во время крестной муки, объ уцѣлѣвшихъ розгахъ, коими наказанъ былъ, на непорочномъ тѣлѣ, творецъ вселенной, по повелѣнію іерусалимскаго градоначальника. О недостаточно опровергнутыхъ и взвѣшенныхъ трехъ китахъ,..

О нисхожденіи святого Пафнутія, путемъ видѣній, во адъ, съ подробнымъ, точнымъ описаніемъ мукъ, выпавшихъ на долю всевозможныхъ разрядовъ грѣшниковъ, объ особенныхъ вертелахъ, сковородахъ, духовыхъ печкахъ для отрицателей.

Полегонечку, да потихонечку, безъ думъ, ломокъ, ослушаній, противорѣчій, затѣй; аллегорическое повѣствованіе для полнаго пресеченья, обузданія прелестныхъ утопій, мечтательныхъ крайностей, порывовъ весьма превратныхъ страстей...

Ежедневное цѣлованіе въ плечо начальства, какъ единственный способъ упорядоченія, умиротворенія, возбужденія вполнѣ русскаго достоинства.

Участокъ, разсматриваемый, какъ перстъ божій, какъ главный, неоспоримый двигатель русскаго прогресса...

Мирный сонъ обывателя подъ прохладною сѣнью самодержавныхъ и кафолическихъ стропилъ, или зданье немыслимо безъ фундамента.

Вполнѣ русская душа, чертовски молодецкая любовь къ батюшкѣ-царю, или величіе, героизмъ Комиссарова, трусость, низость Каракозова.

Монастыри, разсматриваемые, какъ вертограды цѣломудрія.

Суровый взглядъ падшаго, черезъ интриги, третьеотдѣленца (печаянная кража, при осмотрѣ почью квартиры неблагонадежнаго, дюжины серебрянныхъ ложекъ) на дерзновенія афеизма, на утопичность собственаго достоинства и равенства.

Прохладное слово іерея Дерунова о великой поркѣ, воспринятой Творцомъ видимаго и невидимаго, съ всерадостными лилѣйными выводами для крестьянскаго населенія россійской счастливой имперіи.

Разносторонняя, безъ прямолинейности рѣчь протоіерея Лайолы Душегубцева на темы: что вполнѣ скрываемо, да будетъ ненаказуемо, но слегка заподозрѣнное, да будетъ караемо, какъ бы вполнѣ обнаруженное... Въ тайникѣ души презирай, ненавидь самодержца своего, но наружно служи ему, съ обожаніемъ припадай къ пяткамъ его, ложись костьми за него... Въ тайникѣ души не вѣрь въ Бога своего, но аккуратно, въ благолѣпномъ настроеніи, посѣщай храмъ его, зычнымъ голосомъ пой хвалу ему... Не вѣрь въ Іисуса, но твори знаменье креста его, съ благоговѣніемъ ѣшь тѣло его, смакуй кровь его. Не какая-нибудь западная лже-свобода, но вполнѣ русская, настоящая предоставлена у насъ всѣмъ истинно вѣрноподданнымъ. Если ты царелюбецъ, то можешь прямить царю своему.

Новыя, неожиданныя откровенія на темы: уши выше лба не растутъ, звѣзда отъ звѣзды разнствуютъ, овому одинъ, овому два, ласковое теле двухъ матокъ сосетъ, ѣшь пирогъ съ грибами, но языкъ держи за зубами, языкъ мой — врагъ мой, а перо паче того.

О предательствѣ, доносѣ, какъ основахъ самодержавія и православія, обязательность оныхъ для всѣхъ истинно русскихъ, распепеленье западническихъ мнимо либеральныхъ лжетолкованій.

Полное ядовитыхъ насмѣшекъ, опроверженіе шаблонныхъ взглядовъ нашихъ западныхъ сосѣдей на деспотію и рабство, рядъ основанныхъ на историческихъ

фактахъ научныхъ доказательствъ, что только въ нихъ заключены истинныя свобода, равенство, братство.

О полномъ разложеніи горделиваго запада, о вкусной свѣжепросольности востока.

Сравненіе матушки-Россіи съ западомъ, жизнь, полная любованій, милованій, ликованій, преуспѣваній, дворцовыхъ торжествъ, всякихъ свободъ на Руси, и полная скрежета зубовнаго, невыносимыхъ стѣсненій на западѣ.

Ну-ка посравнимъ все, да полюбуемся! или залпъ каламбуровъ въ сторону зазнавшихся, но втайнѣ завидующихъ нашему правленію, за-атлантическихъ друзей.

Разсказъ о безконечно счастливомъ, не взирая на лебеду и другія травы, мужичкѣ, аккуратно посѣщающимъ храмъ божій и о несчастномъ отрицателѣ, шляющимся въ оборванномъ видѣ по кабакамъ и бардакамъ, кончающимъ висѣлицею безъ суда.

Мечтающій о конституціи можетъ быть уподобленъ безумцу, носящемуся на утлой ладьѣ, по бурнымъ волнамъ океана. Вполнѣ довольный самодержавіемъ—рыбарю, ловящему жирненькую, вкусненькую рыбку въ стоячей, неглубокой водѣ.

Всевозможныя, пресловутыя говорильни (парламенты) суть дома умалишенныхъ, покинутые добрыми, трезвыми сторожами. Единодержавіе—свѣтлый, славный кабинетъ мудраго ученаго, весь заваленный спасительными прожектами.

Взглядъ на конституцію, какъ на клочья дрянной бумаженки, исписанной суетностью, а на единодержавіе, какъ на вѣчный, лоснящійся папирусъ, смазанный нетлѣннымъ муромъ, исписанный божественнымъ перстомъ.

Благопожелательныя рѣчи объ умѣренности, аккуратности, послушаніи, преклоненіи, обожаніи, безъ вниканій и чуждыхъ русскому духу разсужденій.

О довольствѣ малымъ: кроткія разсужденія оберъ-прокурора Синода, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ окладомъ въ 50 тысячъ рублей и казенной квартирой съ отопленіемъ.

О застѣнкахъ и кляпахъ, какъ противовѣсѣ суду улицы (суду присяжныхъ).

Поэтическое сравненіе западнаго жонглерскаго строя, съ его анархическими затѣями, съ южнымъ эфемернымъ персикомъ, быстро гніющимъ, невыносящимъ тряски, и родимаго, залихватскаго самодержавія съ капустною, ядреною кочерыжкою, смѣющейся надъ пространствомъ, временемъ, температурою.

Исключительность Россійскаго государства: прогрессъ не спереди, но сзади, не въ прорубленное Петромъ окно глазѣть нужно, но въ дыру восточную.

Объ исполинствѣ деспотіи и мизерности республикъ.

О пагубности, преступности прессы, мнящей выражать собою якобы общественное мнѣніе, а вмѣсто того, выражающей злоязычіе, свободоязычіе, неблагонамѣренность, превратность, шатаніе, плесканіе мыслей, и великой пользѣ прессы, черпающей благопожелательность у высокопоставленныхъ чиновниковъ, а за неимѣніемъ оныхъ по близости, у бодрствующихъ приставовъ въ уютныхъ участкахъ.

О непоколебимости частной собственности или о гнусной, ни на чемъ неосновательной зависти къ богатымъ.

О томъ, какъ богатые, путемъ заказовъ предметовъ роскоши, обиліемъ дворцовъ, прислуги, благодѣтельствуютъ бѣдныхъ труженниковъ и о томъ, какъ завидуютъ они ихъ простенькимъ комнаткамъ, незамысловатой трапезѣ, желѣзному желудку, и вѣчно игривому расположенью духа...

Вотъ вкратцѣ мораль византійщины, азіатчины. Царства, послѣдовательно практиковавшія эту мораль, давно сметены. Въ развалинахъ дворцовъ гнѣздятся, вполнѣ достойные царей, ихъ наслѣдники: ядовитыя змѣи, скорпіоны, фаланги.

Но если вы хотите получить тройль экстрактъ, квинтъ эссенцію этой омерзительной, анти-общественной схоластики, ее можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ:

Сила не въ словопреніи, но въ молчаніи, не въ разсужденіяхъ, а въ исполненіяхъ, не въ свободомысліи, но узколобіи. Спасеніе не въ революціяхъ, но въ полиціяхъ, не въ фаланстеріяхъ, а жандармеріяхъ, не въ конспираціяхъ, а въ пространіяхъ, не въ конституціяхъ, но экзекуціяхъ, не въ демагогіи, а въ деспотіи,

не въ озорствѣ, а въ притворствѣ, не въ чести, а въ лести, не въ самоотверженіи, а въ предписаніи, не въ героизмѣ, а сервилизмѣ, не въ славѣ, но въ срамѣ.

Изъ этого заколдованнаго круга наши обожающіе, порченные консервы — консерваторы и всѣхъ шерстей мракобѣсцы выйти не могутъ.

Пора намъ понять, гдѣ пріютились настоящіе, безпримѣсные нигилисты, въ чьихъ проповѣдяхъ, писаньяхъ сокрыта настоящая нигилятина, гнилятина...

Да, „жадной толпѣ, стоящей вокругъ трона“ до зарѣза нужны эта мораль, и связанный съ ней пещерный строй, безъ нихъ они не могли бы безнаказанно грабить Россію, самоуправствовать, неистовствовать, надругиваться надъ злосчастной націей, получать, вмѣсто должной каторги, высшія назначенья, чины, ордена, стотысячные оклады, казенныя колоссальныя квартиры, наградныя и добавочныя для отдыха за границей.

Василій Ивановичъ Немировичъ - Данченко

Современные критики будятъ въ душѣ глубокую тоску по критикамъ художественнымъ, по Бѣлинскому, даже Григорьеву. Въ послѣднее время, насъ нестерпимо доканываютъ проблемами, метафизическими богоискательствами, дремучими символами, пронизываньями безконечности, претензіями на шестое, даже седьмое чувство, въ то самое время, когда, благодаря всеобщей психопатіи, для большинства владѣть пятью, становится все болѣе, болѣе затруднительнымъ, словомъ — по всей линіи идетъ „штопанье дыръ въ мірозданьи".

Чтобы судить, что продѣлывается, прочтите „Лазаря" Андреева. Лазарь, смердящій тлѣномъ, видимо — просто вонявшій, благодаря нечистоплотности, оказывается побывалъ въ загробномъ мірѣ и видѣлъ онъ ... Послѣ никто не могъ выдержать его пустого взгляда.

Мы силимся сорвать покровы съ тайнъ мірозданія; увы, дѣло идетъ не о сочиненьяхъ Гекеля, но о Кирілах Мокіевичахъ нашей сумбурной жизни.

Рядомъ съ метафизическими тайнами, что очень часто случается, идетъ разработка половыхъ — съ виртуозностью, по истинѣ, фрапирующей.

На литературный спросъ явились литературныя предложенія и приспособленные для нихъ критики. Созер-

цая, невольно, впадаешь въ меланхолію, смѣшанную съ добродушнымъ презрѣніемъ. Не знаю, разъ все это перемелится, получится-ли мука?

О, боги! Сколько несуразныхъ взмыливаній и пожалованій въ короткое время! Вспоминается тифлискій баньщикъ: изъ жалкаго кусочка мыла дѣлающій вокругъ васъ цѣлый, огромный кринолинъ, изъ ярко играющихъ на солнцѣ, мыльныхъ пузырей.

Давно ли фабрикантъ стиховъ Надсонъ былъ чуть не пожалованъ въ величайшаго изъ величайшихъ поэтовъ: Лермонтова? Преодолѣвая скуку, я прочелъ весь томъ стиховъ Надсона, и, увы, не удержалъ ни одного стиха, ни одного образа, ни одной идеи. Средняя душа, ни теплая, ни холодная, высовывалась изъ каждаго вымученнаго стиха, и въ тоже время, я почти наизустъ знаю всего Лермонтова, каждый стихъ котораго — свѣтозарный, неизгладимый образъ, всемогущая поэзія и мысль. Слышишь титана, у котораго на „мысли, дышащія силой, какъ жемчугъ нижутся слова". Видно, что они написаны въ „тягостныя ночи, когда безъ сна горятъ и плачутъ очи, на сердцѣ жадная тоска, дрожа, холодная рука подушку жаркую объемлетъ, невольный страхъ власы подъемлетъ, болѣзненный, безумный крикъ изъ груди рвется".

Мы вознесли все превозмогающаго дѣлателя стиховъ Надсона и совсѣмъ забыли дѣйствительнаго, великаго поэта Огарева, написавшаго „Монологи", которые ничего не потеряютъ, если вы ихъ поставите рядомъ не только съ лучшими произведеніями Пушкина, Лермонтова, но даже и Байрона. И не одни „Монологи" написалъ Огаревъ!

Но далѣе пошло еще хуже. Неоспоримо — очень талантливый Горькій, былъ повышенъ на манеръ царской фамиліи, чуть не въ Льва Толстого, а Андреевъ, съ его искусно дѣланными, нескончаемыми жупелами, съ метафизическою дремучестью, чуть не въ Достоевскаго. Нѣтъ, да нѣтъ, и вспомнится знаменитый крикъ критиковъ тридцатыхъ годовъ: „Кукольникъ-Шекспиръ! на колѣни передъ Кукольникомъ!" Или Гончарова, послѣ поразительнаго описанія тропическихъ, вечернихъ зорь въ „Фрегатъ Палладѣ", заявившаго въ пись-

мѣ къ безобразно ходульному, риторическому Бенедиктову, что для описанья этихъ зорь, нуженъ его „богамъ равный языкъ“.

Конечно, время и интеллигентная публика возьмутъ свое. Кринолинъ тифлискаго банщика, переливающійся цвѣтами радуги исчезнетъ, калифы на часъ будутъ поставлены въ надлежащія позиціи; большой талантъ будетъ названъ большимъ, средній — среднимъ. Производство же въ геніи сильно замедлится. Съ этимъ загадочнымъ словечкомъ начнутъ обходиться болѣе осторожно. Генія будутъ поджидать съ тою задумчивостью, съ какою евреи нѣкогда поджидали Мессію.

Мы посовѣтовали бы нашимъ временно выдающимся писателямъ, а въ особенности enfants terribles — неврастеніи: декадентамъ, перечесть, и не разъ, съ большимъ вниманіемъ, побѣждая въ себѣ манію величія, дѣйствительно великихъ писателей европейскихъ и нашихъ. Только путемъ серьезнаго, добросовѣстнаго сравненія можно познать дѣйствительно безсмертную, вѣчно старую и вѣчно новую красоту. Мы испортили свой вкусъ, опошлились, зазнались въ своемъ невѣжествѣ, любуясь на сценѣ на всякій символическій, метафизическій сумбуръ: въ родѣ „Анатемы“.

Неврастенія сгубила въ крови красные шарики, сдѣлала кровь слизистой, болѣзненной, во слѣдъ, конечно, и душа обезкровилась, стала слизистой, стала порождать нѣчто съ изъяномъ. Наши декаденты, стихи и прозу которыхъ нужно расшифровывать, перечтя геніальныхъ писателей, можетъ быть, убѣдились бы, что величайшая поэзія неразъединима съ величайшею ясностью, простотою. Художественные образы должны возникать мгновенно, безъ призыва. Великіе поэты творили, а подымающіеся за ними на цыпочки, декаденты, высиживаютъ анемичныхъ цыплятъ.

Перебивая не вполнѣ оцѣненныхъ писателей, нельзя не остановиться на В. И. Немировичъ-Данченко. Жаловаться, что его романы и повѣсти забыты, мы не можемъ: они хорошо расходятся и очень многіе читаютъ ихъ съ большимъ интересомъ. Но сравнивать ихъ успѣхъ съ успѣхомъ произведеній Горькаго, Андреева, мы, конечно, не рѣшимся, и, въ то же время, это писатель очень и очень талантливый, многосторонне раз-

витой, поразительно много видѣвшій и пережившій, онъ, въ своемъ родѣ, нашъ Куперъ; для него Кавказъ былъ тоже, что для Купера американскія степи. Богатство его, чисто восточной фантазіи, неистощимо. Всѣ его романы, повѣсти, путешествія, стихи, глубоко поэтичны, очень разнообразны, обвѣяны гуманностью; всюду онъ — писатель „послѣдней правды“. Самъ мистицизмъ, таящійся въ глубинѣ нѣкоторыхъ его романовъ, не переходитъ той линіи, за которой начинается толстовщина. Н. Данченко миновала скорбная чаша. Безстрашный корреспондентъ, не блѣднѣющій ни передъ какой опасностью, рыцарски благородный, передовой въ частной жизни, онъ остается такимъ же во всѣхъ своихъ прекрасныхъ, разнообразныхъ произведеніяхъ.

Отзывъ объ Андреевѣ

Успѣхъ Андреева, — какъ въ недавнемъ прошломъ, успѣхъ фабриканта стиховъ Надсона, — переходящій; анализирующее время, вкусъ, настоящая чуткая критика, возьмутъ свое. Вспомните, какъ до Бѣлинскаго, Кукольникъ ставился рядомъ съ Шекспиромъ, и самъ Гончаровъ, съумѣвшій такъ тонко понять „Горе отъ ума“, въ своей „Фрегатъ Палладѣ“ писалъ Бенедиктову, что его языкъ „богамъ равный“. Андреевъ до смертной тоски утомляетъ своимъ многословіемъ. Слова — одно изысканнѣе, вычурнѣе, ходульнѣе другого, просто корабкаются другъ на друга. Онъ тщетно ищетъ необыкновенно дѣйствующія на нервы положенія, за волосы, за ноги волокетъ всевозможнѣйшіе жупелы, и когда изъ надергиваній составится несуразная куча, онъ начинаетъ мастерить повѣсть, разсказъ. Читая его разсказы, прогуливаешься безцѣльно по госпиталямъ и сумасшедшимъ домамъ. У него холодное воображеніе, полное отсутствіе художественной мѣры, проникновенья, чутья, пониманья. Онъ нанизываетъ все черные бусы, блестящіе, выполированные. Онъ не достигаетъ своей цѣли: его жупелы не пугаютъ, но нестерпимо утомляютъ. Талантъ его невеликій, какъ невелики душа, умъ, а главное развитіе. Наши новые писатели стараются накрасть у старыхъ, великихъ писателей ихъ красивыя слова, выраженья, эффектныя положенья, и это имъ отчасти, удается. Но они не могутъ у нихъ похитить главнаго: ихъ духовной исполинской мощи, чувства, пониманья жизни, геніальнаго, художественнаго проникновенья. Наши великіе художники, коснувшись дна, омута жизни, вносили примиренье, теплый лучъ. Новые вносятъ одинъ сумбуръ. Между ними былъ одинъ, дѣйствительно замѣчательный художникъ: покойный Чеховъ — нашъ русскій Монпассанъ. Но и онъ, въ смыслѣ общечеловѣческаго развитія, былъ мало развитъ; кругозоръ его былъ крайне узокъ; за душой у него не было опредѣленнаго идеала, ясныхъ, свободныхъ, могучихъ принциповъ.

Андреевъ, кромѣ этого, ярый реакціонеръ: вникните поглубже въ „Саву;“ пессимизмъ его — пессимизмъ мертвой души, безцѣльный, ни на чемъ неосновательный. Онъ не годился бы даже быть гражданиномъ — писателемъ въ самой Персіи, даже и эта, не такъ давно приговоренная къ вырожденью, умиранью, исчезновенью, страна, начинаетъ пробуждаться.

Пессимизмъ Андреева просто чудовищенъ — всякій сильный писатель у насъ скорѣе рискуетъ впасть въ оптимизмъ, чуть не въ мистицизмъ. Мы пережили и переживаемъ время титанической борьбы, сказочнаго, легендарнаго героизма, и это только первое дѣйствіе колоссальной, исторической трагедіи. Самое великое, самое грозное, знаменательное у насъ впереди.

Намъ не нужны писатели мертвыхъ; погребальные факелы намъ только нужны для одного правительства. Очи настоящаго, великаго писателя должны быть раскрыты „какъ вѣщія зеницы у испуганной орлицы“ тогда какъ нашъ Андреевъ съ братіей, страдаютъ куриною слѣпотою.

Чтобы убѣдиться, до чего можетъ договориться писатель, всюду разыскивающій жупелы, нужно прочесть: „О воскресшемъ Лазарѣ“, носящемъ въ пустыхъ глазахъ тайну загробной жизни. Андреевъ одно упустилъ изъ виду: его чудодѣйственный, необыкновенно забавный Лазарь, познавъ тайну смерти, недолго бы таращилъ на всѣхъ свои пустые глаза, а выпивъ, въ минуту душевной тоски, нѣсколько бутылокъ палестинскаго вина, подъ хмѣлькомъ, навѣрное, проболтался бы.

1907 года,

Содержаніе

Гамлетъ 3

Шейлокъ 11

Король Лиръ 22

Ромео и Джульетта 29

Гіацинта Пеццана 35

Добролюбовъ 47

Біографія Грановскаго 62

Стихотворенія Всев. Крестовскаго 68

Афера доктора Хана 78

Сказки Лабуле 82

Одинъ въ полѣ не воинъ 88

Геркулесовскій подвигъ русскаго правительства 96

Анна Каренина 107

Донъ-Кихотизмъ 115

Романы Жоржъ-Занда 139

Замѣтка о Писаревѣ 152

Привалъ арестантовъ 159
Довольно и призраки Тургенева 162
Замѣтка о Гоголѣ 168
Могутъ ли быть честными людьми генералы ? 171
Размышленья по поводу казни Стюарта 177
Бѣглыя замѣтки 190
Процессъ Павленкова 206
Письмо консерватора къ Каткову 212
Двѣ встрѣчи 217
Памятникъ Пушкину 220
Поэзія беременности 226
Непрактическіе и практическіе люди 232
Нѣсколько словъ о романѣ „Новь“ 241
Реквіемъ 250
Письмо къ Тургеневу 253
Отрывокъ изъ статьи „Герой нашего времени“ 255
Достоевскій 257
Шинель 268
Лавры и Розы 276
Расплюевъ 286
Катковъ 298
Цвѣты холуйскаго краснорѣчія 310
Вольная пресса 323
Иванъ Аксаковъ 335
Вар. Зайцевъ 336
Слово возставшаго 340
Рѣчь Ламанскаго 348

Балъ въ Зимнемъ дворцѣ 352
* Фаустъ. 358
* Послѣднее слово оппортунизма 369
Апогей и Перигей 382
Теплое слово о предательствѣ 386
Немезида. 391
Московскій сборникъ К. П. Побѣдоносцева. 398
Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко. 405
Отзывъ объ Андреевѣ. 409

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3451
.A65
1910
kn.3